Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕ
Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЧĂВАШ ХАЛĂХ ИСТОРИЙĔПЕ КУЛЬТУРИН ÇИВĔЧ ЫЙТĂВĔСЕМ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

3-мĕш кăларăм

Выпуск 3

Шупашкар
2015

Чебоксары
2015

УДК 94 (470.344)
ББК 63.3 (2Рос.Чув)
Ч-12

Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук

Составитель и научный редактор ***Н.Г. Ильина***

ЧĂВАШ ХАЛĂХ ИСТОРИЙӖПЕ КУЛЬТУРИН ÇИВĔЧ ЫЙТĂВĔСЕМ: статьясен пуххи = **АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЧУВАШСКОГО НАРОДА**: сборник статей. — Вып. 3 / сост. и науч. ред. Н.Г. Ильина. – Чебоксары: ЧГИГН, 2015. — 304 с.

В сборник включены исследования сотрудников Чувашского государственного института гуманитарных наук по исторической, лингвистической, литературоведческой, социологической, фольклористической и этнологической отраслям знаний.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и др. — на всех, кто интересуется историей и культурой чувашского народа.

На обложке — воспроизведение литографии А. Федорова «Битва». Б., 43х36,8. 2005.

ISBN 978—5—87677—201—5

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Материалы, составляющие содержание очередного сборника «Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа», представляют собой теоретические и практические разработки по проблемам истории, этнологии, языкознания, литературоведения, социологии и искусствоведения.

Первый отраслевой блок «История» открывается статьей, посвященной одному из важнейших аспектов «гуннской проблемы», сохраняющих свою дискуссионность и сегодня, – вопросу о культурных параллелях сюнну, гуннов и предков чувашей. В другой статье рассмотрено уездное и провинциальное воеводское судопроизводство на территории Чувашии в 1727–1781 гг. Главное внимание автор уделил характеристике таких элементов судебной системы, как процедура расследования гражданских и уголовных дел, ход судебных процессов и вынесенные воеводами приговоры по «форме суда». В разделе «Этнология» проанализировано влияние межэтнических связей на культуру питания народов Поволжья, рассмотрена культура чувашей в аспекте этнической экологии. Раздел «Языкознание» знакомит читателя с тремя работами. В первой статье внимание акцентировано на вопросе классификации сложноподчиненных предложений по структурно-семантическому принципу, подробно исследованы сложные предложения с придаточными обстоятельственными; во второй – Национальный корпус чувашского языка изучен с помощью лексического поисковика в системе Java; в третьей автор показывает преимущества автоматической обработки текстов. В работе по литературоведению автор делится размышлениями о феномене чувашской культуры Ф. Павлове. В следующей статье этого же раздела получил отражение взгляд на творческий и жизненный путь первого народного поэта Н. Шелеби, дана оценка деятельности критика, педагога и теоретика искусства М. Федорова. Крупный отраслевой блок объединяет исследования в такой

отрасли гуманитарной науки, как социология. В них освещены следующие темы: языки общения в семьях молодых чувашей, проблемы изучения чувашской молодежи и её девиантного поведения, социально-демографическая и социально-профессиональная структуры населения региона, этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике. В раздел «Искусствоведение» включена обзорная статья о художественных выставках 2002—2004 гг. В данной работе объектом анализа стали также отдельные произведения, что помогает создать целостную картину искусства нашего времени. В конце издания есть рубрика «Научная жизнь», где вкратце освещена научная деятельность Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Н.Г. Ильина.

ГУННСКАЯ ПРОБЛЕМА И ВОПРОС О КУЛЬТУРНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ СЮННУ, ГУННОВ И ПРЕДКОВ ЧУВАШЕЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Е.М. Григорьев

Часть 2

Ключевые слова: *гуннская проблема, культурные параллели сюнну, гунну и предков чувашей.*

1. Одним из важнейших и сохраняющих свою дискуссионность аспектов «гуннской проблемы» является вопрос об исторических судьбах сюнну и гуннов, тесно связанный с поиском их возможных исторических «наследников». Последняя тема, наряду с сугубо научным интересом, приобрела ныне широкую актуальность в связи с наблюдающейся практически у всех народов бывшего СССР тенденцией к удревнению своей истории, при этом обязательно связанной с идеей выдающихся предков. «Аланский» этногенетический миф, вокруг которого кипят страсти на современном Кавказе, уже стал предметом рассмотрения в только что вышедшей монографии В.А. Шнирельмана[1], и очевидно, что пример аланов (которых считают своими предками и ираноязычные христиане – осетины, и тюркоязычные мусульмане – карачаевцы и балкарцы, а также относящиеся к северокавказской языковой семье чеченцы и ингуши)[2] далеко не единичен. Но всё это нисколько не умаляет научной важности вопроса о судьбе племен сюнну и гуннов после того, как они сошли с исторической арены.

Уже в XVIII в. появляются первые гипотезы относительно возможных потомков гуннов. Известный путешественник и естествоиспытатель П.С. Паллас высказал в 1776 г. догадку, что родственным гуннам народом являются современные калмыки[3]. Спустя некоторое время в пользу калмыков как наследников гуннов однозначно выступил Б. Бергман, аргументировав это, по преимуществу, этнографическими параллелями (обычай носить

Григорьев Евгений Михайлович — историк, г. Чебоксары.

* Продолжение. Начало статьи опубликовано в сборнике «Исследования по истории Чувашии и чувашского народа» (Вып. 5. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 3–58).

чуб на голове; традиция класть под седло мясо, затем употребляемое в пищу; распространение слухов о себе как о людоедах с целью устрашения врагов и т.п.)[4]. Неубедительность данных доводов, одна часть из которых ложна, а другая применима ко многим кочевым народам вне зависимости от этнической принадлежности, очевидна, тем более в отношении калмыков, достаточно поздно (в XVII в.) заселивших современную территорию проживания.

Ю. Клапрот считал, что потомками гуннов являются современные венгры, на что, по его мнению, указывают некоторые письменные источники, сходство обоих этнонимов, этимология гуннских слов и т.д.[5] Близка к этому и гипотеза о гуннском происхождении секлеров (секеев) – этнографической группы венгров, проживающей в Трансильвании (Румыния)[6]. Известный востоковед Н.И. Веселовский предположил, что потомков гуннов следует искать в современных башкирах[7]. Что же касается сюнну, по мнению советского филолога А.П. Дульзона, они являлись предками кетов[8]. Как видим, недостатка во мнениях нет, и некоторые из них обладают определенной доказательностью. Так, несомненно участие угорских элементов в культуре гуннов, равно как и существование венгерских преданий о происхождении их от гуннов; кеты же, язык которых считается «лингвистическим феноменом», до их переселения в низовья Енисея, датирующегося рубежом нашей эры (а это время начала первых переселений отдельных сюннуских родов), проживали на территории Южной Сибири, в низовьях Иртыша, Томи и Енисея[9], т.е. в непосредственной близости от сюнну.

Необходимо, однако, заметить, что мало кто из современных исследователей придерживается изложенных выше точек зрения, слабо согласующихся со всей совокупностью известных фактов. Наличие отдельных точек соприкосновения не означает факта преемственности. Так, из совпадения названий известных по китайским источникам монголоязычных татар, уничтоженных Чингисханом, и современных тюркоязычных татар Поволжья вовсе не следует, что первые и вторые были каким-либо образом связаны.

2. Даже приблизительное знакомство с обширной библиографией, посвященной сюнну и гуннам, показывает, что в XX в. в науке прочно утвердилась точка зрения, возводящая к потомкам гуннов современных чувашей. Сделаем две необходимые оговорки. Первое, практически никто из исследователей не считает гуннский компонент единственным или даже преобладающим в формировании чувашей[10]. Во-вторых, чаще всего речь идет о близости чувашского языка с языком гуннов, но опять-таки в

большинстве случаев ученые, прекрасно осознавая недостаточность фактического материала, воздерживаются от категорических и однозначных суждений насчет тождественности языков гуннов и предков чувашей. С учетом данных оговорок перейдем к историографическому обзору проблемы возможной родственности гуннов и чувашей, но прежде вкратце суммируем содержание предыдущих пунктов статьи, чтобы понять логику сторонников гунно-чувашской преемственности.

Как можно было убедиться, на данный момент в научной литературе явно доминирует тенденция, признающая родственность европейских гуннов и известных по китайским источникам сюнну. Это не означает их полной идентичности, поскольку миграция части сюнну из Центральной Азии через Семиречье, Приаралье, Южный Урал в степи Восточной Европы (при том, что маршрутов могло быть несколько) заняла не одно столетие и протекала не в вакууме, а на территории, заселенной многочисленными тюркскими, иранскими и угорскими племенами и народами. Всё это не могло не наложить отпечатка на сюнну, трансформация которых в гуннов привела к существенным изменениям в культуре и антропологическом типе. Уровень имеющейся в настоящее время в распоряжении ученых информации не позволяет дать точную этническую идентификационную дефиницию сюнну. Скорее всего, на мой взгляд, сюнну являлись тюркоязычным народом, находившимся в тесной связи с родственными (в рамках алтайской языковой семьи) монгольскими и, возможно, тунгусскими племенами. Так или иначе, появившиеся в Европе в конце IV – первой половине V в. н.э. гунны, представлявшие собой конгломерат разноязычных племен, основой своей имели народы тюркского происхождения, что привело в конечном счете к тюркизации Великой степи. Известно также, что значительная часть гуннских племен после распада державы Аттилы мигрировала на восток, осев на территории от Днепра до Северного Кавказа, после чего упоминания о гуннах в источниках исчезают. Такова в схематичном виде реконструкция событий, связанных с сюнну и гуннами. На основании этих выводов вычленяются следующие критерии, которые должны учитываться при поиске возможных потомков сюнну-гуннов: 1) центральноазиатское происхождение; 2) наличие в культуре и языке элементов, указывающих на связи со среднеазиатским миром; 3) наличие элементов, так или иначе связанных с юго-восточной окраиной Европы (Северный Кавказ, Волго-Донье); 4) следы взаимодействия с иранскими и угорскими народами и, наконец, 5) тюркская природа языка.

3. Нетрудно заметить, что чуваши в значительной степени отвечают этим критериям, и по мере того, как накапливались сведения о них, равно как и о центральноазиатских и европейских кочевниках, идея об их возможной связи должна была рано или поздно прозвучать.

Завершая в конце XIX в. свою монографию «Хунну и гунны» К.А. Иностранцев признал, что «трудно ответить в настоящее время на вопрос, который из современных нам турецких или финских народов в Восточной Европе является потомком грозного народа Аттилы». В качестве одной из догадок он высказал следующее: «Возможно также предполагать, что потомками их являются Чуваши»[11], язык которых, как он полагал со ссылкой на Н.А. Аристова[12], был тюркским, но испытавшим сильное влияние финно-угров (а именно в грамматических формах и фонетике, в то время как тюркскими признавались лексика и корни). Дело в том, что К.А. Иностранцев считал гуннов тюркоязычными сюнну, смешавшимися с финно-угорскими народами, так что чуваши, язык которых отразил-де следы этого процесса, вполне подпадали под определение наследников гуннов. Чувашский язык, разумеется, содержит финно-угорские элементы, но не настолько сильные и древние, чтобы рассматривать их как действенный аргумент в позиции ученого. Но направление, в котором двигалась мысль К.А. Иностранцева, оказалось плодотворным: именно специфика чувашского языка стимулировала почти все последующие гипотезы о чувашах как возможных преемниках гуннов.

Спустя два года после первой публикации монографии К.А. Иностранцева, в 1902 г. вышла в свет знаменитая работа Н.И. Ашмарина «Болгары и чуваши». Как видно из названия, выдающийся филолог ставил основной своей целью изучение вопроса о происхождении и языке волжских болгар и их отношении к современным чувашам. Проведенный им историко-лингвистический анализ позволил выявить очевидные связи между болгарами и гуннами. В частности, Н.И. Ашмарин солидаризировался с Й. Марквартом, который идентифицировал имя упоминающегося в дунайско-болгарском княжеском именнике[13] Ирника как сына Аттилы Эрнака, известного по другим письменным источникам. В свою очередь, наследовавший его Коурт является, по всей видимости, правителем Великой Болгарии Кувратом, племянником гуннского князя Органы[14]. Таким образом, как подчеркивает Н.И. Ашмарин, «первые исторические известия о болгарах неразрывно связывают имя этого народа с именем гуннов»[15]. Заметим, однако, что по данным именника первые два князя, Авитохол (не исключено, что Аттила) и Ирник, правили по 300 и 150 лет соответственно. Известно и то, что между эпохой

Аттилы и правлением Куврата лежит временной промежуток приблизительно в два столетия. Всё это не может не вызывать сомнений в выводе ученого о тесной связи болгар и гуннов на основании данных именника.

Гораздо больший интерес представляет проведенный Н.И. Ашмариным анализ соответствий гуннских слов в чувашском языке. В первую очередь, это касается слова «Var», означавшего у гуннов реку Днепр (Иордан. 269)[16]. Еще в 1897 г. венгерский филолог Б. Мункачи предположил, что «Var» является тюркским словом и принадлежит тем тюркским племенам в составе гуннов, «элементы языка которых попали в венгерский язык»[17]. Во всех других тюркских языках Днепр называется Озу или Узу (слова «узан», «озон», «узон», «оз» имеют значения «низменность, долина», «река», «русло» и т.п.)[18], и лишь в чувашском имеется полностью аналогичное «вар», среди значений которого «овраг», «лог», «дол», «глубокое, сухое русло ручья»[19]. Далее Н.И. Ашмарин касается этимологии имени Аттилы, соглашаясь с теми исследователями, что возводят его к тюркскому названию Волги – «Адил, Идил», чув. «Атăл». Появление глухого, а не звонкого согласного («т» вместо «д») в названии реки и имени гуннского правителя, по его мнению, может «объясняться звуковыми особенностями того тюркского наречия, откуда было взято это слово», а именно чувашского, «которое не имеет в числе своих звуков многих звонких согласных»[20]. Наконец, ученый приводит вполне удовлетворительную этимологию имени любимой жены Аттилы – Керки, сравнивая его с женским языческим именем у чувашей Хĕркке, от «хĕр» – девушка. Окончания на «-ке», равно как и другие производные от «хĕр», характерны для чувашских женских имен, что наталкивает на мысль об уместности их сравнения с Керкой[21]. Таковы основные наблюдения Н.И. Ашмарина, заставляющие говорить о вполне возможной связи современного чувашского языка с тем, на котором говорили гунны.

Работа Н.И. Ашмарина сразу после её публикации получила широкую известность в научной среде. Одним из первых ученых, откликнувшихся на ее выход, стал известный венгерский лингвист и этнограф Б. Мункачи, занимавшийся тем же кругом проблем, что и его чувашский коллега. В статье «Следы гуннского языка в венгерском словарном составе» (1901) он попытался выяснить, каким образом в венгерском языке появились заимствования, которые находят соответствия только в монгольском и маньчжурских языках. По его мнению, посредником выступил тюркский язык чувашского типа, из которого венгерский позаимствовал немалое количество слов (это было выяснено ещё Й. Буденцом)[22]. Также Б. Мункачи считал, что тюркские элемен-

ты в венгерском появились из языка племени угуров, куда входили болгары, хунугуры, сарагуры и др. Народом же, передавшим угурам монгольские элементы, являлись гунны[23].

Эта позиция прослеживается и в рецензии Б. Мункачи на работу Ашмарина, где он выразил сомнение по поводу этнической связи между гуннами и болгарами. Последние, по его мнению, лишь находились в политической зависимости от монголоязычных гуннов[24]. Поскольку возражений по поводу этимологии гуннских имен собственных, предложенной в «Болгарах и чувашах» (и частично следующей в русле идей самого Мункачи, см. выше о «Var»), венгерский ученый не высказал, закономерен вопрос: а как же быть с болгаро-чувашскими аналогиями именам Аттилы и Керки? Не вполне понятным является и то, почему монгольские заимствования от монголоязычных гуннов, безусловно, имевших непосредственные контакты с ранними венграми, попали к последним через посредство тюркоязычных проточувашских племен. Другой венгерский филолог З. Гомбоц заметил по этому поводу: «Предположение Мункачи о том, что мы имеем дело с гуннскими заимствованиями, попавшими в наш язык через тюркское посредство, само по себе заслуживает внимания. Однако дело в том, что спорный вопрос о тюркском или монгольском происхождении гуннов окончательно решен в пользу тюркского их генезиса, так что Мункачи является единственным ученым, утверждающим, что гунны были монголами»[25].

Золтан Гомбоц высказался по интересующей нас теме в другой своей статье – «Булгарская проблема и венгерское предание о гуннах» (1921)[26]. Изложим в тезисном виде основные положения работы: 1) большинство ранних тюркских заимствований в венгерском языке могло быть осуществлено только из древнечувашского языка (=языка волжских или кавказских булгар); 2) булгаризмы (=древнечувашизмы), присутствующие в языках волжских и пермских финно-угров, отражают более позднее состояние булгарского языка, нежели заимствования в венгерском, следовательно, контакты венгров с булгарами происходили на несколько веков ранее связей булгар с другими финно-уграми; 3) венгеро-древнечувашские контакты следует локализовать Кавказским регионом, где и проживали булгары до их миграции на Среднюю Волгу (V – нач. VII в.); об этом же говорят данные геоботаники (термины виноградарства позаимствованы венграми от булгар, а виноград – южная культура); 4) распространенные среди венгров предания об их гуннском происхождении имеют гунно-болгарское происхождение. Именно гунно-булгаро-тюркская верхушка явилась «главной организующей силой среди венгров» в момент их переселения на современную территорию проживания,

она же принесла с собой и сделала «венгерской национальной традицией веру в родство с гуннами, представление об их тождестве»[27]. При этом З. Гомбоц подчеркивает тюркоязычность гуннов и являвшихся их составной частью булгар[28]. Если рассматривать всю цепь рассуждений венгерского исследователя, очевидной предстает тесная взаимосвязь гуннов и говоривших на древнечувашском языке булгар, рассматривавших себя наследниками Аттилы и передавших венграм, наряду с немалым количеством слов, представление об их тождестве с гуннами.

Между тем в середине 1920-х гг. появляется цикл работ известного советского (впоследствии – преподавателя университета г. Сиэтла) лингвиста Н.Н. Поппе, который, хотя и не содержал прямых указаний по поводу отношения чувашского языка к языкам сюнну и гуннов, послужил очередным стимулом для разысканий в данном направлении. В исследовании «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам» (1924–1925) он приходит к выводу, что чувашский язык имеет «много общего с тюркскими диалектами, а также много общих черт с монгольским языком» (с последним в первую очередь явления ротацизма и ламбдаизма), а также обладает «рядом особенностей, свойственных только ему». Отсюда следует, что его нельзя включать в состав обеих языковых групп, а стоит, вместе с родственным ему булгарским языком, причислить к алтайским языкам «как совершенно независимый язык, находящийся в очень близком родстве с тюркскими диалектами и с монгольским языком»[29]. В другой своей работе, «О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков» (1925), Н.Н. Поппе развил эти положения далее: «Будучи тюркоидным алтайским языком, чувашский язык... стоит на гораздо более древней ступени развития, чем все тюркские наречия, из чего мы можем заключить, что чувашский язык отделился от общего языка-предка до распада общетюркского языка, т.е. в дотюркскую эпоху. Поэтому когда общетюркский язык представлял собою ещё более или менее единый язык, чувашский (древнечувашский) язык уже шел своими путями развития»[30]. Наконец, в изданной в 1927 г. брошюре «Чуваши и их соседи» Н.Н. Поппе высказался и о булгаро-венгерских контактах, датировав их периодом «не позже VI ст. нашей эры» и локализовав в Кубанско-Донской области[31]. Стоит сказать, что во всех указанных работах Н.Н. Поппе преемником языка волжских булгар признает современный чувашский[32] и, как следствие, пишет о первых как о «предках чувашей»[33].

Труды Н.Н. Поппе вызвали широкий резонанс в научной среде, приковав внимание различных ученых к проблеме специфики чувашского языка и его особого положения в алтайской язы-

ковой семье. Современники свидетельствуют, что «во время происходивших по этому вопросу в Ленинграде споров Поппе соглашался признать чувашский язык турецким, но остатком более древней стадии языка, когда монгольский уже успел отделиться, но еще не определились характерные свойства ныне известных письменных и живых турецких наречий»[34]. Внимательно следивший за всей новейшей литературой, в той или иной степени касающейся истории Востока, великий русский ориенталист В.В. Бартольд уже в 1926 г., ознакомясь с результатом изысканий Н.Н. Поппе, подчеркнул: «Этот вывод (о глубокой архаичности чувашского языка, предшествующей окончательному обособлению тюркских языков. – *Е.Г.*), если он будет окончательно принят наукой, может иметь большое значение для историка»[35]. А именно: «Исторические факты заставляют полагать, что если чувашский язык представляет остаток более ранней стадии развития турецкого языка, то на этой стадии находился язык хуннов, который, следовательно, не был турецким в том смысле, как теперь обыкновенно понимают это слово, т.е. не тем языком, на котором говорят теперь все турецкие народности, кроме якутов и чувашей. Этот язык, вероятно, был принесен хуннами далеко на запад, и остатки его имеются во всех языках, прямо или косвенно связанных с движением хуннов, до турецких элементов в венгерском языке включительно»[36] (которые, как мы знаем, имеют древнечувашское происхождение).

В своих последующих работах В.В. Бартольд последовательно продолжал придерживаться этой же позиции. Указывая на важность исследований Поппе, он приходил к логичному выводу, что «предки чувашей пришли в Европу до прибытия настоящих турок, т.е. турок VI в. При таких условиях, возможно, что языком хуннов, вопреки мнению Пельо[37], был не монгольский, а тот язык, от которого происходит чувашский. В пользу этого мнения говорит и сходство турецких элементов в венгерском языке с чувашским»[38]. Наконец, в энциклопедической статье «Тюрки» Бартольд, резюмируя лингвистические данные, пишет о том, что «исторически разделение чувашско-тюркского праязыка связывается, с оговорками, с переселением хуннских племен на запад; чуваши являются потомками западных хуннов; следовательно, чувашско-пратюркский праязык был языком хуннов»[39]. Именно эти положения В.В. Бартольда позволяют говорить о нем как о первом историке, выдвинувшем гипотезу сюнно-гунно-чувашской преемственности. Тот безусловный авторитет, которым пользовалось имя этого ученого в российской и мировой науке, способствовал широкому распространению этой гипотезы.

Так, У.М. Макговерн в монографии «Ранние империи Центральной Азии» (1939), давая историографическую сводку материалов о языках сюнну и гуннов, склоняется к мнению, что сюнну говорили на каком-то из тюркских языков, относящемся к «ранней и весьма специфичной» их форме[40]. Далее он останавливается на «особой природе чувашского языка», отвергает точку зрения А. Вамбери и др. о сильном финно-угорском влиянии на чувашский и предлагает считать чувашей «прямыми потомками гуннов», а болгар и хазар – народами, скорее всего говорившими на «чувашско-гуннском» языке[41]. К аналогичной точке зрения склонялся и А.Н. Бернштам, полагавший, что «варварский язык гуннов» был «языком тюркской системы» и преобладающим положением в полиэтничной гуннской державе пользовался «один из тюркских языков... в силу этнического происхождения политической верхушки гуннов. Язык этой знати, несомненно, был отличен по своему лексическому составу от тех языков тюркской системы, которые были распространены на Востоке (например, в Средней Азии) и которые мы знаем по современным данным»[42]. Опираясь на современную информацию, можно говорить, что таким тюркским языком мог быть лишь язык болгаро-огурской группы. Справедливости ради отметим, что А.Н. Бернштам придерживался той откровенно маргинальной точки зрения, согласно которой «дунайские и волжские болгары – автохтонные образования»[43]. Возвращаясь к нашей теме, стоит сказать, что автор «Очерка истории гуннов» упомянул чувашей, когда писал о части племен, сохранивших «у себя пережитки старого строя времени гуннского племенного союза. Таким обществом для Востока являются якуты. На юге России последствием гунно-аварского периода (аналогичного дотюркскому периоду Центральной Азии) оставались, например, чуваши»[44]. Никаких конкретных фактов, иллюстрирующих это достаточно маловразумительное положение, А.Н. Бернштам не привел.

Между тем в 1950–1960-х гг. появляются очередные лингвистические и исторические работы, в которых рассматривались центральноазиатские корни чувашского языка. Большую роль в появлении целого ряда исследований по ранней истории чувашей сыграли проведенные 30–31 января 1950 г. и 21–22 мая 1956 г. научные сессии в Москве и Чебоксарах, посвященные вопросам истории чувашского народа (сессия 1956 г. была специально посвящена проблеме этногенеза)[45]. И если на первой сессии возобладали сторонники автохтонной теории происхождения чувашей, то в 1956 г. большинство признало решающим компонентом в формировании народа пришлый, связанный с тюркоязычными болгарскими племенами (при бесспорном участии мест-

ного, финно-угорского). На последней сессии прозвучал, помимо прочих, призыв «поближе заняться гунно-болгарскими проблемами далекого прошлого в истории чуваш, а не увиливать от таких вопросов, прикрываясь автохтонными разговорами»[46].

Важное место в отстаивании по преимуществу тюркской природы чувашского языка занимали лингвистические данные. Даже склонявшийся в одно время к автохтонной теории известный чувашский филолог В.Г. Егоров, отмечая общие явления в чувашском и монгольском языках, объяснял их «или какими-то неизвестными нам доисторическими встречами чуваш с монголами», или «древнейшим гунно-болгарским наследством»[47]. Член-корреспондент АН СССР, советский лингвист Б.А. Серебренников, посвятивший чувашскому языку множество статей, выступая на сессии 1956 г., отреагировал на фразу о «гунно-болгарском наследстве» сдержанно, считая, что «вряд ли когда-либо тюркологическая наука решит чрезвычайно запутанный вопрос о языке гуннов»[48]. Вместо этого ученый предлагал выдвинуть «более обобщающую гипотезу о первоначальном местонахождении тюркского этнического компонента чуваш в районе Байкальского озера и вести в этом направлении исследования»[49]. По мнению Б.А. Серебренникова «распадение общетюркского языка в основном совершилось, несомненно, на территории Азии: один из этих вновь образовавшихся тюркских языков, предок современного чувашского языка, находился, по-видимому, где-то в районе Байкальского озера, по соседству с какими-то монгольскими языками»[50]. На это опять-таки указывали чувашско-монгольские языковые связи. По сути дела, оставляя мнение о родственности сюнну, гуннов и чувашей как труднодоказуемое, Б.А. Серебренников в то же время предлагал искать тюркоязычных предков чувашского народа на территории, где проживали сюнну. «В дальнейшем, – писал ученый, – носители этого тюркского языка какой-то мощной волной переселения народов были оттеснены в Европу и обосновались на нижнем течении Волги», где впоследствии распались «на два языка – булгарский и хазарский»[51]. Связи и соотношение этих племен с гуннами Б.А. Серебренников не рассматривал. Зато о «если не прямом родстве, то длительном сосуществовании чуваш с гуннами» заявил другой участник сессии 1956 г. историк И.Д. Кузнецов. Правда, аргументы он привел лингвистические, указав на многочисленные чувашские слова и антропонимы с корнем «хун», которые объединяет значение «размножение, расположение живого, доброго, кровно близкого»[52].

Определенный интерес для нашей темы представляют монографии известного советского тюрколога Н.А. Баскакова. В предложенной им классификации тюркских языков, получившей ши-

рокое признание среди специалистов, все они делятся на две ветви: западнохуннскую и восточнохуннскую. Чувашский язык, наряду с древними языками булгар (носители языка – булгары, сувары, авары) и хазар, занимает в ней место в булгарской группе[53]. Исследователь соглашается с мнением В.В. Бартольда, предлагая видеть в «сохранивших древний строй языка чувашах» современных потомков западных хунну[54]. На это указывает и то, что «западная ветвь хуннов, позже государство Аттилы, характеризуется наличием целого ряда племен: огуров, кутур/хутур/отур-огуров, шара/сарагуров и других племен, названия которых характеризуют отчасти и их язык, отличающийся от всех современных тюркских языков, кроме чувашского, ламбдаизмом... и ротацизмом»[55].

Сделанные к середине XX в. успехи лингвистов в изучении специфики и ранних этапов становления чувашского языка создали основательную фактическую базу, прояснявшую характер отношения современных чувашей к древним тюркоязычным общностям. В.В. Бартольд в 1920-х гг. стал первым историком, предположившим наличие связей между племенами сюнну, гуннами и чувашами. Начиная с 1950-х гг. это убеждение переходит рамки тюркологической филологической науки и становится достаточно распространенным и в среде историков, несколько расширяющих в своей аргументации источниковую базу.

4. Последовательным сторонником языковой и этнокультурной преемственности сюнну, гуннов и чувашей являлся выдающийся русский историк и этнолог Л.Н. Гумилев. В известной монографии «Хунну» (1960) он присоединяется к мнению тех ученых, которые считают чувашей «наследниками гуннского языка», и связывает миграцию огуроязычных булгар на запад с приходом хуннов в Восточную Европу в первой половине I тысячелетия н.э.[56] В статье «Некоторые вопросы истории хуннов» (1960) исследователь, со ссылками на В.В. Бартольда и Б.А. Серебренникова, вновь выражает согласие с языковой родственностью сюнну и чувашей[57] и, наконец, в изданной в 1989 г. работе «Хунны в Азии и Европе» подчеркивает, что «поскольку чувашский принадлежит к наиболее архаичным тюркским языкам, сопоставление его с гуннским правдоподобно»[58].

Значительный интерес представляет коллективная статья Л.Н. Гумилева, Т.А. Крюковой и М.Ф. Хвана «Китайские письмена на чувашской рубахе»[59]. Известные ленинградские ученые – историк, этнограф и филолог-китаист – объединили свои усилия, предложив оригинальную трактовку композиции орнамента рубахи чувашской невесты XVIII в., хранящейся в Российском этнографическом музее, с рисунками, напоминающими китайские

иероглифы[60]. Эти рисунки, подчеркивают авторы, «помимо функции чисто декоративных элементов, очевидно, выполняли роль магических символов»[61]. Разложив всю композицию рисунков, имеющих, как оказалось, фаллическую символику, ученые пришли к выводу, что она представляет собой связный текст: «Он (жених, возлюбленный) стремится к ней (стрела положена на лук и нацелена к центру большого ромба). Он и она встретились. Он жаждет ее любви (стрела натянута на тетиву). И они слились (стрела попала в цель)».

«Такое повествовательное письмо, – подчеркивается в статье, – типичное женское. Оно выполняет и магическую функцию, т.е. выражает исполнение желания девушки. Интересно и то, что во всех розетках – в ромбиках и звездочках – имеются скрещенные черточки (полоски нашивки) в виде андреевского креста (буквы «Х»)»[62]. Причем одна черточка красная, а другая зеленая, что символизирует взаимную любовь и неразрывные брачные узы.

Всё это, по мысли Л.Н. Гумилева, служит подтверждением прямой связи сюнну, гуннов и чувашей, а «публикуемый орнамент оказывается памятником былой связи и соседства предков чувашей с предками китайцев. Он символизирует грандиозный путь древней культурной традиции, носителем которой является чувашский народ»[63]. Подобная интерпретация, выполненная в вошедшем в моду с рубежа 1950–1960-х гг. семиотическом методе, бесспорно, любопытна и может послужить одним из доказательств мнения В.В. Бартольда и Л.Н. Гумилева. Отметим здесь, что о параллелях с типом сюннской одежды и принципам её кроя среди тюркоязычных народов Средней Азии, а также чувашей и башкир упоминает и Л.Л. Викторова[64]. В последующем из историков о гуннском языке, «явившемся предком болгарского и хазарского языков, основные признаки которых доныне сохранились в языке чувашского народа»[65], писали М.И. Артамонов, а также Я.А. и Г.С. Федоровы, соглашавшиеся с тем, что «родственные между собой племенные группы и народности “гуннского” круга» говорили на тюркских Р–Л-языках, реликтом коих и является современный чувашский[66].

Большой вклад в исследование проблем этногенеза чувашей внес известный историк и археолог В.Ф. Каховский. Среди прочих интересовал его вопрос и об отношении современных чувашей к сюнну и гуннам, чему посвящено немало страниц в монографии «Происхождение чувашского народа». Ученый был далек от однозначного отождествления всех этих народов, но при этом полагал, что «древнейшие тюркоязычные предки чувашей имели генетическую связь с прототюркскими племенами хуннов»[67]. В подтверждение этого он приводит огромное количество фактов, до-

казывающих наличие следов древних связей предков чуваш с Китаем: народные предания, языковые данные, этнографические параллели (тамги как аналог иероглифов, сходство вышивки и др.), пентатонный лад чувашской и китайской музыки и т.д.[68] Сходство некоторых явлений и слов в языках монголов и чувашей объясняется В.Ф. Каховским тем, что предки обоих народов входили в последние века до нашей эры в состав сюннского союза[69]. В то же время непосредственными предками чувашей исследователь считал племена чеши и суваров, которые «в составе западных хуннов во II в. н.э. компактной массой переселились в Восточную Европу»[70]. Неудивительно потому, что между предками чувашского народа и гуннами имелись «тесные историко-этнические связи», о чем говорит и сходство гуннских и чувашских имен (Аттила – Адила, Ирнак – Эрнук, Элак – Еляк и т.п.)[71]. При этом В.Ф. Каховский приводит мнение русского историка начала XX в. С.М. Середонина, видевшего в болгарах потомков гуннов: «Можно ли, однако, считать, что эти болгарские орды VI–VII вв. потомки гуннов?... Полагаю, да, т.е., что под этими именами скрываются тюркские народности, известные нам под именем гуннов... Свидетельства Иордана и китайские с несомненностью устанавливают факт пребывания в V и VI веках над Черным морем гиунг-ну, т.е. гуннов; едва ли будет правильно полагать, что гунны исчезли бесследно, растаяли: гуннская орда не могла быть незначительна, раз она владычествовала над столькими народами»[72]. Поскольку же болгары, что общепризнанно, являлись непосредственными предками чувашского народа, то историческая и генетическая связь между последними и гуннами (через них – с сюнну) устанавливается окончательно.

Согласие с некоторыми выводами В.Ф. Каховского выразил и его учитель, видный советский археолог А.П. Смирнов, обративший внимание на сходство орнаментации керамики сюннского Нижневолгинского городища с волжско-булгарской (проведенные широким резцом линейные узоры, крутая волна, сетка из перекрещивающихся косых линий, спиральный узор в верхней части сосуда и др.), наличие отогнутых венчиков с уступами в сюннских и болгарских древностях и т.д. В связи с этим он полагал возможным присутствие ряда гуннских элементов в культуре Волжской Болгарии, рассматривая в качестве возможных посредников савиров, входивших в состав гуннов[73].

Таким образом, в течение 1960–1970-х гг. мнение о наличии определенных связей между сюнну, гуннами и чувашами приобретает значительное число сторонников в исторической науке. К имеющимся лингвистическим данным добавляются выявленные этнографические параллели, аналогии в археологическом ма-

териале, предпринимаются попытки привлечения других источников, могущих пролить свет на данную проблему (вплоть до некоторых народных преданий, возводящих прародину чувашей к Китаю)[74].

5. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что по-прежнему основным источником пополнения фактического материала, свидетельствующего о родственности сюнну, гуннов и чувашского народа, остаются данные лингвистики. Изучение истории и связей чувашского языка, являющееся одной из ключевых тем не только тюркологии, но и урало-алтаистики в целом, так или иначе выводило исследователей на проблемы, связанные с этногенезом самого народа и его соотношения с древнейшими тюркоязычными общностями и в первую очередь с сюнну/гуннами и огурскими племенами. Именно в этом причина столь пристального внимания филологов к интересующему нас вопросу.

Лингвистическая литература последней трети XX в. характеризуется дальнейшей конкретизацией и углублением тех положений и выводов, которые были сделаны предшествующими поколениями ученых. Суммируя, их можно свести к следующим тезисам: 1) чувашский язык является единственным из ныне существующих тюркских языков, отразивших наиболее архаичные черты той эпохи, когда ещё не произошло окончательного распада тюркской группы и поддерживались оживленные языковые и этнические контакты с другими группами алтайской семьи (монгольской и тунгусо-маньчжурской); 2) окончательное сложение огуро-болгарской (Р—Л) группы языков, на которой говорили проточуваши, происходит во время существования держав сюнну и гуннов и, по всей видимости, в рамках этих политических объединений; 3) вне зависимости от того, являлись ли предки чувашей непосредственными потомками сюнну и гуннов, тесные взаимоотношения между этими народами не могут быть поставлены под сомнение; 4) преобладающим или одним из основных языков, использовавшихся в рядах гуннского союза племен, являлся язык древнечувашского типа; 5) наличие определенных связей между сюнну, гуннами и предками чувашей доказывается характером раннетюркских заимствований в венгерском языке. Наконец, вся совокупность данных фактов вполне позволяет, при всех оговорках (необязательное соответствие этно- и глоттогенеза и т.п.), предполагать, что именно в чувашах следует видеть наиболее вероятных потомков гуннов. Такова в общих чертах схема, которая была сформулирована в трудах ученых-филологов конца XIX — середины XX в. Дальнейшие изыскания позволили ещё более насытить её фактической основой.

Так, в ряде статей и монографий Г.Е. Корнилова были затронуты такие аспекты, как гунно-булгарское происхождение некоторых топонимов в бассейнах Дона и Дуная (Тилеорманский лес, р. Тилеорман – от булг.-чув. «тилĕ» – лиса + «вăрман» – лес; р. Ворона в Крыму – от гунн.-чув. «варан» – долина, река, дол, булг. «варан»)[75], центральноазиатское происхождение тюркских предков чувашей (на материале «древнечувашизмов» в самодийском языке камасинцев и тунгусо-маньчжурском языке эвенкийцев)[76], гунно-булгаро-чувашско-северокавказские лексические параллели[77], наличие ряда чувашских антропонимов, своим происхождением обязанных венгерскому языку[78] и т.д. Н.З. Гаджиева и Б.А. Серебренников указали на явно «неслучайный» факт сходства и системности в образовании времен в чувашском языке и северных и восточных говорах Азербайджана[79], а, как известно, Гунно-сабирское царство располагалось именно на территории, прилегающей к современному Азербайджану[80]. Японский лингвист С. Хаттори в работе, посвященной формированию чувашского и татарского языков, пришел к выводу, что «чувашские племена, возможно, являются одной из ветвей прямых потомков гуннов, давших толчок к 70-м годам IV в. к “Великому переселению народов” и в конце V в. сошедших с исторической арены»[81].

Значительный интерес представляет работа немецкого филолога К.Г. Менгеса «Восточные элементы в “Слове о полку Игореве”», лингвистическая составляющая которой органично сочетается с чисто исторической, поскольку выявлению и анализу ориентализмов в знаменитом памятнике древнерусской литературы предшествует обстоятельный очерк о ранней истории славян и, в частности, их взаимоотношений со степными народами. Согласно К.Г. Менгесу, остатки гуннов после падения державы Аттилы рассеялись по территории между Днепром и Уралом, причем преобладали среди них племена, в название которых входят «гуры», «гиры» (котригуры, кутригуры, кутургуры, сарагуры, утигуры, возможно, сабиры и проч.)[82]. Тесно связаны с ними и булгары, которые «находились вместе с гуннскими племенами и, кажется, сформировались как их часть»[83]. В результате последовавшего в VII в. разделения болгарских племен одни из них ушли на Дунай, где к X в. славянизировались, другие же в VII–VIII вв. мигрировали на Среднюю Волгу. Та их часть, которая была тюркизирована (=кыпчакизирована) в золотоордынский период, вошла в состав волжских татар; другая сохранилась «в современных чувашах, представляющих собою, вероятно, последние остатки древних алтайских булгар и гуннов»[84]. В другом месте своей работы К.Г. Менгес вновь подчеркнул, что «несомненно, некоторые остатки языка гуннов сохранялись в протоволжскобулгар-

ском языке и в его позднейшем историческом наследнике – чувашском»[85]. Помимо этого, немецкий исследователь указывал на возможные следы гунно-булгарских слов (проточувашизмов) в славянских языках, нашедшие отражение в «Слове о полку Игореве»[86].

Среди работ последних десятилетий, в большей или меньшей степени затрагивающих сюнно-гунно-чувашскую проблематику, следует отметить исследования М.Р. Федотова, А. Рона-Таша, Н.И. Егорова и В.П. Яйленко. Известным чувашским тюркологом М.Р. Федотовым в его научной трилогии, посвященной месту чувашского языка в алтайской семье, был высказан целый ряд ценных замечаний по нашей теме: относительно этимологии разбиравшихся ещё Н.И. Ашмариным гуннских слов и их чувашских соответствий[87], наличия тюркской ротации в гидронимике Северной Монголии[88], историографии вопроса об истоках тюркского Р–Л-языка и его отношении к сюнну[89] и т.д.

Аналогичный характер в отношении рассматриваемой здесь темы носят публикации современного венгерского филолога А. Рона-Таша, который не занимался специально проблемой родственности сюнну/гуннов и чувашей (и не придерживался «гуннской» теории происхождения чувашей), но сделал множество интересных предположений, связанных с нею. Таково, к примеру, выявленное им соответствие тюрко-монгольских и раннетюрко-венгерских заимствований: 1) связь их с языком чувашского типа; 2) их характер, связанный со скотоводческо-земледельческой лексикой, что заставляет предполагать воздействие одной и той же тюркской культуры[90], причем находящейся на более высоком уровне развития, предполагающей зависимое положение монголов и венгров при контактах; это, как представляется, может служить свидетельством присутствия в среде сюнну и гуннов носителей проточувашского языка, если не идентичности их всех. В другой своей работе лингвистический анализ одного чувашского слова («мăнă») приводит А. Рона-Таша к мнению, что чуваши пришли с мест, где было возможным заимствование китайских слов[91].

Активно проблемами этнолингвогенеза огурских племен занимается Н.И. Егоров, четко разграничивающий огуров (предков чувашей) от сюнну и гуннов: последние, судя по работам ученого, периодически (сюнну на рубеже нашей эры, гунны – на рубеже III–IV вв.) выступают в качестве мощной силы, экспансия которых приводит к миграциям огурского (позднее – оногуро-сабирского) населения на запад[92]. Тем не менее выделившиеся из оногуро-сабирских племен болгары входили в состав гуннской державы (как входили в государство сюнну остав-

шиеся в Центральной Азии огуры)[93], где получили «богатый опыт государственно-политического обустройства раннефеодального общества»[94].

Немалый интерес представляют работы московского исследователя В.П. Яйленко, который в 1987 г. предложил свой вариант прочтения надписи на мраморной колонне, найденной на территории знаменитого городища Гермонассы-Кесареи-Тмуторакани-Таматархи (Тамань), датированной V в. н.э.: «Господи, помоги рабам – виноградарям твоим семерым, помилуй их и поминай вместе со святыми. В году семьсот... и месяце ксантике. Сочлены же фиаса суть: Дуджагас (сын) Савагаска, (?) Оримаг Даппаейс, Трофим Омар, Салдих Мидах, Тобулгаейс Аттаейс, Малдаг Кандиджис, Алма (- -)ксис Севраг. - - Аминь»[95]. Имена, представленные в надписи, имеют как сармато-аланское, так и гуннское происхождение (факт присутствия гуннов в Приазовье в V в. бесспорен). По мнению В.П. Яйленко, этот именник содержит материал, «интересный для истории языка и антропонимики приазовских гуннов-болгар и их потомков чувашей»[96]. Представленные в надписи имена (Аттаейс, Севраг, Малдаг, Мидах и др.) содержат параллели в чувашском антропонимиконе, чувашский характер имеет и двойное обозначение лиц: родовым именем («тавраш») и прозвищем («хошамат»). Наконец, надпись предоставляет интересную информацию по исторической фонетике булгаро-чувашского языка[97]. Всё это служит подтверждением гунно-чувашской родственности, хотя, в принципе, может толковаться и как очередное доказательство болгаро-чувашской преемственности.

Наконец, следует сказать о работе С.Р. Малютина, посвященной хуннской эпохе этногенеза чувашского народа[98]. Работа состоит из нескольких глав, большая часть из которых представляет изложение истории и культуры племен сюнну. Особо выделяется заключительная часть, где доказывается тезис об исторической преемственности сюнну и чувашей. Специфика позиции С.Р. Малютина среди прочих сторонников сюнно-гунно-чувашской преемственности заключается в отрицании им родства волжских булгар с современными чувашами на том основании, что ротацированная природа волжскобулгарского языка недоказуема и маловероятна[99]. Получается, что привычная схема «сюнну – гунны – волжские болгары – чуваши» не соответствует действительности, и вместо нее автор предлагает считать чувашей непосредственными потомками западных сюнну («хунны – чуваши») и единственными носителями Р-языка. При этом хуннскую (проточувашскую) эпоху С.Р. Малютин полагает возможной завершать рубежом нашей эры, после чего «начинается собственная исто-

рия чувашского этноса»[100]. Прямолинейность и уровень аргументации данной работы встретили ряд негативных оценок со стороны специалистов[101].

В завершение обзора литературы, посвященной связям сюнну, гуннов и чувашей, вкратце хотелось бы указать на некоторые музыковедческие работы, имеющие отношение к теме. Ещё в 1920-х гг. чувашский композитор Ф.П. Павлов в статье «Чувашская музыка» предположил, что чувашская пентатонная гамма сходна с китайской и была напрямую заимствована предками чувашей, которые «в древнейшие времена жили в соседстве с Китаем»[102]. В других своих очерках Ф.П. Павлов напрямую указал на китайские влияния в чувашской музыке (помимо пентатоники, также появление гуслей и т.д.) как на результат контактов с Китаем предков чувашей – гуннов[103]. Использовал музыковедческий материал для доказательства связей предков чувашей с Китаем и В.Ф. Каховский[104]. Безусловный интерес представляют выявленные параллели в музыкальной культуре чувашского, венгерского и болгарского народов (З. Кодай, Л. Викар, Н. Кауфман и др.), а также специально посвященная музыке древних предков чувашей статья М.Г. Кондратьева[105]. Все работы этого плана дополняют и хорошо коррелируют с лингвистическими и историческими исследованиями на тему этнокультурных связей между сюнну, гуннами и чувашами в той части, что касается близости территории проживания тюркоязычных предков чувашей с Китаем и наличия параллелей в культурах чувашского, венгерского и болгарского народов.

Подведем итоги.

1. Знакомство и анализ научной литературы показывают, что на сегодняшний момент среди ученых различных специальностей заметно преобладают сторонники того мнения, что европейские гунны являются родственным народом в отношении центральноазиатских сюнну. В то же время признание их наследственности не означает признания их полной тождественности. Длительный и разбивающийся на несколько этапов процесс миграции на запад части северо-сюннских племен охватил значительные пространства Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Приуралья, населенные многочисленными тюркскими, иранскими, угорскими племенами. Всё это не могло не отразиться на культуре, языке и антропологическом типе мигрантов, что и объясняет существенную разницу между сюнну и гуннами. Однако есть веские основания полагать, что сюнну в процессе их трансформации в гуннов удалось сохранить свой этноним, отдельные элементы материальной культуры (котлы, детали вооружения и проч.) и, возможно, часть языкового наследия.

2. До сих пор не получил окончательного разрешения вопрос об этнической принадлежности сюнну и гуннов; по каждой из этих проблем имеется несколько альтернативных точек зрения. Сложность их, в значительной степени, объясняется недостаточностью имеющегося языкового материала и единодушием в определении характера сюннской и гуннской держав как полиэтничных политических образований. Из имеющихся гипотез ведущими являются «монгольская» и «тюркская» идентификации сюнну, а также мнение о тюркоязычном характере преобладающей массы гуннов. Как представляется, наибольшей доказательной базой, учитывающей совокупность целого комплекса источников, обладают всё же ученые, настаивающие на доминантном характере тюркских языков в обоих племенных объединениях.

3. Столь же дискуссионный характер представляет и проблема исторической и этнокультурной преемственности сюнну/гуннов с каким-либо из ныне существующих народов. В течение XVIII–XX вв. было высказано множество гипотез, в которых потомками этих племен выступали калмыки, венгры, башкиры, кеты и др. Однако даже беглый обзор научной литературы последнего столетия демонстрирует, что наиболее предпочтительной выглядит связь сюнну/гуннов с современными чувашами. В большей степени об этом свидетельствуют данные лингвистики, показывающие заметную близость языка (этнонимики, антропонимики, топонимики и т.д.) гуннов к огуро-болгарской группе языков, единственным живым представителем которого является чувашский язык; в меньшей степени – культурно-этнографические параллели. Немаловажно и то, что возможная связь тюркоязычных предков чувашей с сюнну и гуннами не находится в противоречии с логикой исторических событий, происходивших на пространстве евразийских степей в конце I тысячелетия до н.э. – середине I тысячелетия н.э. Означает ли это признание бесспорной и непосредственной родственности сюнну/гуннов и чувашей? Материал, которым располагает на данный момент наука, не позволяет дать точного утвердительного ответа. Гораздо меньше сомнений вызывает факт присутствия и участия тюркских предков чувашей в составе сюннских и гуннских племенных объединений. Пока же затруднительно сказать, когда будет окончательно разрешен вопрос о «наследниках» сюнну и гуннов. Очевидно, лишь дальнейшие комплексные (археологические, антропологические, лингвистические, этнографические) исследования на территории Чувашии и на всем ареале возможных мест проживания исчезнувших народов сюнну и гуннов помогут нам приблизиться к разрешению данной проблемы.

Литература и примечания

[1] *Шнирельман В.А.* Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.

[2] Там же. С. 565–567.

[3] *Иностранцев К.* Хунну и гунну (Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и взаимных отношениях этих двух народов). Л., 1926. С. 18.

[4] Там же. С. 19–20.

[5] Там же. С. 63–64.

[6] Там же. С. 69, 118. Об этногенезе секеев см. переведенные Ю. Дмитриевой статьи Д. Дёрфи (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 821. Инв. №13088).

[7] *Иностранцев К.* Указ. соч. С. 118.

[8] *Дульзон А.П.* Гунны и кеты: к вопросу об этногенезе по языковым данным // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1968. № 11, вып. 3. С. 137–142.

[9] См.: Народы Западной Сибири: ханты, манси, селькупы, ненцы, энцы, нганасаны, кеты. М., 2005. С. 633, 641–642. О влиянии южносибирских и центральноазиатских культур на некоторые детали одежды см.: Там же. С. 678.

[10] Особняком стоит позиция С.Р. Малютина, о которой ниже.

[11] *Иностранцев К.* Указ. соч. С. 118.

[12] *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897. С. 135. Заметим, что Н.А. Аристов, говоря об «особости» чувашского языка, тоже в свою очередь ссылается на венгерского писателя и путешественника А. Вамбери.

[13] Перевод именника см.: *Бенцинг И.* Языки гуннов, дунайских и волжских болгар. С. 15–16.

[14] *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. 2-е изд. СПб., 2002. С. 176.

[15] *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваши. Чебоксары. 2000. С. 11.

[16] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 120, 174.

[17] *Дмитриева Ю., Адягаши К.* Hungaro-tschuwaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары, 2001. С. 20.

[18] См., напр.: *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996. Т. 1. С. 100–101.

[19] *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. С. 57–61.

[20] Там же. С. 61. Всё-таки в отношении слова «Атӑл» это не вполне верно, поскольку «т» произносится как полузвонкий (ср. «атӑ» [адӑ] сапоги).

[21] Там же. С. 62.

[22] См.: *Гомбоц З.* Древние булгаро-тюркские заимствования венгерского языка // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку. Чебоксары, 1985. С. 26.

[23] *Дмитриева Ю., Адягаши К.* Указ. соч. С. 22–23.

[24] Там же. С. 23.

[25] *Гомбоц З.* Древние булгаро-тюркские заимствования венгерского языка. С. 28.

[26] *Гомбоц З.* Болгарская проблема и венгерское предание о гуннах // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку. Чебоксары, 1985. С. 43–50.

[27] Там же. С. 50.

[28] Там же. С. 49.

[29] *Поппе Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам // Известия РАН. 1925. Т. 19, № 9–11. С. 425–426.

[30] *Поппе Н.Н.* О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. Чебоксары, 1925. С. 31.

[31] *Поппе Н.Н.* Чуваши и их соседи. Чебоксары, 1927. С. 5–13.

[32] См.: *Поппе Н.Н.* Чуваши и их соседи. С. 5.

[33] Напр.: *Поппе Н.Н.* О родственных отношениях ... С. 10.

[34] *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 37.

[35] Там же.

[36] Там же. С. 38.

[37] *П. Пельо* (Пеллио) – известный французский востоковед первой половины XX в., автор множества работ по древней и средневековой истории и культуре Китая и Монголии. П. Пельо отличало хорошее знакомство с русской научной литературой; он состоял в переписке и неоднократно полемизировал с В.В Бартольдом, на смерть которого отозвался некрологом, где подчеркнул, что «по честности, беспристрастию и мужеству человек в нем был на той же высоте, что и ученый».

[38] *Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 198.

[39] *Бартольд В.В.* Тюрки // Там же. С. 578–579.

[40] *McGovern W.M.* The Early Empires of Central Asia: A study of the Scythians and the Huns and the part they played in world history. Chapel Hill, 1939. P. 469.

[41] «Chuvash peoples can best be regarded as the direct descendants of the Huns who moved West and settled in Western Europe. It should be noted, moreover, that the languages spoken by the later Bulgars and Khazars was closer to Chuvash-Hunnish than to classical Turcish» // Там же. P. 469–470.

[42] *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 167–168.

[43] Там же. С. 175.

[44] Там же. С. 215.

[45] См.: Советская этнография. 1950. № 3. С. 177–180. Материалы (статьи П.Н. Третьякова, Т.А. Трофимова, Н.И. Воробьева, В.Г. Егорова и М.Н. Тихомирова) опубликованы в этом же номере журнала. С. 44–106; О происхождении чувашского народа: сб. ст. Чебоксары, 1957.

[46] *Кузнецов И.Д.* К вопросу о происхождении чувашской народности // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 126.

[47] *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары. 1954. Ч. 1. С. 120–121.

[48] *Серебренников Б.А.* Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 42.

[49] Там же.

[50] Там же. С. 41.

[51] Там же. С. 42, 43.

[52] *Кузнецов И.Д.* Указ. соч. С. 125–126. Между тем не все слова из списка, приведенного историком, являются однокоренными, хоть и начинаются с «хун».

[53] См., напр.: *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1962. С. 307–312.

[54] Там же. С. 189–190.

[55] *Баскаков Н.А.* Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981. С. 111. Ср.: *Баскаков Н.А.* Предисловие // *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских племен. Чебоксары, 1983. [Ч.]2. С. 4–5.

[56] *Гумилев Л.Н.* История народа хунну. М., 2004. С. 264. Б.А. Серебренников датирует миграцию и сложение тюркоязычной общности на Нижней Волге первой половиной 1 тысячелетия до н.э., что справедливо оспаривается Гумилевым, но, возможно, является опечаткой (см.: *Серебренников Б.А.* Указ. соч. С. 43).

[57] Там же. С. 662.

[58] Там же. С. 620.

[59] *Гумилев Л.Н., Крюкова Т.А., Хван М.Ф.* Китайские письмена на чувашской рубахе // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1980 (7942). Инв. № 4401. Эта работа, издание

которой планировалось в Чебоксарах в начале 1960-х гг., так и не увидела свет при жизни её авторов, в связи с обострением отношений с Китаем. Статья впервые была опубликована П.В. Денисовым в газете «Советская Чувашия» в 1996 г. (номера от 24, 31 января и 1 февраля); готовится её повторная публикация в первом выпуске «Чувашского гуманитарного вестника». Отметим, что материалы работы использовал В.Ф. Каховский в монографии «Происхождение чувашского народа» (1-е изд., 1963; 2-е изд., 1965; 3-е изд., 2003. С. 116–118), который, собственно, и ввел их первым в научный оборот.

[60] См.: *Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П.* Чувашский костюм: от древности до современности. М.; Чебоксары; Оренбург, 2002. С. 75. Рис. 61–62.

[61] *Гумилев Л.Н., Крюкова Т.А., Хван М.Ф.* Указ. соч. С. 5.

[62] Там же. С. 14.

[63] Там же. С. 18.

[64] *Викторова Л.Л.* Роль стереотипа культуры в этногенезе монголов // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 14.

[65] *Артамонов М.И.* Указ. соч. СПб., 2002. С. 68–69.

[66] *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С.49.

[67] *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 2003. С. 110.

[68] Там же. С. 110–121.

[69] Там же. С. 125.

[70] Там же. С. 187.

[71] Там же. С. 202.

[72] *Середонин С.М.* Историческая география. Пг., 1916. С. 83.

[73] *Смирнов А.П.* Гуннский элемент в культуре волжских булгар // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 146–147.

[74] См.: *Каховский В.Ф.* Указ. соч. Здесь В.Ф. Каховский ссылается на сведения дореволюционного этнографа А.Ф. Риттиха.

[75] *Корнилов Г.Е.* К вопросу о возможности гунно-булгарского происхождения некоторых топонимов в бассейнах Дона и Дуная // Учёные записки ЧНИИ. Вып. 27. Чебоксары, 1964. С. 139–145. Ответ на критику Л.С. Левитской см.: *Его же.* Следы пребывания болгаро-тюркских предков чувашей в Прикубанье // Вестник Чувашского университета. 1995. № 2. С. 53–54.

[76] *Корнилов Г.Е.* К вопросу о центрально-азиатской прародине тюркских предков чувашей // Учёные записки ЧНИИ. Вып. 36. Чебоксары. 1967. С. 191–197; *Его же.* К вопросу о сибирской прародине чувашского языка // Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976. С. 210–222.

[77] *Корнилов Г.Е.* К определению объема и характера болгаро-чувашско-картвельских лексических параллелей // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 1. Чебоксары. 1972; *Его же.* Следы пребывания болгаро-тюркских предков чувашей в Прикубанье...

[78] *Корнилов Г.Е.* Ещё раз об источниках алтайских заимствований в венгерском языке // Учёные записки ЧНИИ. Вып. 49. Чебоксары, 1970. С. 228.

[79] *Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А.* Ареальная лингвистика и восстановление черт языков // Советская тюркология. 1977. № 3. С. 11–12.

[80] См.: *Гмыря Л.Б.* «Царство гуннов» (савир) в Дагестане (IV–VII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980; *Джафаров Ю.Р.* Гунны и Азербайджан. Баку, 1985.

[81] *Хаттори С.* О формировании татарского и чувашского языков // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 94.

[82] *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С.40.

[83] Там же. С. 47.

[84] *Менгес К.Г.* Указ. соч. С. 52.

[85] Там же. С. 59. См. также: *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских племен. [Ч.] II. Чебоксары. 1983. С. 21–24.

[86] *Менгес К.Г.* Указ. соч. С. 96–99, 129, 133 и др.

[87] *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских племен. [Ч.] I. Чебоксары. 1980. С. 11–12, 164.

[88] [Ч.] II. С. 22.

[89] Там же. С. 18–24.

[90] *Дмитриева Ю., Адягаши К.* Указ. соч. С. 132.

[91] Там же. С. 151. Предложенную А. Рона-Ташем схему истории огурских племен см.: С. 167.

[92] См.: *Егоров Н.И.* Оногуры, савиры, булгары, угры и их взаимоотношения в I половине I тысячелетия н.э. // Чувашский язык: история и этимология. Чебоксары, 1987. С. 16–31; Оногуры, савиры, булгары, угры и их взаимоотношения в I половине I тысячелетия н.э. (Продолжение) // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. Чебоксары, 1988. С. 3–18; Долгий, долгий путь к государственности (Ко Дню государственности) // Халăх шкулĕ = Народная школа. 1997. № 2. С. 128–143; *Егоров Н.И., Егоров Э.Н.* Древнейшие индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) лексические заимствования в пратюркском и проблемы ранних этапов этнолингвогенеза огуров (протобулгар // Известия НАНИ ЧР. №3/2000, №1/2001. С. 185–204; 2002. № 4. С. 140–154.

[93] *Егоров Н.И., Егоров Э.Н.* Указ. соч. // Известия НАНИ ЧР. 2000. № 3. 2001. № 1. С. 203.

[94] *Егоров Н.И.* Долгий, долгий путь к государственности ... С. 130.

[95] *Яйленко В.П.* О «корпусе византийских надписей в СССР» // Византийский временник. М., 1987. Т. 48. С. 164.

[96] *Яйленко В.П.* Гуннский именник с Тамани и его чувашские соответствия // Чувашский язык и алтаистика. Чебоксары, 1995. С. 19. Более подробный вариант статьи см.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1991. Вып. 6, ч. 1. С. 126–137.

[97] *Яйленко В.П.* Гуннский именник ... С. 19–20.

[98] *Малютин С.Р.* Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Вып. 1: Хуннская эпоха. Чебоксары, 1996.

[99] Там же. С. 55.

[100] Там же. С. 73.

[101] См., напр.: *Федотов М.Р.* К вопросу о хунно-чувашских этнолингвистических связях // Известия НАНИ ЧР. 1996. № 2. С. 37–44.

[102] *Павлов Ф.П.* Чувашская музыка // *Павлов Ф.П.* Собр. соч. Чебоксары. 1971. Т. 2. С. 198. Приблизительно в это же время на сходство чувашской и китайской музыки обратил внимание Д.П. Петров-Юман. См.: *Павлов Ф.П.* Чуваши и их песенное и музыкальное творчество // *Павлов Ф.П.* Собр. соч. Чебоксары. 1971. Т. 2. С. 225.

[103] *Павлов Ф.П.* Чувашские гусли // Там же. С. 249; Умолкнувшие звуки (По следам исчезнувших основ чувашской музыки) // Там же. С. 259–261.

[104] *Каховский В.Ф.* Указ. соч. С. 118–120.

[105] *Кондратьев М.Г.* О музыке предков чувашей болгаро-суварского времени // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 3. Чебоксары, 2004. С. 3–29. См. также: *Дмитриева Ю., Адягаши К.* Указ. соч. С. 52–53, 102–107.

Д.В. Басманцев

ВОЕВОДСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В 1727–1781 ГОДАХ

***Ключевые слова**: воеводский суд, правонарушения, «добрый человек», наказы в Уложенную комиссию 1767 г., правовая культура населения, Чувашия.*

В XVIII в. уездные и провинциальные воеводы, городские чиновники, губернаторы наряду с различными функциями были наделены судебными прерогативами. В 1726–1727 гг. они окончательно получили судебную власть после неудавшейся попытки Петра I отделить суд от управления. Искомая судебная практика просуществовала до известных реформ Екатерины II по переустройству системы местного управления в 1775–1781 гг.

В отечественной историографии заявленная тема неоднократно была затронута дореволюционными, советскими и современными исследователями[1]. В региональной историографии ценными представляются труды В.Д. Димитриева, Г.П. Енина, Е.П. Кузьмина, А.Г. Иванова и др., в которых показаны некоторые особенности развития воеводского управления, рассмотрены вопросы, связанные с судопроизводством местных учреждений[2].

Целью работы является изучение уездного и провинциального воеводского судопроизводства на территории Чувашии в 1727 –1781 гг. Главное внимание автором уделено процедуре расследования гражданских и уголовных дел, ходу судебных процессов и вынесенным воеводами приговорам по «форме суда» (1723). Для понимания сущности местного судопроизводства поставлена задача по выявлению степени удовлетворенности населения воеводским судом. Источниками статьи послужили законодательные акты, распоряжения и переписка центральных учреждений с представителями местных администраций, судебно-следственная документация, а также наказы крестьян и других социальных групп,

---

Басманцев Дмитрий Викторович — младший научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук.

переданные в Уложенную комиссию 1767 г. Первая и вторая группы источников дают представление о нормативном положении воевод и губернаторов в деле судопроизводства, о границах их юрисдикций. Для прослеживания воеводской судебной практики ценными являются челобитные, так называемые инструкции для рассыльщиков (солдат штатной команды), «роспросные» (допросные) протоколы, «тетради (журналы) на улику», экстракты, распоряжения и приговоры судей-воевод. Ведения, рапорты и другие судебно-следственные документы свидетельствуют об участии духовенства в процедуре расследований. По информативности и обобщенности интересны ведомости об исполнении судебных дел, подготовленные воеводскими учреждениями для прокуроров. В этой отчетной документации по третям года указывалось количество возбужденных и рассмотренных дел, к какой категории они относились – к «интересным» или «челобитчиковым», сколько по ним было исполнено справок. Дополнительно учитывались количество колодников, их пол, сведения о пытках, то, по каким статьям они были осуждены и т.д.[3] Следующая важная группа источников – наказы различных социальных групп Среднего Поволжья, представленные в Уложенную комиссию 1767 г., позволяющие комплексно оценить деятельность воевод в области судопроизводства.

В губернской системе управления на провинциальные и уездные воеводские суды приходилась большая нагрузка по распутыванию различных дел. Такое обстоятельство было обусловлено тем, что в их ведении находилось население уезда, в том числе и горожане. Поэтому уголовные дела судьи-воеводы рассматривали независимо от социального положения того или иного представителя подведомственного сельского и городского населения, за исключением военных чинов. Что касается гражданских дел, то воеводы выступали апелляционной инстанцией после городских административно-сословных судов – ратуш, позднее – магистратов, а суды над дворцовыми крестьянами и крестьянами «синодского ведомства» разбирали соответственно Дворцовая канцелярия и управители, приказчики. Население губернии после уездного, затем провинциального воеводского судов могло подать апелляцию к губернатору, а в последующем, в случае неудовлетворенности судом губернской канцелярии, оно вовсе могло обратиться в Юстиц-коллегию и в Правительствующий сенат[4].

Во всей системе судопроизводства каждая из приведенных инстанций была не только апелляционной, но и контролирующей. С этой же целью в 1740-х гг. был восстановлен институт прокурорской службы, курировавший также исполнение судебно-следственных дел[5]. Так, в одном из ордеров 1764 г. прокурор П. Ла-

зарев требовал, чтобы Ядринская канцелярия ежемесячно присылала в Алатырскую провинциальную канцелярию ведомости о решенных и нерешенных судебных делах «для отсылки к генерал-прокурорским делам»[6]. В 1772 г. исполняющий обязанности прокурора Горемыкин просил чебоксарского воеводу Копиева дать разъяснение, по какой причине «без всяких справок и резолюции» отпущен на свободу один из подследственных[7]. Следует добавить, что политические дела были подконтрольны Тайной канцелярии (далее – Канцелярия тайных розыскных дел, Тайная экспедиция).

В правовом регулировании самодержавная власть придерживалась политики, строившейся на традиционно-юридических принципах феодальной эпохи. С одной стороны, воеводская юстиция XVIII в., как и вся российская система судопроизводства, основывалась на статьях Соборного уложения 1649 г., а также на «новоуказных» статьях. При возбуждении уголовных и гражданских дел, их расследовании, судебных рассмотрениях и решениях воеводы дополнительно руководствовались Воинским уставом и его артикулами 1716 г., так называемыми «сыщиковой» (1683) и «офицерской» (1719) инструкциями, указами о производстве судебных дел 1723, 1731 и 1763 гг. и др. Таким образом, законодательно-нормативная база позволяла воеводам воплощать в себе функции и следователя, и судьи[8].

С другой стороны, в судебной практике вершители Фемиды ориентировались и на традиционные нормы. К примеру, воеводы приводили «инородцев» к присяге, по их шерти (вере) проводили следственные испытания[9]. В городах и сельских общинах волостные сотники, пятидесятники («полусотники»), десятники, выборные, деревенские старосты всячески содействовали воеводскому аппарату управления для сохранения правопорядка на местах. Еще с 1669 г. согласно «Новоуказным статьям о татебных, разбойных и убийственных делах» они выбирались для искоренения воров, разбойников и убийц[10]. В XVIII столетии сотники, пятидесятники и десятники ежемесячно отчитывались перед воеводами о правонарушителях, разыскивая и приводя их в присутственные места[11].

К тому же в следственных делах видно, что в XVIII в. распространенной была своеобразная градация подданных на «добрых»[12] людей и, собственно, исходя из совершенных ими правонарушений их называли «вором», «разбойником», «интересным хищником», «блудницей» и т.д. В Генеральном регламенте 1720 г. в пункте 3 главы 53 говорилось, что шельмованные и наказанные подданные будут изолированы от «общества добрых людей», от них следует дистанцироваться – «в компании не допускать и их не посещать» – под страхом лишения чина и ссылки на галерные работы[13].

«Добрый» подданный в глазах самодержавной власти, как и воевода, должен был сочетать нравственные качества – быть верным, послушным и т.д.[14] Например, в 1768 г. при большом повальном обыске сельские жители округи д. Малое Абызово Свияжского уезда на новокрещеного чуваша М. Григорьева (Моледера) дали следующую характеристику: «состояния доброго... в подозрениях не бывал... не отлучался и пришлых подозрительных неведомых людей у себя не держал и подушные деньги с четырех душ платил всегда бездоимочно»[15]. В мае 1769 г. сельские жители д. Ахкузово Шерданской волости Чебоксарского уезда выбрали в качестве толмача жителя г. Чебоксары Н. Власова, ибо он «человек добрый, не пьянствующий и не подозрительный»[16]. В 1772 г. чуваш В. Васильев (Килдураз) из д. Тоганашево Ишаковской волости Чебоксарского уезда в застенках Свияжской провинциальной канцелярии заявлял, что он «человек добрый», то есть исправно платит подушину и несет различные повинности, не пьянствует, в отлучках не бывает, не водится с «недобрыми людьми»[17].

«Недобрые люди» в своем поведении были прямо противоположны «добрым людям». Поэтому «водиться с недобрыми людьми» значило навести на себя подозрение или привести деревне и общине «великое бесславие». Иногда этого было достаточно, чтобы сельские обыватели вынесли суровый вердикт по отношению к непорядочному селянину и его семье, вплоть до выселения «на новую землю»[18].

Условно можно выделить еще одну категорию – это относящиеся к так называемым «подозрительным». Эта своего рода промежуточная категория обывателей между «добрыми» и «недобрыми», добропорядочность и законопослушность которых вызывали сомнение. «Подозрительных» подданных из общей толпы можно было сразу выделить по вырванным ноздрям, отрезанному уху, отрубленным пальцам левой руки. Следы от кнута, плети или батогов также являлись внешними признаками «подозрительного». Подданный мог попасть под подозрение при несении государственной службы; находясь в бегах и не имея при себе паспорта; в процессе судебного разбирательства, когда раскрывались новые обстоятельства дела, и проч.[19]

Выработанные механизмы нравственного поведения подданных должны были служить для воевод своего рода ориентирами в процессе судопроизводства. Отсутствие сословно-этнических и конфессиональных маркеров среди жителей империи в какой-то мере должно было обеспечить среди них равноправие. По сути, это положение должно было выполнять важную задачу и быть сдерживающим фактором во взаимоотношениях как между властью и обществом, так и верхами и низами абсолютистского общества.

Основным показателем результативности воеводского судопроизводства являлась раскрываемость правонарушений. Для анализа воеводских судебных постановлений, выданных жителям Чувашии, нами использованы решенные дела Чебоксарской, Цивильской, Ядринской, Курмышской уездных и Свияжской и Алатырской провинциальных канцелярий за 1728–1779 гг. (см. табл. 1).

Выявленные материалы показывают, что воеводской властью в отношении 89 осужденных, в зависимости от степени тяжести правонарушения и вины, вынесены как оправдательные, так и обвинительные приговоры. От общего количества правонарушений на кражи приходится более 65 %, доля разбоев – 6,7 %, убийства – около 4,5 %, прочих преступлений и проступков – 23,6 %. Такие относительные данные позволяют представить общую картину совершаемых обывателями правонарушений и методов борьбы с ними на территории Чувашии.

В воеводской судебной практике учитывались смягчающие и отягчающие обстоятельства совершенных правонарушений – количество судимостей, возраст подсудимого, признание или непризнание им вины и т.д. Поэтому приговоры воевод варьировались, начиная от постановлений с формулировкой «без наказания» и заканчивая телесными экзекуциями и ссылкой.

Оправдательные решения принимались в связи с отсутствием состава правонарушения, передачей подсудимого на «добрые» поруки. Судебные разбирательства экономического характера, например о держании беглого, ограничивались возмещением владельцу «за пожилые годы»[20]. Также долговые споры и некоторые дела о краже заканчивались миром, что было приемлемым условием для воевод, чтобы закрыть дело. Воеводский суд также мог пойти навстречу истцу, когда тот принимал решение прекратить дело. Например, в 1750 г. А. Борисова обратилась в Чебоксарскую воеводскую канцелярию по поводу пропажи домашних пожитков. В скором времени она на городском базаре поймала вора с краденными вещами и заявила в канцелярию: «...все с него возвратила, и более того искать мне нечего»[21]. В ходе христианизаторской кампании 1740-х гг. язычники, к примеру, могли уйти от наказания, приняв православную веру. Так, в 1745 г. чувашам-язычникам, которым грозило наказание (одному за кражу – битье кнутом, а другому за ложное доносительство – смертная казнь), за принятие христианства были вынесены оправдательные вердикты, и они были отпущены на свободу[22].

Самым распространенным видом наказания было бичевание кнутом или плетью. В 40–60-х гг. XVIII в. правительство несколько смягчило применение на практике наказания колодников, за-

менив кнут плетью[23]. Например, в 1774 г. по отношению к 19-летнему осужденному Е. Петрову судья-воевода счел необходимым дать снисхождение. Он вынес решение, чтобы его (так как он «по молодым своим летам годным состоит к военной службе») наказали плетьми[24]. За многократное совершение краж или грабежей воеводы принимали в отношении подсудимых довольно суровые приговоры: высечь кнутом, отрезать левое ухо или клеймить лоб и щеки словом «вор» или «тать», заковать в кандалы и выслать на вечную каторгу в Нерчинск, Рогервик. Такая участь, к примеру, в 1757 г. ждала четверых участников ограбления чуваша Ф. Кирилова (Самука Янашева) из д. Янымово Чебоксарского уезда, а в 1768 и 1775 гг. – воров М. Семенова (Сидеменя) и В. Колесова[25].

На подсудимого также налагались взыскания, чтобы возместить определенные издержки истцу и государству. В 1769 г. в указе Свияжской провинциальной канцелярии говорилось, что «доколе тех денег с них (осужденных. – *Д.Б.*) взыскано не будет, содержать их под караулом и по взыскании из-под караула освободить»[26]. В случае бегства злоумышленника, а также при условии, когда ворованные вещи оказывались в канцелярии не востребованными их хозяевами, воеводы, исходя из нормы закона, троекратно объявляли торги и выставляли изъятое и арестованное движимое и недвижимое имущество на продажу. Золото и другие драгоценности следовало отсылать в Монетную канцелярию, а «годных в службу» лошадей предоставлять Военной коллегии[27]. Так, в 1757 г. в г. Чебоксары с торгов за 8 руб. 50 коп. были проданы дворовое место и пожитки бывшего канцеляриста Чебоксарской воеводской канцелярии Н. Семенова, скрывавшегося в Москве с похищенными 385 руб. казенных денег[28].

Таким образом, исходя из совокупности видов правонарушений видно, что часто совершаемые и особо тяжкие преступления карались властями с определенной жестокостью, чтобы другие не переступали порог нравственно-ценностных норм «доброго человека». Некоторого снисхождения, по мнению вершителей Фемиды, заслуживали те, кто провинился за мелкое правонарушение. Согласно законам и практике судопроизводства, им определяли менее суровые наказания и давали шанс исправиться, но следы от телесных наказаний навсегда их приписывали к категории «подозрительных» граждан. Таким образом, одна из главных задач воеводской власти заключалась в том, чтобы с помощью суда и расправы обеспечить защиту «добрых» подданных от «недобрых». Это являлось определенным вкладом в реализацию идеи «общего блага» и укрепление абсолютистских устоев в обществе.

С чего же начиналось воеводское расследование, какова была технология сыска и как выносились и исполнялись судебные вердикты? В большинстве случаев всё начиналось с челобитной, являвшейся основанием для заведения следственного дела и проведения воеводами досудебного расследования. Иногда достаточно было словесно известить о случившемся воеводу, чтобы началось следствие[29].

Из челобитных потерпевших видно, что воеводам часто приходилось заниматься раскрытием краж и грабежей[30]. Добычей злоумышленников становились чаще всего скот, вещи, утварь, мёд, деньги, драгоценности и т.д. Под особым контролем воевод были расследования убийств, суицидов[31]. Были случаи, когда воеводы согласно законодательству принимали решение «по тому делу суда не давать»[32].

При произведении следствия по государственным преступлениям[33] воеводы должны были сохранять секретность и проявлять оперативность. Согласно указам 1726 и 1730 гг., воеводы тайно расспрашивали заявителя и подозреваемых о «государевом слове и деле»[34]. Потом их пытали и, удостоверившись в подлинности дела, готовили приказ о конвоировании в Москву в Тайную канцелярию (ранее – в Преображенский приказ)[35]. Подданные могли объявить о «слове и деле» при свидетелях или рассказать во время следственных мероприятий в канцелярии[36].

В 1729 г. по поводу кражи конских кож в Курмышскую воеводскую канцелярию чувашами д. Атменево были доставлены жители с. Спасское Нижегородского уезда Д.Ф. Хохлин (Хохлов) и И.С. Баклашин. В ходе допросов оба заявили о государственном преступлении. Курмышский воевода И.В. Лачинов и провинциал-фискал Алатырской провинции А.П. Юрлов, проводившие допрос, установили, что за И.С. Баклашиным «государево слово и дело» не имеется[37]. Громкое заявление Д.Ф. Хохлина также не вызвало у следователей особого доверия. В предыдущие годы он был в Преображенском приказе и, не сумев доказать вины ответчика, был наказан кнутом[38].

Из секретного донесения чебоксарского воеводы свияжскому воеводе известно, что летом 1742 г. беглый рекрут-чуваш Иван Дементьев в застенках Чебоксарской канцелярии «сказал за собою государево слово и дело»[39]. Наиболее крупное дело по государственному преступлению было заведено в г. Чебоксары в январе 1750 г., когда чебоксарский посадский человек В.Я. Строгольщиков троекратно крикнул «слово и дело по первому и второму пунктам». По его показанию были арестованы чебоксарские посадские люди А.Д. Реткин, Я.И. Смирнов, К.М. Пономарев, И. Шашкин, В.Н. Свешников, а также привлечены к следствию из

цеховых людей С.Т. Мокин и дьякон чебоксарской Благовещенской церкви Г. Иванов[40]. В свою очередь, А.Д. Реткин объявил об «интересном деле» за чебоксарскими посадскими людьми И. Кадомцевым и И. Волковойковым, магистратским старостой А. Овчинниковым[41]. Чебоксарскими воеводами же расследовались факты государственного преступления по отношению к фурьеру Куринского пехотного полка Ф.М. Вострикову, беглому рекруту И.С. Кабакову, канцеляристу Чебоксарской воеводской канцелярии Н.М. Семенову[42].

При обнаружении кражи или других правонарушений как потерпевший, так и любой другой обыватель округи созывал жителей на сход. Зачастую сотники, десятники и старосты с односельчанами прибегали к потерпевшему на крик о помощи. В феврале 1771 г. ночью в с. Успенское Аликово тож Курмышского уезда Т. Игнатьев громко воскликнул о разбое и «сбежалось того села новокрещены немалое число»[43]. Потерпевшая сторона без какой-либо помощи воеводы, по горячим следам начинала на общинном уровне проводить собственное расследование. В первую очередь сотники и пятидесятники при свидетелях осматривали место происшествия в надежде обнаружить какие-либо вещественные улики. К примеру, в 1767 г. в д. Б. Ямашево Свияжского уезда у чуваша Д. Андреева (Аверина) из клети были украдены вещи. Прибывшие сотник и пятидесятник «обыскали в той клети шапку» одного из воров[44]. Также было важно выйти на след злоумышленников. Так, со слов одного из задержанных явствует, что в октябре 1758 г. он с подельниками в 25 верстах от своей деревни украл лошадей. Все же жителям д. Пикших Казанского уезда, где произошла кража, удалось их выследить[45].

Большое значение в «мирском» расследовании имели расспросы односельчан и жителей округи о том, не был ли кто из них свидетелем в момент случившегося правонарушения, не видел ли кто подозрительных с украденными вещами или скотиной и т.д. Например, в конце 1728 г. из мельницы М.С. Черкашениновой близ д. Шуматово Курмышского уезда были украдены большая сумма денег, пожитки и скот. Летом 1729 г. житель д. Янасал Курмышского уезда И. Ведеев донес потерпевшей, что однажды зимой, когда он возвращался домой, встретил жену И. Девяткина с одним ранее неведомым чувашом, у которого на санях была овечья шерсть. Осмотрительный селянин сумел разглядеть, что шерсть была «накладена в русской женской рубашке», а «их чувашские жены русских рубах не носят». У И. Ведеева это вызвало подозрение: у Девяткиных за отсутствием овец столько «шерсти взяться неоткуда»[46].

Порой сельскому хлебопашцу приходилось надеяться только на себя, ибо потеря домашнего скота могла обернуться для семьи голодом и т.д. Так, в мае 1749 г. чуваш С. Михайлов (Сенни) из д. Тинсарино Свияжского уезда выехал «для обыску» своих трех лошадей. В сентябре 1762 г. обыватель д. Шугурово Цивильского уезда И. Алексеев (Алезин) «проведывал и сыскивал чрез многих людей» четырех своих коров. В обоих случаях потерпевшие сумели не только поймать преступников, но и доставить их в воеводские канцелярии для «суда по форме»[47]. Иногда истцы или «мирские люди» ловили воров с поличным, что облегчало воеводам доказательство вины арестованного и позволяло быстрее возместить морально-материальный ущерб потерпевшей стороне[48].

При расследовании воеводы старались соблюсти последовательность процедуры судопроизводства. К сыску подозреваемых воеводы привлекали рассыльщиков (солдат из штатной команды), которые, согласно выданной инструкции, совместно с выборными сотскими, десятскими или старостами при свидетелях производили задержание ответчика и доставку его в канцелярию. В целях поимки правонарушителей на публичных местах объявлялось о розыске подозреваемых и об их особых приметах[49]. После поимки в воеводских канцеляриях с арестанта снимали первые показания без пыток. В протоколах фиксировались общие сведения о задержанном лице (имя, возраст, рост, национальность, крещен или нет, когда исповедовался, словесное описание его внешности)[50] и об обстоятельствах правонарушения. «Роспросы» заключенного сравнивались с изложенной в челобитной версией истца, и это позволяло воеводе принять ряд решений для установления истины. Злоумышленников также дополнительно проверяли на причастность к недавно совершенным правонарушениям, произошедшим на территориях соседних воеводских учреждений[51]. В конечном итоге, истинность показаний подозреваемого проверялась в воеводских застенках трехкратной пыткой, очными ставками[52], повальным обыском – сбором показаний («сказок») населения округи, где проживал ответчик[53], а также, при необходимости, описаньем его имущества[54].

В практике розыска главным было в показаниях истца, свидетелей и ответчика найти точку соприкосновения. Для этого следователи-воеводы прибегали к устоявшемуся порядку допроса. Перечень вопросов готовился на основе челобитной с конкретной формулировкой, чтобы услышать от допрашиваемого участника дела недвусмысленный ответ. «Вопросные пункты» с учетом показаний сторон корректировались и в дальнейшем использовались на очных ставках и пытках. Так, в протоколе допроса зафиксировано, что приказчик Д. Сергеев, обвинявшийся в фаль-

шивомонетничестве, за покупной хлеб с крестьянами всегда расплачивался настоящими деньгами, а фальшивых никогда не давал[55]. Иван Павлов (Обахин) в допросе сказал, что лошадей он «не крадывал и, кто оную кражу учинил, не знает»[56]. Не признавал своей вины и свидетель по делу о краже, житель д. Янишево Свияжского уезда И. Матвеев (Хозеряк), утверждая, что у подозреваемого Сидеменя жеребца он не брал и не отпускал, «в том-де он, Сидемен, клеплет его напрасно»[57]. Следует отметить, что воеводы по отношению к «инородцам» могли проводить допросы «по их вере и по шерти»[58].

Кроме «роспросов», подсудимого подвергали пыткам, т.е. ему трижды под истязанием приходилось давать показания. «Число наносимых ударов, – отмечает исследователь Е.В. Анисимов, – в каждой пытке определяли следователи, которые исходили из обстоятельств дела, показаний пытаемого, его физических кондиций»[59]. Такое заключение справедливо и по отношению к воеводскому судопроизводству. В воеводских застенках использовался распространенный вид пытки – поднятие на «виски», или подвешивание на дыбе, сопровождавшееся битьем кнутом или плетью. Бичевание кнутом за кражу составляло от 15 до 20 и более ударов, а за разбойное нападение с большим количеством участников – от 20 до 40 и порою «со жжением огнем»[60].

Между тем священнослужители в воеводских застенках увещевали арестантов и свидетелей[61]. Духовенство в храмах приводило участников судебного расследования к присяге[62]. Кроме этого, сельские служители церкви в пределах своих приходов становились участниками описи имущества ответчика, проведения повального обыска, выступая в качестве свидетелей, заверяли подписью подготовленные судебные материалы[63].

Гражданские дела воеводы рассматривали по известной схеме. Каждая тяжущаяся сторона представляла письменные доказательства на свои права. Все предъявленные крепости на землю, крестьян и др. приобщались к так называемой «Тетрати на улику», и по ним наводились справки[64].

Все собранные показания по уголовным и гражданским делам и приведенные улики обобщались в судейском повытье воеводских канцелярий. «Судейские» канцеляристы подготавливали для воеводы экстракты следственных дел с изложением процедуры расследования и выписками статей из Соборного уложения и других действующих указов. В современном понимании суда как такового не было, ибо судья-воевода был активным участником следственного процесса и ему в конце концов оставалось по делу лишь вынести судебный приговор. Для вынесения решения важно было, чтобы подсудимый во всем сознался, а показания сообщников и свидетелей не разнились.

Исполнение воеводского постановления ложилось на плечи палача и рассыльщиков (солдат штатной команды) канцелярии. Для примера, в середине XVIII в. при Чебоксарской воеводской канцелярии из солдатских детей И.М. Беспалов был заплечным мастером («кнутобойцем»)[65]. В 1780-х гг. в Ядрине в должности ката находился И. Василев[66]. Наказание осужденного, видимо с целью профилактики правонарушений, ими проводились «на публичном месте с барабанным боем»[67]. Количество ударов кнутом могло доходить до 150[68]. После наказания кнутом подсудимого, согласно приговору, отпускали на волю или готовили к этапированию в места лишения свободы. Например, в январе – марте 1755 г. Ядринская воеводская канцелярия приговорила отправить в ссылку в Рогервик 6 чел. Сообщается, что на изготовление ручных и ножных кандалов кузнецу отдано по 45 коп., а суточных кормовых денег выделено по 1 коп.[69] Ссыльных должны были сопровождать выбранные из числа жителей округи, так называемые провожатые, которые караулили колодников от одного уездного города до другого. В XVIII в. на трактах Российской империи поток осужденных, высылаемых на вечные работы в Нерчинск, Рогервик, был непрерывным. Этот путь пролегал, в частности, и через территорию Чувашии[70].

Одним из важнейших признаков эффективности воеводской судебной системы являлось удовлетворение требований тяжущихся сторон. При этом необходимо обратить внимание на наличие у населения правовой культуры, проявляющейся через понимание закона, «через представление о категориях справедливости и несправедливости, через отношения граждан и государства в лице его представителей, через разрешения конфликтных ситуаций с помощью судебных органов»[71].

В качестве основного материала для исследования правовой культуры населения края послужили наказы ясачных чувашских и части других крестьян Среднего Поволжья и Приуралья, поданные в Уложенную комиссию 1767 г. Расширение территориальных рамок было связано, во-первых, с ареалом проживания чувашей; во-вторых, с тем, что во многих наказах этническая составляющая отсутствовала или имелось указание на общую сословную и конфессиональную принадлежность, например, «от новокрещеных», «от иноверцев». В-третьих, чуваши как в пределах современных границ территории Чувашии, так и вне их проживали в соседстве с другими этносами, и порой, исходя из одинакового социального положения, они вместе подавали эти наказы. В-четвертых, на протяжении XVIII столетия чуваши активно переселялись из территории современной Чувашии в Приуралье, Закамье, Самарский, Пензенский и Саратовский края и на дру-

гие «новые земли». Их опыт взаимоотношения с местной воеводской администрацией, в том числе по судопроизводству, мог отразиться в наказах населения Поволжья и Приуралья. Наконец, совокупность наказов, взятых в основном по этническому и сословному признакам, призвана более качественно и объективно обрисовать сложившуюся картину. С этой целью привлечены несколько наказов, составленных татарами, мордвой. Дополнительно были использованы челобитные истцов, свидетелей и ответчиков судебных тяжб. Обращения обывателей к подполковнику А. Свечину в 1762–1765 гг., в частности относящиеся к воеводскому суду, являются ценнейшим материалом по заявленной теме.

Формализация требований наказов проводилась по методике, разработанной Н.В. Киприяновой. Вкратце отметим, что на первом этапе обработки наказов создается ряд так называемых первичных единиц-элементов. В последующем проводится их укрупнение в соответствующие категории с указанием частоты повторяемости, свидетельствующей о важных и менее значимых требованиях. Таким образом, они позволяют «измерить» амплитуду социально-психологического самочувствия обывателей Чувашского края, в частности и по теме данной работы[72].

Из 15 наказов, выбранных для изучения, в 11 содержатся сведения о судопроизводстве. В каждом из них заключалось от 7 до 26 выявленных нами так называемых первичных элементов, относящихся к воеводскому суду. На основе 125 первичных элементов был составлен укрупненный ряд категорий (см. табл. 2). При укрупнении выделены четыре блока вопросов, внутри каждого сконцентрировались взаимосвязанные и схожие категории: 1. О суде по форме; 2. Об участниках воеводского судопроизводства; 3. О характере и недостатках воеводского суда; 4. Об изменении порядка судопроизводства. Внутри укрупненных категорий учитывалась частота повторяемости первичных элементов.

В Петровскую эпоху наряду с отделением суда от администрации была установлена специальная форма ведения суда. С 1723 г. по 1780-е гг. «суд по форме» определил единый порядок судопроизводства, что было прогрессивным явлением своего времени. Однако на практике полный разрыв с нормами допетровского времени не произошел, ибо новое Уложение, составление которого было начато в начале XVIII в., не увидело свет[73]. Такие условия способствовали незаконной организации словесного суда, устраиваемого воеводами[74] и мирскими сходами во главе с волостными сотскими[75]. При этом обыватели Среднего Поволжья четко осознавали, что правительство законодательно обязало их обращаться к «суду по форме» в решении любых противоправных деяний. Согласно наказам, они должны были идти в суд по форме в слу-

чае земельных тяжб, бытовых конфликтов или «во всех больших и самых малых претензиях» (п. 1.1).

В наказах 36,8 % приходится на участников воеводского судопроизводства. Население выражало наибольшую обеспокоенность (6,4 %) по отношению к поверенным, которых нанимали как ответчик, так и истец (п. 2.1). В современном понимании в роли адвокатов, посредников между представителями власти и тяжущихся сторон выступали ходоки-поверенные, знавшие процедуру воеводского судопроизводства и защищавшие интересы своих нанимателей. В реальности получалось так, что поверенные шли в суд не для поиска истины и справедливости, а ради наживы. Об этом говорят 6,4 % первичных категорий наказов (п. 2.2). Они не только разоряли ответчика и истца (п. 2.7), но приводили их «ко извинению» и к «винности» перед победившей в суде стороной (п. 2.6).

Причина найма поверенных была связана с тем, что чувашские крестьяне и другие социальные группы населения не знали законов, не разбирались в приказном делопроизводстве (пп. 2.1, 2.3). Также многие обыватели-заявители по бедности и из-за больших размеров судебных пошлин (2,4 %), взимаемых за подачу челобитных, не имели возможности их оплатить (п. 2.5). Многие не обращались в «суд по форме» из-за того, что пошлина превышала сумму иска (п. 2.8). Что касается поверенных и свидетелей, привлекаемых для составления различных справок (3,2 %), судей, чинимых обиды и неправый суд воров, которых наказывали кнутом, и не менявшихся в своем поведении, то они причиняли населению материальные издержки и моральное неудовлетворение (пп. 2.4, 2.9–2.22).

От того, как налаживались взаимоотношения между участниками судопроизводства – истцом, ответчиком, поверенными, свидетелями, канцелярскими служащими и судьей-воеводой – и как был организован судебный процесс, зависела общая оценка деятельности воеводского суда. В наказах жители края обращают свое внимание на следующие недостатки воеводского суда. Во-первых, 4,8 % относятся к категории, где по различным причинам населению наносились «многие волокиты, убытки и разорения» (п. 3.1). Пункт 3.2 позволяет уточнить, что отрицательное отношение населения к суду было связано с затягиванием судебного разбирательства (4 %). Во-вторых, выигранные судебные дела не позволяли взыскивать с виновных материальные затраты, понесённые во время суда (3,2 % – п. 3.3). В-третьих, письменное ведение мелких судебных дел (1,6 %), задержание участников судопроизводства в городах под караулом (1,6 %), выезд в суд во время страды, покупка гербовой бумаги вызывали недовольство со стороны местного населения (пп. 3.4–3.8).

В наказах предлагалось изменить порядок судопроизводства. К этому вопросу относится более 38 % первичных категорий (п. 4). В пункте 4.1 говорилось, чтобы, кроме «суда по форме», был организован суд по мелким делам, например словесный, третейский, государственно-ясачный (8 %). Против «суда по форме» выступала незначительная часть населения (1,6 % – п. 4.8). Суды, как информируют 4,8 % данных, по мелким правонарушениям должны были перейти к выборным из однодеревенцев без «какого б ни было чину» или сотским, десятским (п. 4.2). В пункте 4.22 имеется категория, ограничивающая дворянам занимать должность судьи. Выборные судьи должны были иметь следующие функции: принимать челобитные и изветы, судить, собирать пошлину, взыскивать нанесенный истцу морально-материальный ущерб и т.д. (пп. 4.11–4.15).

Следующим шагом по реформированию воеводского суда должно было стать упрощение процедуры рассмотрения дел. Оно заключалось в том, чтобы расследование производилось следствием преимущественно через сбор свидетельских показаний (3,2 %), выдачу подписок (1,6 %), без найма поверенных (0,8 %), без посылок во время страды (пп. 4.3, 4.4, 4.9, 4.10). Если подозреваемый давал признательные показания о совершении воровства, то его следовало выслать «в отдаленные места» (1,6 %), а за неоднократную татьбу – отдать в рекруты (1,6 %) (пп. 4.6–4.7). Группа сведений, представленная единичными случаями, за исключением пункта 4.5, наказы были направлены на минимизацию материальных затрат и их возмещение за счет подсудимых и снижения размера судебных пошлин (пп. 4.5, 4.16–4.21, 4.23–4.26).

Таким образом, в наказах видно, что воеводское судопроизводство не могло полностью удовлетворять потребности жителей края. Большие денежные затраты, канцелярская волокита сулили как истцу, так и ответчику разорение. Поэтому население в наказах просило власти организовать такой суд, который мог устроить их претензии, обеспечить беспристрастность и справедливость.

Всё же представленная в наказах информация не раскрывает полную картину сложившейся практики функционирования судебной системы на местах. Судьи-воеводы, его аппарат управления, поверенные, состоятельные слои населения использовали суд в качестве средства обогащения. Например, из показаний жительницы г. Цивильска К.М. Выдрицкой явствует, что в 1740-х гг. при цивильском воеводе Д. Бибикове по оговору посадили ее мужа в тюрьму и приговорили его к ссылке. Эта была типичная схема выбивания взяток. Так, с осужденного воевода Д. Бибиков «взял во взяток 40 руб., повытчик И. Забелин 10 руб.»[76]. И. Хотяинцов,

сменивший Д. Бибикова, продолжил лихоимства. Он, не проведя повальный обыск и другие судебно-следственные мероприятия, требовал от заключенного Выдрицкого взятку в размере 100 руб. Со слов его жены, «разыскивали (допрашивали. – *Д.Б.*) его немилостиво», отчего он «поклепав себя, и других оклеветал» в краже лошадей. Дальнейшее разорение семьи Выдрицких продолжилось и при воеводе А. Всеволожском. Несмотря на признательные показания, данные в застенках Свияжской воеводской канцелярии одним из подозреваемых, деверя К.М. Выдрицкой обвинили в убийстве. При этом судьи Свияжской и Цивильской канцелярий потребовали взятки. Требуемая сумма не нашлась, и поэтому ее деверя «разыскивали немилосердно, вложа в ноги бревно, и держали на дыбе часов с пять». Следовательно, он, не выдержав мучений, сознался в несовершенном преступлении, и в 1763 г. его сослали «в Сибирь на Нерчинские заводы»[77].

Судьям-воеводам с канцелярскими служащими не всегда удавалось грамотно и безволокитно организовать судебное разбирательство. Если большинство уголовных дел воеводам удавалось завершить за период от месяца до полугода или года, то гражданские дела, связанные с наследственными, земельными и иными спорами, решались особенно долго. Нередко сроки решения гражданских дел затягивались и по вине тяжущихся сторон. Например, дело о разделении наследства между канцеляристом Кокшайской воеводской канцелярии А. Казанцевым и помещицей М.И. Шаховой продолжалось с 22 февраля 1749 г. по 3 марта 1753 г., а спор о дележе имущества Н.М. Трушенникова затянулся на два десятилетия и был решен лишь в октябре 1765 г.[78] Не могли мирно разрешить давний спор родителей В.О. Кадников и С.Ф. Лакреев-Панов[79].

Уездным и провинциальным воеводским канцеляриям при разборе гражданских дел часто приходилось обращаться за консультациями и наведением разного рода справок в различные вышестоящие учреждения. В связи с этим сроки рассмотрения дел затягивались. Затягивание канцелярскими служащими дела или неправильное вынесение приговора воеводами позволяли им греть руки, а участникам суда наносились большие расходы. Так, в 1772 г. Свияжская провинциальная канцелярия была обеспокоена тем, как идет следственное дело по исковому «челобитью» Чебоксарского Спасо-Преображенского монастыря на деревенских жителей Чебоксарского уезда. Провинциальные власти требовали от воеводы г. Чебоксары выяснить, «по каким случаям то дело завалилось» и нет ли за повытчиком И. Мартыновым какой-либо «фальши»[80]. За время судебных тяжб незаконный захват ответчиком земли или имущества наносил истцу большой убыток. По под-

счетам челобитчика канцеляриста Ф.Н. Трушенникова, с 1742 по 1751 г. с его отцовской мельницы и сенных покосов он потерял свыше 900 руб.[81] По решению казанского губернатора за причиненные убытки и «пренебрежение» к истцу было приказано с бывшего чебоксарского воеводы князя А.А. Путятина и подьячего с приписью Я. Смирнова взыскать в пользу государства 500 руб.[82]

Дополнительным бременем ложились на местное население различные поборы, собираемые канцелярскими служащими во время досудебного расследования. Например, новокрещеные чуваши д. Тоганашево Чебоксарского уезда заявляли подполковнику А. Свечину о том, что когда нарочные солдаты приезжали за ответчиком, то за каждый приезд брали от 70 коп. до 2 руб. Кроме этих издержек «с челобитчика, так и с ответчика воеводы прежде бывшие и ныне имеющиеся, также и приказные служители берут деньги по 50 коп. и по рублю и больше с человека»[83].

Местное население непрерывно обращалось за справедливостью к губернатору, в Юстиц-коллегию и даже в Сенат. Так, жалобы жителей д. Второе Степаново о злоупотреблениях цивильского посадского человека П.Л. Демяшева остались не услышанными ни воеводой, ни состоявшим «у защищения новокрещен» титулярным советником Мякишевым, ни другими должностными лицами местных и центральных учреждений. В экстракте подполковника А. Свечина показано, что они при подаче только челобитен выплатили Мякишеву 8 руб. 90 коп., в Цивильском магистрате за гербовую бумагу 85 коп., подьячему О. Чеадаеву 1 руб., майору следственной комиссии Анушкину 15 руб., поверенному г. Козьмодемьянска, посадскому человеку И. Сидорову за ходатайство в следственную комиссию 13 руб., за гербовую бумагу 55 коп. и т.д. Безуспешны были обращения степановцев в Юстиц-коллегию и Сенат[84].

Таким образом, проблема взаимоотношений между властью и обществом связана как с нравственно-правовой зрелостью общества, так и политическим и социально-экономическим развитием государства. Что касается воеводской юстиции XVIII в., то она показала их отсталость, а также дееспособность ведения диалога между представителями власти и общества. Воеводский суд стал причиной обострения этих отношений, так как способствовал созданию определенных условий для разрушения ценностных ориентаций сообщества и деградации местного населения. Духовные сановники и высокопоставленные чиновники государства неоднократно говорили о недовольстве населения действиями местной администрации, о необходимости принятия конкретных мер.

Например, в указе от 15 сентября 1753 г. епископ Нижегородский и Алатырский Феофан призывал областных правителей

проявлять к «инородцам» «всякое снисхождение... показывать всякую милость... до новокрещеных иноверцев дела в судебных местах рассматривать по самой истинной правде, и невинных защищать и оборонять, и до разорения не допущать, и стараться такие дела решать без дальних волокит... следствие производить при общем заседании и при самих челобитчиках, новокрещенах» и т.д.[85] Чтобы добиться определенных успехов в деле христианизации и приобщения «инородцев» к русской культуре, епископ Феофан в обмен на принятие крещения иноверцами предлагал своего рода амнистию тем, кто содержался в застенках воеводских канцелярий за мелкие дела и разные бытовые конфликты[86].

24 августа 1770 г. казанский губернатор Я. фон Брант подготовил «Предложение о наблюдении воеводам», где сформулировал основные претензии к воеводским учреждениям. По его мнению, нарушение правопорядка «в народе происходит больше оттого, что обиженный должен своего удовольствия искать через суд по форме 1723 года, которым наглецы, надеясь на свое пронырство, полагают отбыть от указного взыскания одною волокитою или изотьмить правду ябедничеством, как и в самом деле бедные люди против богатых и сильных сим средством достигать своего удовольствия имеют не только великое неудовольствие, но и совершенную невозможность, а тем самым остаются обиженными с великим оскорблением, а не меньше разорением»[87]. Вред отечеству и нарушение общественного покоя, по словам губернатора, производятся из-за «наглости» «сильного» по отношению к «немощному». Следствием этого являются «как разорения обиженным, так драки и смертное убийство»[88].

Итак, система воеводского судопроизводства как механизм сохранения устоев абсолютизма, несомненно, сыграла огромную роль, но в регулировании отношений между различными социальными группами населения была малоэффективна. Воеводы вместо того, чтобы сохранять правопорядок, сами нарушали нормы законодательства и дискредитировали основы беспристрастности судебных учреждений. Кроме того, порядок воеводского расследования и суда нуждался в корректировке и упрощении, чтобы различные категории населения не несли тяготы и разорения. Поэтому в наказах содержались требования о перемене в судебной системе, например, путем передачи части полномочий воевод-судей по мелким делам представителям местного самоуправления. С одной стороны, это явление можно оценить как рост правовой культуры «добрых» подданных империи, а с другой – как ориентированность местных жителей на практику судопроизводства минувшей эпохи. Таким образом, воеводское судопроизводство не отвечало в полной мере потребностям широких слоев населения,

не обеспечивало незыблемость принципов «общего блага» и развития абсолютизма.

Литература, источники и примечания

[1] *Кавелин К.Д.* Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях // Собрание сочинений. Т. 4. СПб., [б. г.]. Стб. 205–420; *Троцин К.* История судебных учреждений в России. СПб., 1851; *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858; *Калачов Н.В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России (Статья первая) // Сборник государственных знаний. Т. 8. СПб., 1880. С. 128–148; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1900; *Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. М., 1992; *Ефремова Н.Н.* Судоустройство в России в XVIII – первой половине XIX в. (Историко-правовое исследование). М., 1993; *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999; *Бородина Е.В.* Изменение основ судебного процесса в период второй областной реформы Петра Великого // Проблемы истории России. Вып. 6: От Средневековья к современности: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. С. 153–168 и др.

[2] *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары, 1959; *Енин Г.П.* Праздничное «кормление« царевококшайского воеводы в начале 60-х годов XVIII века // Марийский археографический вестник. 1993. № 3. С. 25–33; *Его же.* Словесный воеводский суд (Исследование и источник). СПб., 1995; *Кузьмин Е.П.* К вопросу о судопроизводстве воевод уездных городов Марийского края в XVIII веке // Вестник Чувашского университета. 2008. № 3. Гуманитарные науки. С. 38–43; *Его же.* Воеводское судопроизводство на территории Марийского края в XVIII веке // Историк и время: Проблемы истории и историографии народов России, Поволжья, Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. С. 92–96.

[3] Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 3. Оп. 1. Д. 74. Л. 8; Д. 115. Л. 14–14 об., 24, 32, 77, 85, 92, 108, 109.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825 гг.). (ПСЗ–1). СПб., 1830. Т. 8, № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 97–100.

[5] ПСЗ–1. Т. 11, № 8480. 12 декабря 1741 г. С. 544–546.

[6] ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 135. Л. 28 об.

[7] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 411. Оп. 1. Д. 85а. Л. 141.

[8] ПСЗ–1. Т. 5, № 3294. Января 1719 г. С. 625; Т. 8, № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 97.

[9] ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–8.

[10] ПСЗ–1. Т. 1, № 431. 22 января 1669 г. С. 774, 779; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 49. Л. 5.

[11] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 49. Л. 5–6; Д. 54. Л. 4; Ф. 474. Оп. 1. Л. 6. Л. 1.

[12] Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 54. Л. 108 об.–109; Ф. 3. Оп. 1. Д. 235. Л. 55; Ф. 474. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

[13] Реформы Петра I: сб. документов. М., 1937. С. 133–134.

[14] См: ПСЗ-1. Т. 8, № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 94–95.

[15] ГИА ЧР. Ф. 545. Оп. 1. Д. 8. Л. 20 об.

[16] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 135. Л. 86–86 об.

[17] Там же. Д. 12. Л. 2, 7, 8, 10–10 об.

[18] Там же. Ф. 545. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

[19] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 95–95 об.; *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 50–52.

[20] ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

[21] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 52. Л. 16.

[22] Там же. Д. 36. Л. 12, 19–29.

[23] ПСЗ–1. № 11750. 10 февраля 1763 г. Т. 16. С. 154–157; ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 186. Л. 6 об.–7.

[24] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 21 об.–22.

[25] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 27–30; Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 103–104 об.; Ф. 545. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

[26] Там же. Ф. 545. Оп. 1. Д. 7. Л. 92 об.–93.

[27] Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 5–5 об.

[28] Там же. Оп. 1. Д. 73. Л. 48 об., 51–52, 56 об.;

[29] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 69; Ф. 2. Оп. 2. Д. 13. Л. 145.

[30] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 51; Д. 15. Л. 1–2, 12, 45; Д. 16. Л. 4, 7, 30, 48, 63; Д. 21. Л. 798; Д. 30. Л. 4–4 об., 7; Д. 135. Л. 121 об.–122, 127 об.–128; Оп. 2. Д. 41. Л. 306–312; Д. 48. Л. 1, 2–3, 7, 22, 37, 50–50 об.; Д. 69. Л. 19; Ф. 3. Оп. 1. Д. 9.

[31] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 240; Д. 3. Л. 111 об.–113; Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 5; Д. 32. Л. 1–25; Д. 85. Л. 1–20; Д. 153. Л. 1–7; Оп. 2. Д. 41. Л. 48 об.

[32] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Л. 791.

[33] Подробнее см.: *Анисимов Е.В.* Указ. соч.

[34] «Государево слово и дело» – выражение, означавшее, что произносящий его готов донести властям о государственном преступлении (о покушении на государя или измене, о бунтах и заговорах, о казнокрадстве и т.д.).

[35] См.: *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I: по материалам Преображенского приказа. М., 1957; *Ее же.* Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 243–280; *Черникова Т.В.* «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // История СССР. 1989. № 5. С. 155–163.

[36] ПСЗ–1. № 5528. 10 апреля 1730 г. Т. 8. С. 261–264; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 50. Л. 3, 23–23 об., 26 об.–28, 37; Ф. 474. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

[37] ГИА ЧР. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–8.

[38] Там же. Л. 3–13 об.

[39] РГАДА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

[40] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–2, 4, 23–23 об.

[41] Там же. Л. 32–37.

[42] Там же. Л. 8–15, 50–54; Д. 73. Л. 2–72.

[43] Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 4 об., 7.

[44] Там же. Ф. 545. Оп. 1. Д. 7. Л. 15 об.

[45] Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.

[46] Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3.

[47] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–1 об.; Ф. 545. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.

[48] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 57. Л. 8–11 об.

[49] В 1755 г. в г. Чебоксары к всеобщему сведению сообщалось: «Публикация. По указу ея императорского величества из Чебоксарской воеводской канцелярии объявляется во всенародное известие. Понеже Чебоксарской канцелярии Нефед Семенов, утратя некоторую сумму денежной казны, из Чебоксар с женою и детьми бежал, того ради в Чебоксарской воеводской канцелярии определено о поимке» (ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 73. Л. 17). В марте 1768 г. в Ядринскую воеводскую канцелярию поступил указ с описанием примет беглого пономаря М. Савинова: «ростом два аршина четыре вершков, волосы на голове светло-русые, лицо и нос продолговатый, с рябинами небольшими, глаза серые, чисторечив...» (ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 38).

[50] Например, из протокола допроса подозреваемых лиц, составленного в июне 1762 г. в Ядринской воеводской канцелярии, следует: «...Первый, Тристан Торонкин, – ростом два аршина пять вершков и лицом смугл, глаза карие, волосы на голове темно-русые, уса и бороды нет, на локте о болезни знак. От роду ему, по сказке

его, 15 лет. Второй, Драний, – ростом два аршина шесть вершков, лицом смугл, глаза серо-карие, волосы на голове темно-русые, ус и борода режется, на левой руке на указательном пальце от болезни шишка. От роду ему, по сказке его, 37 лет» (ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 133. Л. 2–2 об.).

[51] ГИА ЧР. Ф. 545. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–19.

[52] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 66. Л. 20–23; Д. 143. Л. 25–25 об.; Оп. 3. Д. 1. Л. 1–1 об.; Ф. 474. Оп. 1. Д. 10. Л. 12, 14 об.–15; Ф. 545. Оп. 1. Д. 8. Л. 10, 27.

[53] ПСЗ –1. № 1. 29 января 1649 г. П. 36, 39, 44. С. 141–143; ГИА ЧР. Ф. 474. Оп. 1. Д. 12. Л. 3–4; Д. 27. Л. 8; Ф. 545. Оп. 1. Д. 13. Л. 19–23.

[54] Так, в октябре 1754 г. было описано имущество новокрещеного чуваша д. Карачурино Сугутской волости Чебоксарского уезда Ивана Петрова (Ивана Ишуткина): «Изба сосновая ветхая. В ней котел кашеварный медный, перина с наволокой белой. Позад той избы клеть липовая. В ней три сусека порозжеи, две бочки дубовые, шерсти овечьей фунтов с 10, чулки шерстяные овечьи русские, кошпа убрана оловом да шулгемя с серебряными копейками, кадка липовая с покрышкои и замком: в ней семь рубах чувашских; седло ветхое. Клеть сосновая. В ней два сусека порозжеи. Клеть же липовая пустая. Скота: лошадь кобыла темно-гнедая, два жеребенка: гнедой да карий, пять овец: две черные, три белые. А хлеба как молоченого, так и немолоченого не имеется» (ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 57).

8 июня 1768 г. была составлена опись имущества новокрещеных чувашей д. Малое Абызово Свияжского уезда Максима Семенова (Седеменя) и Михаила Григорьева (Муледера)(орфография и пунктуация сохранены. – *Д.Б.*): «Максима Семенова Седеменя двор вокруг без всякой городьбы, и посреди того двора только поставленная одна клеть крыта лубем, три сусека: в одном полбу например з два батмана, а две простые да в ней же, подмаре один покрыт лубем, в котором простая неболшая коробка одна, а более строения, пожиту и скота никакого не имеется. Михаила Григорьева Муледера двор без огородбы точня с одной стороны скотной сараи с лица обнесен в два звена бревнами, а протчее стоячим пластинком, которои накрыт жердми подле того огород обнесен, а вокруг стоячим честоколом. А блис того сарая изба новая крыта лубем, дверь на пятах передней крылецы в неи печь з белою трубою с подпарами и четыре малых окошек, а подле тои избы бревенчатая в углах канюшня без двереи и без мосту крыта лубем в неи двои сани дровни да одни общи вни. А посреди того двора клеть с крытою лубяная ветхая дверь на пятах з деревянным замком с одним подмаром и две сусеки: в одном полба по примеру батмана с три, а в другои ячменя батмана з две, шапка простова смурага сукна с мерлусчестой тулеи, хамутина новая одна, две катки: в одной аржаной муки пудовки з две, а другая простая, серп один, короб простой один, молотил три, перьев куричьих в два узлах да в одном кузаве конопля нетрепаного 10 горстей, вьюшек лубяных с пряж три скобелен, две штаны суконные зеленые бес подкладки ветхие один, чилек простой штанной же суконных серых простых ветхих двое штанов же холстовых ветхих женских три сара шитая на конце шелком одна, в подмаре коробка простая одна. Скота: овец один, гусеи две, куриц два. А более строения и пажити и скота не имеется» (ГИА ЧР. Ф. 545. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–23).

[55] ГИА ЧР. Ф. 545. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

[56] Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 27. Л. 4–4 об.

[57] Там же. Ф. 545. Оп. 1. Д. 8. Л. 26–26 об.

[58] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 45–45 об.

[59] *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 429.

[60] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 8, 25–26 об., 47–47 об., 53 об., 55 об., 60, 66, 84–84 об.; Ф. 474. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–13.

[61] Там же. Ф. 545. Оп. 1. Д. 7. Л. 4; Д. 8. Л. 8 об.

[62] Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 6; Ф. 545. Оп. 1. Д. 7. Л. 13–14; Д. 20. Л. 12, 15.

[63] Там же. Ф. 545. Оп. 1. Д. 10. Л. 14–16 об.; Д. 11. Л. 8–11 об.; Д. 12. Л. 8.

[64] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 2–59.

[65] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 387. Л. 10; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 66. Л. 9 об., 12–12 об.

[66] ГИА ЧР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

[67] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 104. Оп. 2. Д. 41. Л. 196 об.; Д. 54. Л. 237.

[68] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 27 об.–29 об.

[69] Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 40. Л. 12 об., 33.

[70] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–9, 17–22; Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. Л. 34 / [Лист на фотокопии: 286 об.].

[71] *Киприянова Н.В.* Указ. соч. С. 113.

[72] Подробнее см.: *Киприянова Н.В.* Социокультурный облик российского купечества (по материалам Уложенной комиссии 1767 г.). Владимир, 2011. С. 33–42, 160–307.

[73] *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст[олетии]: историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. С. 16–20; *Маньков А.Г.* Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720–1725 гг. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 159–180.

[74] *Енин Г.П.* Словесный воеводский суд.

[75] *Димитриев В.Д.* Указ. соч. С. 331–332; ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 69. Л. 20.

[76] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. [Лист на фотокопии: 718].

[77] Там же. [Листы на фотокопиях: 718–719].

[78] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 46. Л. 4–71; Д. 106. Л. 2–46.

[79] Там же. Д. 21. Л. 531; Д. 96. Л. 1–116.

[80] РГАДА. Ф. 441. Оп. Д. 85 а. Л. 379.

[81] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 2–2 об.

[82] Там же. Л. 45–46.

[83] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996. Л. 193–194 / [Листы на фотокопиях: 822–822 об.].

[84] Там же. Л. 116–121/ [Листы на фотокопиях: 783 об.–786].

[85] ГИА ЧР. Ф. 224. Оп. 1. Д. 94. Л. 45, 47.

[86] Там же. Л. 45 об.

[87] Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. Симбирск, 1904. Т. 4. С. 128.

[88] Там же.

Приложение 1

Основные виды правонарушений и наказаний по приговорам воеводских канцелярий на территории Чувашии в 1728–1779 гг.

Виды право-нарушений	Число правонарушений	Приговоры без телесного наказания (штраф, на поруки…)	Мировые	Виды телесных наказаний							
				«с наказанием»	плеть	кнут	батоги (палочье)	отрезание уха	вырезание ноздрей	клеймение	ссылка
Кража	58	9	3	5	13	25	3	2	1	1	2
Разбой	6					6			4	1	4
Убийство	4	2			1	1					
Скупка и продажа краденого	4	1			2		1				
Неповиновение сотнику, пятидесятнику	3				3						
Ложный донос	3	1				1	1				
Невозврат долга	2		2								
Блудное воровство	2	1		1							
Упущение разбойника	2				1		1				
Держание беглого	2	2									
Оговор	2	1				1					
Недонос	1					1					
ИТОГО	**89**	**17**	**5**	**6**	**20**	**35**	**6**	**2**	**5**	**2**	**6**

Источники: ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 21; Д. 3. Л. 22, 40, 125–127; Д. 4. Л. 27–30; Д. 9. Л. 1–1 об., 3 об.–4, 10, 24 об.–25; Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 710, 712–715, 790 об.–791, 795–795 об.; Д. 8. Л. 599; Д. 16. Л. 32 об., 48, 51, 68; Д. 30. Л. 5–5 об.; Д. 36. Л. 12, 19–29, 34; Д. 52. Л. 3–7 об., 10–16; Д. 55. Л. 103–104; Д. 57. Л. 8–11; Д. 76. Л. 2–9; Д. 79. Л. 1–14; Д. 142. Л. 10–22; Оп. 2. Д. 22. Л. 82–82 об.; Д. 34. Л. 28–40; Д. 41. Л. 195–196 об., 347, 376–378; Д. 54. Л. 212–217, 237, 243 об.–244; Оп. 3. Д. 1. Л. 1–6; Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–8; Д. 20. Л. 1–7; Д. 31. Л. 21 об., 38; Д. 31. Л. 10, 45; Д. 115. Л. 8–8 об., 30–30 об., 49, 106; Д. 135. Л. 2 об.–3, 137–137 об.; Д. 183. Л. 12–13; Д. 184. Л. 1–6; Д. 186. Л. 1–7; Д. 211 а. Л. 18–20, 30–32 об.; Д. 230. Л. 1–28; Ф. 474. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–3 об.; Ф. 545. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–5, 37–38; Д. 8. Л. 5, 73.

Приложение 2

Таблица укрупнённых категорий о воеводском судопроизводстве, составленная по наказам в Уложенную комиссию 1767 г.

№ п/п	Номер в общем списке требований	Ряд укрупнённых категорий	Частота повторяемости	%
1		*О суде по форме*	*8*	*6,4*
1.1	3	В завладении или отнятии пашенных земель с угодьями и в прочих обидах велено разнимательство чинить судом	8	6,4
	27	В завладении или отнятии пашенных земель с угодьями и в прочих обидах велено разнимательство чинить по форме судом		
	39	Между нами происходят ссоры и драки, по которым велено производить суд по форме		
	46	Между нами и с прочими обывателями происходят ссоры и драки, по которым велят в силу о суде формы ведаться судом		
	55	Между нами происходят ссоры и драки, и по тем велено производить суд по форме		
	69	Повелено всякому обиды искать судом по форме		
	76	Повелено всякому обиды искать судом по форме		
	117	Во всех больших и самых малых претензиях по законам дела производятся судом		
2		*Об участниках воеводского судопроизводства*	*47*	*37,6*
2.1	5	Принуждены в суды нанимать посторонних за весьма великую плату	8	6,4
	29	Принуждены в суды нанимать посторонних за весьма великую плату		
	41	К судебным делам для хождения нанимаем разного звания поверенных		
	47	Челобитчик и ответчик должны всегда по незнанию положенных законов нанимать поверенных		
	57	К судебным делам для хождения нанимают разного звания поверенных		
	70	За незнанием приказного порядка принуждены нанимать поверенных		
	77	За незнанием приказного порядка принуждены нанимать поверенных		
	103	По незнанию указов принуждены отыскивать поверенных		
2.2	6	Посторонние в судах много проранивают и обманывают	8	6,4
	30	Посторонние в судах много проранивают и обманывают		
	42	Поверенные нас разоряют		
	48	Поверенные как челобитчиков или ответчиков приводят правыми и чрез обманство к разорению		
	58	Поверенные нас приводят в обманство и разорение		
	71	Поверенные приводят в крайнее разорение		
	78	Поверенные приводят в крайнее разорение		
	104	Поверенные судимых получают себе 5 руб. с человека за одно только проговорение суда		
2.3	4	Приказного порядка не знаем	4	3,2
	28	Приказного порядка не знаем		
	40	Народ безгласный и несведущий законов		
	56	Народ безгласный и несведущий законов		

2.4	33 43 49 59	По причине происшедших от поверенных ябеднических справок чинятся многие волокиты, убытки и разорения К судебным делам собираются свидетели и выносят многие справки По судебным делам призваны бывают свидетели и выносятся справки К судебным делам собираются свидетели и выносят многие справки	4	3,2
2.5	85 100 118	В разных ссылках исходит на печатные пошлины и на проезд посланным для сыску свидетелей ныне берутся с челобитчиков деньги Заимодавец-челобитчик платит при подаче челобитья 3 руб. С платежем на пред с исковых челобитен берутся пошлины по 3 руб. с челобитни	3	2,4
2.6	7 31	Посторонние приводят нас к извинению Посторонние приводят к винности	2	1,6
2.7	45 61	По судебным делам челобитчик и ответчик с обеих сторон несут немалое разорение По судебным делам челобитчик и ответчик с обеих сторон несут в себе немалое разорение	2	1,6
2.8	105 120	Заимодавцы-челобитчики по убожеству своему в прошение вступить не могут Многим по бедности платить пошлины нечем	2	1,6
2.9	51	От продолжения судебных дел челобитчик и ответчик лишаются экипажа	1	0,8
2.10	52	От продолжения судебных дел челобитчик и ответчик отстают от хлебопашества	1	0,8
2.11	53	От продолжения судебных дел челобитчик и ответчик приводят себя в убожество и нищету	1	0,8
2.12	94	Помещики, чтобы захватить ясашные земли, просят от судей	1	0,8
2.13	95	Судьи из наших жительств сбирают много людей и сажают в приказ и тюрьму	1	0,8
2.14	96	Судьи бьют немилостиво	1	0,8
2.15	97	Судьи морят месяца по 2, и по 3, и по году	1	0,8
2.16	98	Судьи приневоливают безвинно мириться	1	0,8
2.17	99	Заимодавцы подают в канцелярию на неплательщиков челобитные	1	0,8
2.18	101	Заимодавец-челобитчик платит с посылок печатные пошлины	1	0,8
2.19	102	В силу о суде формы отдают челобитчику билет, а ответчику с челобитья копию, чтоб стали они к суду на срок	1	0,8
2.20	106	Ответчики перед заимодавцами-челобитчиками остаются в немалом вантаже	1	0,8
2.21	114	Ворам в судебных местах чинится наказание кнутом	1	0,8
2.22	115	Воры себе наказание ни во что вменяют, но и больше к воровству прилагаются	1	0,8
3		*О характере и недостатках воеводского суда*	*22*	*17,6*
3.1	1 9 16 21 24 36	По судным делам от сыску, порук чинятся нам великие убытки и волокиты В судном деле чинятся многие волокиты, убытки и разорения За нескорым производством малых дел к решению происходят убытки и разорения За содержанием под караулом приходим в разорение По производимым приказным делам долговременно волочимся и претерпеваем немалые отягощения, нужды и разорения Нам наносится отягощение в проезде и волокитах, тягость и убытки	6	4,8

3.2	8 32 44 50 60	Судная записка и судное дело к решению происходят долговременно Судная записка и судное дело к решению происходят долговременно По судебным делам происходит немалое продолжение По судебным делам происходит продолжение По судебным делам происходит немалое продолжение	5	4,0
3.3	72 79 83 121	Правые свои претензии принуждены оставлять без взыскания Правые свои претензии принуждены оставлять без взыскания За проести и волокиты с виновных в силу законов не взыскивают По бедности приключающиеся нам обиды оставлять без всяких прошений и удовольствий	4	3,2
3.4	15 35	В малом деле производится разнимательство письменно В малом деле суд производится письменно, и присутственным местам наносится отягощение	2	1,6
3.5	18 20	По челобитчиковым делам сначала и до скончания бываем одержимы в городах под караулом По челобитчиковым делам бываем содержаны долговременно под караулом	2	1,6
3.6	17	По челобитчиковым делам в происходимые самые деловые поры чинятся посылки	1	0,8
3.7	23	По производимым приказным делам успеху и удовольствия нимало не имеем	1	0,8
3.8	119	Производства судов бывают на гербовой бумаге, которая покупается по 4 коп. каждый лист	1	0,8
4		*Об изменении порядка судопроизводства*	*48*	*38,4*
4.1	13 37 62 73 75 80 82 91 107 125	В нетяжких и малых делах, в долгах или прочих обидах разнимательство производить словесным судом В нетяжких и малых делах, в долгах или прочих обидах разнимательство производить словесным судом Иском не свыше 30 руб. в долгах, ссорах и драках, кроме татейных, судиться между собою Виновных односельчан в сорвании из садов яблок… наказывать выборным на мирском сходе Ссоры, драки в займе денег до 10 руб. разбираются старостами, выборными и волостными сотниками без следствия Виновных односельчан в сорвании из садов яблок… наказывать выборным на мирском сходе Ссоры, драки в займе денег до 10 руб. разбираются старостами, выборными и волостными сотниками без следствия Определить во взыскании подушного платежа и податей, в разбирательстве ссор и других непорядков государственно-ясашный суд В ссудах от рубля до 10 руб., также в ссорах, драках давать по-прежнему третейский суд До коликой суммы заблагорассудится дела производить у сотников третейским судом	10	8,0

4.2	14 26 38 63 92 108	В словесный суд в каждом селении выбирать самим из нас же сотникам и старостам Депутатов определять из нас же, кого мы избрать и переменить пожелаем В словесный суд в каждом селении выбирать самим из нас же сотникам и старостам Определить в каждой сотне или дороге по выбору мирских людей по одному достойному человеку В государственно-ясашный суд выбрать с государевых ясашных крестьян От челобитчика и ответчика третейских судей было выбранных от каждого по 2 какого б ни было чину	6	4,8
4.3	10 34 54 124	Судные дела производить следствиями Если б судные дела между нами с посторонними повелено было производить следствиями По судебным делам для скорейшего произвождения производить следствием чрез свидетельство До коликой суммы заблагорассудится дела производить в судебных местах следствием	4	3,2
4.4	2 22	Нас обязывать подписками, чтоб мы оных больших убытков и волокит избавиться могли По делам какая надобность обязывать подписками	2	1,6
4.5	11 122	Судные дела производить на простой бумаге случающиеся в небольших претензиях от 1 до 10 руб., производить суд на простой бумаге	2	1,6
4.6	68 116	Кто по татейному делу изоличен будет и по расспросу на себя скажет воровство, чтоб сослать в каторжную работу с зачетом рекрута Воровских людей ссылать с их женами и детьми на поселение в отдаленные места	2	1,6
4.7	74 81	За неоднократное воровство в присутственных местах наказывать плетьми и отдать в рекруты или выселить в поселение За неоднократное воровство в присутственных местах наказывать плетьми и отдать в рекруты или выселить в поселение	2	1,6
4.8	113 123	Ответчиков самих против челобитья допрашивать, а не судом производить Случающиеся в небольших претензиях производить не судом по форме	2	1,6
4.9	12	При следствиях советствовать без найма поверенных	1	0,8
4.10	19	В чинении за нами посылок в деловые поры последовала отмена	1	0,8
4.11	25	Депутат мог присутствующим представлять, что означенные дела производились безволокитно	1	0,8
4.12	64	Выборный должен судить, винных наказывать и смирять	1	0,8
4.13	65	Для справки иметь из Казанской губернской канцелярии книги	1	0,8
4.14	66	Принимать с судебных дел указныя пошлины с запискою в книгу	1	0,8
4.15	67	Выборным принимать от обывателей и явочные челобитные или изветы	1	0,8
4.16	84	С виновных иноверцев проести и волокиты взыскивать	1	0,8
4.17	86	По судебным делам с виновного взыскивать пошлины 3 руб.	1	0,8
4.18	87	По судебным делам с виновного взыскивать с бываемых посылок печатные пошлины	1	0,8
4.19	88	По судебным делам с виновного взыскивать отданные посланным на проезд деньги	1	0,8

4.20	89	По судебным делам с виновного взыскивать за гербовую бумагу деньги	1	0,8
4.21	90	По прежним законам за проести по гривне на день с виновных повелено б было взыскивать	1	0,8
4.22	93	Не помещику или дворянину ясашных крестьян судить	1	0,8
4.23	109	По третейскому суду, кто виноват, взыскания чинить из его имения и отдавать правому	1	0,8
4.24	110	По третейскому суду в ссорах и драках и прочих малейших причинах виновным чинить наказания или взыскания без честей	1	0,8
4.25	111	Иску свыше 10 руб. подавать в судебных местах челобитныя только б 3 руб.	1	0,8
4.26	112	При подаче иска свыше 10 руб. печатных пошлин не взыскивать	1	0,8

ИТОГО: 125 100%

Источники: Наказ 97. Симбирского и Сызранского уездов от ясачных крестьян // Сб. РИО. Т. 115. СПб., 1903. С. 347–348, 350; Наказ 98. Симбирского уезда от новокрещеных // Там же. С. 353–354; Наказ 99. Симбирского уезда от иноверцев // Там же. С. 356–357; Наказ 105. Казанский уезд от ясачных чуваш // Там же. С. 380–381; Наказ 107. Казанского уезда разных жительств от новокрещеных из чувашей // Там же. С. 383–384; Наказ 108. Казанского уезда от ясачных крестьян разных дорог // Там же. С. 386–387; Наказ 110. Свияжского уезда от ясашных татар // Там же. С. 393–395; Наказ 113. Свияжского уезда от ясашных из чуваш новокрещен // Там же. С. 409–410; Наказ 116. Пензенской, Сарайской и Петровской провинций от новокрещен из мордвы и чуваш // Там же. С. 421–424; Наказ 117. Чебоксарского уезда Кинярской волости от новокрещен из чуваш // Там же. С. 424–425; Наказ 118. Цивильского уезда от ясашных из чуваш новокрещен // Там же. С. 428–429; Наказ 119. Цивильского уезда Богоявленского погоста от ясашных новокрещен из чуваш // Там же. С. 430–431; Наказ 120. Цивильского уезда Успенского погоста от ясашных новокрещен из чуваш // Там же. С. 431–432; Наказ 121. Цивильского уезда Никольского погоста от ясашных новокрещен из чуваш // Там же. С. 432–434; Наказ 122. Козьмодемьянского уезда от новокрещен из чуваш // Там же. С. 435–436.

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ЭТНОЭКОЛОГИИ В ЧУВАШИИ

Е.В. Сергеева

Ключевые слова: *этническая экология, эволюция жилища, традиционная пища чувашей, народные праздники и обряды.*

«Этническая экология – научная дисциплина, формирующаяся на стыке этнографии с экологией человека»[1]. Проще говоря, это наука, изучающая взаимоотношения человека с окружающим миром и некоторые представления о нем в рамках культуры этноса. Термин «этническая экология» впервые был предложен В.И. Козловым, обосновавшим ее предметную область. Им сделано чрезвычайно много для организации и популяризации этноэкологических исследований в России.

Эта статья представляет собой первую попытку рассмотрения вопросов изучения этнической экологии в Чувашии. Этническая экология определяет своеобразие народной культуры, поэтому изучение данной темы, на наш взгляд, является актуальным. В современном мире существует немало экологических проблем, требующих разрешения. В центре внимания этнической экологии – изучение взаимодействия организма и среды, учет особенностей человека как социально-биологического существа, а также огромное значение его хозяйственной деятельности для окружающей природы[2].

Традиционная материальная и духовная культура чувашского этноса рассматривалась учеными многие десятилетия, но исследовательских работ с точки зрения этнической экологии не было. Проблемы этноэкологического аспекта являют собой новое направление в изучении наследия чувашей.

Цель данной работы заключается в изучении функционирования традиционной материальной и духовной культуры чува-

Сергеева Евгения Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук.

шей с этноэкологической точки зрения. Эта цель предполагает постановку следующих задач: 1) дать характеристику среды обитания и расселения чувашей; 2) изучить традиционную материальную культуру чувашского народа в зависимости от природных и социально-культурных условий его обитания; 3) проанализировать этноэкологические условия труда, быта и отдыха чувашского этноса; 4) охарактеризовать основные экологические связи человека и природы, народную медицину.

Прежде чем начать разговор о проблемах этноэкологии в Чувашии, хотелось бы провести небольшой экскурс в историю становления этнической экологии как дисциплины в России.

Этносы, являющиеся основными объектами исследования этнографической науки, представляют собой одну из наиболее естественных и устойчивых форм социальной группировки людей. Каждый этнос складывается и обычно живет на определенной территории, т.е. в определенных природных условиях, к которым люди адаптируются и часть которых они могут в той или иной мере изменять в ходе развития производительных сил и хозяйственной деятельности. Адаптация людей к определенной среде обитания выражается в материальной и духовной культуре, традиционном быте, психологических чертах и т.д.[3]

Стимулирующее значение для становления этнической экологии в России имело участие этнографов, демографов, антропологов, медиков и специалистов других наук в начавшейся с1978 г. разработке советско-американского проекта «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей». В данном исследовании российским этнографам пришлось изучать не только классификационные признаки элементов традиционной материальной и духовной культуры, но и их влияние на здоровье и продолжительность жизни людей[4].

Зачатки изучения этнической экологии содержались еще в научно-методологических статьях. Здесь нужно назвать работу Ю.В. Бромлея «Этнические аспекты экологии человечества», в которой еще нет понятия «этническая экология», но отмечается, что отношения этноса и природы позволяют рассматривать их как одну этноэкологическую систему[5]. Все же ведущая роль в становлении этой дисциплины принадлежит В.И. Козлову, который ввел в научный оборот термин «этническая экология»[6]. Адаптационные процессы рассматривались в работах Э.С. Маркаряна[7]. Работы, посвященные отдельным «этноэкосистемам», были выполнены И.И. Крупником[8]. Нововведением стало внедрение в научный оборот термина «культура жизнеобеспечения» С.А. Арутюновым[9]. Немало этноэкологических положений содержится в статьях сбор-

ника «Общество и природа». Авторы вводной статьи М.П. Ким и Л.В. Давыдова отмечают, что весьма актуальной является «проблема взаимосвязи этноса как социокультурного феномена и конкретно-географической среды, изменения экологических функций этнических культур с древности до современности»[10]. Изучению этнической экологии, ее составляющих и смежных дисциплин посвятили свои работы В.П. Алексеев[11], С.Н. Артановский[12], Н.И. Григулевич (питание русских старожилов)[13], Н.А. Дубова (антропологическое направление)[14], А.Н. Ямсков[15]. По этноэкологии традиционной культуры народов защищены диссертации[16].

В настоящее время проблемами этнической экологии занимаются в Институте этнологии и антропологии РАН (Москва), Институте проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень), Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток) и т.д. Вопросам экологии человека посвящена разнообразная литература. Особое внимание российскими учеными уделяется теме адаптации и жизнеобеспечения этноса. В этом ключе составлен сборник «Этническая экология: народы и культуры»[17]. Такого же характера исследования в двухтомном сборнике «Этнос и среда обитания»[18], работа «Этноэкологические аспекты духовной культуры»[19].

Данная тематика представлена в сети Интернет во множествах сайтов (www.ethnoecology.ru, www.etno.environment.ru и др.).

* * *

Особое место среди наук, с которыми взаимодействует экология человека, занимает этнология, и именно в зоне стыковки этих наук возникла пограничная дисциплина – этническая экология[20]. Научное оформление этнической экологии, как и экологии человека, задержалось по ряду причин и прежде всего из-за происшедшего во второй половине XIX—начале XX в. отделения естественных наук от общественных. Один из первых исследователей проблематики этноэкологии в России В.И. Козлов выделяет три основных пути развития связей между этнографией и экологией человека. Как отмечает автор в своей первой статье, отделение этнографии от географии имело негативные последствия, что проявлялось в том, что из физической и экономической географии начал исчезать человек, а из этнографии – природная среда. В середине XX в. связи между этими науками стали восстанавливаться. В экономической географии выделяется особая дисциплина – география населения («этническая география»), занимающаяся проблемами расселения народов и имеющая выводы этноэкологического значения. В качестве второй связи В.И. Козлов выделяет антропологию, которая уделяет внима-

ние влиянию природной среды на изменение морфологических и физиологических признаков людей. Пограничная дисциплина – этническая антропология – главным образом занимается этногенетическими проблемами, но в ней также имеется экологическое содержание. В качестве третьего пути, который связывает этнографию и экологию человека, В.И. Козлов отмечает демографию – естественное воспроизводство населения. Тесные связи этнографии и демографии формируют смежную дисциплину – этническую демографию, которая прямо связана с изучением рождаемости, смертности и особенно влияния окружающей среды на эти процессы[21].

Итак, этническая экология – научная дисциплина, формировавшаяся на стыке этнографии и экологии человека и имеющая зоны перекрытия с этнической географией, этнической антропологией и этнической демографией. Она ставит задачей изучение особенностей традиционных форм жизнеобеспечения этнических групп и этносов в природных и социально-культурных условиях их обитания, а также влияния сложившихся экологических взаимосвязей на здоровье людей; изучение специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем[22].

Одним из важнейших теоретических интеграторов современной экологии выступает общенаучное понятие «адаптация». Его значение для экологии состоит прежде всего в том, что оно призвано выполнять роль теоретической связки между понятиями «живая система» и «среда», связки, фокусирующей внимание исследователя на процессах нарушения и восстановления (соответствия) между объектами, выражаемыми данными понятиями. Адаптивно-экологическое взаимодействие социальных систем со средой — это весьма многоплановый процесс, целостно осмыслить который можно лишь благодаря многомерному подходу[23]. При изучении особенностей жизнеобеспечения следует обратить внимание на физическую (материальную) и психическую (духовную) адаптации человека. К первой относятся биологическая адаптация людей к природной среде и социокультурная адаптация, которая связана с хозяйственной деятельностью и отражается в особенностях материальной культуры (пища, одежда и т.д.), а также в этноботанике и народной медицине. Ко второй относятся психологическая адаптация на личностном и групповом уровне к окружающей природной среде и иноэтничному социально-культурному окружению, традиционные методы предупреждения или ослабления стрессовых ситуаций и т.д.[24]

Нельзя сказать, что проблема этнической экологии в Чувашии не изучалась. Все три пути, или составляющие этноэкологии, которые были выделены В.И. Козловым, в чувашской науке исследуются. К примеру, по этнической географии много исследований у доктора исторических наук, профессора В.П. Иванова. В монографии «Этническая география чувашского народа» им рассматриваются проблемы исторической динамики численности и расселения чувашского народа, вопросы формирования этнической территории. (Отмечается, что основная масса чувашского этноса расселена в Средневолжско-Приуральском регионе.) Природно-географические условия оказывали и продолжают оказывать существенное воздействие на расселение чувашей, на интенсивность их контактов и характер взаимоотношений с другими этносами. Природа и ресурсы на исторической территории обитания этноса в огромной степени определили географию его размещений и основные хозяйственные занятия[25].

Проблемами антропологии чувашей занимается Е.Г. Лебедева[26]. Изучением демографии, расселения занимаются социологи. В изучении этноэкологии чувашей немаловажное значение имеет учебное пособие «Чуваши: культура жизнеобеспечения»[27]. Но все же нет обобщающей работы, которая бы охватила все сферы этнической экологии чувашей.

* * *

Природные условия и жизнеобеспечение чувашей направлены на поддержание жизнедеятельности этноса. Традиционная культура нашего народа характеризуется чертами, присущими чувашам. Это проявляется в материальной и духовной культуре. Изучение культуры чувашей в аспекте этнической экологии дает возможность не только анализировать события как существующее явление, но и посмотреть на это явление в действии, т.е. увидеть процесс взаимовлияния природы и человека, а также его трансформацию.

Этноэкологические особенности образования чувашских населенных пунктов и расселения включали в себя выбор удобного места для проживания и хозяйственной деятельности. Также учитывались следующие факторы: расстояние от другого дома, наличие достаточного количества воды как в близлежащих речках, так и в колодцах, пригодность почвы для зерновых и т.д.[28] Зональные различия наблюдаются в названиях деревень. Они отражают как рельеф местности, семейный и общественный быт, так и следы проживания других народов (марийцев, мордвы, татар, буртасов и др.). Одним из ярких признаков в названиях деревень, особенно у верховых чувашей, является наличие в их составе элемента

кас, восходящего к значению «дочернее селение». Географическое расположение их в основном совпадает с зоной бытования гнездового типа расселения сложных общин. Большая часть селений носит название, образованное от имени его основателя или связанное с особенностями местности (гидронимы, лесные участки и др.)[29].

В монографии В.Д. Димитриева «Чувашские исторические предания» рассматриваются топонимические предания о возникновении селений Чувашии. О характере образования выселков северной и центральной, юго-восточной и южной Чувашии довольно отчетливо говорят их названия. В большинстве случаев, как отмечалось выше, чувашские названия состоят из двух частей: первое слово – коренное, вторая часть – *кас, касси*. Названия выселков по смыслу подразделяются на несколько групп:

1) названия, происшедшие от названия материнского селения;

2) названия, указывающие на расчистку леса под поселение (используется слово *хăртнă*, досл. «доводить дерево до того, чтобы оно засохло»);

3) названия, происшедшие от имен основателей выселков;

4) названия, связанные с местоположением выселка (речка, овраг, гора, луг и т.п.);

5) названия, связанные с положением выселка по отношению к другим селениям сложной общины;

6) названия, возникшие с помощью слова *çĕнĕ* «новый»[30].

Под формами поселений, как известно, понимаются типы планировки поселений. В середине XIX в. в чувашских селениях дифференцировались кучевой, рядовой, уличный типы планировки. Кучевая планировка в связи с бессистемным расположением гнезд (групп дворов) была разнообразной по форме. Многие деревни кучевого плана состояли из нескольких гнезд. Также своеобразным было расположение огородов и гумен. Деревни кучевого плана делились и по такому признаку, как наличие или отсутствие главной улицы. Кривые улицы одним концом выходили к источнику воды, другим – к окраине деревни. Положительной стороной такой планировки было то, что огороды и поля располагались по периметру недалеко от дома. Рядовая планировка деревень появилась позже, возникновение её можно объяснить осознанием неудобства кучевой планировки, нехваткой земель. Такая планировка имела свои плюсы: дома располагались по прямой линии, выделялась главная улица[31]. Селения жителей северных и центральных районов Чувашского края располагались гнездами вокруг одного, более крупного населенного пункта. На юго-востоке, в степных районах и за пределами Чувашии они распо-

лагались в линейном порядке вдоль рек. Чувашские деревни в прошлом не имели четкой уличной планировки. Дворы размещались группами вокруг двора родоначальника (патронимии)[32].

Располагая деревни на склонах оврагов, чуваши преследовали несколько целей. Во-первых, наиболее полно использовались площади, предназначенные для посевов. Во-вторых, в оврагах устраивались пруды и маленькие запруды для домашней водоплавающей птицы. Склоны, обращенные к солнцу, наиболее выгодны для посевов и посадки ценных сортов овощей и плодовых деревьев. Насаженные вдоль улиц и склонов ивы в сочетании с водоемами и защищенная от ветра низменность создают наиболее благоприятный микроклимат для жизнедеятельности человека. В старину улицы деревень были чисты и покрыты невысокой травой. За родниками был бережный уход, не допускалось их засорение. Улицы подметались[33].

Рассматривая топонимику селений и выселков, исследователь получает богатый материал по материальной и духовной культуре чувашского народа. Прослеживая заселение территории, адаптацию к окружающей среде, можно выявить сохранность изначальной культуры народа.

Жилище – один из наиболее существенных элементов культуры, оно занимает важнейшее место в системе культуры любой этнической общности. Развитие и формирование жилища определяются многообразными факторами: природно-географическими условиями, историческим процессом, направлением хозяйственной деятельности человека, уровнем развития общества, имущественно-классовыми различиями, формой семьи и особенностями семейного и общественного быта, религией и верованиями, обычаями и обрядами, эстетическими представлениями народа и др. Особенности жилища в значительной степени зависят от образа жизни, от степени оседлости и подвижности; она же, в свою очередь, определяется экологическими условиями и способом хозяйственной деятельности[34].

Основным строительным материалом как для дома, так и для мебели служило дерево. На сруб использовали хвойную породу (сосну, реже ель) и липу. Осина и береза в строительстве дома не годились. Материалом также служили глино-соломенная смесь, саманные и каменные кирпичи. Печь в доме ставилась справа от входной двери устьем к передней стороне. Печи снабжались дымоотводной трубой из луба, которую выводили через отверстие в потолке. Такое строение печи давало возможность держать стены дома в чистоте, т.к. дым не выходил в комнату. Дневное освещение было минимальным. Косящатое окно со стеклом стоило дорого, поэтому не все окна делались в таком виде. Особенностью

были высокие пороги, дверь прорубалась на два венца выше переруба пола, что имело для курной избы важное значение – уменьшался приток холодного воздуха во время топки, когда дверь открывалась для выпуска дыма. Особенностью интерьера жилища чувашей было преобладание неподвижной мебели, их формы и размещение были рациональны. Над нарами приколачивались полки для хранения вещей, в курной избе они служили для оседания на них сажи. Также топка по-черному проводила своеобразную дезинфекцию[35].

С этноэкологической точки зрения эволюция жилища чувашей была связана с улучшением и сохранением условий проживания, поэтому соблюдалась внешняя и внутренняя гигиена жилища, которая была необходима для сохранения здоровья как взрослых, так и детей. Особое внимание чуваши уделяли уборке в доме и старались содержать его в чистоте. Подметали два-три раза в день. Хотя бы один раз в день старались вымыть полы; раз в неделю мыли горячей водой[36]. Уборкой дома больше занимались зимой, т.к. в холодное время телят, ягнят, козлят, иногда и кур держали дома. На зиму окна и двери тщательно утепляли: окна — ставнями и соломенными матами, двери – мхом, сеном, в морозные дни занавешивали одеялом, половиком[37]. Таким образом старались сохранить тепло в доме. Большую уборку заводили чаще всего перед праздниками. Так, на *Мункун* дом мыли полностью, эта традиция сохранилась до наших дней.

Дом делился на мужскую (слева) и женскую (справа) половины. Угол по диагонали от печи являлся передним, красным углом, почетным местом (*кĕреке*). Пространство перед печью называлось *тĕпел*, оно считалось местом для хозяйки[38].

Главной особенностью чувашских подворий, в отличие от русских, являлась замыкаемая воротами П-образная планировка двора, позади которого были огороды, обнесенные плетнем. Внутри могла существовать и отдельно огороженная пасека, примыкающая к сараям. Видимо, раньше не был распространен обычай строить амбары вне двора. Планировка подворья выполнялась с таким расчетом, что скот, заведенный с улицы во двор, не допускался к посевам. Оказавшись в замкнутом пространстве, скотина распределялась по дворовым постройкам, окружающим внутреннюю площадь по периметру[39].

К этноэкологическим особенностям чувашских традиционных хозяйственных построек относится усадьба с круглым типом двора. Это был широкий открытый участок с жилой избой посередине, окруженный несомкнутыми надворными строениями. Постройки и различные навесы (клети, амбары, хлевы и др.) сооружались на некотором расстоянии от домов, что давало возможность сохранять в чистоте близлежащую к избе территорию[40].

Важной частью усадебного комплекса у чувашей была клеть, которая предназначалась не только для хранения вещей, зерна, но и для летнего проживания. Так, молодоженов на первую брачную ночь помещали в клети, рядом с зерном, полагая, что семейство будет размножаться как зерновые культуры. Немаловажное значение имела лачуга, в которой, помимо приготовления или принятия пищи, занимались домашним производством (например, крашением тканей), к тому же она являлась летним жилищем. У чувашей повсеместно была баня. Бытовали разные её виды – бани-землянки, полуземлянки, наземные срубной, столбовой, глинобитной конструкций. Топились они как «по-белому», так и «по-черному». Устраивали баню рядом с водоемом, что было связано с мерами пожарной безопасности, удобством доставки воды. Баня широко использовалась в обрядовых действиях (свадебные – парили невесту, родильные, похоронные), имела функции гигиены и лечения[41]. В целях экономии топлива баню топили 2–3 дня подряд, мылись каждую неделю или раз в две недели[42]. Баня являлась одним из факторов активной борьбы за здоровье у чувашей, а также важнейшим компонентом системы жизнеобеспечения и выступала на индивидуальном и этническом уровнях в процессе удовлетворения материальных и духовных потребностей не только посредством адаптации к природной и социально-культурной среде обитания, но и путем развития компонентов культуры. Но значительная роль ей отводится в профилактике здоровья и лечении болезней[43].

Жилища и хозяйственные постройки чувашского народа строились из природных материалов, дом старались держать в чистоте, интерьер состоял из деревянной мебели. Окружающие дом хозяйственные постройки строились на различном расстоянии для удобства и чистоты двора.

Трудовая деятельность и условия труда являются составляющими этноэкологических аспектов хозяйственно-промысловой деятельности чувашей. С помощью труда создавались условия для нормальной жизнедеятельности народа. Но в то же время условия работы оказывали неблагоприятное воздействие на здоровье населения. Мужчины выполняли наиболее тяжелую работу: пахали, сеяли, строили жилище и хозяйственные постройки. Во время пахоты в обед обязательно делали перекур, иногда устраивали небольшой отдых с кратковременным сном. Тем более нужно было дать отдых лошадям: «Человек выдержит, а лошадь может не выдержать». Женщины, девушки, подростки и дети жали. В зимнюю пору большую часть свободного времени находились в доме: мужчины проводили время за разговором, женщины пряли, ткали[44].

С 10–12 лет мальчики у чувашей начинали плести лапти и боронить, а в 14 и 15 выезжали пахать в поле. Зимой ездили за дровами в лес, «ходили» за скотиной; в свободное время гнули на продажу дуги, делали салазки, а с 18 лет считались совершенными работниками[45].

Каждый член семьи получал трудовые задания (уборка избы, уход за скотиной и т.д.), которые должен был выполнять ежедневно. В сочинении Н.М. Охотникова дается комплексное освещение трудового и нравственно-религиозного воспитания подрастающего поколения в сфере повседневной семейно-общественной жизни чувашского крестьянства. Вот одна из картин крестьянского домашнего быта, изображенная автором: «...когда все домашние были дома, мужчины плели лапти, вили веревки из мочала или чинили сбрую, а иногда дедушка с отцом плотничали. Женщины, покончив со стряпней, принимались за пряжу...»[46]

Трудовая деятельность человека породила также обряды и обычаи, связанные с самим процессом труда. К ним относятся, например, различного рода помочи, к которым в чувашских деревнях прибегали при особо трудоемких работах – постройке дома, вывозе лесоматериала, молотьбе и т.п. Относясь с уважением к труду, чуваши иногда превращали сельскохозяйственные работы в праздники[47].

Немаловажное значение в жизни чувашей имели орудия труда. Для облегчения работы пахотные орудия (соха, косуля, плуг) изготовлялись из прикорневой части дерева (ветлы, липы, осины, вяз, редко клен), другие части орудий также были деревянными. В некоторых случаях изготовлялись облегченный (полплуга) и половинный (*çур акапуç*) плуги. Орудия труда постепенно совершенствовались, многие используются и в настоящее время (косы, грабли, вилы). С начала XX в. распространение получили металлические плуги заводского изготовления[48].

Труд является одним из элементов социальной жизни народа, поэтому изучение трудовой деятельности необходимо в контексте этноэкологии.

Одежда является важным компонентом народа. На формирование одежды налагают отпечаток особенности исторического развития народа в целом и его отдельных групп. В одежде и украшениях отражаются социальная жизнь, природные условия, художественные вкусы, понятие о нравственном идеале, воззрения и миропонимание народа в различные исторические эпохи. Чувашская народная одежда имела разнообразные формы и варианты[49]. Традиционная одежда характеризовалась основной экологической функцией – регулирование теплообмена организма человека в окружающей среде. Чувашская народная одежда из нату-

ральных материалов помогала избегать переохлаждения и перегрева тела, была удобна при выполнении хозяйственных и бытовых работ. Наиболее ранний вид рубашки – туникообразный покрой: спина и перед состояли из одного полотнища, перегнутого поперек в плечах, по бокам вшивались клинья, ластовица и другие элементы. Костюмы и украшения изготовлялись главным образом из льняного и конопляного холста. Использовались также продукты животноводства – шерсть и шкуры. Шерстяную пряжу мыли в горячей щелочной воде, тщательно споласкивали, тем самым очищали от жира, пота, грязи. Делалось это во избежание усадки и для придания шерсти мягкости. Только потом вязали чулки, носки, варежки, перчатки. Из листьев, коры и цветов получали краски, которые придавали особую красоту узорам. Верхнюю одежду готовили из кожи и шкуры, которую также изготовляли в домашних условиях[50]. Таким образом, одежда чувашей полностью была натуральной по своему составу, что давало возможность сохранять здоровье.

С течением времени одежда изменялась, становилась более практичной. Но все же чувашский национальный костюм сохраняется в творениях мастериц, которые создают одежду для праздничных и сценических выступлений.

Пища является основой жизнедеятельности и здоровья человека. Само питание – это важнейший механизм этноэкологической адаптации. Оно выполняло функцию обеспечения и регулирования процессов обмена энергией между человеческим организмом и окружающей средой. Традиционный пищевой комплекс практически всегда напрямую и жестко связан с природными и другими условиями, в которых существует человек, и, следовательно, в наибольшей мере, чем остальные элементы культуры, отражает уровень приспособленности к данным конкретным условиям[51].

Традиционное питание чувашей зависело от продуктов, полученных в хозяйстве, и определялось основными занятиями населения – земледелием, скотоводством, рыболовством, собирательством, бортничеством. Основное место в питании занимали зерновые, из которых готовились мука, крупы, а также бобовые (горох и чечевица). Хлеб, различные лепешки пекли из ржаной муки, овес шел на приготовление киселей и толокна, ячмень – на пиво, полбу готовили для каши. Огромное значение в питании чувашей имели овощи, разнообразные корнеплоды. В пищу добавляли различные травы (сныть, борщевик, крапива). Они привносили в рацион питания микроэлементы и витамины. Немаловажное значение имели продукты животного происхождения: мясо, молоко, яйца и т.д. Напитки готовились из экологически

чистых продуктов: чай заваривали из различных трав, сушеных ягод; пиво готовили из домашнего солода, в употреблении были различные кисломолочные напитки. Для сохранения пищевых продуктов применялись различные методы: копчение, вяление, замораживание. Чуваши, проживая по соседству с другими народами (марийцами, татарами), перенимали у них многие способы приготовления кушаний. Вместе с тем деструктивные и другие изменения в этой системе, происходящие под влиянием кухни других народов и современных моделей и форм питания (в национальную кухню начинают входить такие способы приготовления, как жарение, копчение и т.д.), получают и негативное отражение на деятельности органов пищеварения. Ритуальные чувашские блюда имели связь с природой и животным миром. К примеру, выпечка без начинки *йăва* принято было готовить на праздник *Сурхури*. Они были составной частью набора продуктов – *кучченеç хутаççи* – во время сватовства, означая многодетность будущей семьи[52].

В чувашской культуре питания наблюдалась сезонность приготовления блюд. К примеру, молочные блюда в основном употреблялись летом, мясная пища появлялась поздней осенью и присутствовала на столе всю зиму. Овощи и фрукты были в употреблении как летом (свежие), так и зимой (заготовленные впрок), дикорастущие травы – весной и летом, ягоды собирались летом и употреблялись в свежем виде, в редких случаях сушились[53].

У чувашей почти вся домашняя утварь изготовлялась из дерева. По технике изготовления различаются: 1) утварь долбленая с целым дном (ступы, солонки, чаши и миски для супа и масла, большие и малые ковши *(алтăр)* для пива, корыта для муки *(такана)* и т.п.); 2) долбленые сосуды со вставным дном – кадушки *(çӳпçе)*, чирясы, лянгосы *(ленкес)*, батманы; 3) клепаные изделия (ведерки, бочки, кадушки); 4) посуда из бересты (туеса и кузова *пурак*), луба и коры (короба, обручи для сыра и т.д.); 5) плетеная утварь из лыка – кошел, пестерь *(пештĕр)*, чашки для хлеба – и лозы (корзины и др.). Многое из деревянной утвари изготавливалось членами семьи. И хотя на это уходило немало времени, чувашские крестьяне стремились сделать своими руками все, что возможно, а не покупать. Немаловажное значение имели глиняные посуды – кувшины, горшки, блюда, миски, кружки, плошки[54].

Традиционная обрядность чувашей приобщала человека к различным формам отдыха. Традиционная культура, хранящаяся в сознании людей, овеществлялась в предметах сельского быта и выражалась в системе человеческих взаимоотношений, праздниках, ритуалах. Праздники, связанные с календарным циклом, семей-

ные обряды и народные игры способствовали воспитанию, поддерживали здоровый образ жизни, а также прививали уважительное отношение к окружающей природе.

Все чувашские праздники и обряды были так или иначе связаны с окружающей их природой. Календарные праздники приурочены к основным периодам астрономического года – зимнему и летнему солнцевороту, осеннему и весеннему солнцестоянию. Дополнительными ориентирами выступали фазы Луны, прежде всего ее рождение – новолуние. Многочисленные обряды были направлены к тому, чтобы как-то повлиять на силы природы и обеспечить хороший урожай и приплод скота[55].

Зимний цикл начинался с праздника *Сурхури*, который был сопряжен с земледелием и животноводством. Символом благополучия мелкого скота был каленый горох, который подбрасывали вверх. Вечерами молодежь гадала, чтобы узнать, какие изменения произойдут в грядущем году не только в личной жизни, но и в хозяйственной (к примеру, чтобы узнать урожайность, вытягивали из стога стебли и считали зерна). Забота о будущем урожае проявлялась в целом ряде магических обрядов. Исполнив обрядовую песню,участники шествия произносили наговоры с пожеланиями хозяину хорошего урожая и приплода скота[56].

Зимние обрядовые праздники завершались *Çăварни* – проводами зимы и встречей весны. Традиционные кушанья – колобки и блины – закапывали в снег: чтобы солнце победило зиму и пришла весна. Всенародные гулянья имели магическое значение и должны были путем изображения сытости и довольства склонить природу к милостивому отношению[57].

Большим праздником весны считался *Мăнкун*. Он отмечался в дни весеннего солнцеворота. Этому обряду предшествовали обряды изгнания из селения злых духов старого года (*вирĕм* у верховых, *сĕрен* у низовых). Первый день чувашской Пасхи – *калăм кунĕ* – и в особенности ночь на Пасху у верующих были насыщены различными обрядами, поверьями, запретами и т.д. в целях предотвращения людей, жилищ, скота, урожая от возможных злых действий, крестьяне в прошлом совершали ряд магических действий: звонили в колокола, разжигали костры и т.д.[58] Следовавшие за *Мăнкун* весенне-летние обряды были связаны непосредственно с выносом семян и завершением полевых работ. Праздником, посвященным земледелию, является *Акатуй* («праздник пахоты»). В этом празднике было много магических действий, связанных с природой. Земля, вода и солнце выступали в них как главные объекты поклонения и заклятий[59].

И в настоящее время существует немало запретов, затрагивающих отношение человека к природе. Чуваши испокон веков

стремились жить в согласии с окружающим миром, что отразилось в их древних верованиях. По представлениям чувашей, в природе все гармонично, поэтому всякое вмешательство, в том числе и сельскохозяйственные работы, должно проводиться в свое время. Так, зимой нельзя копать землю – она спит, весной во время *çинçе* нельзя производить любые земляные работы – земля «беременна» и т.п. Вышеназванный праздник еще недавно сопровождался массовыми молодежными гуляньями, хороводами (*вăйă картисем, карта вăйăисем, ташă картисем* и др.), свадьбами. Свадебные гулянья у чувашей еще несколько десятилетий назад приурочивались к этому времени и к периоду после уборки хлебов до начала полевых работ. *Çинçе* от других весенне-летних обрядов календарного цикла отличался тем, что в данное время накладывался запрет на большинство домашних и сельскохозяйственных работ, связанных с землей. Во время этих праздников запрещалось рвать траву, ломать деревья, стирать белье, разводить огонь, лазить на крышу и т.д. Несоблюдение запрета, непослушание наказывались очень строго. По воззрениям чувашей, нарушение запретов может повлечь за собой бедствия, болезни, мор, а чаще всего градобития. Праздники, аналогичные *çинçе*, встречаются у ряда народов Среднего Поволжья[60].

К летним праздникам относятся *уй чӳкĕ*, *çумăр чӳкĕ*, которые в основном посвящались природным стихиям, духам. Жертвоприношения, проводимые во время этих обрядов, были направлены на кормление природы для хорошего урожая[61].

Осенний цикл праздников начинался с момента получения зерна нового урожая. В этот период проводились различные моления (*авăн пăтти, картиш пăтти* и т.д.), во время которых обращались с благодарственными молитвами к природным и другим духам. Здесь же нужно отметить, что различные молодежные посиделки, игрища, хороводы, проводились не только по случаю молений и жертвоприношений, но и для обогащения воспитательных элементов[62].

В связи с рассматриваемыми вопросами уместно сказать и об экологических аспектах народной (точнее, донаучной) медицины. Она дает разнообразные примеры удачного использования природной среды для укрепления здоровья и лечения многих болезней. Немало рецептов и приемов народной медицины вошло в фонд научной медицины и с успехом применяется до сих пор[63].

Чувашская народная медицина включала в себя не только представления о причинах и сущности заболеваний, но и использовала природные средства и методы лечения. Выделялись три вида лечения болезней: лекарственные травы, продукты животного происхождения, минеральные вещества. К растительным средствам

лечения относились полевые травы, лесные дары, технические культуры, обрабатывались раны, которые крестьяне получали во время работ; лечились различные внутренние болезни; настои из трав использовались в качестве успокоительных средств; применялись при лечении туберкулеза, для полоскания рта и избавления от зубной боли; кроме трав, использовали табак, никотин из курительной трубки и др. Об использовании продуктов животного происхождения в народной медицине известно из чувашских религиозных преданий и фольклора. В некоторых случаях употреблялись кровь животного, мясо, сало, молоко и т.д. Нередко чуваши говорили, что при употреблении полусырой печени щеки краснеют и зрение становится лучше. Применение средств минерального происхождения в народной медицине было тесно связано с развитием в Чувашии некоторых видов сельского ремесла. В основном они использовались при лечении наружных ран. Также использовались физиотерапевтические методы – применение тепла, пара, жара. Баня в чувашской народной медицине была местом совершения языческих обрядов, выполняла также рациональные предупредительные, гигиенические и лечебные функции. Происхождение болезней чуваши иногда связывали с влиянием злых духов, сглазом, порчей, наговорами колдуна. «Изгоняя злых духов», к примеру, в бане «прожаривали» нижнее белье и верхнюю одежду, – т.е. уничтожали насекомых – переносчиков инфекционных заболеваний. При этом в словесных текстах и действиях преимущественной была идея создания нового человека вместо заболевшего[64]. Традиционные методы лечения до настоящего времени занимают важное место в жизни чувашского этноса.

При любом хозяйственно-культурном укладе большое значение в жизнедеятельности человека имела фенология – система знаний о сезонных явлениях природы, сроках их наступления и причинах. Природные циклы узнавались по распусканию почек, цветению растений, прилету и отлету птиц. Интересно в этом аспекте монографическое исследование А.К. Салмина, где флора и фауна рассматриваются сквозь призму традиционной религии чувашей[65]. В связи с этим нужно отметить, что этноэкологическую функцию религии чувашей составляли соотношение сакральной картины видения мира с окружающей средой и поддержание этических норм поведения человека, продиктованных данной средой на уровне морали и нравственности. Действительно, религия, отражая почти все стороны жизни народа на протяжении ряда эпох, являлась зеркалом духовности. Обрядовые действия и моления, будучи ровесниками своего народа, выполняли и выполняют функцию социального регулятора этнических объединений, родовых и семейных коллективов, индивидов[66].

Народные легенды и предания, религиозные обряды содержат в себе богатый материал для изучения самых ярких форм религиозных верований, связанных с обожествлением материальных явлений природы: солнца, неба, грозовых явлений, огня, ветра, земли, воды и т.д.[67] Все растущее (имеющее кровь) в чувашской религии одушевлено и подлежит любви, обереганию. Чуваши очеловечивали даже солнце. Человек и община гармонично могут развиваться лишь в согласии с природой и друг с другом. Вера, преданность, почитание, ритуальная практика – все это в народных религиозных формах выступает залогом обретения гармоничных взаимоотношений с природой. Религиозные запреты и табу имеют под собой природосообразную подоплеку[68].

Всякое недомогание человек считал вмешательством в его жизнь духов природы и духов-божеств. Посредством обрядовых действий проводили лечение болезней, исходящих от природных стихий – воды, вихря, молнии, грома и т.д., а также от злых духов (*йĕрĕх, вупăр, ийе* и т.д.), которые как будто жили в домах. Чуваши старались им угодить и приносили в жертву еду, питье, монеты. Моления и жертвоприношения являлись своеобразным отражением миропонимания человека, представлений о тех или иных реалиях[69]. Человек старался не только жить в мире с природой, но и преодолевать ее силы. Существовали запреты на работы после заката солнца: «добрые дела делаются днем, когда властвуют силы добра, а темные дела – ночью, когда хозяйничают силы тьмы». Исключением являлись некоторые обряды, которые должны были выполняться без свидетелей, втайне от чужих глаз[70].

Причины возникновения религии кроются в условиях материальной жизни общества, т.к. самосознание порождается и определяется этими условиями и зависит от степени развития производительных сил общества, его экономического базиса. Одной из самых древних форм религии является обожествление предметов и явлений природы[71]. Можно согласиться с авторами, отмечающими, что ранние религиозные системы были «значительно экологичнее других, более поздних воззрений»[72]. Ведь народная религия чувашей больше взаимодействовала с окружающей средой. Это связано с обширной производственной обрядностью чувашей, которая была связана с земледелием и животноводством[73]. Культ *киремет* являл собой воплощение мира духов и богов. В традиционных верованиях чувашей по первому определению это дух добра и зла высшего разряда, посредник между богами верховного мира и хтоническими духами нижнего мира, по второму — священная местность (гора или возвышенное место, родник и дерево, чаще всего старый дуб), символизирующая первосушу-первогору с древом и водой потопа, и место общественного

жертвоприношения (киреметище). В обустройстве *киремет* были сосредоточены мифологические представления, обычаи, обряды, ритуалы, произведения народного зодчества – скульптуры, их связь с окружающей средой. Здесь росли священные деревья, на которых развешивались дары, приносимые духу *киремет*. В качестве жертвенного дерева служили дуб или вяз, иногда береза, ветла[74].

Дремучий девственный лес породил в представлении многих народов, в т.ч. и чувашей, образ злого духа, любящего пугать, заводить людей в непроходимые чащи и губить их. Одним из них является *арçури*[75].

Религия является одним из связующих человека и природы, т.к. до принятия христианства чуваши молились, поклонялись всем природным явлениям.

* * *

Выше мы затронули этноэкологию традиционной культуры чувашей, проживающих в Чувашской Республике. Немаловажное значение имеет изучение этнической экологии и диаспорных групп чувашей, которые проживают в регионах Российской Федерации, а также за рубежом. Актуальным является изучение проблемы расселения, развития жилищ и хозяйственных построек, топонимики сел и деревень, развития системы жизнеобеспечения, религиозных воззрений. Немаловажное значение имеет изучение адаптации к природно-климатическим условиям, сохранения и развития хозяйственно-культурного типа, проникновения в культуру хозяйствования, быта, религии новых элементов от соседних народов. Следует лучше рассмотреть степень сохранности традиционной материальной и духовной культуры чувашского этноса. Такие исследования дадут дополнительные и весьма существенные возможности для получения более полного представления о самобытном этническом облике того или иного народа, об этнических процессах, протекающих в их среде[76].

Здесь мы рассмотрим несколько диаспорных групп чувашей и отметим бытование и новшества элементов в традиционной материальной и духовной культуре этноса.

За длительный исторический период в результате сложных путей заселения территории, контакта с местными и пришлыми народами, в новых социально-экономических условиях сложился своеобразный облик чувашей Симбирского края. Переселение сюда шло преимущественно из районов проживания низовых чувашей. Даже активное взаимодействие с соседними народами не привело к утрате своей традиционной культуры[77].

Говоря о топонимике сел и деревень, отметим, что здесь, как и на территории ЧР, названия происходили от имён основателей деревень, они отражали особенности местоположения и т.д., в ряде селений, возникших в иной этнической среде, в названии подчеркивается преобладающая национальность (Чувашский Сайман, Чувашская Решетка и т.д.)[78].

Еще одна группа чувашей проживает в Приуралье. Участвуя в хозяйственном освоении края, эта диаспорная группа сыграла определенную роль в его дальнейшем социально-экономическом развитии, способствовала развитию и расширению в крае земледелия, промыслов, ремесел, торговли. Но вместе с тем много изменений привнесла в свою традиционную культуру. Приуральские чуваши в основной своей массе относятся к этнографической группе *анатри*. В основном чуваши сохранили самобытные черты. Некоторые изменения произошли в культуре питания (гостей приглашают на чай – татаро-башкирская традиция; имеются заимствованные мучные изделия *чепчек, паурсак*), наблюдается бытование некоторых обрядовых форм языческого времени и т.д.[79]

Традиционная культура чувашей Самарской Луки развивалась в условиях относительно изолированного существования этой группы от основных массивов расселения этноса и длительного проживания в инонациональном окружении (с мордвой и русскими). С одной стороны, происходило перерабатывание и усвоение культурных традиций других народов при ответном воздействии чувашской культуры, с другой – отдельные явления и этнические качества консервировались в качестве индикаторов этнического самосознания и способа самосохранения чувашского этноса. Исследование показало сохранение в современной культуре целого ряда традиционных элементов в материальной и духовной сферах. Этническая культура самарсколукских чувашей – это уникальный материал, парадоксально совмещающий относительную «чистоту форм» чувашской культуры при иноэтничном влиянии[80].

Чуваши Симбирско-Саратовского Предволжья были выходцами из Чебоксарского, Курмышского, Симбирского и Буинского уездов. Многие из компонентов материальной и духовной культуры не потеряли способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах. Духовная культура сохраняет национальный колорит, обусловленный языческой спецификой многих ее компонентов. Вытеснение этнических элементов сочетается с тенденцией возрождения и развития ряда элементов культуры, ритуальные действия нередко совершаются неосознанно. Взаимодействие с русскими, мордвой, татарами наложило отпечаток на все сторо-

ны и образ жизни чувашей Симбирско-Саратовского Предволжья[81].

Оказываясь в различных природно-географических условиях, попадая в иноэтническую культурно-языковую среду и оседая в виде групп поселений-анклавов в отрыве и на значительном удалении от других массивов единоплеменников, представители разных этнографических групп и подгрупп чувашей смешивались, образуя со временем в границах определенных территорий новые группы (подгруппы) со своеобразными этнографическими признаками[82].

«Традиционная материальная и духовная культура народа – это часть этноэкологической системы жизнеобеспечения, которая определяется природно-климатическими условиями, хозяйственно-бытовым укладом, прочностью народных традиций, стремлением к здоровому образу жизни, культурными контактами. Научно-технический прогресс приводит к тому, что человек начинает воздействовать на природу и возникает нарушение равновесия между окружающей средой и человеком. На фоне этого встают вопросы экологии человека и культуры – сохранения природы и культурных ценностей. Возрождение традиций народной культуры имеет экологическое значение, поскольку может способствовать восстановлению нарушенной гармонии между человеком и природой, между человеком и обществом»[83]. С этим мнением можно полностью согласиться и отнести его и к чувашскому этносу. Ведь хозяйственный уклад и бытовая культура, традиции и контакты чувашей из поколения в поколение передаются и сохраняются. Изучение проблем этноэкологии чувашей – это новое направление в науке, которое нужно развивать. Этническая экология чувашского народа дает по-новому взглянуть на материальную и духовную культуру этноса, что подталкивает исследователя вновь и вновь изучать наследие родного народа.

Литература

[1] *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 3–16.

[2] *Гордеева Е.Г.* Этноэкология традиционной культуры русского населения Мордовии. URL: www.dissercat.com.

[3] *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии. С. 5–6.

[4] Там же. С. 7.

[5] *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. С. 254.

[6] *Козлов В.И.* О понятии этнической общности // Советская этнография. 1967. № 2. С. 100–111; *Его же.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 79–92; *Его же.* Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 3–16; *Его же.* Задачи этнической экологии // Общественные науки. 1983. № 4. С. 72–85;

Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 86–107; *Козлов В.И.* Введение. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. М., 1991. С. 3–43; *Его же.* Между этнографией, экологией и жизнью // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 3–14; *Его же.* Методологические основы этнической экологии и вопросы их практического применения // Методы этноэкологической экспертизы. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1999. С. 14–29; *Его же.* Многоаспектность этнической экологии // Этноэкологические исследования. М.: Старый сад, 2004. С. 7–35. Список трудов см.: URL: www.ethnoecology.ru.

[7] *Маркарян Э.С.* К общей характеристике культуры и жизнеобеспечивающей системы // Культура жизнеобеспечения и этнос: опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1983. С. 17–39.

[8] *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.; *Ямсков А.Н.* Трактовки понятия «жизнеобеспечения» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания. Т. 1. Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И.Козлова. М.: Старый сад, 2009. С. 73–94.

[9] Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса / С.А.Арутюнов [и др.] // Советская этнография. 1983. № 2. С. 22–31; *Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И.* Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 19–33; *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. С. 200–229. Список трудов см.: URL: www.iea.ras.ru.

[10] *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии. С. 8.

[11] *Алексеев В.П.* Очерки экологии человека. М.: Наука, 1993. 191 с.

[12] *Артановский С.Н.* Общественно-культурные аспекты экологии человека // ВФ. 1975. № 3. С. 34–36.

[13] *Григулевич Н.И.* Этническая экология питания. Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996; *Ее же.* Этническая экология Верхнего Поволжья: последствия нерационального природопользования // Этноэкологические исследования: к 80-летию В.И. Козлова. М.: Старый сад, 2004. С. 348–371; *Ее же.* Питание как важнейший механизм этноэкологической адаптации // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 147–194. Список трудов см.: URL: www.ethnoecology.ru.

[14] *Дубова Н.А.* Биологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 77–100; *Ее же.* О биологическом аспекте групповой адаптации // Методы этноэкологической экспертизы. М.: Наука, 1999. С. 30–40; *Ее же.* Антропологические и этноэкологические исследования на рубеже тысячелетий // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. М.: Наука, 2011. С. 294–314. Список трудов см.: URL: www.ethnoecology.ru.

[15] *Ямсков А.Н.* Традиционное хозяйство горцев Кавказа: этноэкологический подход и концепция хозяйственно-культурных типов // XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах: тез. докл. и сообщ. на конф. М., 1987, с. 187–189; *Ямсков А.Н., Козлов В.И.* Этническая экология. С. 86–107; *Ямсков А.Н.* Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 62–77; *Его же.* Экологически значимые культурные архетипы поведения человека // Этноэкологические аспекты духовной культуры. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005. С. 266–296; *Его же.* Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. М.: Наука, 2009. Вып. 34. С. 130–142. Список трудов см.: URL: www.ethnoecology.ru.

[16] *Доценко Л.Н.* Этническая экология: дисциплинарный статус и формы проявления в культуре. Ставрополь, 2006; *Истомин К.В.* Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства. Сыктывкар, 2004; *Корнилова Е.И.* Этническая экология Вилюйского округа в конце XIX – начале XX в.: историко-этнографический аспект традиционного жизнеобеспечения и природопользования населения Вилюйского округа. Якутск, 2004; *Савка В.П.* Социокультурная адаптация мордвы на Дальнем Востоке. Чебоксары, 2011; *Татаринцев В.О.* Экологическая парадигма традиционной культуры. Белгород, 2010; *Хрибар С.Ф.* Христианские конфессии и формирование экологической культуры населения в современной России, М., 2009; *Хусаинов С.К.* Хозяйственно-культурное освоение бассейна реки Ик: этноэкологическое исследование. Уфа, 2000; *Шаповаленко А.Н.* Традиционная экологическая культура как фактор гармонизации взаимодействия природы и общества: социокультурный анализ. Майкоп, 2009; *Щанкина Л.Н.* Этнокультурные традиции татар-мишарей Республики Мордовия в системе их жизнеобеспечения. Саранск, 2004. Тексты авторефератов см.: URL: www. dissercat. com.

[17] Этническая экология: народы и культуры. М.: Старый сад, 2008. 376 с.

[18] Этнос и среда обитания: сб-к этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова. М.: Старый сад, 2009. Т. 1. 312 с.; Т. 2. 252 с.

[19] Этноэкологические аспекты духовной культуры. М.: ИЭА РАН, 2005.

[20] *Козлов В.И.* Методологические основы этнической экологии и вопросы их практического применения. С. 16.

[21] *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии. С. 6–7.

[22] Там же. С. 8.

[23] Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 86–87.

[24] *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. С. 246–247; *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии; *Его же.* Методологические основы этнической экологии и вопросы их практического применения. С. 18; Этническая экология: теория и практика. С. 3–4.

[25] *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 52–55; *Его же.* Расселение и численность чувашей: этногеографический очерк. Чебоксары, 1992; *Его же.* Чувашская Республика и диаспора: проблемы оптимизации взаимодействия (история и современность). Чебоксары: ЧГИГН, 1997. 64 с.; *Его же.* Этническая карта Чувашии: расселение, численность и межэтническое взаимодействие титульной нации и этнических групп на территории республики. Чебоксары: Руссика, 1997. 176 с.; *Его же.* Чувашский этнос: проблемы истории и этногеографии. Чебоксары: ЧГИГН, 1998; *Его же.* Вопросы этнической географии чувашей в трудах В.Д. Димитриева // Служение истории: сб. ст. ЧГУ. Вып. 2. Чебоксары, 2008.

[26] *Лебедева Е.Г.* Дерматоглифика чувашей: этногенетический и морфологический аспекты // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 272; Антропологический мониторинг населения Чувашии: сб. ст. / авт.-сост. Е.Г. Лебедева. Чебоксары, 2009; Медико-биологические аспекты дерматоглифики чувашей: сб. ст. / авт.-сост. Е.Г. Лебедева. Чебоксары, 2009; Чуваши: история и культура. Т. 1. / отв.ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 172–173 и др.

[27] *Алексеев Б.Л., Матвеев Г.Б., Фокин П.П.* Чуваши: культура жизнеобеспечения: учеб. пособие. Чебоксары, 1995. 271 с.

[28] *Салмин А.К.* Семантика дома у чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. С. 8.

[29] Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 276.

[30] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Изд. 2-е, доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 137–138.

[31] *Матвеев Г.Б.* Сельские поселения чувашей во второй половине XIX – начале XX в. // Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары: ЧНИИ, 1987. С. 46–47.

[32] Чуваши: этническая история и традиционная культура. М.: ДИК, 2000. 100 с.

[33] *Мадуров Д.Ф.* Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 12.

[34] Традиционное жилище народов России, XIX – начало XX в. М.: Наука, 1997. С. 3–4.

[35] *Матвеев Г.Б.* Жилища и постройки чувашей в середине XIX – начале XX в. (Северо-западные районы Чувашии) // Бытовая культура чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1985. С. 42–43; *Его же.* Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 48, 50, 76–78; Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 284–286; Т. 2. С. 44.

[36] Чуваши: история и культура. Т. 2. С. 45.

[37] *Матвеев Г.Б.* Жилище и хозяйственные постройки средненизовых чувашей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1988. С. 58.

[38] *Матвеев Г.Б.* Жилища и постройки чувашей в середине XIX – начале XX в. С. 47; *Его же.* Чувашское народное зодчество. С. 79.

[39] *Мадуров Д.Ф.* Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. С. 13–14.

[40] *Матвеев Г.Б.* Чувашское народное зодчество. С. 83–86; Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 291.

[41] Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) / Иванов Л.А., Кузнецов И.Д., Сидоров П.А., Фокин П.П. // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары: ЧНИИ, 1986. С. 72–74; Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 294–296; Т. 2. С. 45.

[42] *Матвеев Г.Б.* Жилище и хозяйственные постройки средненизовых чувашей. С. 62.

[43] *Кандрина И.А.* Баня в материальной и духовной культуре финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003. С. 53, 147.

[44] Чуваши: история и культура. Т. 2. С. 43.

[45] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 95–96; *Фокин П.П.* Культура традиционного хозяйства чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1995. С. 21.

[46] *Охотников Н.М.* Записки чувашина о своем воспитании // ИОАИЭ. Казань, 1920. Т. 31, вып. 1. С. 20.

[47] Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. С. 81–82.

[48] *Фокин П.П.* Земледелие и земледельческие орудия крестьян южных и юго-восточных районов Чувашии во второй половине XIX–начале XX в. // Традиционное хозяйство и культура чувашей. С. 46–47; *Его же.* Земледелие и земледельческие орудия в северных и северо-восточных районах Чувашского края во второй половине XIX – начале XX в. // Бытовая культура чувашей. С. 3–29.

[49] *Алексеев Б.Л., Матвеев Г.Б., Фокин П.П.* Чуваши: культура жизнеобеспечения. Чебоксары, 1995. С. 68.

[50] Там же. С. 70; *Фокин П.П.* Неземледельческие занятия чувашских крестьян: гончарство и обработка животноводческого сырья (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Этнография чувашского крестьянства. С. 68–69; Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. 2. С. 130; Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 324.

[51] *Григулевич Н.И.* Этноэкологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожилов Армении // СЭ. 1990. №1. С. 114.

[52] *Алексеев Б.Л., Матвеев Г.Б., Фокин П.П.* Указ. соч.. С. 106–107; *Павлов Ю.М., Иванов В.П., Сусликов В.Л.* Традиции питания и распространение заболеваний раком желудка // Традиционное хозяйство и культура чувашей. С. 102–103; Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956. 416 с. С. 349–372; Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 383–394.

[53] Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 382–394.

[54] *Алексеев Б.Л., Матвеев Г.Б., Фокин П.П.* Указ. соч. С. 192; *Фокин П.П.* Ремесла чувашей северных и северо-восточных районов Чувашской АССР (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. С.3–30; *Его же.* Неземледельческие занятия чувашских крестьян. С. 52–53; Чуваши: этническая история и традиционная культура.

[55] *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувгиз, 1959. С. 119.

[56] Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. С. 156; Чуваши: история и культура. Т. 2. С. 126–127.

[57] Там же. С. 127, 156.

[58] *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувгиз, 1959. С. 126–127.

[59] Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. С. 80; Чуваши: история и культура. Т. 2. С. 126–127.

[60] *Кузнецов А.В.* О невербальных компонентах чувашского речевого этикета // ЧГВ. № 6. С. 50–51; Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. С. 158; Чуваши: история и культура. Т. 2. С. 130.

[61] *Денисов П.В.* Указ. соч. С. 137–138; Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. С. 158–159; Чуваши: история и культура. Т. 2. С. 132.

[62] Чуваши: история и культура. Т. 2. С. 126–138; *Мадуров Д.Ф.* Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей.

[63] *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 11.

[64] *Алексеев Б.Л., Матвеев Г.Б., Фокин П.П.* Указ. соч. С. 209–210; *Салмин А.К.* Лечебные обряды у чувашей // Этническая культура чувашей. С. 121; Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. С. 135–144.

[65] *Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. М.: Наука, 2010. С. 160.

[66] *Салмин А.К.* Система фольк-религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. С. 13.

[67] *Денисов П.В.* Указ. соч. С. 6–19; Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. С. 153.

[68] *Никитина Э.* Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. Чебоксары: Новое время, 2005. С. 108–113.

[69] *Салмин А.К.* Лечебные обряды у чувашей // Этническая культура чувашей. С. 105–114.

[70] *Кузнецов А.В.* Указ. соч. С. 51.

[71] *Денисов П.В.* Указ. соч. С. 5–6.

[72] *Любимова Г.В.* К определению предметной области экологической культуры этноса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 347.

[73] *Алексеев Б.Л., Матвеев Г.Б., Фокин П.П.* Указ. соч. С. 226–252.

[74] *Салмин А.К.* Киремет. Чебоксары: ЧНИИ, 1992. 30 с.; *Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. С. 160–165; Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. С. 151–152.

[75] *Денисов П.В.* Указ. соч. С. 42–43; Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. С.153.

[76] Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. С. 19.

[77] Чуваши Симбирского Поволжья. Ульяновск: Симбирская книга, 1998. С. 53.

[78] Там же. С. 75.

[79] Чуваши Приуралья. С. 24, 30, 68.

[80] Чуваши Самарской Луки: монографическое исследование. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 5–6.

[81] Симбирско-саратовские чуваши / под общ. ред. проф. М.Г. Кондратьева. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 238–241.

[82] *Иванов В.П.* Чувашский этнос. С. 113.

[83] *Гордеева Е.Г.* Этноэкология традиционной культуры русского населения Мордовии. URL: www.dissercat.com

Приложение

Основные понятия и примечания

Адаптация (от лат. *adapturo* – приспособлять) – приспособление организмов к изменяющимся условиям существования. Применительно к человеческим общностям различают адаптацию человека биологическую, онтогенетическую, культурную, этническую и социальную. ***Виды адаптации:*** 1) *хозяйственная* адаптация направлена на обеспечение устойчивого функционирования системы жизнеобеспечения и проявляется прежде всего в сфере экономики в виде развития производства, специализации хозяйства (с возможным изменением ХКТ), расширения и совершенствования технологий, развития обмена и торговли и др. Расширению процесса хозяйственной адаптации способствуют и взаимообмен культурной информацией, и потенциальные возможности внутреннего развития; 2) *территориальная* адаптация характеризуется демографическим освоением территории, что проявляется в динамике численности всего населения этнической группы и ее отдельных составных частей, размещении населения (плотности, миграционной подвижности, формы обитания, состояния освоенной территории); 3) *психическая* адаптация связана с появлением стереотипа восприятия окружающей природной и социальной среды и тенденции его сохранения у последующих поколений. Фактором успешной психической адаптации является сходство стереотипов, а также принятие и усвоение стереотипов группы, в которой происходит адаптация; 4) *культурная* адаптация определяется необходимостью приспособления к условиям внешней среды элементов традиционной материальной и духовной культуры и проявляется в виде трансформации некоторых элементов культуры, включения инноваций, распространении массовой культуры, изменении нравов и обычаев; 5) *социальная* адаптация направлена на оптимизацию взаимоотношений этнической группы и ее отдельных представителей с существующей социальной средой и связана с необходимостью выработки организованных действий группы для улучшения условий жизнеобеспечения, самовоспроизводства и охраны своих границ (как реальных, так и условных). Социальная адаптация проявляется в виде усложнения социальной структуры группы и приспособления социальных институтов, регулирующих семейные, внутри- и межгрупповые отношения, передачу этнокультурной информации, социализацию новых поколений и проч. Критериями успешной адаптации этноса можно считать устойчивое развитие и возможность качественного воспроизводства группы с сохранением и эффективным функционированием компонентов этничес-

кой культуры. Процессами, противоположными адаптации, можно считать трансформацию в форме образования субэтноса (или этноса) и ассимиляцию, характеризующуюся исчезновением, растворением этнической группы[83].

Экологическая ниша – понятие, включающее в себя не только физическое пространство, занимаемое организмом, но и положение организма относительно градиентов внешних факторов (температуры, влажности, pH и других условий существования). Совокупность условий окружающей среды и образа жизни на индивидуальном и популяционном уровнях[83].

Экология человека – наука, изучающая закономерности взаимодействия человеческих сообществ с окружающими их природными, социальными, производственными, эколого-гигиеническими факторами[83].

Этническая антропология – раздел физической антропологии, изучающий географические вариации морфологических, физиологических, биохимических показателей здорового человеческого организма. Этническая антропология тесно связана с исторической проблематикой и вносит значительный вклад в разработку проблем этногенеза. В связи с этим антропологи ведут систематический сбор материалов по расовому составу различных народов, отражающему этапы истории формирования последних. Обычно этнос включает несколько различных антропологических типов. Но один и тот же антропологический тип может входить в целый ряд этносов. Тем самым этническая антропология констатирует несовпадение границ этноса и расы. Эта область антропологии в сильной степени способствовала сближению общественных и естественных наук и создала фактическую и теоретическую базу использования антропологических данных в качестве источника информации исторического характера (в частности, для изучения проблем этногенеза)[83].

Этническая география – научная дисциплина на стыке этнографии с географией. Термин был введен в 1920-х гг. В.Г. Богоразом, но не получил тогда четкого определения. В современном понимании этническая география изучает географическое размещение народов, их численность и особенности расселения и территориального взаимоотношения с другими народами в тесной связи с социально-экономическими, политическими, природными и другими факторами; при этом учитываются характер расселения (например, оседлое и кочевое), формы и типы поселений, степень освоения территории и картина плотности населения, характер и степень территориального смешения в сельской местности и городах. Основные разделы этногеографии – этническая картография и этническая демография. Она тесно связана также с теми разделами антропологии, которые изучают распространение человеческих рас (исследование факторов расообразования, классификация расовых типов, антропологический состав населения земного шара), и лингвогеографией, изучающей размещение языков народов мира. Этногеография исследует взаимоотношения между этническими общностями и географической средой в историческом плане, подчеркивая опосредованное влияние физико-географических факторов и определяющую роль социально-экономических условий. Особой отраслью этнической картографии является картографирование отдельных, свойственных этносам элементов материальной и духовной культуры (традиционное жилище, пища, сельскохозяйственные орудия, обряды и т.д.) в их историческом развитии[83].

Этническая демография – научная дисциплина, сформировавшаяся на стыке этнографии с демографией. Главным объектом исследования являются этносы, а центральной задачей – изучение особенностей воспроизводства этносов методами демографической науки. С этнографией этнодемография связана прежде всего задачами изучения динамики численности этносов (а также этно-

графических, расовых, религиозных и других групп) в ее исторической изменчивости, в чем этническая демография частично смыкается с исторической демографией. Она связана с анализом этнических аспектов воспроизводства населения и влияния на этот процесс отдельных этнических факторов (например, при изучении рождаемости учитываются традиционные условия вступления в брак, основные формы брака, положение женщины в семье, половые табу, традиционное отношение к безбрачию, бездетности и многодетности и др.; при изучении смертности — традиционные системы жизнеобеспечения и т.д.). Исследования по этнической демографии опираются главным образом на этническую статистику, в первую очередь на материалы переписей населения, учитывающих этническую принадлежность или родной язык, а также на материалы специальных демографических и этнографических обследований, проводимых с учетом этнической принадлежности. В своих исследованиях эта научная дисциплина привлекает также материалы других общественных наук, в том числе социологии (особенно этносоциологии), географии, этнической экологии, этнопсихологии, антропологии, медицины и др.[83]

Симбирское Поволжье — территория бывшей Симбирской губернии, частью которой является территория нынешней Ульяновской области.

Самарская Лука — уникальная местность, образованная излучиной (изгибом) самой большой европейской реки — Волги — в ее среднем течении и Усинским заливом Куйбышевского водохранилища. Волга в этом месте делает большую дугу, обращенную на восток, а затем поворачивает на юго-запад.

Симбирско-Саратовское Предволжье включает в себя центральные и правобережные районы Ульяновской области, правобережные районы Самарской, северную часть Саратовской и восточную часть Пензенской областей.

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Е.В. Сергеева

Ключевые слова: *кухня народов Поволжья, чувашская система питания, пища растительного происхождения, пища животного происхождения.*

Кухня народа отражает его культуру и историю, межэтнические контакты и генетические связи с соседними народами. Общее и особенное в питании зависят не только от взаимодействия, но и от общих природно-климатических условий. В Волго-Уральском регионе на близком в климатическом отношении и географическом ландшафте проживают русские, тюркоязычные и финно-угорские народы. В качестве этнических партнеров чувашей выступают татары, марийцы, отчасти мордва и башкиры; интенсивные связи установились между чувашами и русскими[1]. Безусловно, имеется сходство в приготовлении и названиях блюд с удмуртами и башкирами. Чувашские блюда находятся в тесном родстве с пищей родственных и соседствующих народов.

Цель работы состоит в том, чтобы изучить влияние межэтнических связей на культуру питания чувашей Волго-Уральского региона и показать, что чувашские блюда находятся в тесном родстве с пищей родственных и соседствующих народов. Отсюда вытекают следующие задачи: провести сравнительное изучение растительной и животной пищи, напитков, обозначить сходство и различия праздничных, ритуально-обрядовых блюд чувашей и соседних народов. Работа выполнена на основе опубликованной литературы и полевых материалов автора.

Значительное место в этнографической литературе занимают труды по культуре питания чувашского, татарского, русского, марийского, мордовского, удмуртского, башкирского этносов[2], с

Сергеева Евгения Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук.

помощью которых можно проследить генетические сходства, взаимовлияния и трансформацию кулинарии указанных народов. Нами использованы издания, касающиеся комплексного изучения материальной и духовной культуры народов[3]. Монографии В.П. Иванова[4], Г.Б. Матвеева[5], А.К. Салмина[6], Л.И. Никоновой[7], И.С. Лутовиной[8], сочинения Н.В. Никольского[9], издание по кулинарии народов Среднего Поволжья, выполненное О.И. Давыдовой и В.Г. Верховской[10], статьи, посвященные изучению традиционных блюд народов региона[11], дают возможность проследить межэтнические связи в культуре питания указанных народов. Тем не менее материалов, характеризующих этнокультурные контакты чувашей с соседними народами на примере пищи, немного. К примеру, они нашли отражение в статье этнографа В.П. Иванова о чувашско-татарских этнокультурных параллелях и об этногенетических и культурных связях чувашей[12].

В чувашской системе питания, как и у других народов, главное место отводилось блюдам из ржаной муки, кислому хлебу и многочисленным выпечкам. Особенностью чувашской национальной кухни является то, что в процессе приготовления первых блюд нарезанные овощи (лук, морковь) вводятся в супы в сыром, а не пассерованном виде. Чувашская кухня отличается разнообразием выпечки. Начинки (мясо, рыба, лук) используются в качестве фарша в сыром виде и доводятся до готовности уже при выпечке мучных изделий[13]. В чувашской кулинарии много общего с татарской. Главным образом, общие черты прослеживаются в использовании кусочков теста для заправки супа и сдабривании его во время еды кислым молоком, а также разнообразии молочных напитков и кушаний[14]. Чувашско-марийские взаимосвязи прослеживаются также в сходстве названий блюд, что освещено в трудах языковедов Н.Н. Поппе, Г.В. Лукоянова, М.Р. Федотова[15].

Культура питания горных и луговых марийцев в течение многих веков складывалась под воздействием русской и отчасти татарской кухни. Марийская кухня переняла у татарской в основном технологию мясо-мучных и мясо-овощных блюд. Отличие состоит в том, что вместо баранины марийцами используется говядина и даже свинина, традиционными считаются блюда из зайчатины. Общее в русской и марийской кухне – это использование грибов (жареные грибы стали употреблять под воздействием русской кухни), лесных ягод и речной рыбы. Пряности (за исключением лука, укропа, петрушки) применяются мало, зато лук – в больших количествах. Широко используется картофель[16].

Кулинарное искусство татарского народа богато своими национальными традициями. Изделия татар всегда славились оригинальностью приготовления, вкусовыми качествами и оформ-

лением. В питании татар издавна преобладали зерновые продукты в виде муки и крупы. Излюбленным блюдом было мясо, главным образом баранина, говядина, конина. Из мяса варили супы и бульоны. Большое место в питании народа занимали молочные продукты. Из молока делали масло, простоквашу, творог. Ярким проявлением особенностей татарской кухни являются печеные изделия из жидкого и крутого теста. Для начинок берется мясо в сочетании с картофелем и крупами. Чай с печеными сладкими изделиями считается лучшим угощением[17].

Мордовская кухня в своей основе не терпит острых специй, состоит из разных квашений, растительных и молочных продуктов. Характерной особенностью мордовской кухни является обилие рыбных и мясных блюд. Рыбные продукты широко употреблялись в свежем, вареном, вяленом виде. Мордва любит каши, мед, молоко, большей частью сквашенное. В мясных блюдах чаще всего применяются горох и кислое молоко. Из овощей мордва предпочитает горох и тыкву. Лук составляет любимую национальную приправу и даже пищу[18].

Основу башкирской кухни составляют мясо, мука, крупа, молоко, яйца и картофель. Из мясных блюд чаще всего используют баранину, молодую конину, говядину, птицу. Особенность башкирской кухни – универсальность многих блюд, настолько питательных и калорийных, что они могут служить одновременно и первым и вторым блюдом, например: *бешбармак, куллама*. Соленые и квашеные овощи употребляются мало. Наиболее популярны мучные блюда. Из напитков широко распространен *айран* (кисломолочный напиток)[19].

Удмуртская кухня достаточно разнообразна. В ее основе не только домашние, но и покупные продукты. Много дичи – заяц, рябчик, индейка, тетерев, лосятина, медвежатина, дикая утка. Удмуртскую пищу отличает изготовление соков, соусов, киселей и квасов из мясных овощей и ягод. У удмуртов широко бытовали лепешки из овсяной муки, блинчики с кашей, шаньги из кислого и пресного теста с картофелем или кашей, пресные ватрушки с различной начинкой[20].

Особенность русской кухни – обилие и разнообразие продуктов, используемых для приготовления блюд, простота и рациональность как в оформлении, так и в технологии приготовления. Для русской кулинарии характерно обилие выпечки: всевозможных пирогов, пирожков, кулебяк, калачей, булок, блинов, оладий и др. Многие из этих изделий готовились исключительно на основе кислого теста. Более скромное место занимают изделия из пресного теста. Из него в основном готовят пельмени, вареники, блинчики, лапшу. Характерен широкий ассортимент блюд из круп:

каши, запеканки, сочетание круп и других продуктов. До наших дней сохранился богатый ассортимент первых блюд (щи, борщ, рассольник, солянка, супы)[21].

Кратко охарактеризовав кухню каждого народа, перейдем к изучению кулинарии этноса, которую рассмотрим в следующем порядке: пища растительного и животного происхождения, напитки.

Пища растительного происхождения

Изделия из муки

Тестяные изделия у всех народов Среднего Поволжья условно можно разделить на две группы: кушанья без начинки и изделия с начинкой.

Хлеб (печеный), у чувашей – *çăкăр*. Этимологические соответствия чувашскому названию хлеба можно найти в трех группах языков: финно-угорских, иранских и тюркских. Так, в марийском языке *сыкыр* или *сукыр*, в удмуртском – *сукыры*, *нянь*[22], у татар – *ипи, икмек*, у мордвы – *кши*. Несмотря на то, что названия хлеба у народов Волго-Уральского региона разные, пекли его по традиционной технологии: с вечера ставили опару и через 10–12 часов месили тесто, выпекали в печи. Хлеб был круглой формы. Хлеб являлся основой питания, имел высокий статус и входил в перечень обрядовых кушаний у всех исследуемых народов. У чувашей в качестве неотъемлемого жертвенного дара он наиболее активно употребляется на празднике моления хлеба нового урожая *чӳклеме*, в великий день *Мăнкун*, на празднике по случаю рождения ребенка, на свадьбе, в месяц поминок *юпа* и др. Наибольшей совместимостью с ритуальным хлебом обладают сырок, пиво и соль. Отметим, что и у соседей – удмуртов и марийцев – зафиксированы следующие виды совместимости «хлеб + соль + вино + масло», «хлеб + пиво + вино»[23].

Раньше марийцы потребляли пресный хлеб *сыкыр, кинде*, который выпекали из овсяной, ячменной муки, затем ржи, стали готовить кислый[24]. У всех народов к нему воспитывалось бережное, почтительное отношение. Непочатый каравай хлеба был символом благополучия и счастья, без него не обходился ни один праздник или обряд. Специально в ритуальном значении хлеб выпекался для молений, сватовства, свадьбы, похорон, поминок, «на зубок» новорожденному[25]. Удмурты хлеб пекли из ржаной или пшеничной муки, в старину – из ячменной муки с примесью различных суррогатов[26]. Отношение к нему получило отражение в фольклоре, особенно в молитвах – *куриськонах*, где проявляется

извечная борьба хлебопашца за простой каравай *нянь колды* – источник жизни, а не за золотой хлеб *зарни нянь*[27]. Традиционный мордовский хлеб *кши* также был из ржаной муки. С ним связывают представления о богатстве и счастье. С «хлебом здоровья» *шумра кши* мордва поныне контаминирует здоровый образ жизни, плодородие и долголетие, мир и добрососедство[28]. Так, в день рождения ребенка дома устраивали моление над хлебом – *кшинь озондома* (м.), *кши ознома* (э.). На стол клали *шумбракши, кше* (м., э.), кашу, яйца. Также хлеб присутствовал практически на всех этапах свадебного цикла[29].

Без кислого ржаного хлеба *ипи, икмэк* у татар не проходил ни один обед (обычный или праздничный). Он считался священной пищей. В прошлом существовал обычай клятвы хлебом – *ипидер*. Дети с малых лет приучались бережно относиться к нему[30]. По мере развития земледелия растительная пища стала занимать все более заметное место и в питании башкирского населения. Стали печь хлеб, лепешки[31].

Народы Волго-Уралья довольно часто готовили разнообразные блины, булочки, пироги. У чувашей из кислого хлебного теста готовились на горячих углях в сковороде лепешки *ҫӳхӳ* и *кăвас икерчи*. Аналогичные изделия из муки привнесены из чувашской в марийскую кухню под названием *оварчык, оварыц*. Также у них известны пресные лепешки из круто замешенного теста *эгерче* и блины *мельна*[32]. Хотя чувашское *икерчĕ* и марийское *эгерче* одинаковы по названию, но отличаются по технологии приготовления и ингредиентам. У мордвы блины *пачат* (м.), *пачалксесть* (э.) также популярны и любимы. Готовились из ржаной, пшеничной, гороховой, пшенной муки, выпекались толстыми; лепешки *сюкорот* из пресного теста ржаной, чаще пшеничной муки были небольшими по размеру[33]. Сходны названия *сюкорот* (морд.) и *ҫăкăр* (чув.). Возможно, раньше это означало одно и то же изделие, т.к. предки чувашей также употребляли пресный хлеб, а *сюкорот* выпекается из пресного теста[34]. Со временем чуваши стали выпекать кислый хлеб с тем же названием – *ҫăкăр*, а у мордвы он остался пресным и в виде лепешки. Татары пекли кислые пшенные блины – *тары коймагы, туй белене*[35]. Чувашское *пĕлĕм* и татарское *белене* схожи по названию и приготовлению – кислые, но татары пекли из пшенной муки, а чуваши из пшеничной. У удмуртов блины *милым*[36], у башкир – *коймак* – блины, которые жарились в масле на сковороде[37]. Чувашское слово *куймак / кульмак* имеет родство с тюркским словом *коймак*[38]. У русских аналогичные способы приготовления мучных изделий: из пресного, жидкого заквашенного теста пекли лепешки, оладьи, блинчики[39]. Для блинов брали пшеничную муку, реже ржаную, а также гречневую, ячменную, овсяную, просяную[40].

К другому виду печеных изделий относятся различные толстые лепешки, булочки и др. У чувашей это *капăртма*, каравайчики *хăпарту*, пышные лепешки *пашалу*[41]. У татар аналогичные лепешки из хлебного кислого теста *кабыртма*, из пресного ячменного или полбенного теста – *күмәч* (булочка диаметром 10–15 см), которая имела ритуальный характер во время свадеб[42]. Мордва выпекала пышки из кислого и пресного теста[43]. У мордвы-мокши пекли хлебцы *копшат* из хлебного теста[44]. У удмуртов – лепешки *табань*[45]; у башкир хлебные лепешки *көлсә*, которые пеклись в золе[46].

Все эти рассмотренные мучные изделия имели, как правило, ритуальный характер. К примеру, у чувашей ритуальные лепешки имели разные размеры – маленькие и большие, в количественном отношении – от одного до множества. На *учук* в каждом доме пекли по одной лепешке, две лепешки – для духа *шыври*, тремя лепешками справляют обряд умилостивления *киремет*, *мемеле* и *карта пăтти*. В родовых ритуалах посвящают семи божествам высшей иерархии. Аналогично у удмуртов на родовые поминки пекут лепешки «величиною с медную гривну»[47]. У марийцев блины также являлись празднично-обрядовым блюдом. Ими угощали гостей, пекли для молений и жертвоприношений, свадебных и поминальных обрядов. Во время свадьбы в доме жениха молодоженам в первую очередь преподносили блины и пиво. На следующий день невеста должна была испечь свадебные блины. Также оладьи клали с покойником в гроб в качестве подарка умершим родственникам[48]. Блины у русских являлись обязательной трапезой и в свадебном, и в поминальном обрядах[49].

Ритуальное значение у чувашей имела выпечка без начинки *йăва* – шарики диаметром 2–3 см из разных сортов муки, кроме ржаной. Её подавали к чаю, ею угощали, она являлась лучшим лакомством для детей[50]. Семантическая нагрузка *йăва / йăвача* состоит в её способности стимулировать плодородие, здоровье, закалку в первую очередь овец и всех домашних животных вообще[51]. Аналогичные печения мы встречаем в татарской *(ювача, шишара, баурсак)*[52], марийской *(ӱяча, ӱаца)*[53], мордовской *(навсемат)*[54], удмуртской *(шекера)*[55], русской *(шанежки, шанька)*[56], башкирской *(баурсак, йыуса)*[57] кухнях. Угощение этим мучным изделием имело обрядовое значение как у чувашей, так и у башкир и татар-мишарей (возможно, это связано со скотоводческими корнями)[58]. Сходство прослеживается в названии и технологии приготовления данного мучного изделия у чувашей, татар, башкир, аналогии есть у финно-угорских народов, исключая названия.

Изделия с начинкой – это разнообразные пироги, ватрушки и др. Распространенным праздничным блюдом у чувашей была

ватрушка *пӳремеч*, у татар – *пәрәмәч*, у марийцев – *перемеч, туаткал, шаньга,* у удмуртов – *перепечь / пересьман*, у мордвы – *панжакай*, у русских – *ватрушки, расстегай*. Все это разновидности ватрушки с разнообразной начинкой. Но все же прослеживаются некоторые локальные отличия среди народов: способы приготовления у тюркских народов схожи между собой, но имеют отличия от финно-угорских. Чуваши, татары и башкиры готовили его с творожной и картофельной начинкой, летом с ягодами. Сходство в ингредиентах находим и у марийцев: также готовили ватрушки из творога и картофельного пюре, конопляных семян, ягод[59]. У мордвы они были с картофелем, молочной пшенной кашей или творогом[60]. У удмуртов пресные ватрушки делали с мясной, кровяной, грибной, капустной, ягодной начинкой и др.[61] У русских из открытых пирогов нужно упомянуть, кроме ватрушек, *расстегай* – это большой, круглый, открытый сверху пирог с начинкой обычно из рыбного фарша[62]. Но это блюдо нехарактерно для русских Среднего Поволжья[63]. Все же следует заметить, что башкирские и татарские перемечи, в отличие от чувашских и финно-угорских, имеют более выраженные элементы пищи скотоводов, проявляющиеся в распространении у них также перемечей с начинкой из мелко накрошенного мяса[64].

Следующими традиционными тестяными изделиями народов рассматриваемой территории были разнообразные пироги, выпекаемые в большинстве случаев для праздничной трапезы. К примеру, у чувашей разновидностью такого пирога является *хуплу (пелӗш)*, у татар и башкир – *бәлеш*, у марийцев – *краваец, палыш,* у мордвы – *лукш,* у русских – *курник*. Это круглые большие пироги с разнообразной начинкой. Чуваши *хуплу* пекли из пресного сдобного теста, а для гостевой трапезы – с добавлением молока и яиц, со сложной начинкой. Первый слой начинки состоял из полусваренной каши или мелко накрошенного картофеля, второй – из мелко рубленого мяса (гуся, утки или другого животного), третий из слоя жирного мяса или сала. *Хуплу* пекли в русской печи на сковороде, выдерживали долго. Разделка *хуплу* и способ его приема составляли своеобразный обряд[65]. У татар и башкир аналогичные гостевые пироги также состояли из сложной мясно-крупяной начинки. Башкиры подавали его на стол, разрезав по кругу верхнюю корку[66]. Схожесть в приготовлении этого пирога восходит к скотоводческим традициям. Другим оригинальным изделием у татар является круглый высокий пирог с многослойной начинкой *гөбәдия* – одно из обязательных угощений на торжественных приемах[67]. Среди финно-угорских соседей чувашей такие пироги не распространены, но влияние соседей привнесло в их культуру питания подобные мучные изделия. У гор-

ных марийцев в качестве праздничного кушанья известен *кравец* – круглый пирог с мясно-крупяной начинкой, заимствованный у местных русских, называющих его «караваец». Марийцы, живущие по соседству с татарами, пекли *палыш* (*белеш*) – пирог с начинкой из мяса и сала с крупой[68]. У мордвы одним из главных тестяных печений с начинкой считался *лукш* – свадебный закрытый пирог со сложной начинкой – из пшеничной каши, целой вареной курицы и яиц в скорлупе. Верхушку такого пирога украшали выпеченными из пресного теста фигурками птиц, звездочками, еловыми веточками, перевивая украшения цветными нитками, лентами и бисером[69]. Пирог с таким же большим значением у русских – *курник*, иногда название связывают с куриной начинкой, но пекут его и с рыбой. Подавали его на свадебный стол, крестильный пир[70]. Удмурты пекли праздничные пироги с рыбной начинкой[71].

Обычные пироги у народов Среднего Поволжья можно разделить на вареные и печеные. Чуваши вареные пироги называют *хуран кукли* (род пельменей, вареники), у марийцев – *подкогыльо, падкагыль* (котловые пироги), у удмуртов – *пельнян*, у татар – *пильмәне*, башкир – *суспәрә* (род мясных пельменей). У мордовского народа аналогичные вареники в рационе питания распространены слабо. Чувашские *хуран кукли* варились в котле с начинкой из творога с сырыми яйцами и маслом, или из толченого картофеля с маслом, или из зеленого лука, редко с мясной начинкой. Ели блюдо с топленым маслом[72]. У марийцев наиболее популярной начинкой для вареников был отжатый творог, смешанный с сырыми яйцами, при этом назывался *торык когыльо, тувыртыш когыльо*. Позднее творог стали смешивать с картофельным пюре. Ели, окуная в топленое масло[73]. Также для начинки использовали рубленое мясо с луком, квашеную капусту, грибы, ягоды. Сходство у чувашей и марийцев прослеживается как в приготовлении, так и в составе ингредиентов. У удмуртов *пельнян* (букв. «хлебное ушко») является одним из традиционных блюд. Начинка могла быть не только с мясом, но и с рыбой, овощами, грибами, творогом, ягодами и даже с травами[74]. Татары готовили пельмени с мясом (баранина, жеребятина), подавали с бульоном[75]. У башкир подобное блюдо – *суспәрә* – готовилось с разнообразной начинкой, варилось на пару или в воде[76]. Русские Поволжья готовили пельмени чаще с капустой, с мясом для праздничной трапезы[77].

Следующая группа пирогов (печеных) у всех исследуемых народов состоит из овощных, мясно-крупяных и ягодных начинок. У чувашей он называется *кукăль*, у марийцев – *кагыль*, у мордвы – *пярякат* (м.), *прякат* (э.), у татар – *өчпочмак*, у русских – *пироги*. У всех народов региона начинка была одинакова, в боль-

шинстве случаев сезонная. Осенью пекли пироги с капустой, свеклой и морковью, зимой – с мясом, картофелем[78], иногда из сушеных ягод, которые запасались с лета и начала осени[79], летом – с яйцами, творогом, ягодами. Тесто для пирогов месили из полбенной или пшеничной муки с добавлением молока. При забое скота пекли пирожки с мясной начинкой[80], что характерно для скотоводов. Аналогичны были пироги у марийцев, мордвы и русских[81]. Как ранее отмечалось, для русских народных говоров характерно называние всего пирога по начинке, например, пирог с капустой – *капустник*, пирог с рыбой – *рыбник* и т.д. К пирогам с закрытой начинкой относится и кулебяка с запеченной в ней рыбой. Отличалась она тем, что была узкой по форме и высокой, чем обычные пироги. На крестины пеклись *сгибни* – пироги полукруглой формы с начинкой из пшенной каши[82]. У татар был распространен *өчпочмак* – тестяное изделие в виде треугольника с начинкой из жирного мяса (чаще из баранины) и лука. Он относится к категории кушаний типа *бәлеш, вак бәлеш*[83].

Заимствования блюд в основном прослеживаются на приграничных территориях. К примеру, в Шемуршинском районе ЧР (д. Чепкас-Никольское) известно тестяное изделие *кăстрăмпи* – типа современных сочней[84]. Аналогичные изделия из муки пекли и татары – *кыстыбай*[85], и восточные марийцы – *кыстыви*[86]. Это блюдо чуваши переняли от татар-мишарей, а марийцы от соседствующих татар. Таким образом, чувашские, марийские и русские пироги более сходны, чем у мордвы и удмуртов. В свою очередь, большие сходства этих изделий у татар и башкир.

Другими традиционными кушаньями народов Волго-Уралья были мучной кисель и толокно. И.С. Лутовина, автор книги о русской пище, сообщает: «Кушанье потому и называлось киселем, что основной его признак – кислый вкус, кислота. Происхождение его связано с глаголами “квасить”, “киснуть”... для того, чтобы сварить кисель, надо было сначала, замочив овес, дать ему закиснуть, закваситься, приобрести кисловатый вкус...» О втором мучном кушанье пишет следующее: «Толокно, как сказано в кулинарных книгах нашего времени, считается русским народным кушаньем»[87]. Но с другой стороны, кисель *(кĕсел, нимĕр)* и толокно *(тинкĕле)* являются и чувашскими традиционными блюдами, которые нередко заменяли хлеб. Кислый кисель *кĕсел* готовили из овсяной муки или ржаного хлебного теста, а пресный *(нимĕр)* – из гороховой или чечевичной муки. Толокно *тинкĕле* было полбенное, овсяное, реже гречневое. Кислый кисель *(кĕсел)* заимствован чувашами у русских, на что указывает название, пресный *(нимĕр)* – одно из древнейших и традиционных блюд скотоводов[88]. У марийцев кисель *(кышал)* и толокно *(пушто)* приготов-

лялись из солодовой муки, а также *немыр* – из основных видов круп[89]. Татары кисель *(кесэл)* готовили из овсяных отрубей, толокно *(талкан)* из ячменя[90]. Мордва готовила кисели из овса, гороха, ржи[91]. У удмуртов кисель *(кисаль)* был из овсяной, гороховой муки, иногда из черемухи, калины и др., готовят толокно *(жожон)*, которое едят разведенное с квасом, водой или кислым молоком, *немри* – наподобие чувашского *нимĕр*[92]. У башкир толокно называлось *талкан*, готовилось из поджаренной, мелко истолченной ячменной или полбенной крупы, которую разводили в горячей воде и смешивали с маслом[93]. Названия и способы приготовления киселя и толокна у тюркских и финно-угорских народов сходны. Но эти блюда больше характерны для скотоводов – предков чувашей, татар, башкир, со временем распространились у марийцев, мордвы и удмуртов. У русских, кроме традиционных киселей, готовили своеобразное блюдо *тюря* – кушанье из хлеба, накрошенного в квас, молоко или воду, иногда для вкуса добавляли лук, льняное масло, соль[94]. По последним данным, в некоторых чувашских деревнях есть аналогичное блюдо (Яльчикский район, д. Полевые Буртасы – *Вырăскасси*), называется оно *чури-чури* и готовится следующим образом: в миску крошат хлеб и добавляют молоко[95]. Возможно, данное кушанье привнесли в чувашскую кухню русские, проживавшие в этой деревне.

В традиционной культуре питания населения Волго-Уралья прослеживается большое сходство в приготовлении мучных изделий и кушаний, конечно же, имеются и различия у тюркоязычных и финно-угорских народов региона. Это объясняется этногенетическими связями и межэтническими контактами.

Каша

Каша *(пăтă)* является одним из вторых блюд, она фигурирует во многих обрядах, тем самым является ритуальной пищей. Следует отметить, что каша в чувашском языке имеет только одно название – *пăтă*. Это, возможно, говорит об устойчивости и архаичности слова[96]. Она варилась чаще из проса, полбы, пшеничной крупы, теперь в употреблении больше гречиха и рис, для детей готовят из манной крупы, реже готовятся пшеничная и кукурузная каши, овсянка, пшено. Раньше чуваши ели кашу с пахтой или с кислым молоком (тюркский обычай), традиция добавлять масло пришла от русских и финно-угорских народов[97].

Каша занимает большое место в рационе питания соседних народов. Русские называют мучную жидкую кашу *саламатой*[98], марийцы – *немыр*[99], удмурты варят различные каши *(ӝук)* из ячневой, пшенной и другой крупы, приправляя их маслом или са-

лом[100], у мордвы каша *(ям)* готовилась из пшена, гречи, гороха, манной крупы или риса[101], у башкир *өйрə* – похлебка из ячменных и полбенных круп, заправленная *корот*, *бутка* – каша на молоке или воде, сваренная из ячменной или полбенной крупы[102].

У тюркских и финно-угорских народов Волго-Уралья каша являлась обязательным атрибутом различных семейных, общественных, календарных праздников и обрядов. Она активно фигурировала на обрядах и молениях *чӳклеме, çумăр чӳк* (о дожде), молении духу *хĕртсурт*, в ритуалах *учук* (полевое моление), *карта пăтти* (моление в скотном дворе), *киремет, Мункун* и др. у чувашей; *карга боткасы* («грачиная каша», обряд в честь прихода весны) у татар и т.д.; *немырвот* (языческие моления и жертвоприношения), *йӳр пучымыш* (по случаю засухи), *у пучымыш* (на праздник нового урожая) и др. у марийцев[103]. Велико значение каши и в семейных обрядах. У всех исследуемых народов на родины готовили кашу на молоке: у чувашей *ача пăтти*, у татар *бәбәй буткасы*, у русских *«бабкина (бабина) каша»* у финно-угорских народов аналогичные традиции[104]. Немаловажное значение имела каша в свадебной обрядности. Чуваши в конце свадебного обряда ставили на стол *пошшол пăтти*, у русских аналогия – *каша-разгонница*, т.е. она служила знаком окончания трапезы[105]. Марийцы в доме невесты накануне свадьбы совершали обряд кормления невесты кашей, которая варилась не только в ее родном доме, но и у всех родственников. Они, в свою очередь, приносили в дом невесты чашки с кашей, иногда их набиралось более тридцати видов. В эрзянской свадьбе последний день пребывания невесты в доме родителей считался днем каши *(кащадо ярцамо чи)*, с которой и начиналась свадьба. В удмуртских обрядах каша, обладая такой качественной характеристикой, как множественность, обильность, должна была служить цели приумножения: урожая, приплода, достатка в семье, появления детей. Недвусмысленно и весьма наглядно плодоносная сила каши проявляется в одном из свадебных обычаев: ее ели за здоровье невесты. Угощение невесты кашей прослеживается у всех финно-угорских народов. Таким образом, возможно, преследовалась цель повлиять на плодовитость женщины, причем старались обеспечить рождение в первую очередь сыновей[106].

Почти у всех народов наблюдается приготовление каши во время строительных обрядов: *никĕс пăтти* у чувашей, *нигез боткасы* у татар. У мордвы и других финно-угров хозяин нового дома обходил сруб с пшенной кашей, которая символизировала долголетие[107].

Каша являлась не только одним из вторых блюд исследуемых народов, но имела семантические функции, которые позволяют говорить о ее знаковости. Схожесть в приготовлении и употребле-

нии каши доказывает генетические связи народов Волго-Уралья. Межэтнические связи выражаются в своеобразном употреблении блюд.

Супы и овощные блюда

Принцип приготовления супов у финно-угорских и тюркских народов был одинаков: раньше для заправки супов использовалась мука, позднее – мучные изделия. Для вкуса добавляли зелень.

Суп *(яшка)* – очень древний вид чувашского жидкого блюда. Русские исторические документы XVIII в. констатируют суп у чувашей как древнее кушанье[108]. На мясном бульоне готовили *шӳрпе*. Основными приправами для супа являлись, кроме картофеля, мука, крупа, овощи и дикорастущие травы – сныть, борщовник, молодая крапива. Как и у тюркских народов, чуваши добавляли в кипящий бульон размешанную в воде муку. Иногда приправляли мучным полуфабрикатом, называемым *салма* – это кусочки теста типа лапши[109]. Как пишет И.С. Лутовина, слово *лапша* является древнейшим заимствованием из тюркских языков, где *lakča* означала мелкие кусочки теста, сваренные в бульоне[110]. Традиция заправки супа мукой была у татар. Позднее вместо муки стали класть кусочки теста различной формы: *умач, чумар, салма, токмач ләкшә. Чумар* (клецки по-татарски) созвучно с чувашским *чӑмӑр*[111]. Технология приготовления лапши у поволжских татар следующая: для *тукмач лашка* из густого теста режут квадратики, а для *салмы* отрывают[112]. Таким же образом у марийцев заправлялись супы *лем, шӱр, штей*, которые варились ежедневно. Первоначально основными компонентами супа были крупа и овощи. Традиционным являлся суп с клецками: из пресного теста – *шере лашка*, из кислого – *шушо лашка*[113]. Обычным блюдом была картофельная похлебка с луком[114]. У мордвы готовились аналогичные блюда с кусочками теста, отваренными в воде, под названием *лапша* или *салма*[115]. Совсем иной рецепт приготовления лапши у мордвы: жидкую тестяную массу выливали на сковороду и ставили в печь, полученный тонкий блин резали на мелкие полоски и пускали в суп[116]. Удмурты варят своеобразную лапшу *нугыли*, приготовляемую из кислого теста. Из горячих жидких блюд особенно распространена похлебка с крупой и горохом – *шыд*[117]. У башкир такие жидкие горячие блюда, как суп-лапша *(тукмас)*, затируха *(ыумас ашы)*, суп с клецками *(сумар ашы)* и другие разновидности мучных супов, также имели большое значение в питании[118]. Другое название *салма* у башкир – *һалма* (тесто «рвут руками на кусочки»). Башкирская *һалма*, или *кул һалмаһы*, – аналог

чувашского *каснă салма* – такая же тонкая, но в виде квадратов и величиной с оладьи. М.Р. Федотов считает чувашское слово *салма* заимствованным из татарского, а марийское – из чувашского[119].

Довольно часто народы изучаемого региона готовили суп из дикорастущей зелени (особенно весной и летом): *серте яшки* (суп со снытью), *пултăран яшки* (суп с борщовником), *вĕлтрен яшки* (суп с крапивой), для сытности добавляли, как уже было сказано, мучные изделия типа *çăмах* или *салма*[120]. Марийцы также в качестве приправы к супам использовали дикорастущие травы: борщевик *(полдыран, киндйвўч)*, крапиву *(нуж, почкалтыш)*, дикий чеснок *(юа)*, щавель *(шинчаланшудо, шапшуды)*, сныть *(серде, седüspä)*[121]. У мордвы из картофеля, капусты, щавеля варились щи – *капста лям* (м.), *капста ям* (м., э.). Из пшена с добавлением небольшого количества картофеля готовили суп *шонгарям* (м.), *вецаям* (э.)[122]. По технологии приготовления блюд из дикорастущей зелени в сочетании с мучными и молочными продуктами башкиры близки к народам Урало-Поволжья[123].

С XIX в. в питании чувашей и соседних народов важное место занял картофель *(çĕрулми)*. Его ели в вареном, печеном виде, добавляли в супы, кисели, он служил начинкой к пирогам. Мордва, кроме супа из пшена и картофеля (м. *шонгарям*, э. *вецаям*), использовала картофельный крахмал для приготовления киселя[124].

Для народов Волго-Уралья было характерно приготовление жидких супов и похлебок с добавлением не только овощей и зелени, но и (для большей сытности и калорийности) мучных изделий. Употребление в супах тестяных изделий типа лапши восходит к скотоводческим традициям, что говорит не только о генетических связях чувашей с соседними народами, но и о межэтнических контактах на протяжении веков.

Ягоды. Дикорастущие травы. Грибы

Дикорастущие травы, ягоды и плоды употреблялись в пищу свежими и вареными, их запасали и хранили в сушеном и моченом виде. Ягоды сушили, зимой использовали в качестве начинки для пирогов.

Весьма характерно для финно-угорских народов региона и для чувашей употребление дикорастущих трав, в чем им заметно уступают татары и башкиры[125]. Собирали щавель, борщовник, сныть, дикий лук, молодую крапиву, лебеду белую, мяту и другие травы, всевозможные ягоды и лесные плоды (черемуху, калину). Черемуху и рябину сушили, калину замораживали. В традиционном наборе продуктов грибы мало характерны. Орехи (каленые) употреблялись в праздничные дни[126].

Фрукты и ягоды в традиционной кухне большинства татар не играли существенной роли. Этот недостаток в какой-то степени восполнялся дикорастущими травами, кореньями, лесными ягодами. Ягоды ели в свежем виде, из них пекли пироги – *паштет*, их сушили. На зиму в лечебных целях старались запастись сушеной малиной, душицей. Как и башкиры, татары сушили черемуху – *шомырт*, которую затем перемалывали и использовали как начинку для пирога[127]. Из дикорастущих трав башкиры употребляли следующие: сарана – лилия кудреватая, бутень, прескотта, лопух, осока, а также зопник клубненосный и бубенчик лилиелистный. Черемуха – одно из любимых башкирами растений. Блюда с использованием черемухи занимают почетное место в башкирской национальной кухне. Ягоды сушили и затем мололи на ручной мельнице. Готовая мука в смеси с топленым маслом или каймаком использовалась в качестве начинки для пирогов. Подмешивали такую муку и в топленое масло, а также в *курут*[128]. В традиционной марийской кулинарии дикорастущие ягоды и плоды употреблялись в свежем виде, на зиму запасали в сушеном или моченом виде. Из свежих ягод делали холодные супы на молоке, пекли пироги и ватрушки[129]. У мордвы дикорастущие ягоды, особенно калину, сушили и использовали в качестве начинки для пирогов, добавляли их в каши[130].

Грибы в пище татар, башкир и низовых чувашей занимали незначительное место, в то время как марийцы, удмурты, мордва и русские потребляли разнообразные грибы. Чуваши, особенно низовые, не имели традиции заготовки грибов на зиму. Угро-финны же и русские издавна сушили их и солили, широко использовали в повседневном питании[131].

Роль растений для человека бесценна. Человек является частью большого мира, частью природы, и согласованность между нашим организмом и растительным миром чрезвычайно велика. Поэтому еще ранней весной начинали собирать зелень, в период созревания плодов – ягоды. К примеру, собирали для чая душицу. Татары применяли ее отвар при кашле и боли в горле, в качестве мочегонного средства. Башкиры – при болях в сердце, также в качестве успокоительного средства. Чуваши отвар душицы пили с медом при инфекционных заболеваниях, при болезнях нервной системы. Душица хорошо помогала в лечении кожных заболеваний[132].

Пища животного происхождения

Блюда из мяса

В рационе народов Среднего Поволжья продукты животноводства (мясо, кровь, молоко, яйца) занимали большое место. В пищу использовались мясо и субпродукты крупного рогатого скота, овец, коз, свиней, домашней птицы, иногда дичи. Забой скота и птицы обычно происходил поздней осенью и в начале зимы. Как чувашскую кухню, так и кухню соседних народов невозможно представить без традиционных мясных блюд. В мясной пище находят отражение параллели с культурой тюрко-кочевнического круга[133].

Что касается особенностей заготовки и хранения мяса у чувашей, способов его обработки и приготовления блюд из него, то они находят аналогии главным образом с тюркоязычными народами, в первую очередь с башкирами, казанскими татарами, казахами, алтайцами. Обнаруживается сходство и с кухней финно-угров и русских[134]. Прежде всего для хранения мяса чуваши готовили *шăрттан* – мясную колбасу. Она являлась одним из традиционных кушаний чувашей. У татар готовили *казылык*, у башкир – *казы*, у марийцев – *сокта, шокта*, у мордвы таких заготовок не делали, они подсушивали вареное мясо.

Чуваши *шăрттан* готовили из баранины. Вымытый желудок забитого животного начиняли мелконарезанным жирным мясом (во избежание порчи начинку солили), зашивали и запекали в вольной печи; готовый продукт мог долго храниться[135]. Наподобие чувашского *шăрттан* татары готовили колбасу *казылык*. Готовилась она из кишки лошади, начиняли ее тонко нарезанными подсоленными кусочками жирного мяса. Несколько таких колбас подвешивали на чердаке для вяления[136]. Аналогично готовилась башкирская конская колбаса *казы*, перед употреблением в пищу её варили. Она считалась одним из наиболее лакомых и почетных блюд[137]. У марийцев домашняя колбаса *(сокта, шокта)* с оболочкой из кишок, начиненной кусочками мяса, сала и крупой, также являлась традиционным блюдом[138]. Живущие в соседстве с чувашами марийцы набивали мясом не кишки, а сычуг и запекали в печи, засушивали для длительного хранения. Восточные и часть луговых марийцев под влиянием татарской кухни научились заготавливать колбасу из солонины *(каж, орлай)*, заправленной в конские кишки[139]. Мясо *сывель* (м., э.) у мордвы больше употребляется в вареном виде, в супах, также в качестве начинки к пирогам, пельменям. Говядину, баранину и свинину заготавливали впрок. Один из древних способов заготовки мяса, дошедших до

наших дней, – сушка. Вначале мясо отваривали, затем сушили в печи или на солнце. Кроме того, мясо и свиное сало и поныне солят в бочках. Ветчину коптят в дыму костра или в бане над печкой[140].

Одним из традиционных праздничных блюд татар и башкир, отсутствующий у других соседних народов, считается *бишбармак (куллама)*. Приведем рецепт приготовления данного башкирского блюда. Мясо (баранина, конина) варилось в котле несколько часов, вынималось и резалось на мелкие кусочки. В этом же мясном бульоне варилась домашняя салма (в виде квадратиков). При подаче на стол поверх мяса накладывали вареную колбасу *(казы, тутырма)*, с первых десятилетий XX в. – вареный картофель, и все блюдо поливалось из ковша крепким жирным наваром, снятым с бульона, салма подавалась как гарнир[141]. Существовал специальный обряд угощения блюдом *бишбармак*. Самому почетному гостю предлагали грудинку. Верхом невежества было поведение гостя, который сразу начинал ее есть: сначала он должен угостить ею рядом сидящих людей. После бишбармака подавали бульон, заправленный острым катыком или коротом. Мясной бульон не было принято готовить с крупой[142].

Традиционным мясо-крупяным кушаньем у исследуемых народов является вареная колбаса: у чувашей – *тултармăш*, у татар – *тутырма*, у марийцев – *вяр сокта*. Чувашская колбаса состоит из мелко рубленного жирного мяса, ячменной, полбенной или другой крупы, которую варили в котле. Таким же образом готовится и *юн тултармăш* (колбаса из крови, крупы и сала)[143]. Аналогичным кушаньем является *тутырма* у татар, представляющая собой кишку лошади или коровы, начиненную рубленой печенью и пшеном (или рисом)[144]. Подобную колбасу под названием *вяр сокта* готовили марийцы: начинка состояла из крови, крупы, муки и сырых яиц[145]. Широко использовались кишки домашних животных и в рационе питания мордвы. После чистки и мытья их либо просто варили в горшке, либо начиняли пшенной кашей, смешанной с жиром и жареным луком, и томили в сале. Кровь жарили и использовали в качестве начинки для домашней колбасы[146].

Повсеместно было распространено приготовление холодца. У народов Среднего Поволжья оно внедрялось в основном под влиянием русскоязычного населения. У чувашей *сутĕн* готовили из бараньих, говяжьих или свиных голов и ног[147], татары использовали для приготовления студня *(койка)* ноги рогатого скота[148], у башкир – *көтөка, көйка дерелдәек, һелкенгес* (используют говяжьи или бараньи головы, суставы конечностей, уши, губы, лучевые и берцовые кости с жирным мясом)[149], у марийцев готовили студень из головы и ног забитого животного[150], у русских бытовал аналогичный рецепт приготовления[151].

Приготовление блюд из мяса у тюркских народов имеет больше схожести, чем у финно-угорских народов. Не исключено, что все исследуемые народы, контактировавшие на протяжении веков, вобрали в свою культуру питания традиции обработки и заготовки мяса соседних народов.

Блюда из молока

Огромно значение молочных продуктов в рационе питания народов Волго-Уралья. Молоко в чистом виде потреблялось редко, в основном его сквашивали, готовили разнообразные напитки, творог, масло. Цельное молоко давали детям, из него варили молочные супы и каши, татары и башкиры употребляли его с чаем.

В первую очередь из молока получали сметану, которая у всех исследуемых народов шла на приготовление масла. У чувашей – *услам ҫу, шăратнă ҫу (сар ҫу, сив ҫу)*[152], у татар – *атлан май, ак май, чи май*[153], у марийцев – *ӱй, шӱшмӱй* (сливочное масло), *пелытмӱй* (топленое масло)[154], у удмуртов – *вӧй*[155], у башкир – *акмай*[156]. Масло являлось одним из ингредиентов ритуальных блюд. Его добавляют в каши и другие блюда. В свадебной обрядности чувашей есть традиция угощать молодых маслом. Аналогичный обычай существует у марийцев, удмуртов и татар[157].

Все народы употребляли кисломолочные напитки и продукты. У чувашей *турăх* (кислое молоко, варенец, простокваша), молочные напитки *(ҫу уйранĕ, турăх уйранĕ)* являлись неотъемлемой частью рациона питания[158]. Марийцы простоквашу готовили из цельного молока *(торык, тарык)*, квашеного кипяченого молока *(малтыме торык, амалтымы торык)* или кипяченого квашеного молока без снятых сливок *(шӧрвалан шӧр)*, она являлась праздничным блюдом; употреблялась в пищу также пахта[159]. Мордва наряду с простоквашей из снятого кипяченого или топленого молока, охлажденного до температуры парного, готовит кислое молоко (м. *шапама лофца*, э. *чапама ловсо*), добавляя для закваски старую простоквашу. Разбавленное водой, оно хорошо утоляло жажду. Употребляли пахту – *пихтем лофца* (м.), *пивтезь ловцо* (э.)[160]. Одной из составляющих удмуртской кухни также являются кисломолочные продукты: простокваша *йӧлпыд*, пахта *арьян*[161]. У татар большое место в питании занимали тоже кисломолочные продукты: пахта *әйрән*, *катык* – технология приготовления схожа с чувашским *турăх*[162]. Из заквашенного коровьего молока башкиры делали продукт, аналогичный татарскому *катык*. Из кобыльего молока изготовлялся кумыс *(кымыз)*[163]. Трудно представить питание русского человека без молока и молочных продуктов, прежде всего кисломолочных. Одним из любимых русских

блюд, простейших в приготовлении, является простокваша. Разновидностью простокваши является также варенец или ряженка. Делается ряженка из квашеного топленого молока, т.е. такого, которое долго кипятится на легком жару. Особое место среди молочных блюд занимает кефир[164].

Снятое молоко после сквашивания шло на изготовление творога: у чувашей *тăпăрчă*[165], у марийцев *тувыртыш, тывыртыш*[166], у татар *эремчек*[167], у башкир *эремсек*[168], у мордвы *кузятем*[169]. Технология приготовления творога у всех исследуемых народов одинакова: дав молоку скиснуть, сливали в специальный мешочек, сыворотка стекала через несколько часов, после чего творог был готов к употреблению.

Творог использовали не только как самостоятельное блюдо и начинку для тестяных изделий, также из него готовили разнообразные сырки. Чувашская кухня готовила сыр *чăкăт* и лакомство *тăвара* – поджаренные мелкие сырки, которые для длительного хранения заливали в горшке топленым маслом[170]. От чувашей это кушанье под тем же названием *туара* попало и в марийскую кухню[171]. У татар и татар-мишарей путем вываривания сахара из молока и добавления в него масла получали *корт*, который представлял собой сладковато-кислую массу. Для хранения *корт* сушили на солнце или в печи, затем измельчали и, смешав с медом, залив сверху топленым маслом, готовили оригинальное лакомство – *кортлы май*[172]. У башкир аналогичное лакомство – *корт* – кисло-соленые сырки, полученные из кислого молока путем кипячения и отжима полученной массы. Только у татар они готовились из свежего молока, а у башкир – из кислого. Заготовлялся впрок на зиму *ужекуй*, или *кызыл эремсек*. Это *катык* с молоком, высушенные в котле на медленном огне, в результате получалась сладкая красноватая масса. Лакомством, которое подавалось к чаю, был *эжекей* – свежий, хорошо отжатый творог, смешанный с медом[173]. Восточные марийцы аналогично татарам и башкирам делали *курт* из квашеного кипяченого молока или пахты[174]. Мордва готовила сыр двух сортов: в первом случае сыр готовили крутым и жестким, во втором случае «пахтали» в крынках и заливали коровьим маслом, чтобы оно всегда было мягким. Из коровьего молока первого надоя после отела мордва-мокша варила разновидность сыра – *мичке*[175]. Аналогичное блюдо встречаем и у чувашей – *ĕне ырри*[176], у марийцев – *тувыртыш*[177].

Рецепт блюда, заимствованного у татар, передал нам информант из Шемуршинского района (д. Чепкас-Никольское). Называется оно *кăрт*, технология приготовления и название аналогичны татарскому: молоко доводят до кипения, добавляют творог, варят, пока молоко не выкипит, добавляют сахар либо поливают сиропом готовый продукт[178].

Таким образом, молочные продукты имеют большое значение в культуре питания народов исследуемой территории. Судя по приготовлению блюд, прослеживаются элементы кочевническо-скотоводческой культуры. К примеру, сквашивание свежего молока, которое хранилось дольше; сырки готовили более солеными, масло растапливали и подсаливали для долгого хранения. В ходе изучения литературы и полевого материала прослеживаются межэтнические контакты народов.

Яйца

Яйцо издавна является чуть ли не одним из основных продуктов питания человека. Первоначально оно употреблялось в сыром виде, затем в жареном (и это, вероятно, более древний вид еды из яиц) и вареном. С древних времен известны выпечные изделия, основным компонентом которых является яйцо. Это объясняется особым свойством яйца – как бы склеивать, связывать кулинарное изделие[179].

Чуваши издревле держали кур, гусей и уток. Кур в большей степени держали из-за яиц, которые в питании занимали важное место, являясь одним из блюд как в повседневном питании, так и на праздничном столе и во время жертвоприношений. Наиболее известные блюда из яиц – *çăмарта хăпартни*, к которому в некоторых случаях добавляли пюре; *месерле çăмарта*. Яйца широко использовались для сдабривания теста и в качестве начинки к различным кушаньям[180]. Это можно сказать и о других народах региона. В татарской кухне яйца едят вареными, в виде омлета – *тәбә*, запеканки – *түнтәрмә*, используют в приготовлении теста и в качестве начинки для печеных изделий[181]. У марийцев яйца *(муно, мыны)* добавляли в тесто, бульоны, молочные и рыбные супы. Варили вкрутую и всмятку, делали яичницу с добавлением молока *(муныдувыртыш, мунывулашка, мыны плошка)*, омлет *(салмамуно, муноварчыр, мыны жаркой)*, иногда с картофелем, зеленым луком[182]. Яйцо *(ал)* у мордвы, как и у других народов, считается символом плодородия. Варят яйца вкрутую, используют как приправу, делают из них яичницу[183]. Удмурты готовили *вöйын курег пуз* – яйца, сваренные вкрутую, очищенные и залитые топленым маслом; *курег пуз табань* – кушанье из яиц типа омлета, только с добавлением мелко нарезанной капусты или шкварок[184]. Русские употребляли яйца всмятку уже с XVII в. Яйца также жарили – *яичница, яичница-глазунья, омлет*[185].

Обширны семантические функции ритуального яйца. Его смысловая нагрузка выражается через конкретные действия-обращения (разбивание, бросание, окрашивание и т.д.). Так, основ-

ные этапы жизни человека, такие, как появление на свет, свадьба и уход из этого мира, сопровождаются обрядовыми действиями, связанными с яйцом. У всех исследуемых народов яйцо заключало в себе жизненную энергию, способность к перерождению, употребляли его в семейной и поминальной обрядности, во время праздников[186].

Средства животного происхождения употреблялись не только для питания и утоления жажды, а также применялись в традиционной медицине. Отметим употребление в лечебных целях молочных продуктов (молоко, масло, творог; айран, кумыс, курут, катык, характерные только для тюркских народов) и жиров (гусиный, барсучий, лосиный, куриный, конский), продуктов пчеловодства и т.д.[187]

Рыба

Рыба *(пулă)* не была характерна для чувашской кухни в качестве особого блюда, но употреблялась в пищу в виде супа *пулă шӳрпи*. Чуваши не употребляли угря, вьюна из-за определенных поверий[188]. Ассортимент рыбных блюд у волго-уральских татар был довольно скуп. Рыбу варили, из нее готовили уху – *балык шулпасы*, реже жарили. Жители приречных районов заготавливали ее впрок (солили, вялили)[189]. То же самое можно сказать и о башкирах: в рационе питания была вареная рыба[190]. А у финно-угорских народов рыбные блюда являлись и остаются более употребляемыми. Традиционно марийцы готовили рыбу *(кол)* в вареном, соленом, сушеном и вяленом виде. Она широко использовалась для приготовления повседневных и празднично-обрядовых блюд. Обязательным считалось блюдо из рыбы в похоронно-поминальных обрядах. Наиболее распространенными являлись рыбные суп-уха и пироги[191]. Мордва также издавна употребляла в пищу рыбу *кал* (м., э.). Из свежей рыбы готовили первые и вторые блюда; рыбу заготавливали и впрок: солили, вялили и коптили[192]. Рыба является одним из основных компонентов удмуртской кухни. Из нее готовят различные запеченные, тушеные и жареные блюда, используют ее и для приготовления мучных изделий[193].

Финно-угорские соседи чувашей рыбу употребляли больше, чем тюркские. Современная кухня и тех, и других не обходится без рыбных блюд.

Напитки

Рассмотрим всевозможные напитки, которые были в рационе питания тюркских и финно-угорских народов. Их можно разделить на молочные, безалкогольные и хмельные.

Кисломолочные напитки исследуемых народов упоминались ранее (см. «Блюда из молока»), поэтому в данной части работы на этом останавливаться не будем.

Для чая использовали различные травы. Например, у чувашей вначале заваривали душицу *матрӳшке*, листья других растений. Верховые чуваши переняли этот напиток у марийцев[194]. Башкиры пили чай из душицы *мәтрушкә*, кроме того, заваривали листья бадана и других растений, в качестве сладкого подавали мед, употребляли также покупной чай[195]. Татары пили черный байховый *чәй*. К нему подавали мед и сахар, молоко, масло или топленые сливки[196]. У удмуртов и мордвы заваривали листья смородины, липовый цвет, душицу и др., а современный чай получил распространение недавно[197]. В настоящее время у русских самым популярным напитком является, конечно, чай. Причем самым вкусным считается тот, который заварен исключительно по-русски, то есть без кипячения заварки[198].

К безалкогольным напиткам относятся сыта, квас, различные морсы (особенно у финно-угорских народов). Чуваши готовили *шерпет* – сыту из меда, растворив его в 5–6 частях кипяченой воды. У чувашей, как и у казанских татар и мишарей, он являлся древним ритуальным напитком, в частности, его подавали с киселем во время жертвоприношений, и редко употреблялся в обычное время[199]. Татарская сыта *(ширбәт)* представляла собой подслащенную медом воду и имела ритуальное значение[200]. Сыта у марийцев сыта (*мӱйвӱд, шерывӱд*[201]) и у удмуртов *(шербет)* имеет аналогии в приготовлении[202]. У мордвы бытует подобное питье – *пуре* из меда, возможно, такая же подслащенная вода[203]. Русские также готовили сыту, в более древнее время она приготавливалась только с медом, позже с сахаром. Ею как бы сдабривалась пресная еда, в основном кутья или кисель[204].

К другому безалкогольному напитку можно отнести чувашское пиво *максӑма* (напиток весьма древнего происхождения, без хмеля и дрожжей), у татар называлось так же – *макысма*[205]. Употреблялось оно в основном при совершении языческих обрядов. С давних времен марийцы употребляют напитки из пророщенных зерен пшеницы, ржи, овса, ячменя – *шытыше пырче, полто*, а также напитки из пророщенных семян растений и овощей, которые являлись безалкогольными[206]. Мордва употребляла в питье березовый сок *келу ведь* (м.), *килей ведь* (э.)[207]. Знаменитый

квас начал употребляться под воздействием русскоязычного населения: у удмуртов – *сюкась*[208], у мордвы хлебный квас *щапамо ведь* (м.), *чапамо ведь, чепеведь* (э.)[209]. Татары, живущие в окружении русских, также употребляли этот безалкогольный напиток[210]. Русские Поволжья употребляли квас как напиток, добавляли его в окрошку[211].

Пиво – один из знаменитых хмельных напитков. Употреблялось всеми народами региона. Различия прослеживаются в названии, технологии приготовления.

Чувашское пиво *сăра* (др.-иран. *шире* «напиток, молодое вино»), изготавливалось из ячменного или ржаного солода на пивных дрожжах и имело разную крепость: для повседневного потребления было слабым, для праздничного стола – хмельным. Редкий обряд обходился без пива, поэтому солода старались готовить как можно больше. Распространены были *сим пыл* (выдержанный на хмелевых дрожжах медовый напиток), *кăрчама* (медовая брага), самогон *(сăмакун, аншарли)*[212]. Древним, практически забытым татарским напитком является *буза*, которую получали из просяной муки. Традиционным алкогольным напитком были *бал (эче бал)* и *кэрчемэ.* Характерно, что в эти медовые напитки хмель не клали, вызывали брожение, поместив в теплое место. Татары, живущие в окружении русских, любили домашнее пиво *(сыра)*[213]. Встречаются аналогии у башкир: *асы бал* – напиток, опьяняющий и крепкий, кислушка. При его приготовлении сотовый мед разводился в горячей воде и заквашивался дрожжами или кислым тестом. Дрожжи готовили при помощи хмеля *(комалак)*; *буза* – опьяняющий напиток, приготовлялся из зерен ячменя, ржи или пшеницы. Проросшие зерна этих злаков сушили и затем мололи на ручных жерновах. Полученный солод с добавлением овсяной муки заваривали горячей водой и заквашивали, бродило два-три дня[214]. У марийцев для семейных и религиозных праздников приготовляли в большом количестве хмельные напитки: пиво *(сыра, пура)*, водку *(арака)* из картофеля или хлеба, сильно перебродивший медовый напиток *шорба*[215]. Из старинных хмельных напитков мордвы следует назвать также *пуре* (м.,э.) из меда и брагу *поза* (м., э.) из ржаной муки или сахарной свеклы[216]. У удмуртов в качестве хмельных напитков распространены домашнее пиво *(сур)*, сусло *(варсь)*, самогон *(кумышка)*. Кумышка у удмуртов была одним из обязательных жертвенных приношений языческим богам, являлась необходимым элементом каждого молитвенного ритуала. Существовали особые правила угощения кумышкой: ее подносила гостю только хозяйка[217]. Одним из хмельных напитков русских являлся мед. Известны концовки русских сказок, где мед является хмельным напитком: «Я сам там

был, мед и пиво пил...»[218] Перечисленные медовые и хмельные напитки имеют большую древность у тюркских и финно-угорских народов Поволжья.

Сходство напитков прослеживается у всех исследуемых народов. Кисломолочное питье в основном присутствует у тюркских народов, но распространено и у финно-угорского населения Волго-Уралья. Употребление безалкогольных напитков (чай, квас) передалось чувашам от соседних народов (марийцы, русские).

Выводы

Безусловно, традиционная пища чувашей – это один из вариантов поволжской модели питания. В традиционном питании чувашей прослеживается связь с пищей соседних народов. Одна группа блюд чувашей (мучные и тестяные суповые заправки, заготовка мяса впрок) имеет сходство с традициями питания тюркских и ираноязычных народов; другая группа блюд (мучные и крупяные блюда) – с пищей местных финно-угров, а также испытала влияние русской кухни. Но все же чувашская кухня имеет свои специфические наборы блюд, особенности в приготовлении и употреблении кушаний[219]. Так, наблюдается своеобразие в приготовлении первых блюд (овощи в суп кладутся в сыром виде), большой ассортимент выпечек с начинкой (ее использовали также в сыром виде и доводили до готовности при выпечке). Чуваши (особенно низовые, где мало лесистой местности) в качестве приправ меньше использовали дикорастущие травы и отдельные блюда из ягод, плодов и грибов.

Как показывают исследования, основным повседневным горячим блюдом у народов Волго-Уралья были суп без мяса и мясной бульон с локальными различиями. Немаловажное значение в питании имели мучные изделия без начинок (хлеб, блины и др.) и с начинкой – мясно-крупяной, творожной, овощной (пироги, ватрушки и др.). Сходство отмечается в заготовке и хранении мясных колбас, молочной продукции (с некоторыми отличиями). Употребление в пищу овощей, ягод, дикорастущих трав было характерно для всех народов региона. Напитки также готовились по одинаковой технологии, особенно это прослеживается в приграничных зонах проживания народов. Все это позволяет говорить о том, что влияние межэтнических контактов на культуру питания чувашей велико и приводит к изменению наборов блюд, рецептов и технологии приготовления.

Литература и источники

[1] Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1979. С. 27.

[2] Чуваши: история и культура: в 2 т. / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 415 с., ил.; *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 248 с.; Татары. М.: Наука, 2001. 583 с., ил.; Этнография татарского народа. Казань: Магариф, 2004. 287 с.; Русские. М.: Наука, 1999. 725 с.; *Белов В.И.* Лад: очерки о народной эстетике. Л.: Лениздат, 1984. 349 с.; *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Русское население Чувашской АССР: материальная культура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. 216 с.; Этнография марийского народа: учеб. пособие / сост. Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2001. 184 с.: ил.; Мордва: историко-культурные очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 685 с.; Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 992 с.; *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Этнография удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 245 с.; Башкиры // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа: Гилем, 2002. 480 с.: ил.

[3] *Козлова К.И.* Этнография народов Поволжья. М.: Наука, 1964. 240 с.; Народы европейской части СССР: в 2 т. Т. 2. / под ред. В.Н. Белицер [и др.] М.: Наука, 1964. 918 с.; Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.Ф. Мокшин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 140 с.; Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧНИИ, 1993. 278 с.

[4] *Иванов В.П.* Чувашский этнос: проблемы истории и этногеографии. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 156 с.

[5] *Матвеев Г.Б.* Материальная культура чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1995. 156 с.

[6] *Салмин А.К.* Жертвенные дары у чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 148 с.; *Его же.* Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 240 с.

[7] *Никонова Л.И.* Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения. Рузаевка, 2000. 160 с.

[8] *Лутовина И.С.* Слово о пище русской. М.: Авалон, Азбука-классика, 2005. 288 с.

[9] *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 527 с.

[10] *Давыдова О.И., Верховская Г.А.* Кухня народов Среднего Поволжья. Самара, 1994.

[11] *Капкан М.В., Лихачева Л.С.* Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. № 55. С. 34–43; *Лаврентьева Л.С.* Символические функции еды в обрядах // Фольклор и этнография. Л., 1990. С. 37–47; *Мокшин Н.Ф., Мокшина Ю.Н.* Хлеб в обрядовой жизни мордвы // IV Конгресс этнологов и антропологов России. С. 169–170; *Орлов П.А.* Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры). Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999; *Трофимова Е.Я.* Хлеб в традиционном питании удмуртов // IV Конгресс этнологов и антропологов России. С. 174; *Хабибуллина А.Р.* Современная башкирская кухня как результат взаимодействия и взаимовлияния народов // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Уфа, 2003. 352 с.; *Хабибуллина А.Р.* Традиции угощения бешбармаком в башкирском застолье // VII Конгресс этнологов и антропологов России. С. 250–251; *Четкарева Р.П.* Традиционная пища и кулинарное искусство народа мари // Там же. С. 228; *Шакирова Н.Ф.* Дикорастущие растения в традиционном питании башкир // СЭ. 1988. №3. С. 99–102.

[12] *Иванов В.П.* К вопросу о чувашско-татарских этнокультурных параллелях // Болгары и чуваши. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 103–120; *Его же.* Пища как источ-

ник для изучения этногенетических и культурных связей чувашей // Этническая культура чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1990. С. 27–49.

[13] *Давыдова О.И., Верховская Г.А.* Кухня народов Среднего Поволжья. С. 9.

[14] *Иванов В.П.* Чувашский этнос. С. 130.

[15] *Лукоянов Г.В.* Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 120 с.; *Поппе Н.Н.* Чуваши и их соседи. Чебоксары: Чуваш. книга, 1927. 31 с.; *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 160 с.

[16] Этнография марийского народа. С. 79; *Давыдова О.И., Верховская Г.А.* Указ. соч. С. 7.

[17] Татары. С. 318; *Давыдова О.И., Верховская Г.А.* Указ. соч. С. 8–9.

[18] Мордва: историко-культурные очерки; *Давыдова О.И., Верховская Г.А.* Указ. соч. С. 7.

[19] Башкиры. С. 81; *Давыдова О.И., Верховская Г.А.* Указ. соч. С. 6.

[20] *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Этнография удмуртов. С. 68–69; *Давыдова О.И., Верховская Г.А.* Указ. соч. С. 9–10.

[21] *Давыдова О.И., Верховская Г.А.* Указ. соч. С. 7–8.

[22] *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. С. 64; *Салмин А.К.* Традиционная обряды и верования чувашей. С. 20.

[23] *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 27.

[24] Народы европейской части СССР. С. 534.

[25] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 89.

[26] Народы европейской части СССР. С. 495.

[27] *Трофимова Е.Я.* Хлеб в традиционном питании удмуртов // IV Конгресс этнологов и антропологов России. С. 174.

[28] *Мокшин Н.Ф., Мокшина Ю.Н.* Хлеб в обрядовой жизни мордвы // Там же. С. 169; Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 23.

[29] Мордва: историко-культурные очерки. С. 251; *Козлова Т.А.* Место традиционной пищи в обрядовой культуре мордвы // Успехи современного естествознания. 2006. № 8. С. 75–76.

[30] Татары. С. 318.

[31] Народы европейской части СССР. С. 720.

[32] Народы европейской части СССР. С. 534; Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 167.

[33] Народы европейской части СССР. С. 582.

[34] Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 165.

[35] Народы европейской части СССР. С. 656; Татары. С. 319–320.

[36] Народы европейской части СССР. С. 495.

[37] Башкиры. С. 82.

[38] *Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. С. 36.

[39] Русские. С. 300.

[40] *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 77, 80.

[41] Чуваши: история и культура. С. 384.

[42] *Мухамедова Р.Г.* Указ. соч. С. 133; Народы европейской части СССР. С. 656; Татары. С. 319–320. Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 166.

[43] Народы европейской части СССР. С. 582.

[44] Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. С. 316.

[45] Народы европейской части СССР. С. 495.

[46] Башкиры. С. 82.

[47] *Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. С. 15.

[48] Этнография марийского народа. С. 80.

[49] *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Русское население Чувашской АССР. С. 111.

[50] Чуваши: история и культура. С. 384.

[51] *Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. С. 45.

[52] Татары. С. 319.

[53] Этнография марийского народа. С. 82.

[54] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 23.

[55] Там же. С. 55.

[56] *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 147.

[57] Башкиры. С. 82.

[58] Этническая история и культура чувашей.

[59] Этнография марийского народа. С. 81.

[60] Народы европейской части СССР. С. 583.

[61] *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Указ. соч. С. 69.

[62] *Лутовина И.С.* Указ.соч. С. 125.

[63] *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Указ. соч. С. 107–113.

[64] *Иванов В.П.* Пища как источник для изучения этногенетических и этнокультурных связей чувашей // Этническая культура чувашей. С. 33; Татары. С. 323.

[65] *Никольский Н.В.* Указ. соч. С. 287.

[66] Татары. С. 323; *Хабибуллина А.Р.* Современная башкирская кухня как результат взаимодействия и взаимовлияния народов. С. 148.

[67] Этнография татарского народа. С. 105.

[68] Этнография марийского народа. С. 81.

[69] Народы европейской части СССР. С. 583.

[70] *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 141–146.

[71] *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Указ. соч. С. 69.

[72] Чуваши: история и культура. С. 385.

[73] Этнография марийского народа. С. 82.

[74] *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.* С. Указ. соч. С. 69.

[75] Татары. С. 323.

[76] *Хабибуллина А.Р.* Современная башкирская кухня как результат взаимодействия и взаимовлияния народов. С. 148.

[77] *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Указ.соч. С. 110.

[78] Чуваши: история и культура. С. 385.

[79] *Никонова Л.И.* Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения. С. 148.

[80] Чуваши: история и культура. С. 385.

[81] *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 117, 123; Мордва. С. 316; Народы европейской части СССР. С. 534.

[82] *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Указ. соч.; *Лутовина И.С.* Указ. соч.

[83] Этнография татарского народа. С. 105.

[84] См.: *Сергеева Е.В.* Национальная пища низовых чувашей (по материалам экспедиций 2008–2009 годов) // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. ст. / сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. Вып. 1. С. 128–157.

[85] Татары. С. 320.

[86] Этнография марийского народа. С. 81.

[87] *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 15, 32.

[88] Чуваши: история и культура. С. 386.

[89] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 89.

[90] Татары. С. 318.

[91] Мордва: историко-культурологические очерки. С. 196.

[92] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 54.

[93] Башкиры. С. 82.

[94] *Белов В.И.* Лад: Очерки о народной эстетике. С. 175–176; *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 166.

[95] *Сергеева Е.В.* Указ. соч. С. 128–157.

[96] *Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. С. 30.

[97] Чуваши: история и культура. С. 386.

[98] *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 20.

[99] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 89.

[100] Там же. С. 54.

[101] Народы европейской части СССР. С. 495.

[102] Башкиры. С. 82.

[103] *Салмин А.К.* Жертвенные дары у чувашей. С. 39; Татары. С. 320; Этнография марийского народа. С. 82.

[104] *Козлова К.И.* Указ. соч. С. 121; *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 10; Мордва: историко-культурологические очерки. С. 193; *Орлов П.А.* Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры); Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 24; Татары. С. 320; Чуваши: история и культура. С. 396.

[105] *Лаврентьева Л.С.* Символические функции еды в обрядах // Фольклор и этнография. С. 40; Чуваши: история и культура. С. 396.

[106] *Козлова К.И.* Указ. соч. С. 121; Мордва: историко-культурологические очерки. С. 193; *Орлов П.А.* Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры).

[107] Мордва: историко-культурологические очерки. С. 193; Татары. С. 320; Чуваши: история и культура. С. 396.

[108] *Никольский Н.В.* Указ. соч. С. 298.

[109] Чуваши: история и культура. С. 385.

[110] *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 40.

[111] *Мухамедова Р.Г.* Указ. соч. С. 131; Татары. С. 318.

[112] Народы европейской части СССР. С. 656.

[113] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 90.

[114] Народы европейской части СССР. С. 534.

[115] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 23.

[116] Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. С. 317.

[117] Народы европейской части СССР. С. 495.

[118] *Хабибуллина А.Р.* Современная башкирская кухня как результат взаимодействия и взаимовлияния народов. С. 147.

[119] *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. С. 64–65.

[120] *Матвеев Г.Б.* Указ. соч. С. 103.

[121] Этнография марийского народа. С. 87.

[122] Мордва: историко-культурные очерки. С. 196.

[123] *Шакирова Н.Ф.* Дикорастущие растения в традиционном питании башкир. С. 101.

[124] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 24.

[125] *Иванов В.П.* Пища как источник для изучения этногенетических и этнокультурных связей чувашей. С. 38.

[126] Чуваши: история и культура. С. 387.

[127] Татары. С. 321.

[128] *Шакирова Н.Ф.* Дикорастущие растения в традиционном питании башкир. С. 102–105.

[129] Этнография марийского народа. С. 87.

[130] Мордва: историко-культурные очерки. С. 196.

[131] Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 172.

[132] *Никонова Л.И.* Указ. соч. С. 37, 42, 45, 53, 56, 58, 60.

[133] *Иванов В.П.* Пища как источник для изучения этногенетических и этнокультурных связей чувашей. С. 42.

[134] Чуваши: история и культура. С. 388.

[135] Там же.

[136] Татары. С. 322–323.

[137] Башкиры. С. 82.

[138] Народы европейской части СССР. С. 534; Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 90.

[139] Этнография марийского народа. С. 84.

[140] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 24.

[141] Башкиры. С. 82; Татары. С. 322–323; *Хабибуллина А.Р.* Современная башкирская кухня как результат взаимодействия и взаимовлияния народов // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. С. 147.

[142] *Хабибуллина А.Р.* Традиции угощения бешбармаком в башкирском застолье. С. 250–251.

[143] Чуваши: история и культура. С. 383.

[144] Татары. С. 322–323.

[145] Этнография марийского народа. С. 84.

[146] Мордва: историко-культурные очерки. С. 197.

[147] *Иванов В.П.* Пища как источник для изучения этногенетических и этнокультурных связей чувашей. С. 43.

[148] Татары. С. 323.

[149] *Хабибуллина А.Р.* Современная башкирская кухня как результат взаимодействия и взаимовлияния народов. С. 148.

[150] Этнография марийского народа. С. 84.

[151] *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 68.

[152] Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 177.

[153] Татары. С. 321.

[154] Этнография марийского народа. С. 85.

[155] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 55.

[156] Башкиры. С. 81.

[157] *Салмин А.К.* Традиционные верования чувашей. С. 66–67; Этнография марийского народа. С. 85.

[158] Чуваши: история и культура. С. 389.

[159] Этнография марийского народа. С. 85.

[160] Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. С. 320.

[161] *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Указ. соч. С. 69.

[162] *Никольский Н.В.* Указ. соч. С. 104.

[163] Башкиры. С. 81.

[164] *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Указ.соч. С. 108; *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 157–158.

[165] Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 177.

[166] Этнография марийского народа. С. 84–85.

[167] Этнография татарского народа. С. 104.

[168] Башкиры. С. 81.

[169] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 55.

[170] Чуваши: история и культура. С. 389.

[171] Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 178.

[172] Этнография татарского народа. С. 104.

[173] Башкиры. С. 81.

[174] Этнография марийского народа. С. 85.

[175] Мордва: историко-культурные очерки. С. 197–198.

[176] Чуваши: история и культура.

[177] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 96.

[178] Полевые материалы автора. 2009.

[179] *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 236.

[180] *Матвеев Г.Б.* Указ. соч. С. 105.

[181] Татары. С. 324.

[182] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 91; Этнография марийского народа. С. 85–86.

[183] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 24.

[184] *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Указ. соч. С. 69, 101.

[185] *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Указ. соч. С. 110; *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 237, 241.

[186] *Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. С. 61, 98–99.

[187] *Никонова Л.И.* Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения. С. 147.

[188] Чуваши: история и культура. С. 389.

[189] Татары. С. 324.

[190] Башкиры. С. 82.

[191] Этнография марийского народа. С. 86–87.

[192] Мордва: историко-культурные очерки. С. 199.

[193] *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Указ. соч. С. 69.

[194] Чуваши: история и культура. С. 390; Этническая история и культура чувашей. С. 178.

[195] Башкиры. С. 83; *Шакирова Н.Ф.* Дикорастущие растения в традиционном питании башкир. С. 103.

[196] Этнография татарского народа. С. 106–107.

[197] Народы европейской части СССР. С. 495; Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. С. 321.

[198] *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Указ. соч. С. 112; *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 213.

[199] Чуваши: история и культура. С. 391.

[200] Татары. С. 324.

[201] Этнография марийского народа. С. 88.

[202] Народы европейской части СССР. С. 495.

[203] Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. С. 320.

[204] *Лутовина И.С.* Указ.соч. С. 197.

[205] Чуваши: история и культура. С. 391; Этническая история и культура чувашей. С. 178.

[206] *Четкарева Р.П.* Традиционная пища и кулинарное искусство народа мари. С. 228.

[207] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 24.

[208] Там же. С. 55.

[209] Там же. С. 24.

[210] Татары. С. 324.

[211] *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Указ. соч. С. 111.

[212] Чуваши: история и культура. С. 390–392.

[213] Татары. С. 324.

[214] Башкиры. С. 83.

[215] Народы европейской части СССР. С. 534.

[216] Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. С. 25.

[217] *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Указ. соч. С. 69–70; *Орлов П.А.* Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры).

[218] *Лутовина И.С.* Указ. соч. С. 207–208.

[219] Чуваши: история и культура. С. 394.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМИ

Н.В. Доброва

Ключевые слова: *сложноподчиненные предложения, синтаксис, классификация, придаточные обстоятельственные.*

Сложноподчиненные предложения (СПП) чрезвычайно разнообразны по синтаксическим значениям и средствам связи. Это разнообразие отражается в их классификациях. На разных этапах развития синтаксической отечественной науки создавались различные классификации. Первоначально объектом классификации были не СПП как целостные единицы, а придаточные предложения, которые осознавались как средство выражения тех же смысловых отношений, какие выражаются и членами простого предложения. Существует несколько основных классификаций сложноподчиненных предложений.

Первая классификация, разработанная Ф.И. Буслаевым и оказавшаяся очень долговечной, имеет семантическую основу. Основы этой классификации были заложены в первой половине XIX в. лингвистами, представляющими логико-грамматическое направление в синтаксисе (А.Х. Востоков, Н.И. Греч, И.И. Давыдов и др.). Относительно законченную форму эта классификация получила в трудах Ф.И. Буслаева, который отметил, что «каждый из членов главного предложения, кроме сказуемого, может быть выражен предложением придаточным»[1], однако эта оговорка распространяется автором на простые глагольные сказуемые. Что же касается составных, то Ф.И. Буслаев считает, что «эти речения могут заменяться и объясняться придаточным предложением»[2]. Большинство типов придаточных оценивалось по соотнесенности с членами простого предложения, то есть по тем вопросам, какие использовались при дифференциации членов предложения. В ре-

Доброва Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук.

зультате сложноподчиненные предложения классифицируются по типам придаточных, которые, в свою очередь, уподобляются тому или иному члену предложения. Соответственно, выделяются сложноподчиненные предложения с придаточными подлежащными, сказуемостными, определительными, дополнительными, обстоятельственными (последние различаются по обстоятельственным значениям: временные, причинные, целевые и т.д.). За пределами русистики (особенно в сопоставительных и типологических исследованиях) для именования тех же классов нередко используются термины, являющиеся калькой с английского: сентенциальные актанты, сентенциальные атрибуты и сентенциальные сирконстанты. Данная классификация привлекательна тем, что она последовательна: любое придаточное можно соотнести с тем или иным членом предложения. Существенным недостатком семантической классификации было то, что в ней учитывались только значения придаточных предложений, а не особенности структуры сложноподчиненного предложения в целом.

Классификация, предложенная А.Б. Шапиро, подразделяла сложноподчиненные предложения по показателям связи: сложноподчиненные предложения с союзами и сложноподчиненные предложения с союзными словами. Далее деление происходило по значениям союзов и синтаксическим отношениям при союзных словах. Данная классификация популярности не приобрела и не получила распространения.

В 50-е гг. XX в. начала разрабатываться структурно-семантическая классификация. В ней учитываются структура и семантика сложноподчиненного предложения. Автором этой классификации был профессор Н.С. Поспелов. Затем она разрабатывалась другими синтаксистами и в настоящее время существует в нескольких вариантах, из которых можно выделить три основных: 1) классификация Л.Ю. Максимова и С.Е. Крючкова, наиболее близкая к классификации Н.С. Поспелова; 2) классификация В.А. Белошапковой и 3) классификация, представленная в «Русской грамматике» 1980 г. (авторы этих глав И.Н. Кручинина и М.В. Ляпон).

С.Е. Крючков и Л.Ю. Максимов ставят цель создать такую структурно-семантическую классификацию, которая бы «давала возможность последовательно – от более общих формальных и связанных с ними семантических различий к более частным – описать все богатство моделей сложноподчиненного предложения и с точки зрения их структуры, и с точки зрения их семантики»[3].

При описании строения сложноподчиненных предложений авторы считают важными такие его элементы: 1) зависимость придаточного предложения от определенного слова в главном пред-

ложении или от всего главного; 2) наличие или отсутствие в главном предложении соотносительного слова; 3) связь главного и придаточного предложений союзами или союзными словами; 4) место придаточного по отношению к главному; 5) соотношение форм сказуемого главного и придаточного предложений. Строение любого сложного предложения рассматривается как та или иная комбинация названных выше элементов, от которых зависит и общий характер выражаемых в СПП отношений.

В одном из учебников для вузов структурно-семантическая классификация СПП несколько упрощена. Так, СПП нерасчлененной структуры с присловной связью делятся на пять подклассов: присубстантивно-атрибутивные, прикомпаративно-объектные, изъяснительные (с союзным и относительным подчинением), местоименно-соотносительные (те, что в классификации В.А. Белошапковой названы отождествительными) и местоименно-союзные, многозначные (по Белошапковой – местоименно-соотносительные фразеологического типа).

Если сопоставить традиционную классификацию СПП со структурно-семантической классификацией Н.С. Поспелова и его последователей, то они предстают как очень разные.

В современных учебных пособиях по синтаксису в описании СПП наблюдается стремление совместить оба подхода к типологии. В учебнике Н.С. Валгиной, например, при построении общей классификации, названной автором семантико-структурной, выделяются СПП с придаточной обстоятельственной и с придаточной определительной частью.

Использование терминов *обстоятельственные* и *определительные* СПП невольно заставляет координировать типы придаточных с типами второстепенных членов предложения.

В грамматиках тюркских языков также встречается классификация по соотнесенности с членами предложения. В «Татарской грамматике» (1995) М.З. Закиев отмечает: «Семантические отношения между предложениями и между членами предложения в своей основе соотносительны, и поэтому при семантической классификации придаточных предложений обычно исходят из этого обстоятельства. Если, например, придаточное предложение в семантическом отношении соотносится с подлежащим, то говорят, что оно выполняет функцию подлежащего, и поэтому называют его подлежащным придаточным предложением и т.д. На этом основана функциональная классификация придаточных предложений, которая принята в учебных вузовских и школьных грамматиках»[4]. В татарском языке М.З. Закиев придаточные предложения разделяет следующим образом: подлежащные, сказуемные, дополнительные, определительные, образа действия

(сравнения), меры и степени, места, времени, причины (следствия), цели, условия, уступительности, пояснительные.

Почти таким же образом придаточные предложения по структурно-семантическому принципу в башкирском языке делятся на следующие виды: 1) придаточное подлежащное; 2) придаточное сказуемостное; 3) придаточное определительное; 4) придаточное дополнительное; 5) придаточное времени; 6) придаточное места; 7) придаточное причины; 8) придаточное следствия; 9) придаточное цели; 10) придаточное образа действия; 11) придаточное меры и степени; 12) придаточное сравнительное; 13) придаточное условия; 14) придаточное уступительное[5]. Здесь при классификации учитывается и отношение к членам предложения (первые четыре), и отношение к семантике придаточной части. Так как с 5 по 14 – это семантические значения обстоятельства, можно было их просто так и назвать: придаточное обстоятельственное, а придаточные обстоятельственные уже по своим лексическим значениям группируются.

Караимский язык считается одним из малоизученных тюркских языков западно-кыпчакской ветви. Он отличается от большинства тюркских языков тем, что его синтаксический строй сильно сблизился со строем славянских языков. К.М. Мусаев в книге «Синтаксис караимского языка» постарался последовательно описать синтаксические особенности языка, надеясь, что «в будущем найдутся энтузиасты, которые более углубленно исследуют и опишут все стороны строя караимского языка»[6]. В данной работе при классификации сложноподчиненных предложений взят за основу «функциональный принцип – роль подчиненного предложения в отношении к главному, т.е. функцию какого члена главного предложения выполняет подчиненное предложение»[7]. Выделяются сложноподчиненные предложения с придаточными подлежащными, определительными, дополнительными, обстоятельственными.

Впервые в чувашском языкознании исследования по синтаксису начал Н.И. Ашмарин. В своей работе «Опыт исследования чувашского синтаксиса»[8] он рассмотрел многие вопросы. Но изучение сложноподчиненных предложений в тюркологии в то время только началось, поэтому Ашмарин не смог подробно изучить не только принципы классификаций, а даже характеристики сложных предложений.

С.П. Горский в «Синтаксисе современного чувашского литературного языка» отмечает, что семантическое значение придаточных предложений определяют средства связи. Поэтому он классифицирует их исходя из этого принципа: 1) сложноподчиненные предложения с союзами *мĕншĕн тесен* «потому что»,

çавăнпа «поэтому»; 2) сложноподчиненные предложения с союзами *тесе, тесен* «чтобы», *пулсан, пулсан та (пулин те)* «хотя, хотя и»; 3) сложноподчиненные предложения с союзными словами; 4) сложноподчиненные предложения с предложениеподобными членами[9]. Далее Горский рассматривает сложноподчиненные предложения по семантическим значениям: СПП со значением причины, следствия, цели, цели и условия, условия, противопоставления. СПП с союзными словами классифицирует по соотнесенности с членами предложения (хотя не до конца придерживается этого принципа): сложноподчиненные предложения с союзными словами со значением подлежащего, сказуемого, определения, дополнения, места, времени, обстоятельства образа действия. СПП с предложениеподобными членами также подразделяет на предложениеподобное подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельства (времени, условия, противопоставления, причины, цели, образа действия).

Профессор И.А. Андреев считает, что использование терминов членов предложений простого предложения для обозначения придаточной части сложноподчиненного весьма противоречиво. По его мнению, надежнее классифицировать сложноподчиненные предложения по их средствам связи, так как это, с одной стороны, дает возможность выявить особенности языка, с другой стороны, не мешает определить семантическое значение частей сложноподчиненного предложения[10]. И по средствам связи подразделяет следующие группы:

1) сложноподчиненные предложения с союзами;

2) сложноподчиненные предложения с союзными словами;

3) сложноподчиненные предложения с послелогами;

4) сложноподчиненные предложения с аффиксами, связывающими части сложноподчиненного предложения;

5) сложноподчиненные предложения, части которых связываются через порядок частей.

В то же время И.А. Андреев отмечает, что так как части сложноподчиненного предложения связываются так же, как части простого, то измерять части сложного мерой простого предложения и обозначить эти части терминами *подлежащее, сказуемое, дополнение* и тому подобное тоже возможно.

Просмотрев труды по исследованию сложноподчиненных предложений, приходим к выводу, что сложноподчиненные предложения классифицируются и по структурно-семантическому (или функционально-семантическому) принципу, и по средствам связи. По соотнесенности придаточных частей с функциями члена предложения выделяют придаточные подлежащные, сказуемостные, дополнительные (изъяснительные), определи-

тельные, обстоятельственные. Обстоятельственные, в свою очередь, подразделяются по их семантике: времени, места, меры и степени, условия, следствия, причины, цели, уступительные, сравнения, образа действия.

СПП с придаточным времени – это сложноподчиненное предложение, в котором придаточная часть указывает на время совершения события, действия, названного в главной части, отвечает на вопросы *хăçан?* «когда?», *хăçантанпа?* «с каких пор?», *хăçанччен?* «до каких пор?», поясняет главную часть, хотя формально может относиться к сказуемому этой части или к обстоятельству времени, уточняя его. При передаче оттенков основных временных значений не всегда можно четко провести границу между ними, а некоторые из значений бывают просто слабо выражены. Помимо основных временных значений следования (общего, предельного, непосредственного), предшествования (общего, предельного, непосредственного), одновременности (полной, частичной) в тюркских языках нашли свое выражение значения ограничительной одновременности.

Временные значения:

1. Предшествование событий:

а) события придаточной части предшествуют событиям главной: *Ашшĕ вилсен амăшĕ вĕсене Свердловскри пĕр совхоза тăванĕсем патне илсе кайнă* «Когда умер отец, мама увезла их к родным в один из свердловских совхозов» (У. Эльмен); *Салампи таврăннă çĕре амăшĕ çывăрса кайнă* (А. Артемьев) «К возвращению Саламби мать её уже уснула»; *Пысăк Нина вĕренсе тухса кайнă хыççăн хваттерте Саламмипе Пĕчĕк Нина çеç юлчĕç* (А. Артемьев) «После того, как Большая Нина закончила учебу, в квартире остались только Саламби и Маленькая Нина»;

б) события главной части предшествуют событиям предикативной части: *Эсир ĕçрен таврăнас умĕн тин Валерий хăй пӳлĕмне кайса ларать* (Ç. Элкер) «Валерий уходит в свою комнату только перед вашим приходом»; *Хирти ĕçсем пуçланиччен ман пата час-часах кӳршĕ çыннисем пырса ларатчĕç* (Ç. Элкер) «До начала полевых работ соседи часто приходили ко мне».

2. Одновременность событий: предложения, где видим значение одновременности действий (полная или частичная одновременность): *Нина та упăшки сисмен хушăра ун çине вăрттăн пăхапăха илчĕ* (У. Эльмен) «И Нина поглядывала на него, пока муж не замечал»; *Дежурнăй сестра пырса каланă чух эпĕ шăпах врач патĕнче лараттăмччĕ* (Ç. Элкер) «Когда пришла и сказала дежурная сестра, я как раз сидел у врача».

По типу связи между зависимой и главной частями временные полипредикативные конструкции тюркских языков подраз-

деляются на конструкции синтетического типа и аналитико-синтетического подтипа. Более простые в структурном отношении синтетические конструкции, как правило, многозначные, выражают значения общей временной соотнесенности; более сложные по структуре аналитико-синтетические полипредикативные конструкции участвуют в выражении дифференцированных временных отношений.

Структурная особенность придаточного предложения времени зависит от того, где оно стоит – перед главным предложением или после него. Средствами связи частей сложноподчиненного предложения с придаточным времени могут быть союзные слова, послелоги и аффиксы.

1. СПП с придаточным времени, которые соединены союзными словами, в чувашском языке малочисленны. Н.И. Ашмарин в своей работе «Опыт исследования чувашского синтаксиса» отметил, что такие предложения встречаются в заклинаниях, заговорах и наговорах. О малочисленности союзных слов, связывающих части сложного предложения, пишет и профессор И.А. Андреев в статье «Сложноподчиненные предложения с придаточным времени»[11]. Такую ситуацию можно, наверное, объяснить тем, что и по структуре, и по семантике эти предложения соответствуют русским. Сопоставление русских сложноподчиненных предложений с их соответствиями в чувашском языке показывает, что наибольшее сходство имеют сложноподчиненные предложения, в которых предикативные части связываются союзными словами. Многие тюркологи соглашаются с мнением о влиянии иностранных языков в развитии таких конструкций. В функции средства связи со значением времени встречаются в чувашском языке союзные слова ***хăçан*** «когда», ***хăçанччен*** «до каких пор», ***хăçантанпа*** «с каких пор» с указательными словами ***çавăн чух*** «тогда», ***çавăнччен, çав вăхăтчен*** «до того времени», ***çавăнтанпа, çав вăхăтранпа*** «с того времени». В СПП с союзным словом *хăçан* «когда» встречаются примеры и с отношением одновременности, и с отношением разновременности действий. Отношение одновременности: *Хăçан министрсене Дума шанакан çынсен хушшинчен суйласа лартĕç – çавăн чухне патшалăхра йĕрке пулĕ* («Хыпар», 1907) «Когда министров будут выбирать из доверенных людей Думы, только тогда будет в государстве порядок»; *Хăçан эпĕ яла кайма шухăшлатăп, çавăн чухне яланах урăх ĕçсем сиксе тухаççĕ* «Когда я задумываю поездку в деревню, почти всегда появляются какие-нибудь другие дела». Отношение разновременности: *Хăçан та хăçан лайăхрах та тутлăрах пĕçерме вĕренетĕн, çавăн чухне тин килте апатланма тытăнатăп* (В. Енĕш) «Когда ты научишься лучше и вкуснее варить, только тогда я начну обедать дома».

Рассмотренные примеры говорят о том, что в отношениях разновременности действия придаточной части всегда предшествуют действиям главной части сложноподчиненного предложения.

2. Наиболее распространенным средством связи в СПП с придаточным времени являются послелоги. К ним относятся ***чух, чухне*** «когда»: *Лена умĕнче сан маларах ӳкĕнмеллеччĕ, хăй чĕрĕ чух каçару ыйтмаллаччĕ* (Ç. Элкер) «Перед Леной тебе раньше надо было каяться, когда она жива была, надо было прощение просить»; ***тĕле, çĕре*** «к тому времени»: *Анчах та эпĕ ĕçрен таврăннă тĕле вал яланах хăйĕн пӳлĕмĕнче хаçат е кĕнеке вуласа ларатчĕ* (Ç. Элкер) «Но к моему возвращению с работы он всегда читал в своей комнате газету или книгу»; *Пăкачав пырса кĕнĕ çĕре ялĕнче пĕр çын та юлман* (В. Магницкий) «К приходу Пугачева в деревне никого не осталось»; ***умĕн*** «перед тем, как»: *Аслати авăтас умĕн яланах çиçĕм çиçет* «Перед тем, как гром грянет, всегда молния сверкает»; ***хыççăн*** «после; после того, как»: *Шыçă иртнĕ хыççăн врач мана утса çӳреме те ирĕк пачĕ* (Ç. Элкер) «После того, как прошла опухлость, врач разрешил мне ходить».

3. Связь придаточного времени с главным предложением осуществляется также посредством аффиксов деепричастий ***-сан (-сен)***: *Вăл ĕçрен тухсан эпир Атăл хĕрринчи бульвара кайса лартăмăр* (Ç. Элкер) «Когда она вышла с работы, мы посидели на бульваре на берегу Волги»; *Çивчĕ хĕрарăм ӳсĕр тусĕ çывăрса кайсан çакăн укçине кăларса илет те тĕплĕ пытарса хурать* (С. Михайлов) «Бойкая женщина, когда ее пьяный друг уснул, вытащила его деньги и хорошенько спрятала»; ***-сассăн (-сессĕн)***: *Ачисем çитĕнсе çитсессĕн ашшĕ ывăлĕсене ĕçе кĕртнĕ, хĕрĕсене кавча панă* (С. Михайлов) «Когда дети вырастали, сыновьям отец находил работу, а дочерей выдавал замуж»; ***-иччен***: *Салтаксем пырса çитиччен кĕпере сӳтсе те пăрахрĕç кусем* (В. Магницкий) «До прихода солдат те уже успели разобрать мост»; ***-массерен (-мессерен), -нăранпа (-нĕренпе)***: *Настя кунтан кайнăранпа тăватă уйăх çитет ĕнтĕ* (Ç. Элкер) «Четыре месяца прошло с тех пор, как она ушла отсюда»; ***-масăр (-месĕр)***: *Тул çутăлмасăр та киле таврăнмарĕ Тамара* (А. Артемьев) «До рассвета так и не вернулась домой Тамара».

4. К непродуктивным средствам связи относим спаренную форму утвердительной и отрицательной форм причастий и аффикс ***-па (-пе)***, который присоединяется к будущему причастию: *Çеруш тухса кайнă-кайман Матрена Петровна упăшкине шыраса тупрĕ* (Д. Гордеев) «Сразу после ухода Сергея Матрена Петровна разыскала мужа» (в таких предложениях действие в главной части происходит очень быстро, сразу после действия в придаточной части); *Кашни кун ĕç пĕтеспе кассăри укçана шутласа хăваратăп* (Д. Гордеев) «Каждый день в конце рабочего дня пересчитываю оставшиеся в кассе деньги».

В современном чувашском языке можно отметить ряд случаев, когда значения времени и условия, выражаемые придаточным предложением, нерасчленимы. Сказуемое в таких придаточных предложениях выражается деепричастием с аффиксами ***-сан (-сен)*** и ***-сассăн (-сессĕн)***: *Эпĕ ăна нушапа аптранă вăхăтсем çитсен каллех хам пата пыма каларăм* (Ç. Элкер) «Я ее попросил снова прийти ко мне, когда наступят бедственные времена» или «Я ее попросил снова прийти ко мне, если наступят бедственные времена».

Во многих сложноподчиненных предложениях с придаточным времени, части которого связываются посредством послелогов и аффиксов, после этих послелогов и сказуемых, выраженных деепричастием и будущим причастием с аффиксом *-па (-пе)*, присоединяются усилительные, разделительные частицы ***çеç***: *Хулпуççи çинче пуç пулсан çеç укçа тупăнсах тăрать* (В. Петров) «Деньги водятся только тогда, когда есть голова на плечах»; ***кăна***: *Ху аван пулсан кăна çынсем санпа лайăх пулĕç* (Ç. Элкер) «Люди будут к тебе хорошо относиться только тогда, если сам хорош; ***анчах***: *Патшалăх пуян пулсан анчах эпир пуян* (У. Эльмен) «Мы богаты лишь тогда, если богато государство»; ***тин***: *Катьăпа курса калаçнă хыççăн тин чун лăпланчĕ* (У. Эльмен) «Душа успокоилась только после того, как поговорила с Катей»; ***та (те)***: *Ĕç вăхăчĕ вĕçленсен те çынсем киле васкамарĕç* (В. Петров) «И по окончании рабочего дня люди на спешили домой»; ***-ах (-ех)***: *Вăхăт тупăнсанах çитсе курăп сирĕн пата* (Ç. Элкер) «Навещу вас сразу, как только время найдется». Частица *-ах (-ех)* указывает на то, что действие главной части предложения начинается после окончания действия придаточной, при этом промежуток времени между этими действиями незначительный. Разделительные частицы *çеç, кăна, анчах, тин* используются в предложениях, где нужно указывать на то, что действие в главной части возможно только после действия в придаточной части. Частица *та (те)* указывает на совершение (несовершение) действия в главной части, несмотря на действия в придаточной части.

Немаловажную роль в структуре сложноподчиненного предложения с придаточным времени играет место придаточной части по отношению к главной. Придаточное времени может предшествовать главному, а может следовать за ним или размещаться внутри него. Однако это не говорит о том, что их можно размещать беспорядочно. Чаще порядок следования главной и придаточной частей соответствует последовательности выражаемых ими действий. Придаточная часть может находиться внутри главной части лишь в тех случаях, когда придаточная часть относится к конкретному слову или словосочетанию. Например: *Вуннăмĕш клас-*

ра вĕренекенсем шăнкăрав янăранă хыççăн класс ертӳçи патĕнче пухăнчĕç (Ю. Скворцов) «Десятиклассники после звонка собрались у классного руководителя». Постпозиция придаточной части больше встречается в поэзии, а в прозе используется для выражения эмоционально-экспрессивных оттенков значения:

Кăвар хĕлхемĕ шанчăклăн упранĕ
Тепре телей саманчĕ киличчен (Ю. Сементер)

«Надежно сохранится искра пламени,
Пока еще раз не придет миг счастья».

СПП с придаточным места — это сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого обозначает место осуществления действия и отвечает на вопрос *ăçта?* «где? куда?», *ăçтан?* «откуда?», *ăçталла?* «куда, в каком направлении?»

Сложноподчиненные предложения с придаточным места в чувашском языке самые малочисленные из всех обстоятельственных. В использовании таких предложений заметно влияние русского языка: и по структуре, и по функции аналогичны. СПП с придаточным места характерны больше для разговорного стиля, чем для книжного.

Придаточные места присоединяются к главной части союзными словами ***ăçта, ăçтан, ăçталла, хăш еннелле*** с указательными словами ***унта, çавăнта*** «там, туда», ***унтан, çавăнтан*** «оттуда», ***унталла, çавăнталла*** «туда, в ту сторону».

В русском языке очень много примеров, где придаточное места раскрывает содержание обстоятельства места главной части. В чувашском языке к таким можно относить предложения, где придаточная часть раскрывает не любое обстоятельство места, а именно указательное слово. Например: *Йĕппи ăçта, çиппи çавăнта (ăçта çиппи?)* (Ват. сăм.) «Где иголка, там и нитка (где нитка?)». В остальных случаях придаточная часть относится ко всей главной части: *Ăçта пăхан — унта снаряд ӳксе чавăннă шăтăксем* (Л. Агаков) «Куда ни смотришь, везде ямы от снарядов».

В основном союзное слово в придаточной части и указательное слово в главной части используются в одной и той же форме. Но это не всегда. Часто встречаются такие предложения, где они в разных формах. Например: *Ăçта куç курать, çавăнталла танккать* «Идет куда глаза глядят».

Придаточные места по отношению к главному предложению в большинстве случаев занимают препозицию: *Ăçта йывăç-курăк нумай, унта сывлама çăмăл* (У. Эльмен) «Где много растений, там легко дышится»; *Ăçта хушаççĕ, çавăнта чуптарать* (Х. Уяр) «Куда велят, туда и побежит».

В некоторых предложениях в главной части указательного слова может и не быть: *Ăçталла качака утать, сурăхсем те ун хыçĕнчен каяççĕ* (Д. Гордеев) «В какую сторону идет коза, и овцы за ней идут».

В придаточных места с союзным словом *ăçта* «где» указывается место совершения действия: *Ăçта вăйлă çил çӳрет, çавăнта йăва çавăрать* (Ç. Элкер) «Где сильный ветер гуляет, там и вьет себе гнезда», с союзным словом *ăçтан* «откуда» – исходный пункт движения: *Ăçтан илсе килнĕ, çавăнтах пурăнтăр вăл* (Ç. Элкер) «Откуда привезли его, пусть там он и живет», с союзными словами *ăçта, ăçталла* «куда, в какую сторону» – направленность движения: *Асли ăçталла пăхать, кĕçĕнни те çавăнталла çаврăнать* (Х. Уяр) «В какую сторону старший смотрит, и младший в ту сторону поворачивается». В сложноподчиненных предложениях с придаточным места с союзными словами, кроме основного значения места, можно предположить и значение условия и результата. Например: *Ăçта ĕç пур, çавăнта ĕçлеме тытăнтăм* (У. Эльмен) «Где есть работа, там и начал работать»; *Вера ăçталла – вăл та унталла* (Ю. Скворцов) «Куда Вера, туда и он».

СПП с придаточным меры и степени – сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого указывает на степень качества или степень проявления признака главной части предложения и отвечает на вопросы *миçе? мĕн чухлĕ? мĕн таран?* «сколько? в какой мере? в какой степени?». Придаточная часть в таких предложениях конкретизирует указательное слово или сказуемое главной части.

По строению главного и придаточного предложений и средств связи возможны следующие варианты:

1. Части сложного присоединяются союзными словами ***мĕн чухлĕ, мĕн таран***. А в главном им соответствуют указательные слова ***çавăн чухлĕ, çав таран***. Придаточное предложение всегда имеет препозицию. Например: *Укçа мĕн чухлĕ кирлĕ пулать, çавăн чухлĕ тупса парăп* (В. Кузнецов) «Сколько нужно будет денег, столько найду». В этом предложении придаточная часть указывает на меру действия, обозначенного в главной части. Указательное слово может быть расположено и внутри главной части: *План-задание кашни мĕн чухлĕ ытларах ирттерсе тултарнă, звено çавăн чухлĕ нумайрах преми илет* (Г. Краснов) «Звено получит столько премии, насколько каждый перевыполнил план-задание».

2. Части сложного присоединяются послелогами *чухлĕ, таран*. Послелог ***чухлĕ***: *Вăл тунă чухлĕ маншăн никам та тăрăшман* (А. Талвир) «Никто для меня не старался столько, сколько сделал он». Послелог ***таран***: *Класс руководителĕ хăй пултарнă таран Валя хутне кĕме тăрăшрĕ* (Ю. Скворцов) «Классный руководитель по мере

своей возможности старался заступаться за Валю». Придаточное предложение не имеет строго фиксированной позиции. Для эмоционально-экспрессивного оттенка выражения часто используется постпозиция: *Вăй çитнĕ таран пулăшатчĕç ăна кӳршисем* (препозиция) – *Кӳршисем ăна вăй çитнĕ таран пулăшатчĕç* (интерпозиция) – *Пулăшатчĕç ăна кӳршисем вăй çитнĕ таран* (постпозиция) (Г. Краснов) «Соседи помогали ему по мере сил». Сказуемое придаточной части выражается причастием прошедшего времени: *Малтанхи вăхăтра вăл манăн ăнман пурнăç пирки кулянатчĕ, вăйĕ çитнĕ таран пур енчен те пулăшма тăрăшатчĕ* (Ç. Элкер) – Поначалу он переживал за мою неудавшуюся жизнь и по мере сил старался во всем помогать».

В сложноподчиненных предложениях с придаточным меры и степени можно усматривать совмещение качественной характеристики действия (или признака) и количественной. Этот переход весьма неуловим. Например: *Урамра мĕн чухлĕ шăпрах, пӳлĕмре çавăн чухлĕ тунсăхлăрах* (В. Петров) «Чем тише становится на улице, тем грустнее в комнате».

СПП с придаточным условия – сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого обозначает условие, от которого зависит осуществление того, о чем говорится в главной части, и отвечает на вопросы *мĕнле условире? мĕне кура?* «при каком условии? при каких обстоятельствах?».

Условные придаточные по отношению к главной могут занимать любое положение, но более характерна препозиция придаточной, так как при таком расположении частей четче передаются условно-следственные отношения: *Анюкран илемлĕрех хĕр те юратрĕ пулсан пуçа усни те ахалех пулнă* (Ç. Элкер) «Зря ты голову повесил, если тебя полюбила девушка даже краше Анюк».

Сложные предложения с придаточными условными подразделяются на два вида:

1) предложения с реальным условием: *Кăмăл çирĕп пулсан темле йывăрлăха та çĕнме пулать* (Ç. Элкер) «Если характер крепкий, то с любой трудностью можно справиться».

2) предложения с желаемым, возможным или предполагаемым условием. В предложениях этой группы сказуемое придаточной части выражено причастием будущего и прошедшего времени, а сказуемое главной части выражено глаголом сослагательного наклонения: *Вĕсем пулман пулсан эпĕ ăна тахçанах пăрахса кайнă пулăттăм* (А. Талвир) «Если бы их не было, я давно бы ушла от него».

Придаточная часть присоединяется к главной части при помощи союза ***пулсан (пулсан та)***: *Мĕн тăвăн-ха шăпи çапла пулсан?* (У. Эльмен) «Что же сделаешь, если судьба такая?»; ***енчен***

(енчен те): *Енчен те çумăр çăвать пулсан, ниçта та тухмастăп* (В. Петров) «Если дождь пойдет, то никуда не выйду»; ***ехер (ехер те, мехер, ехер те мехер)***: *Ехер те ман çинчен ыйтса пĕлме тăрăшать пулсан Пётр Иванович – нимĕн те ан кала* (У. Эльмен) «Если Пётр Иванович начнет расспрашивать обо мне, ничего не говори»; ***тăк (тĕк)***: *Бригадăри кашни ĕçчен тăрăшас тăк – эпир чи малта пулмалла* (Г. Краснов) «Если бы каждый в бригаде хорошо работал, мы бы давно впереди были». Предложения с союзами *енчен, ехер, ешĕл* (рус. *ежели*) по структуре схожи с русскими предложениями. Для чувашского языка более характерен союз *пулсан*. При наличии частицы *та (те)* после союзов появляется уступительный оттенок значения: *Енчен те каçару ыйтать вăл манран – паянах таврăнăп* (А. Талвир) «Если попросит прощения у меня, сегодня же вернусь».

К продуктивным средствам связи также можно отнести аффиксы деепричастий: ***-сан (-сен)***: *Эпĕ начар пурăнсан тепри те начар пурăнтăр* (Д. Гордеев) «Если я плохо живу, то пусть и другой живет плохо»; ***-сассăн (-сессĕн)***: *Ура вĕçерĕнсе кайсассăн шăммашакка никам пуçтарса пĕтереймĕ* (Д. Гордеев) «Если оступлюсь, то костей моих никто не соберет»; ***-масар (-месер)***: *Çинук хăйĕн ĕçне вĕренекен, унăн ĕçне малалла тăсакан тупăнмасăр та чунне лăплантараймарĕ* (Д. Гордеев) «Пока не нашелся тот, кто выучит и продолжит ее дело, Зина не могла успокоиться».

Когда рассматривали сложноподчиненные предложения с придаточным времени, мы говорили, что во многих примерах с аффиксами деепричастий весьма неразличимы значения времени и условия. Здесь мы приведем примеры: *Милиционерсем хыттăн шаккасан хапхана старикпе карчăк тухса уçрĕç* (Ç. Элкер) «Ворота открыли старик со старухой, когда милиционеры громко постучали»; *Наçтӳç кайсан тин ирĕклĕн сывласа ятăм* (Ç. Элкер) «Вздохнул я свободно только тогда, когда Настя ушла».

СПП с придаточным следствия – сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого называет следствие, вытекающее из содержания главной части.

В русском, некоторых тюркских (например, в башкирском) языках в особую группу выделяются придаточные следствия. А многие тюркологи придаточные следствия рассматривают в одной группе с придаточным причины (например, М.З. Закиев в татарском языке), рассматривая компоненты сложноподчиненного предложения как причинно-следственное отношение. Действительно, в таких предложениях один из компонентов заключает в себе причину, а другой следствие. Но мы все же выделяем в отдельную группу сложноподчиненные предложения с придаточным следствия, части которого связываются союзным сочета-

нием ***çавăнпа (çавăнпа та), çавна пула, çавна кура***. Нам кажется, что в таких предложениях только значение следствия. Сравним: 1. *Сивĕ çанталăка пăхмасăрах тĕл пулăва вăл çӳхе курткăпах килнĕ, мĕншĕн тесен çĕннине туянма укçа çук* (В. Петров) «Несмотря на холодную погоду, на встречу он пришел в тонкой куртке, потому что на новую у него денег нет»; *Унăн укçи-тенки хĕсĕк, çавăнпа вăл сивĕ çанталăкра та çӳхе курткăпах çӳрет* «У него с деньгами туго, поэтому и в холодную погоду он ходит в тонкой куртке». В первом предложении причина заключена в придаточной части (поэтому ее можно считать придаточным причины), а значение следствия содержит главное предложение. Во втором предложении причина заключена в главном предложении, а значение следствия – в придаточном. Второе предложение мы относим к придаточным следствия.

Значение следствия находим и в предложениях с придаточным условия. Но в них, как и в придаточных причины, следствие заключается в главной части.

Придаточные следствия содержат в себе действие, происходящее после, то есть в результате, действия главного предложения. Поэтому придаточная часть всегда находится в постпозиции к главной части.

СПП с придаточным причины – это сложноподчиненное предложение с придаточной частью, указывающей на причину того явления, о котором говорится в главной части, и отвечающей на вопросы *мĕншĕн? мĕн пирки?* «почему? отчего? по какой причине? в связи с чем?».

Причинная обусловленность предполагает такую связь двух ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой. Носителем значения достаточного основания является придаточная часть, так как ее содержание выполняет роль мотивирующего фактора по отношению к сообщаемому в главной части.

Придаточное предложение причины всегда относится к главному предложению в целом.В сложноподчиненных предложениях с придаточным причины средствами связи могут быть:

1) союз ***мĕншĕн тесен***: *Марине ытларах сарă тĕсе юратать, мĕншĕн тесен çуркуннехи пĕрремĕш чечек сарă* (Е. Лисина) «Марине больше нравится желтый цвет, потому что первый весенний цветок желтого цвета»; *Кунта ăна паллакан çын та çук, мĕншĕн тесен ашшĕ те, хăй те тăван хулара сахал пурăннă* (С. Михайлов) «Здесь его никто и не знает, потому что и его отец, и он сам мало жили в родном городе». Сопоставление русских предложений и их переводы на чувашский и наоборот показывает, что по структуре и семантике такие предложения одинаковы. Придаточное пред-

ложение выражает причину совершения действия главного предложения.

2) аффикс причинно-целевого падежа ***-шăн (-шĕн)***: *Лена унăн çуралнă кунне килменшĕн Настя хытах кӳренчĕ* «Настя сильно обиделась на Лену за то, что та не пришла на её день рождения».

3) аффикс исходного падежа ***-ран (-рен)***: *Çын çукран тытса усрать ăна колхоз председателĕ* (У. Эльмен) «Из-за отсутствия рабочих рук держит её председатель колхоза». Сказуемое в придаточной части выражается причастиями будущего и прошедшего времени, именем прилагательным.

4) аффикс творительного падежа ***-пе***: *Уй ĕçĕсем пуçланнипе ку лăпкăлăх пушшех те сисĕнетчĕ* (Ç. Элкер) «Это спокойствие еще больше было заметно из-за начала полевых работ»; *Анчах та ун чух почта япăх ĕçленипе çыру тăрăх çыхăну тытса тăрасси çăмăл марччĕ* (Ç. Элкер) «Однако из-за плохой работы почты в то время трудно было держать связь через письма». Аффикс *-пе* для выражения значения причины присоединяется только к субстантивированным формам имени и причастия прошедшего времени.

5) послелог ***пирки***: *Врач та хăйĕн ачисем пур пирки çак йывăр вăхăтра çын ачисене текех пулăшма пултарайман* (Ç. Элкер) «Врач тоже не мог в это трудное время постоянно помогать чужим детям, так как у него были и свои дети».

6) послелог ***пула***: *Кăмăл туртнине пула эпĕ унпа хаваслансах калаçаттăм* (Ç. Элкер) «Я с ним с удовольствием общался, потому что он мне нравился».

7) послелог ***кура***: *Попов хăй сиввĕн йышăннине кура эпĕ вĕсем патне сайра хутра кăна кайкаларăм* (Ç. Элкер) «Я только изредка к ним ходил, потому что Попов принимал холодно».

Позиционная особенность союза *мĕншĕн тесен* «потому что» давно была отмечена: придаточная часть с этим союзом не может находиться в препозиции к главной. Позиция частей сложноподчиненного предложения с послелогами и аффиксами не фиксированная, хотя для книжного стиля в чувашском языке характерна препозиция, а в поэзии и разговорной речи часто встречаем постпозицию. Во многих случаях придаточную часть можно использовать в разных позициях: *Ашшĕ-амăшĕ вăхăтра илме килменрен Виктор садикре яланах кая юлать* (Д. Гордеев) (препозиция) – *Виктор садикре ашшĕ-амăшĕ вăхăтра илме килменрен яланах кая юлать* (интерпозиция) – *Виктор садикре яланах кая юлать ашшĕ-амăшĕ вăхăтра илме килменрен* (постпозиция) «Из-за того, что родители не приходят вовремя, Виктор всегда остается в садике последним».

СПП с придаточным цели – сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого содержит указание на цель

или назначение того, о чем говорится в главной части, отвечает на вопросы *мĕншĕн? мĕн пирки?* «зачем? для чего?», *мĕн тĕллевпе?* «с какой целью?». Придаточная часть обычно относится ко всей главной части.

Целевые отношения, выраженные в сложных предложениях с придаточным цели, чаще всего выступают в неосложненном виде. Особый оттенок значения вносится в тех случаях, когда средство связи опускается, а в придаточной части добавляется частица. Сравним: *Ывăлне лайăх пултăр тесе ашшĕ тем тума та хатĕр* или *Ашшĕ тем тума та хатĕр, ывăлне лайăх пултăр çеç* «Отец готов сделать все, лишь бы сыну было хорошо». Во втором случае подчеркивается усиленное стремление к цели.

Придаточное цели присоединяется к главной части предложения посредством ***тесе***: *Темрен тем сиксе ан тухтăр тесе сехĕрленнĕ çыннăн кашни ӳт пайĕ асăрханма пикенчĕ* (Д. Гордеев) «У человека, робеющего как бы чего не вышло, каждая частичка тела стала чувствительной»; ***тесен***: *Пахча çимĕç тухăçлă пултăр тесен çĕре вăхăтра сухаламалла тата им-çамламалла* («Хыпар», 2011) «Чтобы урожай был хороший, нужно вовремя обрабатывать и удобрять землю».

Придаточные цели могут занимать по отношению к главным любое положение: *Хам мăшăр çын арăмĕсенчен кая ан пултăр тесе пĕрле пурăнма пуçласан тумлантарма тытăнтăм* (препозиция) – *Пĕрле пурăнма пуçласан хам мăшăр çын арăмĕсенчен кая ан пултăр тесе тумлантарма тытăнтăм* (интерпозиция) – *Пĕрле пурăнма пуçласан тумлантарма тытăнтăм хам мăшăр çын арăмĕсенчен кая ан пултăр тесе* (Ç. Элкер) (постпозиция) «Когда начали вместе жить, чтобы жена была не хуже других жен, начал ее одевать».

СПП с придаточным уступительным – сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого обозначает условие, вопреки которому осуществляется то событие, о котором говорится в главной части. Отвечает на вопрос *мĕне пăхмасăр?* «несмотря на что? вопреки чему? невзирая на что?». В предложении *Уроксем пĕтнĕ пулин те пӳлĕмне тавраннмарĕ йăмăкĕ* (У. Эльмен) «Хоть и закончились уроки, сестренка не вернулась в комнату» содержится указание на то, что в главной части предложения излагается нечто противоположное тому, что логически должно было вытекать из сказанного в придаточной. Противопоставление сообщений главной и придаточной частей предложения, имеющееся в сложных предложениях с придаточными уступительными, сближает их со сложносочиненными предложениями с противительными отношениями. Сравним: *Чунтан юратнă хĕрпе уйрăлнă пирки ăшăм хытă вăркарĕ пулин те халь ĕнтĕ эпĕ хама нимĕне юрăхсăр*

инвалид темерĕм (Ç. Элкер) – *Чунтан юратнă хĕрпе уйрăлнă пирки ăшăм хытă вăркарĕ, анчах халь ĕнтĕ эпĕ хама нимĕне юрăхсăр инвалид темерĕм* (Ç. Элкер) «Хоть и болела душа из-за расставания с любимой девушкой, но никчёмным инвалидом теперь я себя не считал».

Придаточные уступительные присоединяются к главным посредством союзов ***пулин те***: *Виктор Иванович Аньăна килĕштернине куçкĕретех систерчĕ пулин те Ритăна кацча илчĕ* (У. Эльмен) «Виктор Иванович хоть и не скрывал своих чувств к Ане, но замуж взял Риту»; ***пулсан та***: *Ăш-чикĕм çунать пулсан та ку самантра вĕсене чăрмантарма шутламарăм* (Ç. Элкер) «Хотя в душе горел огонь, но решил в этот момент их не беспокоить». Эти союзы имеют фиксированное место в придаточной части – всегда после сказуемого. А придаточная часть может располагаться в препозиции или интерпозиции по отношению к главной. Как и некоторые другие виды обстоятельственных придаточных, в разговорной речи и поэзии изредка встречается и постпозиция. В функции средства связи выступает и заимствованный из русского языка союз ***хăть (хуть)***: *Ун умĕнче хăть кам тăтăр, сăмахĕсене вăл суйламасăрах калаçать* (П. Осипов) «Кто бы ни был перед ним, в разговоре он не подбирал слова». Место этого союза в придаточной части свободное.

Для выражения крайней степени противопоставления действию или признаку главного предложения в придаточном предложении выступают союзные слова. Например: *Амăшĕ хăть мĕн чухлĕ ăс парсан та, кĕçĕн ывăлĕ çав-çавах кукăр çулпа кайрĕ* «Сколько ни воспитывала мать сына, младший сын все равно пошел по кривой дорожке» или *Килтен аякка кайсан хăть ăçта тата кампа пурăнсан та, пур çĕрте те хăвăн вырăнна тупмалла* (В. Петров) «Где бы и с кем бы ты ни жил, уехав далеко от дома, везде должен найти свое место».

СПП с придаточным сравнительным – сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого поясняет содержание главной части путем сравнения, образного сопоставления фактов и явлений, названных в обеих частях. Смысловой вопрос к таким придаточным обычно не задается. Например: *Сывлăмлă йĕтĕн чечекĕ çине хĕвел çути ўкнĕ евĕр, Муза куçĕсем илемлĕн ялкăшма пуçларĕç* (А. Артемьев) «Подобно тому, как на цветы льна с капельками росы падает солнечный свет, так и глаза Музы начали светиться красотой»; *Лăпкă та кичем больница палатисенче, çурхи хĕвел шевли кĕрсе вылянă евĕр, чĕрене сиплĕхлĕ пурнăç çути кĕрсе вăйхала çĕклесе ячĕ* (Ç. Элкер) «Словно в спокойных и скучных палатах заиграли весенние солнечные лучи, проник в сердце и наполнил его энергией жизненный свет». Оттенки значений срав-

нительных придаточных разнообразны: собственно сравнение, уподобление, соответствие. Придаточное сравнительное, присоединяясь к главной части послелогами *пек, евĕр*, содержит сравнение, которое представляется не как нечто реальное, а как возможное или вообразимое, и имеет значение сравнительно-условного. К послелогам со сравнительным значением И.А. Андреев относит *май, майĕпе, майăн*, отмечая их недавнее происхождение. Значение сравнения, как нам кажется, у этих послелогов все же поверхностное: *Пĕлĕтсем куçнă май сарă уйăх кăлтăртатса чупнă пек туйăнать* (Г. Луч) «По мере движения облаков кажется, будто месяц бежит крутясь».

СПП с придаточным образа действия – сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого обозначает способ или качество действия и отвечает на вопрос *мĕнле?* «как? каким образом?»: *Сунарçăсем шăпа тухнă пек вырнаçса тăчĕç* (А. Артемьев) «Охотники расположились так, как выпало по жребию». Придаточные образа действия могут указывать на признак действия или раскрывать конкретное содержание обстоятельства образа действия в главной части.

Придаточные образа действия присоединяются к главной части посредством следующих средств связи:

1. Союзное слово ***мĕнле*** с указательным словом *çапла, çавăн пек, çавнашкал* в главной части: *Чăххи чĕппи семшĕн мĕнле хăрать, амăшĕ те ачисемшĕн çаплах пăшăрханать* «Как курица за цыплят боится, так и мать за своих детей переживает». По структуре такие предложения всегда одинаковы: придаточная часть предшествует главной части.

2. Послелог ***пек, евĕр***: *Кăрккана хĕрлĕ тĕс тулаштарнă пек, çак «ак, ак» тени математика учительне картран вĕçертсе яратчĕ* (Д. Гордеев) «Как индюки агрессивно реагируют на красный цвет, так и слова «вот, вот» чуть ли не вывели из себя учителя математики». Позиция придаточной части не фиксированная: может занять препозицию, интерпозицию и постпозицию.

С придаточными образа действия по средствам связи и по структуре сближаются придаточные сравнительные, но отличаются они по семантическому признаку.

Таким образом, мы рассмотрели классификацию сложноподчиненных предложений по структурно-семантическому принципу, более подробно изучили сложные предложения с придаточными обстоятельственными. Семантические группы обстоятельственных придаточных предложений соответствуют видам обстоятельств, с которыми мы встречаемся в рамках простого предложения.

Имеющийся языковой материал говорит о том, что для чувашского языка характерно использование в функции средств свя-

зи послелогов и аффиксов. В развитии сложноподчиненных предложений с союзами и союзными словами тюркологи отмечают влияние русского или других языков. Такое влияние можно заметить и в образовании союзов и союзных слов, и в структуре сложных предложений. Значение придаточной части усиливает или прибавляет другой семантический оттенок использование частиц после средств связи частей сложного предложения: *чухне – чухнех, хыççăн – хыççăнах, пулсан – пулсан та, умĕн – умĕн те, пулсан – пулсан çеç* и т.д.

Каждый отдельный вид сложного предложения представляет собой, как правило, некоторую совокупность конструкций, объединенных общностью значения и взаимосвязанностью средств выражения.

Литература

[1] *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1983. С. 279.

[2] Там же. С. 280.

[3] *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык: синтаксис сложного предложения. М., 1977.

[4] *Закиев М.Ф.* Татарская грамматика. Ч. 3. Казань, 1995. С. 483.

[5] Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. С. 455.

[6] *Мусаев К.М.* Синтаксис караимского языка. М.: [Гуманитарий], 2004. С. 4.

[7] Там же. С. 316.

[8] *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. 1903.

[9] *Горский С.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхин синтаксисĕ. Шупашкар, 1970. 213 с.

[10] *Андреев И.А.* Хальхи чăваш чĕлхи: синтаксис. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2005. С. 292.

[11] *Андреев И.А.* Вăхăта пĕлтерекен пăхăнуллă предложениллĕ хутлă предложенисем // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 21. Чебоксары, 1962. С.155–178.

А.Р. Губанов

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА: СОЗДАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОИСКОВИКА В СИСТЕМЕ Java

Ключевые слова: *национальный корпус чувашского языка, уровни художественных текстов, алгоритмы, система Java.*

В современную эпоху информационно-телекоммуникационных технологий становятся доступными для анализа очень большие массивы художественных текстов (оцифровываются старые тексты, в большом количестве появляются новые тексты в цифровой форме), но возможности отдельно взятого филолога/лингвиста (далее в тексте – исследователя) по их анализу по-прежнему остаются весьма скромными. Отметим, что дело не только в ограниченности временных ресурсов исследователя, но и в ограниченности его когнитивных ресурсов: для того чтобы результаты анализа были качественными, необходимо методично изучать тексты будущего Национального корпуса чувашского языка, отслеживая в идеале все возможные закономерности в текстах, другими словами, необходима автоматизация усилий исследователя художественных текстов[1].

Стандартный конструктивный подход к автоматизации деятельности аналитиков в лингвистической предметной области заключается в том, что, во-первых, определяются содержательные вопросы, на которые предполагается получить ответы, во-вторых, определяются показатели и их системы для ответа на содержательные вопросы, в-третьих, разрабатываются технологии анализа, и, наконец, разрабатываются технологии генерации отчетов / визуализации полученных результатов анализа.

Сначала определим концептуальную модель пространства художественных текстов, во-вторых, обозначим минимальный набор методов анализа художественных текстов, в-третьих, приведем алгоритмы, реализующие те или иные методы для ответа на

Губанов Алексей Рафаилович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук.

некоторые содержательные вопросы, и, наконец, предложим архитектуру автоматизированной системы и опишем разработанные нами компоненты этой системы.

Как показали наши исследования в этой области, пространство художественных текстов состоит из следующих уровней (см. рис.1):

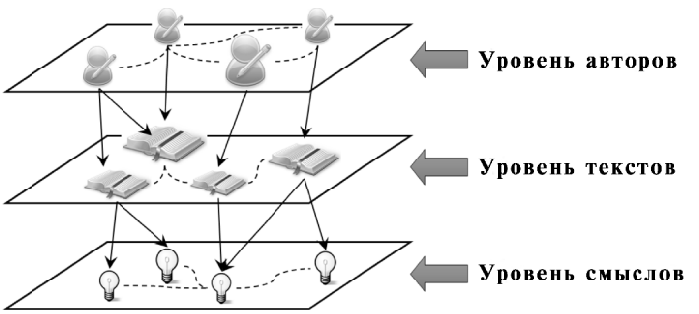

Рис. 1. Уровни пространства художественных текстов

На уровне авторов рассматривается множество чувашских писателей, связанных различными отношениями (например, отношениями заимствования, отношениями литературного наследия и т.п.); на уровне художественных текстов рассматривается множество как художественных произведений (романов, повестей, рассказов и т.п.), так и частей художественных произведений (глав, абзацев, предложений, фраз и т.п.), связанных различными отношениями (например, отношениями вхождения, отношениями принадлежности одному и тому же автору, отношениями следования); на уровне смыслов рассматривается множество смысловых концептов, которые заложены в художественные тексты.

Итак, основными элементами модели пространства художественных текстов предлагается считать следующие типы объектов: а) автор текста; б) информационный (художественный) текст: произведение, абзац, предложение, фраза; в) смысл, описываемый семантическим дескриптором (семантический дескриптор – набор связанных логическими связками ключевых слов, определяющих смысл); г) информационный объект – некоторая сущность, событие, персона и т.п. (информационные объекты могут быть сложными и состоять из других информационных объектов).

У исследователя должна быть возможность работать на любом уровне пространства: на уровне авторов художественных текстов, на уровне художественных текстов, на уровне смыслов.

Рис. 2. Последовательность этапов анализа, проводимых исследователем

Точно так же на каждом следующем этапе анализа у исследователя текстов чувашского писателя должна быть возможность выбора и комбинирования формальных методов анализа (например, в нужной последовательности) и возможность выбора форм представления результатов анализа для решения целевой содержательной задачи.

Какие классы содержательных вопросов могут возникать у исследователя? Возможны следующие классы содержательных вопросов: а) *Автор – Автор(ы)*. Пример содержательного вопроса из данного класса: «Можно ли выделить группы сходных авторов в исходном наборе авторов?»; б) *Автор – Текст(ы)*. Пример вопроса: «Как изменился стиль автора к концу его жизни?»; в) *Автор – Смысл(ы)*. Пример вопроса: «Какие смыслы автор закладывает в свои тексты?»; г) *Текст – Автор(ы)*. Пример вопроса: «Кто из писателей еще мог бы написать такой текст (по тематике, по стилистике)?» и т.п. и т.д., любые комбинации из возможных.

А теперь рассмотрим множество формальных методов исследования пространства художественных текстов, требуемых для автоматизации деятельности исследователя. Рассматриваются основные методы, требования к ним и примеры их использования (требования должны уточняться в зависимости от решаемой содержательной задачи). Затем приводится решение одной содержательной задачи.

Как видно из рисунка 3, в ряде случаев наблюдается зависимость одних методов анализа текстов от других. Кроме того, имеются методы, для корректной работы которых при решении конкретных содержательных задач необходимы лингвистические ресурсы – словари (например, словарь тональности для классификации текстов), семантические сети (например, для расширения запроса исследователя), тезаурусы, размеченные корпусы текстов (например, для построения обучающей выборки того или иного метода) и т.п.

Как мы знаем, исходный текст должен пройти первичную обработку – «токенизацию», т. е. при этом определяются границы слов (каждый элемент называется «токеном») и границы предложений. Данная обработка требуется для морфологического

Рис. 3. Зависимость методов анализа текстов

анализа текста (см. ниже). Поэтому зачастую данный метод является частью метода морфологического анализа.

Требуемые функции: а) определение границ слов и предложений, в т.ч. с учетом аббревиатур; б) быстрота работы (возможность обработки больших массивов текстов); в) желательно определение границ предложений при отсутствующей пунктуации и отсутствующих заглавных букв (встречаются при погрешностях оцифровки текстов).

Художественные тексты в целом являются достаточно грамотными, но возможен авторский стиль, возможны опечатки в тексте, и возможны ошибки при оцифровке произведений. В текстах могут быть орфографические, грамматические и стилистические ошибки, могут отсутствовать пунктуация и капитализация. В то же время большинство общедоступных стандартных методов для анализа текстов (морфологические и синтаксические анализаторы и т. п.) предназначены для анализа грамотно составленных текстов.

Требуемые функции: а) исправление орфографических ошибок (ошибок в написании слов); б) желательно преобразование нестандартных слов к стандартному лексикону.

Следует отметить, что морфологический анализ является неотъемлемой частью большинства методов обработки текста. Дан-

ный вид анализа позволяет получить для каждой словоформы ее лемму (начальную форму слова) и множество морфологических категорий (часть речи, род, число, падеж и т. п.).

Пример морфологического разбора существительного:

– начальная форма (в чувашском языке, в отличие от русского – в исходном падеже; единственном числе);

– собственное или нарицательное;

– одушевленное или неодушевленное; в русском языке – род, в чувашском – аспект; склонение, число, падеж;

– роль в предложении.

Требуемые функции:

– качественная поддержка чувашского языка;

– быстрота работы (возможность обработки больших массивов текстов);

– желательно разрешение омонимии;

– желательна правильная работа с короткими зашумленными текстами с ошибками и нестандартной лексикой.

Кстати, при распознавании имен собственных (Named Entity Recognition, NER) в тексте автоматически выделяются имена персон, географические названия и т.п. Подобного рода разметка может быть полезна при решении самых разнообразных задач анализа художественных текстов.

Требуемые функции: а) разметка в тексте имен персон, географических названий, указание времени, чисел, сумм и процентов; б) желательна работа с текстами с ошибками, без пунктуации и капитализации; в) желателен учет специфики художественных текстов.

Примеры применений

Применение извлеченных имен собственных (надо отметить, что имена в чувашских художественных текстах в отличие от русского имеют свои особенности) для улучшения классификации и кластеризации текстов и их авторов.

Классификация текстов (и их частей) относительно некоторого множества категорий является ключевой задачей в большом количестве приложений анализа художественных текстов.

Требуемые функции: а) построение классификаторов, основанных на современных алгоритмах машинного обучения, таких, как логистическая регрессия, машины опорных векторов и деревья решений; б) извлечение признаков различных типов из предобработанного морфологическим анализатором текста: «bag-of-words»[2], n-граммы символов, совпадение со словами из заданного словаря, n-граммы лемм, n-граммы частей речи (pos), желательно: синтаксические признаки (dependency parsing); в) быстрая работа (возможность обучения модели на десятках тысяч –

миллионах текстов); г) возможность интегрирования в классификатор дополнительных признаков, извлеченных не из текста (тема, национальность автора и т. п.); д) желателен автоматический отбор признаков (feature selection).

Для оперативного доступа к множеству собранных текстов в созданном нами поисковике требуется разработка методов поиска текстов, более того, требуется разработка текстовой поисковой системы. Такая система позволит быстро отыскать множество документов, в которых встречаются те или иные ключевые слова, а также отыскать множество документов, подобных заданному.

Требуемые функции: а) индексирование множества текстов; б) поддержка чувашского языка (лемматизация либо стемминг); в) нахождение подобных текстов по запросу из ключевых слов либо по заданному документу; г) возможность работы с большими объемами данных (до десятков миллионов текстовых документов).

Далее поисковик должен выполнить следующую задачу в определении тематики текста или множества текстов.

Требуемые функции: а) определение тематики текста относительно фиксированного множества категорий, таких, как «проза», «лирика» и т.п., т.е. требуется построить тематический рубрикатор (классификатор); б) желательно определение тематики текста без задания множества категорий. Таким образом, требуется построить тематическую модель (topic model).

Примеры применений

Тематическая категоризация текстов. Выявление ключевых интересов авторов.

Следующая цель поисковика – предоставить исследователям возможность сбора художественных текстов в автоматизированное информационное хранилище, а затем исследовать эти тексты в различных аналитических разрезах (при помощи обозначенных ранее методов анализа) и использовать результаты их анализа в своих работах.

Соответственно, возникают следующие достаточно формальные задачи:

(1) Задача сбора и индексации художественных текстов;

(2) Задача поиска художественных текстов;

(3) Задача анализа найденных художественных текстов;

(4) Задача визуализации найденных художественных текстов.

Предполагается, что система сбора и структурирования художественных текстов нужна для последующего ретроспективного поиска заданных пользователем слов в предложениях из художественных произведений. В основе автоматизированной системы лежат методы анализа текстов. Система загружает данные из

художественных произведений, структурирует их и применяет к ним методы анализа текстов, а затем выдает результаты анализа пользователю системы.

Перейдем к описанию разработанных компонентов системы.

1. Приложение сбора данных

Цель сбора данных – собрать тексты художественных произведений, которые пользователь намеревается исследовать.

Общая схема предлагаемого нами приложения сбора данных состоит из двух частей: клиентской и серверной. Клиентская часть представляет собой веб-интерфейс, при помощи которого пользователь может загрузить файл художественного произведения на сервер вместе со всей сопутствующей информацией (автор произведения, название произведения и т.п.); просмотреть все загруженные на сервер художественные произведения; удалить художественное произведение с сервера. Серверная часть обрабатывает поступающие от пользователя запросы и выдает ему результаты запросов. Серверная часть для хранения данных художественных произведений использует платформу Google AppEngine[3]; помимо сохранения самого текста художественного произведения и указанных пользователем атрибутов (автор произведения, название произведения и т.п.) сервером автоматически сохраняется информация о времени загрузки файла произведения, размере файла, типе файла, названии файла, а также информация о том, было ли структурировано произведение приложением структурирования.

2. Приложение индексирования и поиска

Для работы с большими объёмами данных, как было отмечено ранее, необходимы большие вычислительные мощности и объёмы дискового пространства. Массив оцифрованных художественных текстов очень велик, и поиск нужных предложений без предварительной обработки текстов требует больших вычислительных ресурсов и длительного времени. Поэтому в системе используется индексирование предложений художественных текстов. Суть индексирования заключается в возможности добавлять, удалять или обновлять документы в хранилище данных (1 документ = 1 предложение), впоследствии использующееся для полнотекстового поиска информации. Такой процесс производится компонентом *индексатор*. Современные поисковые системы используют и постоянно совершенствуют свои алгоритмы индексирования, которые закрыты. Конечно, существует много бесплатных систем индексирования, но зачастую их характеристики довольно скромны. Другой компонент – *поисковый механизм*, который принимает на вход запрос и, обрабатывая созданную базу данных, производит выборку данных, соответствующих

запросу. Кроме того, поисковый механизм для базы данных может вычислять дополнительные параметры для результатов поиска (ранжировать, вычислять степень соответствия запросу и т.п.).

В приложении сбора данных используется система индексирования Lucene[4], поскольку:

– весь набор возможностей в Lucene реализуем при помощи Java API (а система сбора данных написана на Java);

– Lucene предназначена для встраивания в другие приложения;

– Lucene строит и даёт возможность работать с немонолитным индексом.

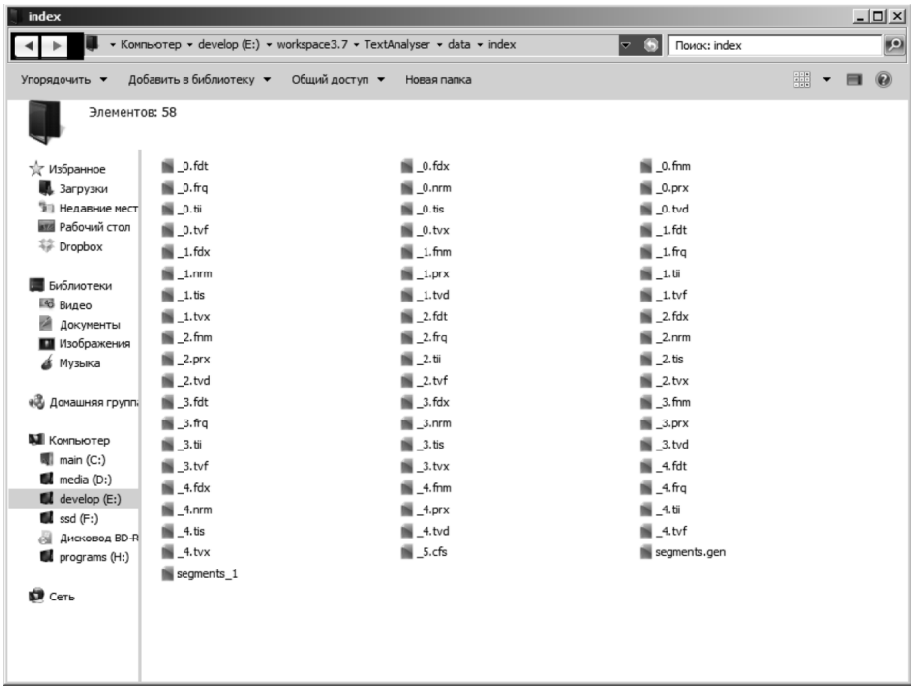

Рис. 4. Файлы индекса в проводнике (используется в демонстрационном приложении)

3. Приложение структурирования исходных данных

Данные, полученные системой сбора, первоначально являются «сырыми», и работать с ними в таком виде не представляется возможным. Прежде чем приступать к анализу собранных данных, необходимо эти данные привести в более структурированный вид. В связи с этим возникают вопросы: как структурировать данные, какой должна быть степень структурированности? Чтобы ответить на эти вопросы, сначала зафиксируем требования, которые должна удовлетворять полученная структура: а) необхо-

димо выделить логические сущности; б) установить связи между сущностями; в) обеспечить достаточную скорость доступа к логическим сущностям; г) избегать избыточности хранения данных для экономии памяти.

Такие требования приводят нас к необходимости использования реляционных баз данных, а для этого необходима система управления реляционными базами данных (СУБД). В нашей системе анализа текстов используется СУБД MySQL, которая удовлетворяет следующим требованиям: (1) свободное распространение; (2) работа на ОС Windows; (3) наличие драйверов для работы с приложениями, написанными на языке Java; (4) возможность применения в качестве SQL-сервера, распространяющегося под лицензией GNU GeneralPublicLicense. В качестве основных преимуществ MySQL называют безопасность, быстродействие, надежность работы, переносимость на другие платформы, невысокую требовательность к вычислительным ресурсам.

Однако для выполнения заданных требований недостаточно одного лишь использования СУБД. Для исследуемой предметной области разработаны также логическая и физическая модели данных с использованием теории нормальных форм. К логическим сущностям, которые будут фигурировать в базе данных, относятся *автор, художественный текст, предложение*. Автор – персона, создающая художественные тексты. Каждый художественный текст может быть привязан к нескольким авторам, а также каждый автор может быть привязан к разным художественным текстам (связь *многие ко многим*). Художественные тексты состоят из предложений. Каждое предложение связано с единственным художественным текстом (связь *многие к одному*). Ниже приведен список основных объектов физической модели базы данных (жирным шрифтом выделены названия таблиц в БД, после названия следует краткое описание таблицы, далее по строкам идут поля таблицы: название поля, тип поля и краткое описание поля.

AUTHOR		
Автор		
id (ключ)	Целое	
name	Строка	Имя
surname	Строка	Фамилия
patronymic		Отчество
WORK		
Художественное произведение		
id (ключ)	Целое	
dateofcreation	Дата	Дата создания
url	Строка	URL художественного произведения (откуда закачано)

title	Строка	Название художественного произведения
text	Строка	Текст художественного произведения (используется для кеширования, если объем текста мал)
SENTENCE		
Предложение		
id (ключ)	Целое	
text	Строка	Текст предложения (используется для кеширования, если объем текста мал)
work_id	Целое	Художественное произведение (внешний ключ на художественное произведение)
prev_snc_id	Целое	Ссылка на предложение, предшествующее данному в художественном тексте (внешний ключ)
next_snc_id	Целое	Ссылка на предложение, следующее за данным в художественном тексте (внешний ключ)
AUTH_WORK		
Определяет связи «многие ко многим» между авторами и художественными произведениями		
id (ключ)	Целое	
auth_id	Целое	Автор (внешний ключ на автора произведения)
work_id	Целое	Художественное произведение (внешний ключ на художественное произведение)

После того, как создана лексическая база данных с таблицами (физическая модель данных), отражающими наши логические сущности (логическая модель данных), необходимо эту базу данных заполнить значениями. Создаваемое нами приложение структурирования данных работает по следующему алгоритму:

Шаг 1. Перебираются все загруженные на сервер художественные произведения. Для каждого художественного произведения выполняются шаги 2–7.

Шаг 2. Пополняется таблица художественных произведений WORK.

Шаг 3. Пополняется таблица авторов AUTH.

Шаг 4. Пополняется таблица авторов-произведений AUTH – WORK.

Шаг 5. Текст художественного произведения разбивается на предложения при помощи методов анализа текстов. Для каждого

предложения выполняется следующее: (1) пополняется таблица предложений SENTENCE данным предложением; (2) формируется документ индекса на базе данного предложения (т.е. предложение индексируется), причем поле ID документа совпадает с полем id таблицы SENTENCE.

Итак, после того, как разработано для поисковика приложение сбора художественных произведений, разработано приложение индексирования текстов художественных произведений, разработаны приложение структурирования художественных произведений и база данных, т.е. можно констатировать, что разработана лексическая база языка, которая может пополняться художественными произведениями и автоматически структурировать их.

Рассмотрим систему анализа текстов в поисковике. На данном этапе подсистема анализа текстов состоит из следующих компонент: 1) компонента токенизации сообщений экспертов; 2) компонента выделения предложений в сообщении; 3) компонента морфологического анализа предложений сообщения.

Для хранения лингвистических данных, полученных в результате работы компонент СПО, необходимы следующие специальные структуры данных (специальные классы):

· Word (слово) словоформа со списком возможных объектов – результатов анализа (Analysis).

Поля класса Word:

InDict	Флаг, указывающий на то, что словоформа была найдена в словаре
Form	Словоформа
Start	Смещение начала токена в исходном сообщении
Finish	Смещение конца токена в исходном сообщении
User	Пользовательские данные
Analyses	Список объектов – результатов анализа

· Analysis (анализ) – с каждым словом соотносятся результаты морфологического анализа (может быть несколько альтернативных вариантов результатов в силу неопределенности и двусмысленности, присутствующих в тексте).

Поля класса Analysis:

Lemma	Гнездовое слово
Tag	PoS тег (Part-of-speech)/ тег части речи
Descriptor	Дескриптор
Probability	Вероятность того, что у словоформы (объекта Word) действительно такая лемма/тег.
User	Пользовательские данные

· Sentence (предложение) – класс содержит список слов, составляющих законченное предложение.

· Document (документ) – класс содержит список предложений, составляющих сообщение эксперта.

Отметим, что компонента токенизации текста преобразует текст в набор токенов (слов, сокращений и т.д.). Для задания правил преобразования используется файл настройки, содержащий регулярные выражения и список слов сокращений.

Правило токенизации состоит из двух частей: имени правила и регулярного выражения, которое используется для выделения токена. Примеры правил токенизации:

WORD {[[:alnum:]є°]}+[\+]*	Правило для выделения слов
TIMES (([01]?[0-9]|2[0-4]):[0-5][0-9])	Правило для выделения из текста времени

Примеры сокращений (трактуемых как один токен):

арифм.
д.ф.–м.н.

Компонента выделения предложений получает на вход список токенов и возвращает список предложений.

Для выделения предложений используется файл настройки, в котором: указывается необходимость разбиения на предложения текста, который находится между парой маркеров (открывающим маркером и закрывающим маркером); приводится список пар «открывающе-закрывающих» маркеров (это пары символов или пары групп символов), таких как «[» и «]», «{» и «}» и т.д.); приводится список возможных начальных и конечных символов предложения (например, «.», «!», «?»), причем для конечных символов указывается необходимость анализа последующего заглавного символа или начального символа.

Модуль поиска по словарю ищет заданное слово и возвращает леммы и соответствующие им части речи. Файл словаря форм представляет собой обычный текстовый файл, состоящий из текстовых строк. В текстовых строках содержатся формы слов в формате «форма лемма 1 часть речи 1 лемма 2 часть речи 2 ...».

Сокращения, соответствующие частям речи, основаны на наборе тегов.

Модуль определяет при помощи словаря априорную вероятность каждого возможного анализа каждой словоформы в предложении (естественно, только в случае наличия нескольких вариантов анализа). Если же для слова не был определен резуль-

тат анализа, то модуль пытается угадать возможные теги PoS слова, основываясь на окончании слова.

Модули представляют собой конечные автоматы, используемые для выделения чисел и дат в тексте.

Информационная система «Лексический поисковик» предназначена для поиска и анализа предложений художественных произведений, содержащих указанные пользователем ключевые слова. Разрабатываемая нами система состоит из следующих компонентов или модулей:

Модуль управления пользовательским интерфейсом. Модуль принимает запросы пользователя, направляет запросы другим модулям и выдает результаты выполнения запросов пользователю.

Модуль индексирования и поиска текстов. Модуль на основании выбранных пользователем ключевых слов находит все релевантные предложения из базы индексов художественных текстов, затем выдает их пользователю, используя при этом базу структурированных данных (в дополнение к предложению пользователю выдаются автор художественного текста, название художественного текста и т.д.).

Модуль анализа текстов используется всеми остальными модулями. Модуль позволяет проводить лексический, морфологический и синтаксический анализ текстов.

При запуске системы загружается стартовая форма, которая состоит из нескольких областей. Левая область «Поиск» состоит из текстовых полей ввода: «Автор произведения» (предложения будут найдены из произведений только указанных авторов), «Название произведения» (предложения будут найдены только из указанных произведений), «Ключевые слова» (будут найдены предложения, содержащие указанные ключевые слова). Пользователь может в каждом поле использовать логические связки И/ИЛИ/НЕ, вложенные скобки, а также специальные мета-символы * (замещает любое количество букв) и ? (замещает одну букву). Заполнив требуемые поля, пользователь может нажать на кнопку «Найти» (находится в той же левой панели); при этом запустится модуль индексирования и поиска текстов (и опосредованно модуль анализа текстов). Релевантные пользовательскому запросу предложения (с дополнительной метаинформацией) отобразятся в правой верхней области «Художественные произведения».

Далее пользователь может выбрать интересующее его художественное произведение (можно использовать сортировку по полям метаинформации: автору произведения, названию произведения, дате публикации и т.д.) и дважды щелкнуть на нем, после чего в правую среднюю область «Художественное произве-

дение» загрузятся все искомые предложения (точнее, список предложений, содержащих указанные пользователем ключевые слова), для каждого предложения можно посмотреть содержащий его текстовый контекст.

На созданной интегрированной базе планируется разработка системы «Автоматическое рабочее место (АРМ) лексикографа», которая в своем составе имела бы не только электронную картотеку, но и текстотеку и лингвостатистический пакет, для статистического анализа лексики и Национального корпуса текстов на основе статистических методов (корреляционного, дисперсионного, факторного и др.).

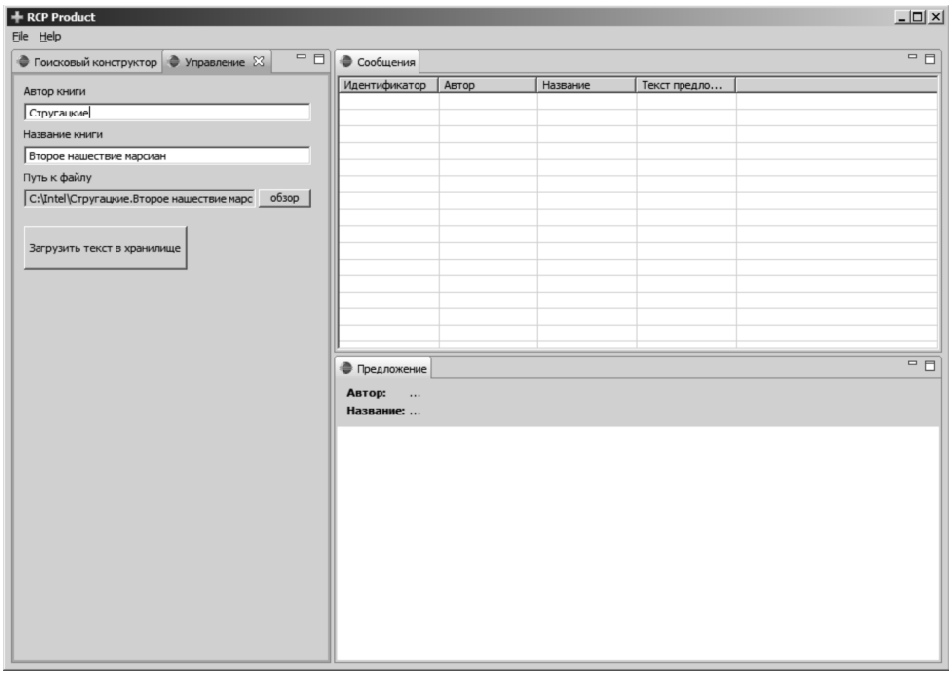

Рис. 5. Интерфейс системы поиска и анализа художественных текстов

В разрабатываемом поисковике определены и внедрены пакеты системы и основные классы пакетов. Описать все разработанные классы не представляется возможным и целесообразным (см. рис. 6).

В пакете лексического поисковика разработаны классы каркаса пользовательского приложения, ответственного за обработку событий и взаимодействие с пользователем.

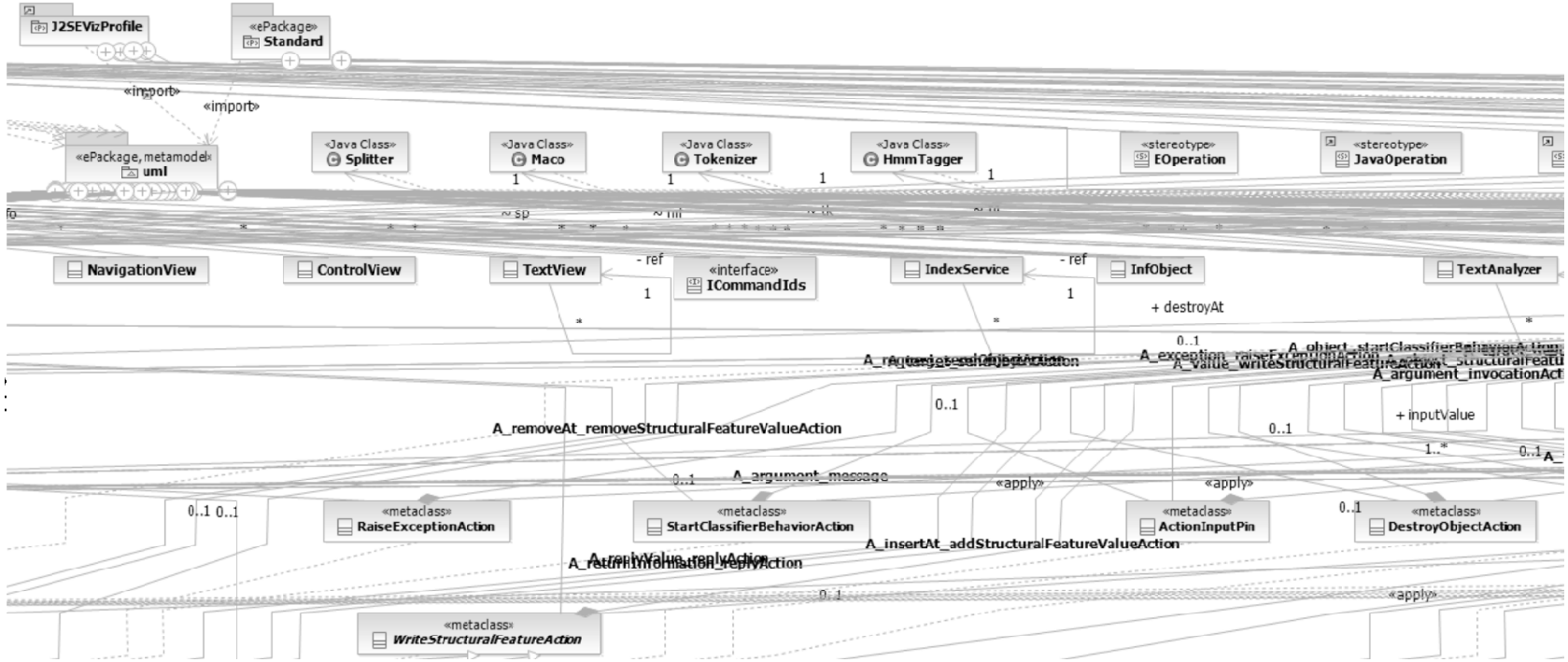

Рис. 6. Фрагмент общей диаграммы классов и пакетов

Литература и источники

[1] Алгоритмы предварительной обработки текста: декомпозиция, аннотирование, морфологический анализ / В.А. Яцко, М.С. Стариков, Е.В. Ларченко [и др.] // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2009. № 11. С. 8–18; *Потапова Р.К.* Нанотехнологии и лингвистика : прогнозы и перспективы взаимодействия // Нанотехнологии в лингвистике и лингводидактике: миф или реальность? Опыт создания общего образовательного пространства стран СНГ : тезисы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 2007 г.). М.: МГЛУ, 2007. С. 9–11; *Потапова Р.К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М.: Радио и связь, 1997. 528 с.; *Чухарев Е.М.* Лингвостатистические корреляты спонтанности в компьютерно-опосредованном дискурсе (на материале русскоязычного чата) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21. СПб., 2008. 211 с.; *Яцко В.А., Вишняков Т.Н.* Некоторые проблемы разработки современных систем автоматического реферирования текста // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2007. № 9. С. 7–13; *Яцко В.А.* Симметричное реферирование: теоретические основы и методика // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2002. № 5. С. 18–28; URL: http://www.content-analysis.de/software/quantitative-analysis; URL: http://textanalysis.info/; URL: http://www.provalisresearch.com/.

[2] URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Bag-of-words_model.

[3] URL: https://developers.google.com/appengine/.

[4] URL: http //lucene.apache.org.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ ДЛЯ СИСТЕМ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ НА ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ И АРХИТЕКТУРА ГРАММАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ*

А.Р. Губанов

Ключевые слова: *национальный корпус языка, морфологический стандарт, схема, автоматическая обработка текстов (АОТ), архитектура грамматического словаря.*

В современной компьютерной лингвистике одним из главных направлений «является разработка национальных корпусов, представляющих собой базу языковых данных, снабженной филологической разметкой»[1]. Национальный корпус того или иного языка является действенным средством решения многих лингвистических задач, в частности, «можно исследовать конкретное слово в синхронном и диахронном аспектах... получить данные о частоте лексем, грамматических категорий, о сочетаемости лексических единиц: на основе полученных данных составлять частотные и иные типы словарей»[2]. Малочисленное количество корпусов текстов на тюркских языках говорит о том, что корпусная лингвистика соответствующих языков находится на начальной стадии развития. Следует отметить, что для чувашского языка в данный момент практически не существует не только каких-либо специализированных лингвистических корпусов, но даже и необходимого стандарта для автоматической морфологической и семантической разметки будущего Национального корпуса чувашского языка. Данная проблема, разумеется, связана и с тем, что корпуса, создаваемые на языках народов России, разные по объему, технологиям и т.д., потому что разнородны сами материалы языков и тематика, связанная с корпусом. На научно-практическом семинаре «Унификация систем грамматической разметки в корпусах тюркских языков (семинар UniTurk)» принята резолюция, где говорится, что «создание электронных лингвистических корпусов выдвигает перед разработчиками широкий

Губанов Алексей Рафаилович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №15-04-00532.

спектр проблем и задач, успешное решение которых требует соединения результатов лингвистических исследований и современных компьютерных методов анализа языковых данных. Возможности корпуса во многом определяет система аннотации (разметки)»[3].

В ней же констатируется «особая значимость вопросов унификации в корпусах представления лингвистической информации, в частности, систем обозначения грамматических категорий; особенно это важно для групп родственных языков. Анализ сложившейся ситуации показывает, что в тюркской корпусной лингвистике, несмотря на генетическую и структурно-типологическую общность тюркских языков, пока не сформировалось общих принципов и подходов к лингвистической разметке текстов. В перспективе это приведет к значительным трудностям при проведении сравнительно-сопоставительных исследований, а также при разработке тюркских параллельных корпусов, многоязычных систем обработки текстов и решении других теоретических и прикладных задач»[4].

Далее указывается на недостатки при аннотировании национальных корпусов (приведем их полный перечень, для нас это важно): «...несмотря на то, что большая часть специалистов убеждена в необходимости пользоваться при письменной фиксации текстов системой тегов, единого унифицированного формата представления лингвистической информации в корпусах не существует. Различия касаются как инвентаря грамматических категорий и метаязыка их описания, так и состава необходимых слоёв репрезентации. Одни и те же морфологические категории в разных исследованиях по тюркским языкам обозначаются по-разному. Разработчики корпусов используют системы обозначений, созданные для других, в первую очередь, индоевропейских языков, которые не всегда адекватно отражают специфические особенности тюркских языков, поэтому разработка системы разметки именно для этой группы языков является на сегодняшний день весьма актуальной. Отсутствие единообразия при аннотировании корпусов связано как с объективными научно-содержательными проблемами (сложность системы естественного языка, неизоморфность грамматической структуры различных языков, различия в степени прозрачности морфонологических процессов и т.п.), так и с организационными (отсутствие единого координирующего центра или стандартов по разработке грамматической и семантической аннотации для корпусов и лингвистических баз данных и др.)[5].

Участники научно-практического семинара «Унификация систем грамматической разметки в корпусах тюркских языков (се-

минар UniTurk)» указывают на то, что одной из важнейших задач тюркского языкознания является выработка такого стандарта представления лингвистической информации, который бы позволил организовать существующие и создающиеся корпуса тюркских языков в единое информационное пространство для широкого круга пользователей – специалистов-тюркологов, типологов и неспециалистов[6].

Как мы видим, актуальной задачей является разработка определенных стандартов представления данных: стандартизация форматов и стандартизация концепций. В частности, морфологический стандарт для систем автоматической обработки чувашских текстов обеспечивал бы единообразное представление информации; составлял бы теоретическую основу морфологической аннотации.

К настоящему моменту разработаны морфологические модели татарского, башкирского и других тюркских языков, которые задают определенные стандарты представления агглютинативной морфологии. В частности, разработан морфологический анализатор татарского языка на основе формального аппарата двухуровневых правил с использованием программного инструментария PC-KIMMO. PC-Киммо – это новая реализация для микрокомпьютеров программы Киммо, названная в честь его изобретателя Киммо Коскенниеми[7]. Она представляет интерес для вычислительных лингвистов, описательных лингвистов, а также для освоения природных систем обработки языка. Программа предназначена для генерации (продукции) и / или разбора слов с использованием двухуровневой модели структуры слова, в которых слово представляется как соответствие между его лексическим уровнем формы ее поверхности уровня формы.

Система грамматической аннотации разрабатываемого в НИИ «Прикладная семиотика» Академии наук Республики Татарстан корпуса татарского языка основана на определенном стандарте, обеспечивающем единообразное представление лингвистической информации и учитывающем традиционно дискуссионные моменты татарской грамматики. В нашей республике представлена модель чувашской морфологии в атрибутивно-шаблонном формате[8].

Рассмотрим вкратце ряд теоретических проблем, которые непосредственно связаны с морфологическим стандартом. Сначала приведем пример. В частности, в статье «Алгоритм синтеза словоформ казахского языка с использованием флективных классов» рассматриваются принципы разбиения существительных казахского языка на классы, где говорится, что «казахский язык относится к классу агглютинативных языков, т.е. словоформы в нем образуются путем добавления к корню аффиксов (суффиксов и

окончаний). Например, для имен существительных к корню сначала добавляется суффикс, а далее окончание множественного числа, притяжательное окончание, падежное окончание и, наконец, личное окончание предикативности. Принципиальным отличием морфологии казахского языка от морфологии русского является наличие в казахском языке (как и в других тюркских языках) закона сингармонизма, в соответствии с которым аффиксы слова полностью определяются звуковым составом его основы»[9]. Как мы видим, налицо полярность интерпретации на квалификацию морфем в тюркских языках.

Отметим характеристики чувашского языка, востребованные для грамматической разметки. Чувашский язык как язык агглютинативного типа имеет развитую систему грамматически однозначных словоизменительных аффиксов (отдельно взятый аффикс выражает один морфологический признак, в нем отсутствуют различные парадигматические классы в парадигме того или иного одного типа; отсутствуют столь значительные чередования в основах, а также закономерная фонетическая обусловленность алломорфов (границы морфем четкие: к основе присоединяются аффиксы с тем или иным значением, а если происходят фонемные изменения на границах морфем, то данные морфонологические изменения связаны с фонологическими законами чувашского языка. Что касается автоматизации морфологической разметки чувашского текста, то следует отметить, что грамматические характеристики чувашских частей речи достаточно полно описаны в многочисленных трудах по чувашскому языкознанию[10]. Данные характеристики имеют следующее формальное выражение с точки зрения их распознавания и автоматической разметки:

I. Лексико-грамматические (семантические) разряды не имеют явных и однозначных формальных признаков, некоторые из этих разрядов могут иметь непостоянные формальные признаки. Более того, подобная структура произвольной словоформы не указывает однозначно на соответствующий семантический разряд.	II. Собственно морфологические категории в чувашском языке имеют явные формальные признаки, которые во многих случаях однозначно характеризуют словоформу.

Следовательно, при автоматическом анализе аффиксального состава словоформ в рассматриваемом языке грамматические (морфологические) признаки распознаются относительно легко. Однако выявление и автоматическая разметка семантических (лексико-грамматических разрядов) различных частей речи не могут быть решены с учетом лишь морфологических данных. Поэтому на первом этапе создания Национального корпуса чуваш-

ского языка морфологическая разметка должна содержать, на наш взгляд, информацию о морфологических категориях, явно выраженных аффиксами.

Рассмотрим проблему так называемых «нарушений» в регулярной морфологии чувашского языка и возможности их обработки в процессе автоматической разметки текстов. С точки зрения отношения к системе языка данные нарушения можно подразделить на 2 вида: внешние (несистемные) и внутренние (системные). К внешним нарушениям морфологии чувашского относятся в первую очередь правила морфологического изменения неассимилированных заимствований и случаи, вызванные несовершенством современной чувашской орфографии. В условиях существующей чувашской орфографии и действующих принципов освоения заимствований возникает проблема автоматической обработки этих случаев. Необходимо решить, как обрабатывать заимствования, и найти способы описания возможных закономерностей их изменения. Помимо указанных внешних факторов, существуют внутренние языковые особенности, которые являются системными и потенциально автоматически распознаваемыми. Подобные особенности есть следствие универсальности, полифункциональности, экономичности, присущих языковым элементам, что является их системным свойством и подчиняется определенным глубинным закономерностям.

Исходя из особенностей морфологии чувашского, можно сказать, что трудности при автоматической разметке способны создать полифункциональные и омонимичные аффиксы, так называемые «нулевые» формы, особенности однородных членов (аффикс может присоединяться только к последнему члену группы), особенности изменения отдельных категорий слов (в частности, некоторых местоимений и послеложных слов).

С точки зрения структуры представления морфологической информации дискуссионные моменты можно разделить на вопросы, касающиеся частеречной принадлежности лексем, и вопросы, связанные с трактовкой морфологических характеристик словоформ.

В чувашской грамматике можно обозначить два основных проблемных случая частеречной характеристики. Во-первых, это вопрос о частеречной принадлежности слов в безаффиксальной форме, выполняющих атрибутивную функцию. Целесообразно, да и более корректно с точки зрения языка было бы классифицировать эти случаи как существительные, не порождая излишнюю омонимию.

Второй «спорный» вопрос представляется более сложным и касается разграничения частей речи (прилагательных и наречий,

существительных и прилагательных) во взаимозаменяемых функциях. В принципе допустимы два подхода: рассматривать эти случаи как частеречную омонимию и разрешать ее контекстно либо присваивать каждой конкретной лексеме однозначную характеристику. Оба подхода имеют как преимущества, так и недостатки и требуют отдельного рассмотрения.

Одним из наиболее сложных является вопрос не только о падежной системе, но и о числе падежей, о количестве падежных аффиксов в тюркских языках[11]. Аналогичная картина наблюдается и в чувашском языкознании. С точки зрения аффиксального состава словоформ проблема чувашских падежей имеет два аспекта: интерпретация нулевой формы и вопрос о падежном статусе некоторых аффиксов. По нашему мнению, необходимо соблюдать баланс между объективной реальностью языка и традициями грамматической теории. Так, безаффиксальная форма может быть во всех случаях интерпретирована как «основной падеж», аффиксы со спорным статусом должны быть хотя бы с оговоркой включены в падежную парадигму.

Наконец, в чувашском языке существует значительное количество полифункциональных аффиксов, часто не учитываемых в традиционных описаниях особенностей словоизменения. Их принадлежность к той или иной категории в чувашском языкознании является предметом дискуссии. По нашему мнению, несмотря на то, что такие аффиксы окончательно не включены в чувашском языкознании в систему грамматических категорий, их функции должны быть отражены в морфологической разметке корпуса.

Следует отметить, что согласно сложившейся в чувашском языкознании грамматической традиции[12], в чувашском языке выделяются следующие базовые морфологические классы: имена, глаголы и неизменяемые части речи. Однако и в них оговаривается, что разграничения между морфологическими классами выражены нечетко, особенно это касается разрядов имен, в частности, слово может квалифицироваться как существительное, прилагательное – все зависит от его синтаксической роли: имя существительное выступает как определение: *йывăç пӳртсем* «деревянные дома»; прилагательное может выступать в предложении в роли любого члена: *аслисене итлемелле* «старших надо слушаться».

В ходе разработки алгоритмов морфологической разметки чувствовалась зыбкость границ между словоизменительными классами не только в пределах имени. В частности, если к имени в чувашском языке присоединяются вербальные показатели (глагол изменяется по лицам), то он принимает в зависимости от синтаксических функций лично-числовые аффиксы – принад-

лежности (*манăн аллăм* «моя рука»), и в составе именного сказуемого маркеры лица (*эпир чăвашсем* «мы чуваши», *-сем* (аффикс 1 л. мн. ч.), в предложении прилагательное в роли актанта принимает именные показатели: *аслисене хисеплеççĕ* «старших уважают», а в случаях выполнения атрибутивной функции – функционирует в классе неизменяемых (*чул пӳртсем* «каменные дома»).

Лексические формы, относящиеся традиционно к разным морфологическим классам, часто принимают аффиксы одних и тех же морфологических категорий, что для программы является формальным основанием отнести их к одному словоизменительному классу.

В свете сказанного отметим, что модели словоформ верифицировались в монографиях чувашских лингвистов В.И. Сергеева, И.П. Павлова, Н.А. Резюкова, Ю.Н. Исаева и др., которые нужно дополнить инструментами так называемой «грамматики порядков», которые применяются в анализе агглютинативных языков[13]. Грамматике порядков как удобному инструменту описания агглютинативных языков, морфологии присущи такие требования, как грамматическая однозначность, фиксированная последовательность словообразовательных аффиксов и однократное появление в той или иной словоформе аффикса определенной граммемы.

Таким образом, для разработки морфологического стандарта в первую очередь необходимо описать систему морфологических параметров частей речи. Морфологический анализ тюркских словоформ, как известно, выделяет множество морфем слова и определяет порядок их следования в словоформе, т.е. морфотактические компоненты. С точки зрения разработчика тюркского морфологического анализатора база данных может состоять из лексикона (словарь корневых и аффиксальных морфем), морфотактических и фонологических правил, ибо фонология – это связь между лексической формой слова (уровень глубинного представления слов) и их реализацией (поверхностный уровень).

На первоначальном этапе создания архитектуры грамматического словаря чувашского языка обоснованным представляется создание словаря языка, который содержал бы частеречные пометы, не описанные фонологическими правилами чередования основ; компьютерная модель словоформы; морфотактические правила сочетаемости в пределах словоформы, фонетические правила (выбор алломорфов конкретного аффикса). Словарь языка (основ) должен представить размеченную базу данных, содержащую леммы-слова в начальной форме, ибо морфологическая именная информация в разметке текста включает такие пометы: а) словарная форма лексемы (основа словоформы), б) словоизменительные

характеристики (число, падеж существительного); в) справка об исключительной нестабильной морфологической форме, о нарушениях орфографических принципов.

Словарь можно извлечь из обратного словаря чувашского языка с использованием технологий СУБД MySQL. Приведем пример из обратного словаря чувашского языка:

пĕркенчĕк	епренчĕк	йӳрĕнчĕк	кубик
лӳчĕркенчĕк	тĕпренчĕк	вĕтĕнчĕк	тюбик
ӳркенчĕк	кӳренчĕк	витĕнчĕк	кăвик
пĕвеленчĕк	вĕçĕнчĕк	иртĕнчĕк	кĕввик
ейкеленчĕк	йӳçĕнчĕк	çинчĕк	большевик
тĕккеленчĕк	çӳçенчĕк	йӳнчĕк	грузовик
сиккеленчĕк	хĕрхенчĕк	кунчĕк	фронтовик
пĕркеленчĕк	чӳхенчĕк	тĕпчĕк	медик
сĕркеленчĕк	ĕшенчĕк	кӳпчĕк	таджик
чĕркеленчĕк	тĕвенчĕк	ӳкерчĕк	физик
хиркеленчĕк	енчĕк	фотоӳкерчĕк	кик-кик
вĕткеленчĕк	çийĕнчĕк	йĕнерчĕк	чĕлик-чĕлик
сӳткеленчĕк	чикĕнчĕк	сиктерчĕк	чилик
ĕшкеленчĕк	сӳркенчĕк	ĕçтерчĕк	кролик
вĕселенчĕк	вĕçкĕнчĕк	килĕштерчĕк	карлик
вĕрселенчĕк	сискĕнчĕк	лĕкĕрчĕк	академик
иккĕленчĕк	ӳкĕнчĕк	карчăк-кĕрчĕк	химик
иленчĕк	елпĕнчĕк	пĕрчĕк	комик
çилленчĕк	ерпенчĕк	лĕпĕрчĕк	ботаник
çĕкленчĕк	сирпĕнчĕк	сĕрчĕк	
кукленчĕк	ӳпĕнчĕк	питĕрчĕк	
силленчĕк	кӳпĕнчĕк	çихĕрчĕк	
кӳлленчĕк	сĕвĕренчĕк	кĕшĕк	
йĕпленчĕк	йĕрĕнчĕк	ешчĕк	
тĕрленчĕк	пĕрĕнчĕк		
исленчĕк	сĕтĕренчĕк		
сӳсленчĕк	питĕрĕнчĕк		
витленчĕк	тирĕнчĕк		
именчĕк	хирĕнчĕк		
тĕренчĕк	ӳрĕнчĕк		

На основе программного кода в системе Java в указанном словаре определить основы лексики, провести частеречную разметку.

Лексема	Грамматический класс	Основа	Аффиксы
автан	N	автан	–
автанпа	N	автанпа	-па
кĕнекерен	N	кĕнекерен	-рен

В чувашском языке, как и в других языках такого типа, как мы знаем, в отличие от флективных, основы не «искажаются». Однако в чувашском языке проявляются некоторые морфонологические явления, связанные с изменениями основ, в частности чередование конечных согласных *-у, -ӳ* с *- ăв, -ĕв* в существительных: *çыру* – письмо, *çырăва* – письму, письмо (дат. -винит. падеж); *вĕренӳ* – учение, учеба, *вĕренĕве* – учебе, учебу, учению, учение (дат. -винит. падеж); выпадение гласных и согласных: *пурнăç – пурăнăç* (жизнь); *пыр – пытăм* (пришел).

Формализованное представление морфологических характеристик произвольного текста на чувашском языке в электронном машиночитаемом формате на первоначальном этапе создания корпуса следует ограничиться в морфологической разметке информацией о грамматических категориях, явно выраженных аффиксами. Эффективность повысится путем введения фонологических и морфотактических правил.

Учитывая особенности морфотактики в чувашском языке, грамматические параметры именных слот можно подразделить, с одной стороны, на сложные и простые, а с другой стороны, на обязательные и факультативные. Что касается обязательности или факультативности параметра, то обязательный параметр должен быть приписан к любой словоформе определенного морфологического класса (в частности, существительные обязательно стоят в каком-либо падеже, нет «беспадежных» форм существительных). Факультативный параметр, помимо какого-либо конкретного значения, может также принимать отрицательное значение (отсутствие признака – существительные в чувашском языке могут и не выражать значение принадлежности).

В морфотактической схеме слота «Имя существительное» участвуют следующие классы аффиксов, связанных с обязательными параметрами падежа:

N CASESI – класс падежных аффиксов:
ЛФ: пӳрт (дом) + *-ĕн (-н) -ăн (-н)* (CASE GEN)
ПФ: пӳртĕн
ЛФ: пӳрт + *-е (-а)* (CASE DIR)
ПФ: пӳрте (дому)
ЛФ: пӳрт + *-ре (-те, -че)* + *-ра (-та)* (CASE LOC)
ПФ: пӳртре (в доме)
ЛФ: пӳрт + *-рен (-тен)* + *-ран (-тан)* (CASE ABI))
ПФ: пӳртрен (из дома)
ЛФ: пӳрт (дом) + *-пе (-пеле, -пелен)* (CASE ABL)
ПФ: пӳртпеле (домом)
ЛФ: пӳрт + *-сĕр (-сăр)* (CASE DER)

ПФ: пӳртсӗр (без дома)
ЛФ: пӳрт + *-шӗн (-шăн)* (CASE CAUSE)
ПФ: пӳртшӗн (из-за дома)

N SPLUR – класс аффиксов множественности
ЛФ: пула + *-сем* (имя существительное в N1), + *-сен* (имя существительное стоит в N2–N7 падежах)
ПФ: пулăсем, пулăсенче (рыбы, у рыб)

N Predicat – класс аффиксов сказуемости
ЛФ: пиччӗш + *-чӗ (-ччӗ)*
ПФ: пиччӗшчӗ
В морфотактической схеме рассматриваемого слота участвуют также классы аффиксов, связанных с факультативными параметрами:
N POSS – класс аффиксов поссесивности
ЛФ: пӳрт + *-ӗм (-ăм, -у , -ӳ, -ӗ, -и)*
ПФ: пӳртӗм

N INTENSIV – класс аффиксов интенсивности:
ЛФ: пурт + *-ах (-ех, -х)*
ПФ: пуртах

N PHAZA – класс фазовых аффиксов
ЛФ: ир + *-чен (-ччен)*
ПФ: ирччен

N ITERATIVE – класс итеративных аффиксов
ЛФ: ир + *-серен*
ПФ: ирсерен

N LOCATIVE – класс локативных аффиксов
ЛФ: хула+н+ *-а + -лла (+ -е + -лле)*
ПФ: хуланалла

В морфотактической схеме слота «Имя существительное» принимают участие также составные классы, связанные со сложными параметрами (как морфологический стандарт используются в разных типах поисковиков для сложной поисковой индексации). Рассматриваемые классы, образуемые с помощью послелогов и послеложных слов, имеют структуру (N+Aff Pp или N+Aff PW – здесь N – лексемы, имеющие именной тип присоединения аффиксальных морфем, Pp – послелоги, PW – послеложные слова):

1) N+Aff ***евĕр*** (наподобие, подобно, как будто, словно, как) Pp: *лакпа витнĕ* ***евĕр*** «словно покрыты лаком», *хула çыннисем* ***евĕр*** «наподобие городских», *пĕр* ***евĕр*** *хускануcем* «одинаковые движения»;

2) N+Aff ***валли*** (для, на, к) Pp: *ĕçлекенсем* ***валли*** «для трудящихся», *кашни ыйту* ***валли*** *унăн ответ хатĕр* «на каждый вопрос у него готов ответ», *виçĕ сехет* ***валли*** *кил* «прийти к трем часам»;

3) N + Aff ***витĕр*** (через, сквозь, в) Pp: *путвал* ***витĕр*** «через подвал», *юрпа çил* ***витĕр*** «сквозь снег и ветер», *кантăк* ***витĕр*** *пар* «передать в окно»;

4) N+Aff ***каçа*** (в течение, в продолжение) Pp: *çĕр* ***каçа*** «в течение ночи, всю ночь», *хĕл* ***каçа*** «всю зиму»;

5) N+Aff ***каçиччен*** (за, в течение) Pp: *кун* ***каçиччен*** «за день», *çу* ***каçиччен*** «в течение лета, за лето»;

6) N+Aff ***кура*** (по, в соответствии с, следуя, глядя на, по примеру) Pp: *телее* ***кура*** «по причине везения, счастья», *ĕçне* ***кура*** *тӳлеççĕ* «платят по труду»;

7) N+Aff ***май*** (по; вдоль; в соответствии с; сообразно с; ввиду того, что; вследствие того, что; по причине того, что; из-за; по мере того, как; в связи с; к) Pp: *çапăçу хĕрсе пынă* ***май*** «по мере того, как бой разгорался»; *çула* ***май*** *йывăç ларт* «сажать деревья вдоль улицы»: *лаши* ***май*** *пушши* «в соответствии с лошадью и кнут»: *сăмах* ***май*** «к слову»: *тĕтĕм мăкăрлантарнă* ***май*** «по мере того, как курили»;

8) N+Aff ***пек*** (как будто, вроде, кажется, словно, около, приблизительно, почти) Pp: *çăлтăр* ***пек*** «словно птица»; *эрне* ***пек*** «приблизительно неделя»; *ылтăнран тунă* ***пекех*** *çиççе тăраççĕ* «блестели, будто из золота»;

9) N+Aff ***пĕрле*** (вместе с; совместно с; воедино с; слитно с) Pp: *аппапа* ***пĕрле*** «вместе с сестрой»; *юлташсемпе* ***пĕрле*** *сӳтсе яв* «обсудить совместно с товарищами»;

10) N+Aff ***пирки***: (из-за, по причине, вследствие, ввиду; относительно, о, об). Pp: *тăвăл* ***пирки*** *ан кай* «не идти из-за бури»; *ĕç* ***пирки*** *юл* «остаться из-за дела»; *юрату* ***пирки*** *калаç* «говорить о любви», *чир* ***пирки*** *юл* «остаться ввиду болезни»;

11) N+Aff ***пула*** Pp: 1) из-за, по причине: *элеке* ***пула*** «из-за, по причине клеветы»; 2) благодаря: *туслăха пула* «благодаря дружбе»;

12) N+Aff ***пуçласа*** (с, от, начиная с) Pp; *çӳлтен* ***пуçласа*** «начиная сверху»; *килтен* ***пуçласа*** «от дома»;

13) N+Aff ***пуçне*** Pp: 1) кроме, исключая, за исключением: *апатсăр* ***пуçне*** «кроме еды», *санран* ***пуçне,*** *сансăр* ***пуçне*** «кроме тебя, без тебя, за исключением тебя, исключая тебя»; 2) с, на: Pp: *пахча* ***пуçне*** «с участка», *ĕне* ***пуçне*** «на корову»;

14) N+Aff ***çинчен*** Pp: 1) над; поверх; по; с; от: *ял* ***çинчен*** «над деревней»; *пукан* ***çинчен*** *пуçтар* «убрать со стула»; 2) о: *хыпарсем* ***çинчен*** *калаç* «разговаривать о новостях»; 3) на: *пин тенкĕ* ***çинчен*** *калаç* «сойтись на тысяче рублях»;

15) N+Aff ***çити*** (до, по); Pp: *сада* ***çити*** «до сада», *пилĕке* ***çити*** «по пояс»;

16) N+Aff ***çитиччен*** (до): Pp: *вун çичче* ***çитиччен*** «до семнадцати», *яла* ***çитиччен*** «до деревни»;

17) N+Aff ***тавра***: Pp: (вокруг, кругом, около) *уй* ***тавра*** «вокруг поля»;

18) N+Aff ***таран***): Pp: (до, вплоть до, по); *укăлча* ***таран*** «до околицы», *пилĕк* ***таран*** «по пояс»;

19) N+Aff ***тăрăх*** Pp: вдоль, по (направит. знач.); на основании, в соответствии с, смотря по; *ĕç* ***тăрăх*** *хакла* «оценивать по работе», *йышăну* ***тăрăх*** «на основании решения» и др.; *çип* ***тăрăх*** «по нитке», *çул* ***тăрăх*** «вдоль дороги»; *ял* ***тăрăх*** «по деревне»; *эрне* ***тăрăх*** «по неделям»; *килĕшнĕ* ***тăрăх*** «по договоренности»;

20) N+Aff ***тери*** (как, какой, до какой степени); *çав* ***тери*** «до такой степени», *тем* ***тери*** «очень, чрезвычайно, весьма»;

21) N+Aff ***урлă*** (через, поперек); *юханшыв* ***урлă*** «через реку», *çул* ***урлă*** «поперек дороги»;

22) N+Aff ***хирĕç*** (против, напротив, вопреки; навстречу; накануне, под, в канун): *кăмăла* ***хирĕç*** «вопреки желанию», *çиле* ***хирĕç*** «против ветра», *шăматкуна* ***хирĕç*** «накануне субботы», *ире* ***хирĕç*** «под утро»;

23) N+Aff ***хыççăн*** (за, после): *венчет* ***хыççăн*** «после венчания», *сан* ***хыççăн*** «за тобой»;

24) N+Aff ***чух (чухне)*** (во время, когда, в); *çамрăк* ***чух (чухне)*** «в молодости», *çулнă* ***чух (чухне)*** «во время косьбы», *ăшă* ***чух (чухне)*** «когда тепло»;

25) N+Aff ***юнашар*** (рядом с, вблизи, около): *сакпа* ***юнашар*** «рядом со скамейкой», *садпа* ***юнашар*** «около сада», *хулапа* ***юнашар*** «вблизи города»;

26) N+Aff ***яхăн*** (примерно, ориентировочно, около, приблизительно): *уйăха* ***яхăн*** «около месяца», *çĕре* ***яхăн*** «примерно сто», *метра* ***яхăн*** «приблизительно метр».

Мы вкратце рассмотрели информацию о грамматических категориях, явно выраженных аффиксами (можно было представить также информацию и о других именах, но это бы вышло за рамки запланированной статьи), что важно для стандарта морфологической разметки национального корпуса чувашского языка. Эффективность стандарта, как уже было сказано, также повысится путем введения фонологических правил. Фонологические правила состоят:

1) связь-соответствие между лексическим и поверхностным символами, в частности, соответствие М: Н - *çын+-сем* - *çын+ -сен*; 2) определяющие данное соответствие операторы (для обозначения их используются математические символы): а) => проявление соответствия только в данном контексте, но не всегда; б) <= проявление соответствия в данном контексте всегда, но не только в нем; в) <=> проявление соответствия в данном контексте всегда и только в нем.

Приведем примеры: 1) связь-соответствие (СС) 1 (фонемы чисто условные) М:Н =>А утверждает, что лексический символ М реализуется как поверхностный символ Н, только если за ним следует соответствие А:А, но не обязательно всегда М реализуется как Н перед соответствием А:А;

2) СС2 Р:Ч <= Ы, как видно, СС2 отличается от СС1 записью оператора <= И в ней утверждается, что лексический символ Т всегда реализуется как поверхностный символ Д, когда за ним следует соответствие Ы:Ы, но не обязательно Т реализуется как Д только перед соответствием Ы:Ы, т.е. соответствие Т:Д возможно и в другом контексте. Другими словами, это правило не позволяет соответствие Т:Т, если оно находится перед контекстом соответствия Ы:Ы;

3) в СС3 Т:Д <=> Ы утверждается, что лексический символ Т всегда и только реализуется как поверхностный символ Д, когда за ним следует соответствие Ы:Ы. Следует отметить, что в контекст правил входят также следующие символы: vocalic − как ∞ гласных (α), consonant − как ∞ согласных (t); rearV («hard») vocalic − А, Ы, О, У, Ю, Я − ∞ задних («твердых»)α; frontV («soft») vocalic − Э, И − ∞ передних, («мягких»)α, @) − любой символ алфавита. Приведем пример: Т:Н <=> [Ы:@Т | @:Н |А:А| Ы:@] +:@ (ЛФ: *çын+-тан* «çын» + [афф. исходного падежа] и ПФ: *санран* «с тебя» (*кăвар+-тан*, *путек+-рен* и т.д.). В контексте утверждается: лексический символ Т как соответствует поверхностному символу Н, если ему предшествует символ +, соответствующий любому символу из алфавита; далее может предшествовать или лексический символ Ы, который соответствует любому символу из алфавита, либо символ А, либо любой другой лексический символ, который соответствует поверхностному символу Н, либо символ М и далее ему предшествует лексический символ Ы, который также на поверхностном уровне может соответствовать любому символу из алфавита. Так можно описать все чувашские фонологические правила, которые будут отражать все фонологические явления в чувашском языке: законы сингармонизма, гармонию согласных, а также случаи и исключения, возникающие при «осложнении» ЛФ, рассмотренных выше

смысловыми отношениями (кстати, если внедрить функциональный подход и в фонологические правила, то это послужило бы базой для синтаксического анализатора (СА) для снабжения чувашских текстов детальной не только морфологической, но и предбазой синтаксической информации, когда даже современные существующие СА (в системах Dialing, ЭТАП и др.) эту базу создают «с нуля», имеем в виду отношения «субъект – действие», «объектные отношения», «темпоральные отношения», «каузальные отношения» и др. (если учесть то обстоятельство, что архитектура тюркских синтаксических анализаторов в корне отличается от русских в связи с их морфотактикой, автоматной морфологией и их функциональностью, что минимизирует проблемы, связанные со структурой текста (синтаксиса). Уместно отметить и то, что такой подход установил бы также «задел» для актуальной в современной лингвистике (и не только в лингвистике) для систем автоматизации построении онтологии.

Модели лингвистической информации, семантико-грамматические аннотации лексем, построенные на основе типологических особенностей чувашского языка можно представить в созданной лексикографической базе инверсионного, грамматического словаря – обратного словаря чувашского языка[14], ибо практическая значимость словарей такого типа заключается в группировке слов по одинаковому концу: для чувашского языка данный принцип особенно важен, так как аффиксы в нем располагаются справа от корня. Слова в инверсионном словаре в дальнейшем можно сгруппировать по морфологическому признаку (часть речи, наличие или отсутствие того или иного суффикса). В частности, анализ существующих обратных словарей на практике позволил нам представить многообразие суффиксальных средств имен в чувашском языке, их продуктивность. В обратном словаре имеются массивы слов (более тысячи), которые имеют определенный суффикс. При обработке суффиксов в словаре нами были отмечены слова, у которых суффиксы не вычленяются, наряду с производительными суффиксами в словаре зафиксированы непроизводительные суффиксы. Таким образом, анализ морфологических и морфонологических характеристик чувашского лексикона на основе обратных словарей еще раз доказывает практическую обоснованность создания обратного словаря с грамматическими дополнениями – грамматического словаря чувашского языка (таким же путем шло и создание грамматического словаря русского языка):

1) может выполнять функции грамматического словаря, если словарь будет иметь сведения по грамматическим классам, аспектологии, омонимии, орфографический или акцентологический варианты и т.д.;

2) если внедрить систему индексации, позволяющую указать словари-источники;

3) такие разделы, как морфология и словообразование, будут обогащены полным инвентарем – моделями словоформ.

Следует обогатить будущий грамматический словарь чувашского языка материалами новых словарей чувашского и русского языков, за счет чего расширится круг представленных в них характеристик. В перспективе обратный словарь с программной точки зрения может представить как базу данных и диалоговый интерпретатор запросов к базе данных в разработанной нами ранее системе Java (в этом смысле имеются опережающие нас работы, связанные не только с чувашским языком, но и в сопоставлении с русским)[15].

Таким образом, обратный словарь с перечисленными нами характеристиками, т.е. с наиболее полной информацией о грамматической характеристике лексики чувашского языка, может быть использован для квантитативного описания по широкому кругу морфологических характеристик, а также значительно расширил бы информационную базу Национального корпуса чувашского языка.

Концептуальный подход к стандарту морфологической модели корпуса чувашского языка (что является основой его модели морфологической разметки чувашских текстов) позволяет создавать формализованное представление морфологических характеристик произвольного текста на чувашском языке в электронном формате (в связи с этим следует отметить, что в татарской компьютерной лингвистике на основе разработанного ими морфологического стандарта ведутся работы уже в области морфологической коррекции татарского текста[16]. На первоначальном этапе создания Национального корпуса чувашского языка обоснованным представляется ограничиться в морфологической разметке информацией о грамматических категориях, явно выраженных аффиксами. Эффективность же автоматической разметки можно повысить путем введения дополнительных фонологических и морфотактических правил для морфологического анализатора.

Литература

[1] *Бускунбаева Л.А., Сиразидинов З.А.* Система разметок в национальном корпусе башкирского языка // Языки меньшинств в компьютерных технологиях. Йошкар-Ола, 2011. С. 46.

[2] Там же.

[3] Унификация систем грамматической разметки в корпусах тюркских языков (семинар UniTurk). Казань, 2014.

[4] Там же.

[5] Унификация систем ...

[6] Там же.

[7] *Koskenniemi K.* An Application of Two-Level model to Finnish // Folia Linguistica 14, 1985. PP. 19–42.

[8] *Желтов П.В.* Сопоставительно-сравнительное исследование морфем чувашского языка с применением формальных методов: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010.

[9] *Барахнин В.Б., Лукпанова Л.Х., Соловьев А.А.* Алгоритм синтеза словоформ казахского языка с использованием флективных классов / Труды 16-й Всероссийской научной конференции «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции», Дубна, Россия, 13-16 октября 2014 г. С. 108–112.

[10] См. подр.: *Исаев Ю.Н.* Словообразовательный и семантический анализ флористической терминологии языков различных систем. Чебоксары, 2010; *Сергеев В.И.* Именные части речи. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1994; *Федотов М.Р.* Тĕрĕк чĕлхисен танлаштаруллă грамматики. Шупашкар, 1975.

[11] *Сулейманов Д.Ш.* К вопросу о числе падежей в татарском языке // Исследования в лингвистике. Казань, 1996. С. 70.

[12] См. подр.: *Резюков Н.А.* Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959; *Сергеев В.И.* Указ. соч.; *Павлов И.П.* Хальхи чăваш чĕлхи: морфологи. Шупашкар, 1965.

[13] См. подр.: *Володин А.П., Храковский В.С.* Типология морфологических классификаций глагола (на материале агглютинативных языков) // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. М.: Наука, 1975; *Ревзин И.И., Юлдашева Г.Д.* Грамматика порядков и ее использования // Вопросы языкознания. 1969.№ 1.С.42–56; *Gleason H.* Introduction to descriptive linguistics. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1955. P. 503.

[14] *Желтов П.В.* Лингвистические процессоры, формальные модели и методы: теория и практика. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006; *Резюков Н.А.* Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959.

[15] См.: *Дмитриев А.П., Алексеев М.Б.* База данных, применяемых в программе чувашско-русского перевода // Труды казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике. Казань, 2010. С. 67–71.

[16] См.: *Гатиатуллин М.Р.* Технология морфологической коррекции татарского текста // Там же. Казань, 2000.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В.В. Никифорова

ФЕДОР ПАВЛОВ КАК ФЕНОМЕН ЧУВАШСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: *выдающаяся личность, дирижер, драматическое и прозаическое произведения, стих.*

Федор Павлович Павлов – выдающаяся личность в истории чувашской литературы, культуры и искусства. Драматург, поэт, композитор (один из основоположников профессиональной музыки), дирижер, активный общественно-политический деятель и организатор в сфере культуры, музыковед, критик, юрист. Он является одной из ярких, «универсальных» фигур, которых само время выдвинуло на арену истории. Его пьесы «Сутра» («На суде», 1917–1918), «Ялта» («В деревне», 1920) – классические образцы чувашской драматургии. Только перечисление этих граней может натолкнуть на мысль об особой одаренности или феноменальности личности Павлова.

Он прожил недолгую жизнь. Родился 13 (25) сентября 1892 г. в с. Богатырево (Салтыганово до 1917 г.) Ядринского уезда (ныне Цивильский район Чувашской Республики). Творческая деятельность продолжалась чуть более двадцати лет. В начале литературного творчества Ф. Павлов проявил себя как поэт. Свои юношеские стихотворения он объединил в рукопись «Памятник моей юности» (1909–1913). Цикл был создан в *симбирский период* (1907–1916), в годы учебы, затем – работы в Симбирской чувашской учительской школе. В это же время он записывает народные песни, гармонизирует некоторые из них, пытается создавать более сложные вокально-инструментальные произведения: сцены для солистов, хора и оркестра «Чӳк» («Моление киреметю») и «Вăйă» («Хоровод»). В 1908 и 1912 гг. Симбирской школой были изданы сборники «Образцы мотивов чувашских песен и тексты к ним». Во второй сборник вошли некоторые песни, записанные Павло-

Никифорова Вера Витальевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук.

вым в родном селе в 1907–1909 гг. Всего же Павловым записано около трехсот народных песен, десятки обработаны для хорового и сольного исполнения.

В Симбирской чувашской учительской школе (СЧУШ) началась «новая история чувашской музыки». Уровень музыкального обучения воспитанников здесь был весьма высок. 22 февраля 1913 г. в школе был поставлен спектакль «Жизнь за царя» (отрывки из оперы М.И. Глинки), а 23-го повторен для приглашенных лиц и любителей музыки из города. Дирижировали Федор Павлов и Степан Максимов. Федор также исполнил главную партию – Сусанина. Об этом событии весьма восторженно отозвалась губернская газета «Симбирянин». В симбирский период Ф. Павлов пишет на русском языке повесть «Лурский» и рассказ «Ошибка», работает над романом о студенческой жизни. Известно также, что он писал поэму-предание «Тевик» о чувашском богатыре. Рукописи этих произведений не сохранились.

В августе 1917 г. Ф. Павлов Чебоксарским уездным собранием выбран мировым судьей в с. Акулево Чебоксарского уезда. В *акулевский период* творчества (1917–1920) он организует в селе добровольную передвижную художественную труппу. Здесь он пишет пьесы, гармонизирует более десятка музыкальных произведений. В 1919 г. в Казани была создана чувашская секция губернского отдела народного образования. В конце года Федор Павлов начинает работать здесь инструктором искусств (музыка, пение и народный театр) губернии. Он курирует Ядринский, Цивильский и Чебоксарский уезды. На него возлагается ответственность в организации чувашских районных передвижных театров, народных хоров и музыкальных кружков. В июне 1920 г. он собирает I съезд работников искусств Чебоксарского уезда. В этот период он пишет стихотворение «Утро» (1919), статьи «День советской пропаганды», «Что дала революция искусству?».

После образования Чувашской национальной автономии (24 июня 1920 г.) Ф. Павлова назначают заведующим музыкальной секцией подотдела искусств Чувашского областного отдела народного образования, начинается *чебоксарский период* (1920-е – 1931) в его жизни и творчестве. Павлов чувствовал ответственность за все, что происходит в чувашской культуре. «Я прежде всего культурный работник. Свою служебную деятельность в силу этого не могу ограничивать исключительно служебными рамками»[1]. Он осознавал свое исключительное дарование («За все это время в Автономной области по части чувашской музыки работал почти я один, если не считать моих инструкторов и учеников, которые помогали мне по собиранию чувашских песен и по изданию небольшого сборника “Ача-пăча юррисем”. Это хорошие ра-

ботники – собиратели песен, но двигать наше искусство вперед они не пробовали, хотя, может быть, и имеют зачатки к тому»[2]) и мог бы жить спокойнее, больше времени уделяя собственному творчеству. Конечно, послереволюционная ситуация требовала, обязывала... Но у Павлова было также внутреннее стремление приобщать всех окружающих к *прекрасному* и осознание собственной ответственности перед лицом истории, поэтому он не мог уделять меньше сил и энергии музыкальному образованию масс. Осенью 1920 г. Павлов основывает первую в республике музыкальную школу, преподает там. Одновременно работает в Центральном чувашском педтехникуме, Чувашском рабфаке, Чувашской совпартшколе, издает детские песни в обработке (сборники «Ача-пăча сасси» («Голос детворы», 1921; «Сăрнай» («Волынка», 1924). В это время им написаны стихотворения «Аслă уя тухрăм» («Вышел во поле широкое») и «Тăпачă юрри» («Песенка цепов»), завершена работа над драмой «В деревне». Уже в начале 20-х гг. он задумывает глобальный труд под общим названием «Чуваши и их песенное и музыкальное творчество». Монография должна была проследить историю музыки чувашей от древности до современности. (Павлов успел опубликовать первый очерк в 1927 г.) В это же время он пишет статью «Чăваш музыки» («Чувашская музыка»), где впервые в чувашской науке делает обширную классификацию чувашских песен и мелодий, музыкальных инструментов, теоретически осмысливает проблемы ритмики, звукоряда и строя национальной музыки. Павлов – создатель и дирижер чувашского национального хора, автор первых произведений для него. В августе 1923 г. коллектив под руководством Ф. Павлова принимал участие в первой после образования СССР Всероссийской сельскохозяйственной выставке. На выставке коллективы демонстрировали свои обычаи, национальное искусство. В чувашском хоре в то время не было ни одного профессионального артиста, но своим непосредственным, ярким выступлением чуваши заняли третье место после украинцев и белорусов.

С середины 20-х гг. Павлов практически полностью погружается в музыкальное искусство, а также продолжает исследование истории чувашской музыки (статьи «Чăваш кĕсли» («Чувашские гусли»), «Чарăннă сасă: чăваш музыкин çухалнă тĕпĕ-йĕрĕсене шыраса» («Умолкнувшие звуки: по следам исчезнувших основ чувашской музыки»).

«Ф.П. Павлов, первым из музыкантов взявшийся за осмысление истории национального чувашского музыкального искусства, мыслил широкими категориями. В предисловии к задуманной им книге “Чуваши и их песенное и музыкальное творчество” он спроецировал историко-этнографическую периодизацию, раз-

работанную к 1920-м годам, на историю чувашской музыкальной культуры, выделив в ней “гуннский, булгарский и собственно чувашский периоды”. В 1929 году он опубликовал очерк “Умолкнувшие звуки: по следам исчезнувших основ чувашской музыки”, посвященный первому из названных периодов. Размышляя одновременно и над “собственно чувашским” периодом, Павлов определял и время зарождения национальной профессиональной музыкальной культуры европейской ориентации»[3]. «Из исследователей-специалистов только Ф.П. Павлов осмеливался поставить вопрос о периодизации истории чувашской музыки в древности»[4].

До середины 1920-х гг. сочинением музыки в Чувашии занимались только Ф. Павлов и С. Максимов (впоследствии начал писать В. Воробьев). Они же были первыми из композиторов Чувашии, сумевшими поступить в консерваторию. Им было тогда по 38 лет.

Ф. Павлов – автор одного из первых сборников хоровой музыки «Чăваш юррисем: Ф.П. Павлов хитрелетнĕ сăвăсем» (1919). (Автор другого сборника – С.М. Максимов.) Это были обработки чувашских народных песен. Они имеют значение в истории музыки России в целом. В «Истории музыки народов СССР» сообщается, что в национальных провинциях России «записи народных мелодий служили материалом для разнообразных обработок, которые входили в репертуар профессиональных и самодеятельных коллективов...»[5] И приведены только два примера – сборники С. Максимова и Ф. Павлова. Можно сделать вывод, что в тот период такие издания были в стране единичны.

Для Чувашии Павлов был образованнейшим человеком своего времени. Он закончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1911), Симбирскую духовную семинарию (1916), учился в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте. В стенах этих учебных заведений Павлов получил знания по всеобщей истории, истории западноевропейской и русской литературы, иностранному языку, музыке, тюркологии, географии и антропологии. Разными науками, по воспоминаниям самого Павлова, он «занимался довольно серьезно»[6], «попутно с семинарской наукой... изучил всеобщую историю, физику, историю западноевропейской литературы, историю русской общественной мысли и французский язык»[7]. За год до кончины Павлов поступает в Ленинградскую государственную консерваторию по классу композиции. Помимо этого, он всю жизнь занимался самообразованием. Его интересуют античное и древнеегипетское искусство, Средневековье и Возрождение, декаданс, символизм, футуризм... Огромный талант в сочетании с хорошим образованием, посто-

янное стремление *узнавать и создавать новое*, по всей видимости, являются основой его художественных открытий.

Мир художника Павлова многогранный, но цельный. *Прекрасное* есть формула его творчества. Он во всех сферах деятельности стремился к красоте, гармонии, пытался понять ее законы и выразить их в своем творчестве. Помогал и другим приобщаться к этой красоте, где бы он ни работал. В любом из своих литературных героев он искал *нераскрытые человеческие черты.* В любой области он создавал совершенные образцы, которые со временем только приумножают свою значимость. Свою эстетическую концепцию Павлов более всего выразил в статье «Хитре» («Прекрасное», 1923). Статья имеет подзаголовок «Чăваш юррисене сăнанисем» («Наблюдения над чувашской песней»), в ней содержится не только анализ чувашских песен, но и размышления о национальном понимании прекрасного. Ф. Павлова по праву можно считать и основателем чувашской эстетики.

Внутренние творческие порывы Павлова, по всей видимости, легко достигали согласия с внешним миром. «В этом произведении (обработка песни «Чĕнтĕрлĕ те кĕпер». – *В.Н.*) с наибольшей полнотой выразилось творческое кредо Павлова – подчиненность сильнейших внутренних переживаний объективной красоте мира, его вечного движения»[8]. Современник Павлова Т. Парамонов вспоминал о нем: «Ф. Павлов в Ульяновской чувашской школе (еще учеником) умел заставить хор петь, можно сказать, очень красиво, непринужденно. Потом, став преподавателем пения, начал дирижировать и хором, и симфоническим оркестром. Уже тогда можно было удивляться уместным красивым движениям его рук, всего тела, организующим движения души хористов, вдохновляющим их»[9]. «Ф. Павлов любил музыку, он отдавался ей со всем пылом своей артистической натуры»[10].

Несомненно, Павлов прежде всего сам был гармоничной личностью. «В школе Ф.П. Павлов держал себя очень скромно, в ученических шалостях редко принимал участие. На первый взгляд он казался довольно застенчивым мальчиком. Лицо у него было всегда улыбающееся. Он легко сходился с товарищами, было у него много искренних друзей среди сокурсников. Его внешность, выражение его лица, какой-то приятный огонек в его глазах невольно привлекали к нему»[11]. «По своему характеру Ф.П. Павлов был прост, добродушен, общителен со всеми, доступен каждому, гостеприимный, трудолюбив и обаятелен»[12]. Одноклассники также вспоминали, что он неплохо рисовал, любил посещать театр, особенно оперу[13].

Павловым написаны всего два драматических произведения на родном языке – комедия «Сутра» («На суде»), драма «Ялта» («В де-

ревне»). (По воспоминаниям его симбирского товарища Т.П. Парамонова, им была написана комедия «Балбес» на русском языке[14]. По словам писателя М.П. Удалова, также Ф. Павлов «писал драматическое произведение на тему колхозного строительства, где использовал стихотворение “Çăпата”»[15]. Рукописи не сохранились, больше нигде не упоминаются.)

Тяга к драматическому искусству проявилась у него уже в ранней юности. Обращение Ф. Павлова к жанру драмы отчасти связано и с сознательным моментом. Театр, а вместе с ним и драматургия в этот период играли важнейшую роль в жизни общества. Павлов считал, что театр способен объединить все виды искусства. Значит, он несет ответственность за их развитие: «Одним словом, театр хранит в себе все искусства. Наше чувашское искусство только зарождается. Если не будет театра, нам придется развивать каждое искусство в отдельности. На это у нас, у чувашей, сейчас и людей вряд ли хватит, и знаний. А за некоторые искусства мы и взяться не сможем. Если красивые мелодии, песни не будут звучать в театре, чувашский народ их и не услышит, у сочинителей тоже не будет желания сочинять ещё и ещё. <...> Чувашские драматурги, если не ставить их драмы в театре, впредь не напишут ни одной драмы. Так же и остальные.

Чтобы искусства развивались, крепли, их надо собирать в театре. Надо создать в театре одну семью для всех искусств»[16].

Не менее значим театр (а следовательно, и драматургия) для развития личности, как полагал Ф. Павлов. Он должен помогать народу почувствовать и понять, что есть *прекрасное*. В 20-е гг., в годы культурной революции, такое понимание становится ещё актуальнее.

С возникновением профессионального театра в 1918 г. драматургия стремительно развивается, и в тесной взаимосвязи с ним. В казанский период (1918–1920) театром были поставлены следующие оригинальные пьесы чувашских драматургов: драма М. Акимова-Аруя «Вăхăтсăр вилĕм» («Безвременная смерть», 1918), пьесы Г. Тал-Мрза «Кам айăпĕ?» («Чья вина?», 1919), «Çĕнĕ пурнăç шурăмпуçĕ» («На заре новой жизни», 1919), комедия Ф. Павлова «Сутра» (На суде, 1917–1918). Это были пьесы, появившиеся в результате естественного развития драмы 20-х гг. (основное направление в литературе данного периода), вошедшие впоследствии в чувашскую литературную классику.

«Драматургия 20-х годов есть художественно-эстетическая матрица, художественный ориентир всей последующей чувашской драматургии. Ее “код” данного периода во многом определяет и современное состояние уровня художественности драмы и театра. Творчество таких крупных художников слова, как М. Ка-

рим, Т. Минуллин, Н. Терентьев, подпитывалось поэтикой драмы 20-х годов»[17]. К пьесам этого периода чувашские театры обращаются снова и снова. За 80 с лишним лет чувашский театр 8 раз обращался к поэме «Нарспи», композиторами Пустыльником и Г. Хирбю были поставлены оперы, А. Асламасом – балет, в 2000 г. была снята телепоэма с участием артистов Чувашского театра юного зрителя, а в 2008 г. состоялась премьера рок-оперы по поэме (Чувашская государственная филармония). К пьесе «В деревне» обращались 8 раз – (последняя постановка осуществлена в 2005 г.), 10 раз – к драме «Айдар» (10-я постановка осуществлена в 2006 г., причем Чувашский театр юного зрителя обратился к первому варианту драмы). Иными словами, драматургия 20-х в лице М. Акимова-Аруя, Г. Тал-Мрза, Ф. Павлова, П. Осипова смогла почувствовать и выразить духовные основы национальной жизни.

Комедия «На суде» и драма «В деревне» – шедевры чувашской драматургии.

«На суде» впервые поставлена в конце 1917 г. Акулевским передвижным театром, которым руководил сам автор[18]. В 1919 г. её сыграли и на сцене Чувашского театра. «Одноактная комедия» (определение автора) имеет три редакции. Первая редакция была осуществлена после премьеры в Акулеве и датирована 3 января 1918 г. В 1919 г. в 5-м номере журнала «Шурăмпуç» («Заря») опубликован второй вариант пьесы. После публикации Павлов ещё раз вносит коррективы. Третий вариант рукописи впоследствии был передан автором Центральному чувашскому музею. Впоследствии комедия переиздавалась много раз, ставилась на сценах и профессиональных, и любительских театров.

Сюжет комедии основан на семейно-бытовых отношениях. В суде рассматривается дело старика Ухтеркке и его снохи Степаниды. Похожие ситуации, а именно связанные с судебными разбирательствами, встречаются и в его рассказах «Ваккат» («Адвокат», 1924), «Ăслă шăшисем» («Умные мыши», 1925). Вскользь упоминается, что сын Ухтеркке (муж Степаниды) был расстрелян за «бунт». Главный герой и его сноха вынуждены жить вместе и после его смерти. Казалось бы, дело пустяковое: в семье постоянные ссоры и перепалки, сноха стала плохо кормить старика и однажды даже выгнала из дома, столкнув с крыльца и кинув вдобавок сухим навозным комом. Нужно суду выяснить степень вины каждого и установить меру наказания. Но, оказывается, сделать это не так-то просто. Герои постоянно «уводят» действие в сторону, сами себе противоречат. Современные исследователи определяют пьесу как общественную, национально-бытовую комедию[19].

Ухтеркке, с одной стороны, наивен, невежествен, полон суеверий и предрассудков, мелочен, придирчив к снохе, но в то же время – доверчив, правдив, честен, искренен, добр и благожелателен к людям. Он даже не против того, чтобы Степанида привела в дом другого мужа. Видимо, именно эти положительные черты являются доминирующими в природе старика. Но они отодвинулись на задний план под жизненными тяготами, ненормальными человеческими отношениями. Эта «святая простота» делает образ живым и узнаваемым. Иными словами, пьеса гораздо глубже, чем представляется на первый взгляд. Ситуация, обозначенная в комедии, по большому счету, является вечной – через нее проверяется *человеческое* в человеке. Через нее же Павлов исследует разные стороны национального характера. Суд для Ухтеркке, который в жизни никого не обманул, – самая высшая инстанция. Он верит в его справедливость и силу. И даже в мыслях не может допустить, в частности, что сообщение об участии сына в бунте может иметь самые неожиданные последствия. «Возможно, Ухтеркке просто не отделяет официальный суд от мирского суда чести и правды (на сходке, на собраниях), что веками практиковался в народе и чей опыт идеализировался в фольклоре»[20]. И герой вполне искренне полагает, что по решению суда невестка станет его больше уважать.

В современном литературоведении существует точка зрения, что жанр произведения может быть определен как трагикомедия (Г. Федоров). Действительно, судьбе ни одного героя не позавидуешь: у Крахьян и Степаниды погибли мужья на фронте, а у Ухтеркке – сын. Война исковеркала жизнь Василия Криворотова. В некоторых моментах наивный Ухтеркке делает глубокие обобщения: «Ухмах мар-и эпир? Хут вĕрентмен пире? Пĕр çĕр чавалама вĕрентнĕ те, çĕр чаваласах вилетпĕр? Вилсен те вара çăвара карса выртатпăр»[21] (Не дураки мы разве? Грамоте нас не учили. Учили только в земле копаться. Так и умрем, в земле ковыряясь. Умрем и вытянемся, разинув рот). Возможно, главный герой сам и не осознает горечь таких обобщений. Но в этой самоиронии, недосказанности, недоговоренности скрывается неудовлетворенность своим нынешним положением. Одновременно чувствуется и смирение, на которое, как известно, способны немногие. Когда же Ухтеркке вспоминает погибшего сына, голос трагедии слышится ещё сильнее: «Э-е, ман ывăл-и? Ман киле таврăнимарĕ, салтакрах пуçне çирĕ, мăнтарăн ачи... *(Хуллен.)* Ăна унта пунттă тунăшăн персе пăрахнă тет. Эсĕ, хăспатин миравай, никама та ан кала... *(Хытă.)* Эпĕ вăл вилнине тĕлĕкрех куртăм...»[22] А-а... Мой сын-то... Не вернулся он домой, в солдатах голову сложил, бедняга... *(Шепотом.)* Его там за бунт, говорят, расстреляли. Ты, госпо-

дин мировой, никому не говори... *(Громко.)* Его смерть я даже во сне видал...»[22]. Старик начинает рассказывать свой сон, его, как всегда, перебивают, и вновь *комическое* вступает в свои права. Недоговоренность, недосказанность создают подтекст произведения, который, в свою очередь, выявляет неоднозначность образа Ухтеркке. Тем не менее в атмосфере пьесы комическая тональность гораздо сильнее. Для того, чтобы определить жанр как трагикомедию, необходимо равносильное противодействие комического и трагического начал. Следует также учесть жанровое определение самого автора.

События в драме «В деревне» развиваются в чувашской деревне в годы Первой мировой войны. Рушится счастье молодой семьи – Елюк и Ванюка. Главная героиня пьесы – Елюк. Она центр любовного треугольника Ванюк – Елюк – Степан. Через этот образ организуется и разрешается конфликт. Сюжет пьесы напоминает известный сюжет русских народных сказок «муж на свадьбе своей жены». Но финал чувашской пьесы не оправдывает ожиданий. Жена не возвращается к первому мужу, а он убивает не соперника, как должно быть по логике сказки, а жену. Такой неожиданный поворот событий свидетельствует о том, что образы чувашского драматурга гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

В конце XX в. жанр пьесы определяли как психологическую драму (В. Егоров), народно-психологическую драму (В. Родионов, К. Кириллов). Драматург смог проникнуть в самые глубины характера своих персонажей. Вместе с тем в драме речь идет и о социальных (деревня – отдельное общество) взаимоотношениях. Нельзя забывать и о том, что в пьесе присутствует противостояние богатых и бедных. Недаром Прчкан, мачеха Елюк, предупреждает её, что она дочь богатого человека и не должна забывать об этом. Когда она выходит замуж за Ванюка, жизнь её сильно меняется: Ванюк беден. Иными словами, правомерно определять драму как социально-психологическую. Погружение в «тайны народной стихии» (В. Родионов, К. Кириллов), всестороннее исследование психологии человека наблюдаются в 1920-х гг. в литературе многих народов. В литературе соседнего марийского народа, в частности, можно выделить творчество М. Шкетана (драмы «Сардай»,1922; «Ачийжат-авийжат...» («Эх, родители!»,1923–1928; одноактные комедии).

Главная героиня пьесы Елюк является *средоточием* возникновения и разрешения конфликта. К «безгрешному ангелу Божьему» тянутся и Ванюк, и Степан. Вечная ситуация – любовный треугольник. Павлов, как тонкий психолог, сумел понять и раскрыть сложный внутренний мир молодой женщины. Душа её

огромна, Елюк способна пожалеть и своего несчастного мужа, и бессильного перед ней Степана. Она верно ждала своего мужа, но её убедили, что любимого нет в живых. Её сердце и разум не в состоянии смириться с потерей самых близких людей – ребенка и Ванюка. Все это время Степан пытается прокрасться в сердце Елюк. Подсознательно женщина боится, что может сделать шаг навстречу мужчине, «прилетевшему к ней, как большая птица». В состоянии аффекта Елюк бросается в воду, и спасает её именно Степан. Опомнившись, Елюк осознает всю греховность своего поступка и в первую очередь просит прощения у «добрых людей». Для чуваша издревле была важна оценка его поступков окружающими, поэтому он старался жить так, чтобы люди не могли сказать о нем ничего дурного.

Почему же Елюк отказывается вернуться к своему первому мужу? Она его сильно любила, значит, Ванюк был равным ей во всех отношениях. Степан же не чувствует взаимности и слаб перед ней. Его судьба в руках Елюк, и она это понимает. К тому же Степан ей спас жизнь. Поэтому Степану она говорит, что он не увидит с ней счастья, а любимому – что даже если она к нему и вернется, ей не найти с ним счастья. Она его долго ждала. А он, вернувшись, ничего не стал выяснять, сразу начал её упрекать. Любовь в сердце мужчины уступает место чувству собственности. Елюк понимает, что даже если она и вернется к нему, Ванюк будет всю жизнь напоминать ей о прошлом. Другая причина: Елюк верит, что такова Божья воля.

Ванюк изначально внушает впечатление положительного героя. Но его револьвер, к сожалению, «стреляет не туда». В эпоху советской власти (вплоть до 1970-х гг.) критики упрекали автора в том, что пуля, пущенная Ванюком, попадает в Елюк, вместо того, чтобы убить Степана[23]: «Ванюк ещё не возвысился до революционного протеста»[24]. Возможно, даже сам автор не предполагал, что в состоянии аффекта Ванюк убьет не соперника, а жену. Но Ф. Павлов, как большой художник, смог почувствовать внутренние закономерности развития произведения и подчиниться его логике. В гневе Ванюк ничем не лучше Степана. Он становится грубым и жестоким. Конечно, у него от природы взрывной характер. Он любит Елюк, но по-своему, как то, что принадлежит ему. По-другому не может, не умеет. Из плена он убегает в первую очередь из-за Елюк. Как романтический герой, он «хотел отрастить большие крылья, чтобы прилететь к ней». И как же его встретили? В деревне – свадьба его жены... Это находится за пределами понимания любого человека. Испепеленная душа солдата тем более не в состоянии это воспринять. Но Ванюк подсознательно почувствовал, что даже если он устранит соперника, Елюк

к нему не вернется: и у неё душа испепелена. Все это заставляет его направить оружие на Елюк.

Образ Степана вплоть до 1980-х гг. воспринимался как отрицательный. Действительно, в нем много отталкивающего: он груб, жесток, хитер. Но Ф. Павлов сумел и в его душе увидеть луч света – чувство к Елюк. Он искренне её любит. Возможно, злобному герою хочется очиститься, прикоснувшись к чистоте. Одно можно утверждать точно: в любом человеке можно найти каплю человечности. Степан же не смог перешагнуть через ребенка Елюк.

В названии пьесы содержится и символический план. Деревня – не только место бытования его жителей. Свою жизнь и поведение они корректируют в соответствии с нравственным кодексом данного сообщества. Деревня для них священное место, высший судья. Обряд, народно-песенное творчество также прочитываются в таком контексте. Это не просто этнографический материал или средство для раскрытия душевного состояния героев. И через них автор отражает извечные понятия, своеобразие категории *национального*.

Изначально в пьесу включено 10 песен: лирические бытовые, обрядовые и игровые. В лирических бытовых песнях отражаются важные моменты жизни Елюк. Хороводная игровая песня «Пĕчĕк çеç путене» («Крошка-перепелка») обрамляет эпизод спасения Елюк Степаном. Она поется до того, как Елюк идет топиться, и после, когда Степан её вытаскивает из воды; как бы безжалостно «привязывает» Елюк к мужчине:

Ай-хай пиччe Çтаппан пур,
Елюк инкене юратать,
Юратать, юратать,
Чăнахах та юратать.

Ай да наш Степан
Тетю Елюк любит,
Любит, любит, любит,
В самом деле любит.

Обрядовые песни относятся в основном к свадебному фольклору, кроме старинной рекрутской песни «Çăлтăр витĕр çул курнать» («В свете звезд видна дорога»). Это была первая чувашская пьеса, в которой был так *богато представлен* песенный фольклор. Песни играют важнейшую роль в поэтике произведения в целом: их тексты являются как бы параллелью вызревающей в пространстве пьесы трагедии. Они организуют внешне праздничную атмосферу свадьбы совершенно противоположных Елюк и Степана, за которой интуитивно ощущается трагический финал. По степени

органичности вплетения в ткань повествования народно-поэтического пласта с пьесой Ф. Павлова могла бы сравниться пьеса марийского драматурга С. Чавайна «Мӱкш отар» («Пасека», 1926 –1928), в которой рассказывается о судьбе марийской девушки Клавий.

Впервые драму «В деревне» поставили 1 декабря 1922 г. перед делегатами областного съезда Советов. Ванюка сыграл талантливейший современник Ф. Павлова И. Максимов-Кошкинский, Елюк – актриса О. Ырзем. Уже через несколько дней пьесу стали готовить к постановке любительские коллективы по всей Чувашии. В спектакле принимал участие только что организованный Ф. Павловым Чувашский национальный хор.

Чувашский театр с момента премьеры восемь раз обращался к этой пьесе. Восьмая постановка состоялась в 2005 г. Каждый раз это было новое прочтение бессмертной драмы. В истории драмы были случаи кардинальной переделки произведения. В частности, наиболее известен вариант (переделка финала), поставленный в 1932 г. режиссером Г. Парне и его помощником Н. Айзманом. На сюжет драмы «Ялта» («В деревне») композитор А.Г. Орлов-Шузьм в 1969 г. поставил оперу «Çăлтăр витĕр çул» («Звездный путь»).

Из поэтического наследия Ф. Павлова сохранилось около сорока стихотворений, в том числе рукопись «Памятник моей юности». Она подготовлена в 1913 г. в Симбирске. (В целом стихи датируются 1908–1913 гг.) Тексты рукописи разнородны: в них есть и школьные сочинения, и письма-послания в стихах, и экспромты. Сам Павлов собственное стихотворное творчество воспринимал как нечто развивающее чувство прекрасного. Цикл не вошёл в контекст современной литературы по объективным обстоятельствам: автор хотел уничтожить свои сочинения, но его товарищ по СЧУШ Т. Парамонов сохранил рукопись. В то же время и в стихотворениях Ф. Павлова не чувствуется влияние современных событий (годы реакции после первой русской революции), идеологии и «классовой борьбы». Это лирика в классическом понимании.

В качестве эпиграфа к рукописи поэт написал следующее: «Пишите стихи, господа! Это хорошее дело и всегда развивает в Вас Ваш художественный вкус. Ф. Павлов». Здесь представлена в основном пейзажная и любовная лирика. Есть несколько шуточных текстов: «Уцелевшие отрывки из послания к “Гурко” (Т. Макс)» (1909–1911), «Послание к Александровичу (из черновика)» (1909 –1910), «Моя подпись» (1910). В рукописи было около сорока стихотворений, часть листов вырвана, поэтому сохранилось меньше. Из них четыре написаны на чувашском языке: «Вĕлле хурчĕ»

(«Пчелка»,1910), «Экспромт» (1910), «Савнă хĕр...» («Милая», 1912), «Йăсăркка» («Метелица», 1913). Они общеизвестны. Композиция «Пчелки» основана на образном параллелизме, характерном для устного народного творчества. Песня, сложенная на это произведение самим Павловым, перешла в разряд народных. Любовь в поэзии Павлова представлена как чистое, священное чувство, облагораживающее человека. Тексты отличает простота и ясность композиции. В стихотворениях, написанных на русском языке, чувствуется влияние поэзии А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова («Опять воздушное виденье», «Подражание Лермонтову», «Мой демон»), представителей течения «чистой поэзии» А. Фета, Я. Полонского, А. Апухтина («После грозы», «Осенние аккорды», «Звукам залетной любви», «Ноктюрн», «Милая крошка»). О немаловажной роли в формировании его поэтического мировоззрения творчества А. Фета он высказался в одной из бесед с поэтом Петром Хузангаем[25]. Как и чувашские тексты, стихи, написанные на русском языке, проникнуты музыкальностью. Повторы и строфика некоторых произведений сопоставимы с особенностями русских романсов. В некоторых стихотворениях, написанных уже после революции 1917 г., чувствуется отпечаток времени, в них отражаются изменения, происходящие в обществе («Чухăнсен юрри» – «Песня бедняков», 1919 – переосмысление народной песни, «Тăпачă юрри» – «Песня цепов», 1922). Тем не менее даже эти тексты излишне не идеологизированы. Нужно также учесть, что они были написаны как тексты песен и предназначены для исполнения хором. Коллективы, созданные революционной эпохой, естественно, не могли не откликнуться на «социальный заказ» времени.

У Ф. Павлова известно около 30 статей, очерков, заметок, опубликованных в разных изданиях. В научных работах Павлову удавалось гармонично сочетать анализ проблем теории и практики, истории и современности («Революци искусствăшăн мĕн турĕ?» – «Что дала революция искусству?»; «Чăваш тĕп театрĕ» – «Чувашский главный театр»; «Хитре» – «Прекрасное») и др. В критике и публицистике Ф. Павлов предстает как хороший знаток освещаемой проблемы, будь то экскурс в историю или современные события. Та или иная тема освещается им, как правило, в широком историческом и культурологическом контексте. Ф. Павлов был одним из немногих, кто мог обозначать актуальные задачи своего времени и предлагать пути их решения. Следует отметить, что Павлов интересовался не только проблемами культуры и искусства. В его поле зрения находились педагогика (статья «Пăхман ача – преступник» – «Беспризорное дитя – преступник», 1923) и методика преподавания. Им написано не-

сколько стихотворений для детей («Наняпа амăшĕ» («Наня и мать», 1922), «Шăпăр» («Пузырь», 1922). Будучи членом Общества изучения местного края, он интересуется абсолютно всем, что связано с его родиной. К примеру, в 1924 г. на одном из заседаний Общества он делает сообщение о пещере, обнаруженной при строящейся бане Облкоммунотдела, а в начале следующего года в газете «Канаш» публикует статью «Тата вăрман ĕçĕ çинчен» («Ещё раз о лесных делах»). Затрагивая насущные вопросы в одной области, он зачастую выявлял нерешенные в другой. В статье «Библиографине кăтартакан кĕнеке» («Библиографический справочник», 1923) Павлов, отталкиваясь от необходимости такого справочника для учащихся, ведет речь о том, что он нужен вообще для тех, кто «принимается за работу о чувашах». Нужно полагать, что сам Ф. Павлов просмотрел большую часть из того, что было написано за 300 лет о чувашах, об этом свидетельствует анализ множества исследований о чувашах и их песенно-музыкальной культуре в очерке «Чуваши и их песенное и музыкальное творчество». Можно предположить, что эта заметка послужила толчком к созданию книги «Русские писатели о чувашах» (1946, 2009) Хв. Уяром и И. Мучи. Оценивая деятельность чувашских художников, он поднимает серьезнейшие вопросы: каким должен быть национальный художник, каким должно быть содержание национальной живописи? («Картина выставкинче» – «На выставке картин», 1927; «О картинах Спиридонова»).

Ф. Павлов является также автором прозаических произведений, в том числе шуточных, сатирических рассказов на злобу дня. В них в наглядной форме и с теплым юмором по отношению к старому объясняется суть нового, послереволюционного мироустройства («Ишекелле» – «В Ишаки», 1919; «Ăслă шăшисем» – «Умные мыши», 1925); обличаются проступки и поведение мелких чиновников («Ялсоветла выляни» – «Игра в сельсовет», 1927; «Задачăсем» – «Задачи», 1929; «Майра ухатникĕ» – «Охотник за женщинами», 1929).

Умер Федор Павлов в самом расцвете сил, 2 июня 1931 г., в Сочи, куда поехал на лечение.

Яркая и многогранная деятельность Ф.П. Павлова свидетельствовала о его особой одаренности. Феноменальность Павлова выражается в способности одинаково талантливо творить во многих областях, мыслить масштабно и на столетие вперед. Возможно, по отношению к Павлову работает формула «все гениальное просто»: стиль Павлова не осложнен излишними украшениями и силлогизмами, но простой и в то же время глубоко научный (если это научная работа) и высокохудожественный (если художественное произведение). Но в этой простоте соединяются

профессионализм и национальный дух. Современники высоко ценили его талант и признавали лидерство в музыкальном творчестве. «Если бы был жив Федор Павлович, я спокойно ушел бы в теоретическую и музыкально-этнографическую специальность...» – писал С.М. Максимов В.П. Воробьеву[26]. По его словам, можно было надеяться, что Павлов возьмет на себя ответственность за решение организационных и иных, не очень приятных для творческой личности дел. Ранняя смерть Павлова была огромной утратой для чувашского народа.

Литература и примечания

[1] *Павлов Ф.П.* Моя автобиография. 1923 г. // *Павлов Ф.П.* Çырнисен пуххи: поэзи, драматурги, проза, очерксем, статьясем, рецензисем, çырусемпе аса илӳ, асăрхаттарусем = Собрание сочинений: поэзия, драматургия, проза, очерки, статьи, письма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. С. 478.

[2] *Павлов Ф.П.* Письмо к С.М. Максимову // Там же. С. 466.

[3] *Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЭР СЭ, 2007. С. 18.

[4] Там же. С. 23. Понять, насколько было масштабным начинание этого гениального человека, можно и в следующем контексте: замысел Павлова осуществился только спустя 80 лет – доктор искусствоведения М. Кондратьев в 2007 г. издал монографию «Чувашская музыка», в которой освещается история чувашской музыки от мифологических времен до современности.

[5] Советское музыкальное строительство в первые годы после Октября // История музыки народов СССР. Т. 1. 1917–1932. М.: Советский композитор, 1970. С. 45.

[6] *Павлов Ф.П.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Чебоксары, 1962. С. 167.

[7] *Павлов Ф.П.* Собрание сочинений: поэзия, драматургия, проза, очерки, статьи, письма. С. 475.

[8] *Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. С. 253.

[9] Цит. по: *Кондратьев М.Г.* Основоположник чувашской профессиональной музыки // Федор Павлов – композитор и драматург. Чебоксары: 1984. С. 8.

[10] НА ЧГИГН. Отд. 5. Ед. хр. 90. Инв. № 391. *Максимова (Эсливанова) К.Н.* Воспоминания о Симбирской школе и Ф.П. Павлове. Л. 9.

[11] НА ЧГИГН. Отд. 5. Ед. хр. 90. Инв. № 389 (*Трофимов М.* Воспоминания о чувашском композиторе Ф.П. Павлове). Л. 2.

[12] НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 2308. Инв. № 8745. (*Обухов Я.А.* О бывшей Симбирской чувашской школе (СЧУШ) и её инспекторе И.Я. Яковлеве).

[13] Там же.

[14] Ăнлантарусем = Комментарии // *Павлов Ф.П.* Собрание сочинений: поэзия, драматургия, проза, очерки, статьи, письма. С. 481.

[15] НА ЧГИГН. Отд. 5. Ед. хр. 90. Инв. № 375 (*Иванов А.И.* Материалы командировки в Ленинград с целью изучения жизни и деятельности Ф.П. Павлова). Л. 8.

[16] *Павлов Ф.П.* Чăваш тĕп театрĕ (Чувашский главный театр, 1922) / пер. И. Митта // *Павлов Ф.П.* Собрание сочинений: поэзия, драматургия, проза, очерки, статьи, письма. С. 313.

[17] *Кириллов К.Д.* Особенности становления и развития чувашской драматургии в контексте тюркских литератур Урало-Поволжья (20-е годы): дис. ... канд. филол. наук. М., 1991 // НА ЧГИГН. Кн. пост.13. Инв. № 6690. С. 140.

[18] *Вăçанкка Н.* Редактор асăрхаттарнисем // *Павлов Ф.П.* Ялта. Сутра. Пьесăсем. Шупашкар: Чăвашиздат, 1934. С. 80.

[19] *Родионов В.Г.* Ф. Павловăн «Сутра» пьеси // Сăмах = Слово, 2009: материалы конференций, исследования, из архивных материалов. Чебоксары, 2010. С. 235.

[20] *Хлебников Г.Я.* Чувашская литературная классика и её наследники. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. С. 134.

[21] *Павлов Ф.П.* Сутра // *Павлов Ф.П.* Собрание сочинений: поэзия, драматургия, проза, очерки, статьи, письма. С. 118, 119.

[22] Там же. С. 122, 123.

[23] *Сироткин М.Я.* Чăваш литератури: вăтам шкулăн 9-мĕш класĕнче вĕренмелли кĕнеке. Шупашкар, 1972. С. 73.

[24] *Павлов Н.С.* Федор Павлов: критико-биографический очерк // *Павлов Ф.П.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. С. 17.

[25] «Поэзи çинчен тапратсан: «Фет-Шеншина вуласа-и? Питĕ нумай парать. Сĕнетĕп» (Когда речь зашла о поэзии: «Читал Фета-Шеншина? Очень много дает. Рекомендую). *Хусанкай П.П.* Тĕлпулусем // Çырнисен пуххи. Пиллĕкмĕш том. Публицистикăпа критика статйисем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2005. С. 478.

[26] Цит. по: *Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. С. 237.

И.В. Софронова

НАСЛЕДИЕ НАРОДНОГО ПОЭТА Н.И. ШЕЛЕБИ

Ключевые слова: *народный поэт, фольклорные традиции, стихотворения, символизм, образ.*

Николай Иванович Шелеби (Полоруссов) – поэт, переводчик, публицист, одним из первых среди чувашских литераторов получил звание народного поэта, орден «Знак Почета». Современники называли его «чувашским Гомером». Произведения об истории, будущем чувашского народа обретают новое звучание в его творчестве. Это поэмы-легенды: «Константин хулине туни çинчен ваттисем калаçни» («Предание чувашей об основании Константинополя», 1914), «Çарăмсанпа Хăнтăрçа» («Черемшан и Кундурча», 1915), «Пӳлерти Валем хуçа çинчен» («Валем-ходжа из Биляра», 1915), «Пӳлере илни çинчен» («О взятии Биляра», 1925).

На протяжении всего своего творчества поэт отдает предпочтение фольклорным традициям, пропагандирует историю булгаро-чувашей. Публикуется в газете «Канаш» («Совет») и журнале «Сунтал» («Наковальня»), год за годом издает поэтические сборники. В разное время поэт под своими художественными произведениями подписывался как «Н. Полоруссов», «Узь (Узеевский)», «Шелеби». Панорамное и эпическое описание окружающего и сюжетное изложение содержания являются основными особенностями построения его лирических произведений.

Н.И. Шелеби родился 14 (26) мая 1881 г. в д. Новое Узеево Чистопольского уезда Казанской губернии (ныне Аксубаевский район Республики Татарстан)[1]. В 10 лет отец отвел его в начальную земскую школу в с. Мокшино, после окончания которой Н.И. Шелеби в течение долгого времени работал сельским писарем, земледельцем. В д. Новое Узеево, помимо чувашей, жили и татары, ко-

Софронова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

торые в отличие от чувашей имели свои газеты и журналы, книги. Н.И. Шелеби волновало то, что на родном языке нет печатных изданий. Своими размышлениями о судьбе народа он делился с учителем А. Кузьминым. На создание первых оригинальных произведений будущего поэта вдохновили общение с учителем, а также письменная татарская литература.

Во время проживания в родной деревне поэт пишет свои первые произведения, собирает фольклорный материал. Н. Шелеби интересуется политическим строем в стране, ходом Русско-японской войны. В газете «Хыпар» публикуется стихотворение «Тав / Çĕлен» («Благодарность / Змей», 1906). В нем через описание борьбы птицы со змеем передается взаимоотношение народа с угнетателями. Змея в шумерской мифологии олицетворяет зло, а птица – добро. Их образы и описание бинарных взаимоотношений присутствуют и в татарском фольклоре. В стихотворении представляется мифологическая действительность, образы имеют символическое значение. Повествование начинается с отображения сотворения мира:

Çутçанталăк, çут тĕнче
Çуна-çуна çутăлсан,
Ерипеле сивĕнсе
Тинĕспеле çĕр пулсан...

Когда вселенная, белый свет
Осветились огнем,
Когда, потихоньку остывая,
Образовались море и земля...

Подстрочный перевод наш. – *И.С.*

Далее вводятся образы птицы и змея. Поэт преобразовывает мифологические образы, передает через них социальные взаимоотношения современности. В заключение он выражает надежду на то, что когда-нибудь источник зла будет повержен. Образ змея и в других произведениях поэта символизирует поработителей («Коммунизм патне» – «К коммунизму»).

Н.И. Шелеби поддерживал дружеские отношения с тюрколог Н.И. Ашмариным. По его просьбе он собирает песенный фольклор чувашей Чистопольского уезда, исторические легенды и предания. В архиве тюрколога хранится подготовленная поэтом тетрадь «Эп юрланă юрăсем» («Песни, которые я пел»). Собранные тексты представляют собой жемчужину чувашского устного народного творчества. Образцы «çавра юрă» по тематике можно разделить на застольные, игровые, лирические, рекрутские песни. В них затрагиваются проблемы смысла жизни, ее красоты, родства и ненависти, они проникнуты лирической грустью и пол-

ны чаяний о лучшей доле. В небольших по форме текстах песен прослеживается судьба и мировоззрение, философия народа. Свое черное горе и счастливые минуты чуваш делит с родственниками, близкими людьми. В связи с этим проблема взаимоотношений с родственниками в песнях занимает основное место. Певец, хотя материально и не очень богат, но душой не беден. Он не склоняет головы перед трудностями, в то же время не спешит поклоняться богатству. Главное для него – это почитать старших, быть достойным благословения родителей, не уронить честь. Возможно, поэтому для Н. Шелеби описание и восхваление истории, обычаев и обрядов, жизни родного народа становятся основополагающими.

Собранный фольклорный материал поэт, видимо, намеревался использовать в своем дальнейшем творчестве. И действительно, нередко мелодичность и образность этих песен можно уловить в оригинальных стихотворениях.

Записанные Н. Шелеби исторические предания «Пӳлере илни çинчен» («О взятии Биляра»), «Пăлхар – тĕп хула» («Булгар – главный город»), «Хĕр хули» («Город девиц»), «Хĕр ту» («Девичья гора»), «Хан хĕрĕсем» («Дочери хана»), «Валем хуçа» («Валем-ходжа») Н.И. Ашмарин использовал в «Словаре чувашского языка».

На развитие творчества Н. Шелеби также повлияло общение с Н.В. Никольским. В архиве ученого хранятся рукописи нескольких ранних произведений поэта. Это – эссе «Шухăш» («Мысль», 1906), стихотворения «Патшалăх пухăвĕ» («Государственная дума», 1906), «Çĕпĕр çулĕ...» («Сибирский тракт», 1906). В эссе «Мысль» автор размышляет о значении и могуществе мысли. Он сравнивает силу мысли человека, создавшего предметы техники, благоустройства, с Божественной мыслью, создавшей Вселенную. По его мнению, мысль может быть и обманчивой. Например, политика царской власти, погубившая в Русско-японской войне большую часть своего войска. Рассказчик размышляет и о развитии чувашской письменной литературы. Он рад изданию газет, мечтает помогать печатному делу. В стихотворениях «Государственная дума» и «Сибирский тракт» реалистично описал нужды простого народа, осудил существующий политический строй.

В 1907–1914 гг. Н. Шелеби живет в Сибири. По утверждению одних исследователей (например, М.Я. Сироткина), поэт предпочел избежать преследования полиции после публикации стихотворения «Раççей» («Россия») в газете «Хыпар» («Весть»). Но если учесть, что оно было опубликовано только в 1925 г. в № 7 журнала «Сунтал», то причиной переезда могли быть и бытовые проблемы. Известно, что в этот период Н. Шелеби напечатал по

одному стихотворению в казанской газете «Мухпир» и оренбургской «Вакыт» («Время»). Можно также предположить, что стихотворение «Шахтер» было написано в Сибири.

В 1915 г. Н. Шелеби в Казани издает две книги: «Çарăмсанпа Хăнтăрçа» («Черемшан и Кондурча») и «Константин хулине туни çинчен ваттисем каласçни» («Предание чувашей об основании Константинополя»). Первая поэма является образцом пейзажной лирики. В ней поочередно красочно описываются окрестности Черемшана, Кондурчи, их природа, обычаи и обряды жителей. По мнению лирического героя, существующая в природе гармония и достаток должны распространяться и на жизнь простого народа. Перед глазами встают богатые луга, леса, поля. Народ здесь трудится в удовольствие. В части «Кондурча» повествование от природных рисунков переходит к сельским зарисовкам. В деревне Чиешне много церквей, русские и чуваши дружно живут вместе. В деревне Малая Камышовка *(Пĕчĕк Хăмăшлă)* проживает богатый Темендей. Упоминается о том, что он пользуется большим уважением в округе: «Пуçлăхсем те ун патне / Хăй хушмасăр кĕмеççĕ» (Даже начальники к нему не заходят без приглашения). Автор перечисляет его имущество, постройки. У Темендея есть три большие мельницы, амбары наполнены зерном. В опубликованных в советское время вариантах поэмы рассказ о богатом Темендее опускается. Сборник 1928 г. издания содержит укороченный вариант. В.Г. Родионов обосновывает это тем, что рассказ о Темендее впоследствии был преобразован в поэму «Ваçанкка» («Васянка»)[2]. Произведение сатирического характера, разоблачающее хитрого и жадного богача, вполне сочетается с идеологией советской литературы.

В поэме «Предание чувашей об основании Константинополя» отражено далекое прошлое народов сувар и булгар – историческая действительность IV в., распространение христианства вдоль побережья Черного моря. Римский император Константин приходит к Черноморскому побережью и решает основать здесь город. Рано утром на очищенной территории он видит большую змею, выползшую из моря. Белая двуглавая птица поднимает ее в небо три раза и бросает столько же раз на землю, отчего змея умирает. Мудрецы растолковали это как знамение, как противоборство мусульманства и христианства в будущем на этой территории. В данном случае образы птицы и змеи олицетворяют противоборство мусульманства и христианства на этом полуострове[3]. Н. Шелеби использует в своем произведении сюжет легенды, проникший к чувашам из татарского фольклора. В то время в татарской среде были распространены книги «Основание города Константинополя: предание» И. Халфина (Казань, 1908) и «Путе-

шествие по Свияжскому уезду» Н. Хикмета, в котором опубликовано соответствующее по содержанию предание. Кроме того, публикация поэмы «Предание чувашей об основании Константинополя» могла послужить ответом на повальное отатаривание чувашей в начале XX в.

Н. Шелеби тесно сотрудничает с газетой «Канаш» («Совет»). В разное время в ней он публикует стихотворения «Колчакпа Деникин канаш тăваç иккĕн» («Колчак и Деникин советуются вместе»), «Ăшри шухăшсем» («Думы»), «Хуйхă ӳкĕчĕ» («Исповедь горя»), «Чухăнсемпе тăлăхсем» («Бедняки и сироты), «Кулаксен вăрçи» («Кулачья война») и др. Они написаны равносложным стихом. Поэт начинает отдавать предпочтение краткосложнику, который позволяет изобразить происходившие события в быстром темпе и большом объеме. Основное место в произведениях занимает описание событий Гражданской войны и социального неравенства. Поэт затрагивает и проблемы философии. Стихотворение «Исповедь горя» является стихотворным вариантом эссе «Мысль». По мнению автора, человек не должен переживать по пустякам, много думать о проблемах. К чрезмерно переживающему человеку пристает *вĕре çĕлен* (огнедышащий змей). А несовпадение надуманного с действительностью может привести к позору. Стихотворение «Думы» начинается с философского размышления о том, почему в этой жизни одни живут легко и в достатке, а других нужда не оставляет ни на шаг. Лирический герой никого не обвиняет в этом, приводит примеры тех и других. Жизнь несчастного ему кажется беспросветной.

Во время Гражданской войны отряды белых находились на территории Татарии. Так как Н. Шелеби выступал в защиту простого народа, ему приходилось нелегко в тылу белогвардейцев. В 1916 г. он был призван на фронт, но по состоянию здоровья вскоре демобилизовался.

С переездом газеты «Канаш» из Казани в Чебоксары в 1922 г. в Чувашию переехал и Н. Шелеби. В данный период раскрывается многогранный талант Н. Шелеби. Он пишет стихотворения, поэмы об истории народа, очерки, осваивает новые жанры прозы и поэзии, создает произведения, соответствующие требованиям соцреализма.

В 1922–1923 гг. поэт проживает в Цивильском уезде. Одним из знаменательных по глубине мысли и выражению художественного мастерства произведений данного периода является поэма «Çĕрпӳ пасарĕ» («Цивильская ярмарка»). Жанр этого произведения исследователи определяют как этнографическую поэму. В ней поэт в мельчайших подробностях описывает сцены торга, предметы торговли, участников ярмарки. Как в калейдоскопе, мелькают

выхваченные из пестрой толпы лица, вещи, обрывки разговоров, детали торга. Помимо этнографических зарисовок, короткими намеками поэт затрагивает проблемы человеческих взаимоотношений.

Использование коротких и образных именных словосочетаний позволяет полностью воссоздать картину бойкой торговли. В повествовании автор поднимает проблему социальных отношений, вводит размышление об историческом прошлом и будущем чувашского народа. Базарный шум напоминает ему о булгарских базарах и купцах, пробуждает надежду на то, что жизнь здесь и в дальнейшем будет бурлить так же.

С 1923 г. Н. Шелеби начинает жить в Чебоксарах. Он преподает поэтическое мастерство в школе коммуны. Устраивает встречи с известными писателями и поэтами. Для работы драматического кружка школы Н. Шелеби переводит пьесу «Çеçпĕл» («Подснежник») М. Метерлинка. Свой перевод поэт обогащает стихотворениями, в которых от лица животных, растений, явлений природы рассказывается об их особенностях. Лирические произведения «Улмуççи чечекĕ» («Цвет яблони»), «Пыл хурчĕсен юрри» («Песня пчел»), «Хĕвелçаврăнăш» («Подсолнух»), «Çурхи çил» («Весенний ветер»), «Саркайăк» («Иволга») и др. вышли впоследствии отдельной книгой «Ылтăн çуркунне» («Золотая весна», 1944).

После переезда в Чебоксары круг интересов и занятий Н. Шелеби расширился. Поэт пишет стихотворения о достижениях новой жизни, о преобразованиях в чувашской деревне, организует литературные кружки, выступает с чтением своих произведений на публике.

В начале 20-х гг. XX в. усиливается интерес к прошлому чувашского народа. В журнале «Сунтал» публикуются статьи М. Петрова и Н. Ют, доказывающих происхождение чувашского народа от булгар. Часть интеллигенции поддержала теорию Н. Марра о генетической связи тюрок-булгар с шумерской цивилизацией. Вдохновленный этими течениями, Н. Шелеби создает поэмы-предания «Пӳлере илни çинчен» («О взятии Биляра», 1925), «Эссепе» («Эссебе», 1925).

В поэме «О взятии Биляра» Н. Шелеби по материалам устно-поэтических народных сказаний описывает последние дни существования Булгарского государства. В основу сказания поэт положил распространенные у низовых чувашей мотивы о сожжении города по совету старухи-колдуньи, спасении дочерей хана через превращение в лебедей, образовании топонима «Девичья гора». Композицию поэмы составляют две части: действия Аксак-Темира и плач по разрушенному городу. Повествование постро-

ено от имени рассказчика, который является как бы свидетелем этих событий. Он обращается к богу огня с просьбой остановить стихию, затем описывает масштабы разрушений. Враг безжалостен, жесток, не знает сострадания.

Описание мирной жизни Биляра напоминает строки из поэмы «Черемшан и Кондурча». Здесь также изображаются богатые поля и леса, водоемы. Подчеркивается достаток жителей, который достигнут их трудолюбием. Описываются праздники, летние и зимние условия жизни, обряды проведения свадьбы и жертвоприношения. Жители Биляра не раз помогали русскому народу во время засухи, имели торговые отношения со многими восточными странами. После прихода монголо-татар все богатство переходит в руки врага или же сгорает. Картины мирной и благополучной жизни сменяются видами разрушения и трагедии. В случившемся рассказчик обвиняет правителя:

Пĕтĕм хула халăхĕ
Урлă-пирлĕ уткалать.
Патшасене çилленсе
Вăрçа-вăрçа ылханать.

Весь городской люд
Ходит туда-сюда.
Обижаясь на царей,
Ругает и проклинает.

Он осуждает поведение царя во время пожара, который не руководит защитой города, а старается спасти свою жизнь. Утерянная с головы царя шапка символизирует утрату его власти, а также потерю государственного объединения булгарским народом. В русском переводе, сделанном В. Мартыновым, причина трагедии объясняется как божий гнев на жителей. В татарском фольклоре немало преданий, баитов, исторических песен о последних днях Булгарского государства (легенда «Ханская дочь Алтынчеч», «Повесть о несгораемой царевне», «Предание о Бачмане», баиты «Город Булгар», «О Казани», «История Казани», «Песня хана Мухаммед-Амина о Тамерлане» и др.). В них также картины мирной жизни противопоставляются картинам разрушений, выражается горечь из-за утраты культурных и духовных центров. Чаще всего причина происходящего связывается с божьей карой.

Поэма «О взятии Биляра» получила разнообразную оценку критиков. Некоторые исследователи (Н. Золотов, В. Долгов) сравнивали ее со «Словом о полку Игореве», подчеркивали, что произведение способствует возрождению могущества булгаро-чувашей. В то же время появилось такое мнение, что Н. Шелеби «опи-

сывает жизнь булгар и богатство булгар как предков чуваш в самых восторженных чувствах, развивая ничем не прикрытый шовинизм и теорию национальной обособленности» (К. Чулгась). В связи с этим последующие публикации произведения претерпели некоторые стилистические и лексические исправления.

Та же судьба коснулась и поэмы-предания «Эссебе». Она была напечатана в девятом номере журнала «Сунтал» за 1925 г. В заголовке автор рассказывает о том, от кого он услышал данный сюжет, объясняет, кем был Эссебе. Поэма рассказывает о славном человеке, который во время охоты попал в царство амазонок, женился на их предводительнице. В заключении Эссебе с женой возвращаются в свои владения верхом на драконе. Чтобы подчеркнуть могущество героя, повествователь приводит сведение, что из рода Эссебе впоследствии появились святые, хазреты, которых татарский народ почитает и поныне. В опубликованных в советский период вариантах произведения завершающая часть была опущена.

При создании произведения Н. Шелеби использует легенды и предания об амазонках, о топонимах «Девичья гора» и «Город девиц», исторические сведения о разрушении города Биляр. Героические поступки богатыря напоминают сюжеты произведений древних литератур. Эссебе понимает язык животных, перемещается на крылатом змие.

Созданные Н. Шелеби поэмы на историческую тему способствовали утверждению этого жанра в чувашской литературе. Кроме того, они вдохновили других авторов на создание произведений об исторической судьбе чувашского народа. Так появляются поэмы «Улып» и «Хĕн-хур айĕнче» («Под гнетом») С. Эльгера, «Элихун» И. Тхти, «Еркĕн» («Фаворит») Н. Шубоссинни и др.

Чтобы оградить себя от нападок идеологов социалистического реализма, Н. Шелеби публикует поэму «Шуррисем килнĕ вăхăтра» («Когда пришли белые», 1925). Произведение имеет автобиографический характер. Главный герой Мигулай во время осады белогвардейцев покидает родной дом. Его дети прячутся у родственников. После освобождения деревни вся семья собирается. Рассказывая о своих злоключениях, Мигулай упоминает о том, что показал задержавшим его солдатам свои книги, вышедшие в Казани. Н. Шелеби демонстрирует в поэме мастерство создания диалогов, характеров, описания эпических событий.

Сюжет данной поэмы поэт дорабатывает и создает новое произведение «Куҫук» («Кузюк»). В 1940 г. он пишет несколько вариантов этой поэмы. Теперь главный герой – революционер, красноармеец. Он не отрекается от коммунистических идей ни под уговорами жены, ни под угрозами кулаков, ни под натиском

белогвардейцев. В новых вариантах несколько расширена система образов. Они завершаются речью Кузюка, вернувшегося с победой, восхваляющего Ленина и Сталина. В одном из вариантов есть описание окрестности деревни, которая в стародавние времена терпела нашествие монголо-татар, принадлежала Казанскому ханству, русским барам, была в окружении войск Колчака. Поэт непринужденно вводит в повествование упоминание о былой славе, булгарском периоде истории чувашей, будто сопоставляя его с нынешним, советским периодом.

В 20–30-х гг. XX в. Н. Шелеби создавал также прозаические произведения. По свидетельству современников, им был написан рассказ «Ют йывăçсем» («Чужие деревья»). Для участия в Первой Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве поэт собирал этнографический материал. В связи с этим он посещает разные районы республики и чувашскую диаспору. Свои впечатления он описывает в путевых очерках «Етĕрне уесĕнче курса çӳрени» («Путешествие по Ядринскому уезду», 1925), «Çĕрпӳ уесĕнче курса çӳрени» («Путешествие по Цивильскому уезду», 1926). Язык этих произведений отличается лиричностью и образностью. Автор не просто передает последовательность событий, он создает для этого замысловатый сюжет. Так, завязкой в очерке «Путешествие по Ядринскому уезду» является случайная встреча на чебоксарском рынке с представительницами Норусовской волости. Кульминация – описание Норусовского базара, где рассказчик пытается купить предметы национальной одежды. По ходу повествования описывается природа, особенности деревень, одежда, обряды чувашей этих мест. Он отмечает особенное у верховых и средненизовых чувашей в характере, обычаях, образе жизни. Хотя произведение написано в пору становления колхозов и индустриализации, Н. Шелеби не спешит рассказывать о преобразованиях в деревне. Он занят описанием чувашского мира, выявлением своеобразия каждого чувашского уголка. В этих картинах он ищет проявление булгарского прошлого. Не случайно свои впечатления подытоживает следующими словами: «Авалхи кĕмĕл пăлхар патшалăхĕн чăн чĕрĕ тымарĕ те çавăнта анчах тăрса юлнă» («Только там сохранились живые корни государства древних серебряных булгар»)[4].

Очерк «Путешествие по Цивильскому уезду» также богат фольклорным, этнографическим материалом. Рассказчик посещает разные деревни, изображает обычаи и обряды, поверья, взаимоотношения в семье, трудовую жизнь чувашей. Он замечает, что в вышивке татар и чувашей есть общие черты, не оставляет без внимания и социальные взаимоотношения на селе.

Описание этнографического своеобразия характерно и для стихотворений о деревенской жизни. Поэт в произведениях «Ĕççи» («Страда»), «Утăра» («На сенокосе»), «Кĕпер хывни» («Строительство моста») изображает чувашей. В позитивном тоне автор описывает совместную работу крестьян. Лирического героя радует богатый урожай, достаток в жизни. Немалое место в стихотворениях занимают пейзажные зарисовки. Описание трудодней характерно и для стихотворений о колхозах. Произведения «Аксура» («В Аксу»), «Колхозра» («В колхозе»), «Тельман колхозне» («Колхозу Тельмана») написаны под заказ. Они содержат противопоставление нищенского положения крестьянина до революции и жизни деревни в советский период. За любовь к изображению жизни крестьян, к сельским зарисовкам Н. Шелеби был назван крестьянским поэтом.

В июньском номере журнала «Сунтал» за 1925 г. было напечатано стихотворение «Раççей» («Россия»). В примечании к стихотворению сказано, что этот текст является песней, которую в 1905 г. украдкой исполняли чуваши Чистопольского уезда. С. Фомин в статье о творчестве поэта пишет, что слова песни принадлежат Н. Шелеби. Они тайком пели её вместе с учителем А. Кузьминым[5]. Последующие же исследователи стали отмечать, что стихотворение создано поэтом в 1905 г. и напечатано в газете «Хыпар». Возможно, создание биографии Н. Шелеби как советского поэта началось с С. Фомина. Кроме того, текст стихотворения в более поздних публикациях претерпел некоторые изменения. Короткие вставки типа «Ах, Турă» («О, Господи») и «Тур çырлах» («Господи, помилуй») были заменены на нейтральные – «Ах, анчах» («Эх, да и только»). Надо заметить, что в стихотворениях, написанных в дореволюционный период («Государственная дума», «Черемшан и Кондурча», «Змей») строки имеют одинаковое количество слогов, чаще всего семь. Использование же половинчатых строк, вставок типа «Тур çырлах» характерно в основном для стихотворений чебоксарского периода.

Под влиянием вульгарной критики Н. Шелеби становится «советским» поэтом. Он посвящает свои стихотворения Ленину и Сталину, восхваляет идеи коммунизма [«Ленин», «Ленин шухăшĕ» («Размышления Ленина»), «Сталина» («Сталину»), «Коммунизм идеи чăвашсене мĕн пачĕ» («Что дала коммунистическая идея чувашам») и т.д.]. В подобных стихотворениях тяжкая, трагическая жизнь в прошлом противопоставляется светлому и счастливому настоящему . Произведения отличаются публицистичностью. Поэт использует общие слова, звучащие как лозунги выражения. Соблюдение порядка рифмы не является приоритетным. Следование идеологическим указаниям приводит к упадку в творчестве.

В 20–30-х гг. XX в. Н. Шелеби уделял большое внимание собиранию и популяризации фольклора. В 1926 г. он публикует «Чӳклеме кĕллисем» («Молитвословия»). Записанные в ходе экспедиций тексты он печатает без изменения, что-то поэтически преобразовывает, некоторые сюжеты использует при создании оригинальных произведений. Так, применение фольклорного материала характерно для следующих произведений: «Шелепи юмахĕ» («Сказка Шелеби»), опубликована Я. Ухсаем (Ялав / Знамя, 1956 г.); лирическое произведение «Хĕллехи каç» («Зимний вечер»), в котором дедушка рассказывает внуку о встрече лесорубов с *арçури* (лешим); стихотворение, посвященное М. Горькому, где для изображения тягот дореволюционной жизни и распространения революционных идей использована сказка о козе и сером волке. В своих воспоминаниях С. Шавлы, А. Калган и Хв. Уяр не раз отмечали, что Н. Шелеби знал много народных песен и во время своих поездок старался записывать фольклорные тексты.

В 1927 г. Н. Шелеби переезжает в Казань. Здесь он вместе с татарскими коллегами работает над изданием антологии чувашской поэзии на татарском языке и татарской литературы на чувашском. В 1928 г. в Казани выходит книга «Чувашская литература», куда вошли произведения Н. Шелеби, Н. Шубоссинни, С. Фомина, Н. Васянка и др. В книге «Тутарсен хальхи литературинчен» («Из современной татарской литературы», 1930) были напечатаны произведения М. Эмири, К. Мински, Х. Такташа, А. Кутуя, Н. Паяна, З. Башири, М. Маскута. Для перевода были выбраны образцы, описывающие революционную борьбу, жизнь татарского народа. Среди них есть поэма Х. Такташа «Покаянная любовь» о любовных переживаниях молодых людей.

Стремление получить образование, изучать историю родного народа подвигло Н. Шелеби в 1928 г. написать заявление для поступления на чувашское отделение Казанского восточного педагогического института. Заявление было написано в прозаической и стихотворной форме. По неизвестным причинам, скорее всего по причине зрелого возраста, оно было отклонено.

В немалой степени поэта волновала судьба чувашского народа и чувашского языка. Это выражается в создании произведений на историческую тему, в восторженном описании быта и культуры народа, в размышлении о будущем языка и культуры. В поэме «Шупашкар» («Чебоксары», 1927), стихотворениях «Сунтала» («Наковальне», 1928), «Çул курки» («На посошок», 1928) поэт выражает свою мечту о широких перспективах чувашского языка.

В 1928 г. Н. Шелеби вместе с П. Хузангаем принимает участие в вечере-встрече молодых поэтов Поволжья с В. Маяковским, который прошел в Казани. Во время выступления В. Маяковский

обратил внимание на пожилого бородатого поэта, завел с ним беседу. Встреча оставила заметный след в жизни и творчестве Н. Шелеби. В. Маяковский вдохновляет его на поиски новых форм и жанров стихотворений, впоследствии влияние прослеживается в тематике и особой лексике.

Н. Шелеби уделял переводческому делу немалое внимание. Им переведены отрывки из стихотворений Н. Некрасова «Рубка леса» и «Мужичок с ноготок», «Детство» И. Сурикова. Книгу «Жизнь древних людей» он перевел совместно с А.С. Абрамовым и Д. Кудрявскиным. В архиве поэта хранится рукопись «Хуторта» («На хуторе») – произведение неизвестного автора. Кроме этого, многие стихотворения Н. Шелеби были переведены на языки народов России и зарубежья. В книгу «Чувашская песня» вошли стихотворения в переводе В. Тушневой, Н. Непомнящего, Н. Манделя, В. Мартынова, Л. Руста, Н. Бусыгина. Исследователь Й. Бенцинг издает в 1946 г. в Стамбуле поэму «О взятии Биляра» в переводе на турецкий язык.

Как отметили выше, Н. Шелеби постепенно становится «советским поэтом». Он пишет угодные правительству стихотворения, восхваляет победу революции, хозяйственное и культурное строительство.

В пору расцвета творческих сил Н. Шелеби постигло непоправимое несчастье: в 1931 г. он ослеп. Но поэт не упал духом, продолжал активную литературно-творческую деятельность. Он не оставался в стороне и от общественной жизни, выступал с докладами, читал свои стихотворения на литературных вечерах. Диктовал новые произведения. Решением Союза писателей в качестве секретаря в разное время ему помогали поэты А. Калган, С. Шавлы, жена Антонина, дочь Ирина и внук Аркадий. Поэт обращался за помощью и к другим представителям чувашской интеллигенции. Г.И. Комиссаров записал под диктовку его поэму «Коммунизм патне» («К коммунизму», 1933). В ней поэт описывает революционную борьбу в Сибири, воспевает природу и земные богатства этого края.

Поэт писал об ударниках труда, науки, преобразовании жизни, не забывал и о детях. Для детского чтения им выпущены книги «Ылтăн çуркунне» («Золотая весна», 1944), «Ача-пăча сăввисем» («Детские стихи», 1945), написана пьеса-сказка «Кушакпа Автан» («Кот и Петух»). В произведениях, посвященных детям, сравнивается жизнь молодого поколения до революции и в современности. Поэт призывает быть достойными людьми своей страны. Сочетанием дидактического и художественного отличаются стихотворения о растениях и животных. Описание героев во время работы способствует развитию трудолюбия. В пьесе-сказке

«Кот и Петух» Н. Шелеби сочетает сюжет русской народной сказки с образами и мотивами чувашского детского фольклора, деталями современной жизни. Главными героями пьесы являются Лисица, Кот и Петух. Во время отсутствия Кота Лиса крадет Петуха. Кот с помощью друзей спасает своего друга, забирает к себе лисят. Перечисление имён лисят построено по примеру счета названия пальцев, дней недели. Лиса выходит замуж за Кота и вызволяет своих детей. Речь гостей на свадьбе напоминает строки из сказки «Теремок». В завершении Кот становится комиссаром, а Лиса – женой комиссара. Произведение состоит из прозаических и стихотворных строк.

В 1934 г. Н. Шелеби вступил в Союз писателей. За достижения в литературе и в связи с тридцатилетием общественно-литературной деятельности в 1936 г. ему было присвоено звание народного поэта Чувашской АССР. Это событие было широко отмечено в республике. Он получил поздравления от народных поэтов других республик и стран (С. Айни, Я. Колас, Я. Купала, Р. Роллан и др.), устраивал вечера поэзии. На празднование юбилея приехал народный поэт Таджикистана А. Лахути. Однако радость поэта длилась недолго. Эпоха репрессий коснулась и Н. Шелеби. В газете «Красная Чувашия» была напечатана статья К. Чулгася «Народный ли поэт Н.И. Полоруссов-Шелеби?» (1937), в которой автор обвиняет поэта в восхвалении членов правительства, впоследствии свергнутых и объявленных «врагами народа». Подверглись осуждению поэмы, описывающие историческое прошлое чувашского народа. По его мнению, произведение «Предание чуваш об основании Константинополя» написано под диктовку чувашских попов, благодаря чему поэт и завоевал авторитет среди кулачества и духовенства, а поэма «О взятии Биляра» способствует развитию шовинизма, теории национальной обособленности. В поэме «Эссебе» восхваляется счастливое и богатое прошлое чувашского народа. Автор статьи критикует Н. Шелеби за популяризацию истории булгар[6].

В ответ на эту статью Н. Шелеби пишет поэму «Хурав пани» («Ответ»), в которой защищает своё честное имя, описывает нелегкий творческий путь на литературном поприще. Однако статья К. Чулгася не осталась незамеченной. Вскоре почетное звание народного поэта было отозвано. Однако в 1939 г. согласно указу Верховного Совета СССР за достижения в деле развития советской художественной литературы 172 поэтам и писателям страны был присвоен орден «Знак Почета». В списке награжденных было и имя Н. Шелеби. В связи с этим ему возвратили и звание народного поэта.

Во время Великой Отечественной войны Н. Шелеби оставался активным борцом с врагом. Он выступал со стихами, призывающими к беспощадной борьбе с неприятелем. В сборник «Чĕнетĕп» («Призываю», 1943) вошли военные стихи и поэмы. В произведениях «Я призываю», «Гроза», «Песня летчика-героя», «Разгромить врага» автор рассказывает о коварных планах фашистов и призывает мужественно защищать родину от врага – «ядовитых змей», «бешеных собак», «кровожадных волков», «хищных ворон». В произведении «Песня летчика-героя» изображается сила и мощь Красной армии, способной уничтожить любого врага. Главной идеей является стремление поэта воодушевить народ на боевые и трудовые подвиги. Поэт убежден, что враг будет разгромлен. Вдохновить народ на борьбу с фашизмом призваны строй стиха и словесно-изобразительные обороты. В поэме «Наши герои», рисуя облик героев-воинов, сынов чувашского народа, поэт утверждает идею бессмертия их подвигов. Гневно-обличительные и сатирические мотивы возрождаются в произведениях Н. Шелеби в период Великой Отечественной войны. Стихи и поэмы проникнуты глубокой верой в победу.

Несмотря на плохое здоровье, поэт всеми силами старался помогать фронту: читал стихотворения в госпиталях, участвовал в литературных вечерах, в издании газет и журналов, помогал семьям погибших и раненых. В своих произведениях выражал радость по поводу каждой победы. Дожить до Дня Победы поэту не пришлось. Он умер 12 января 1945 г.

Поэзия Н. Шелеби по своему характеру глубоко народна. Он жил в исторически значимую эпоху, отражал в своих произведениях чаяния и думы народа, потери и достижения страны, делал все, чтобы сохранить и популяризировать национальное наследие для будущих поколений. Самобытное творчество народного поэта явилось ценным вкладом в чувашскую литературу. Его заслуженно можно назвать одним из основателей чувашской лироэпики. Для отражения своих размышлений об исторических преобразованиях поэт использует разные жанры: повесть в стихах, рассказ в стихах, стихотворное послание, завещание. Приоритетным в написании стихотворений для него всегда оставался семисложник. Наследие Н. Шелеби повлияло на становление творчества последующих видных деятелей чувашской литературы.

Литература

[1] Чăваш литературин антологийĕ: поэзи / пухса хатĕрл. тата ред. В.Г. Родионов, В.Н. Алексеев. Шупашкар, 2013. С. 64.

[2] *Родионов В.Г.* Чувашская литература 1909–1917 годов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 61.

[3] *Одюков И.И.* Чăваш халăх поэчĕ Николай Иванович Полоруссов-Шелепи: статьясен пуххи. Шупашкар: ЧПГĂИ, 1982.

[4] *Шелепи Н.* Етĕрне уесĕнче курса çӳрени // Сунтал. 1926. № 5.

[5] *Фомин С.* Н. Шелепи пултарулăхĕ // Канаш. 1925. № 138.

[6] *Чулгась К.* Народный ли поэт Н.И. Полоруссов-Шелеби? // Красная Чувашия. 1937. 29 ноября.

И.В. Софронова

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ МОИСЕЯ ФЁДОРОВА

Ключевые слова: *литературовед, национальная специфика, критик, методика, вульгарный социологизм.*

Моисей Федорович Федоров – литературовед, критик, педагог, философ, теоретик искусства. В чувашском литературоведении и критике 20–30-х гг. XX в. проявил себя как приверженец национального начала в литературе, культуре, искусстве. Является автором критических и научных статей, посвященных становлению и развитию чувашской литературы, вопросам методологии и теории литературы, искусствоведения. В литературоведении и критике поддерживал идеи русского ученого В. Переверзева, небезуспешно применял его учение об эйдологии в исследованиях произведений чувашских авторов.

Моисей Федоров прожил долгую и плодотворную жизнь, направленную на служение народу. Его творческую деятельность можно разделить на два небольших периода: 1) 1927–1930, 2) 1930–1937[1]. На первом этапе своей деятельности он пишет литературоведческие, критические статьи, говорит о необходимости развития национальных традиций в литературе, затрагивает теоретические вопросы. Второй этап связан с нападками вульгарных социологов, он постепенно отходит от создания литературоведческих работ, пишет о проблемах искусствоведения.

М.Ф. Федоров родился 14 января 1905 г. в д. Кукшумы Ядринского уезда (ныне Ядринский район Чувашской Республики). После окончания сельской школы учился в Ядринском городском училище. В 1922 г. окончил педагогические курсы в Большечурашевской двухклассной школе и Красночетайский педагогический техникум. Будущий исследователь работал преподавателем

Софронова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

чувашского языка и литературы в Ядринском педагогическом техникуме. В этот период появляются его первые публикации.

«М. Федоров занимался обустройством свободного времени учащихся. По просьбе участников драмкружка написал пьесу, составил либретто. Члены фольклорного кружка под его руководством собирали тексты устного поэтического творчества. Особая ценность этих текстов в том, что здесь зафиксирован вирьяльский вариант чувашского языка. В них отразились эстетические идеалы верховых чувашей»[2].

В 1928 г. Моисей Федоров поступил на историко-философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, по окончании которого его определили преподавателем общественных дисциплин в школах Ульяновска. Он работал в Ульяновском педагогическом и сельскохозяйственном техникумах, заведовал Домом работников просвещения.

В 1935–1937 гг. Моисей Федоров жил и трудился в Чебоксарах. Он работал редактором Чувашского книжного издательства, в Управлении делами при СНК Чувашской АССР. Усиленно занимался изучением национальной культуры и литературы, печатался в журналах. Работа литературного критика заставила его задуматься о повышении профессионализма, об анализе художественных произведений с точки зрения философии. Так появилась тема кандидатской диссертации «Мышление логическое и мышление образное в их историческом соотносительном развитии». Для научной работы Моисей Федоров переехал в Москву (1937), возможно, сделать этот шаг его побудило предчувствие скорой репрессии. Были арестованы друзья-единомышленники П. Хузангай, А. Золотов, В. Митта. Он устроился учителем в Трубинскую школу в Щелковском районе Московской области, поступил на заочное отделение исторического факультета педагогического института.

В 1942 г. Моисей Федоров ушел на фронт защищать Москву. Был ранен, затем работал сотрудником политотдела военно-дорожного управления, закончил войну в звании старшины. После войны был назначен директором школы в поселке Фрязино. В 1946 г. он стал одним из организаторов музыкальной школы, а затем ее директором.

Литературоведческая и литературно-критическая деятельность Моисея Федорова начала развиваться в непростое время. Получив высшее образование в Московском университете, он мечтает о достойном развитии теории чувашской литературы, критики, литературного процесса. Молодой исследователь видел необходимость формирования в литературе традиций, основанных на национальной специфике. Полученные знания начинает при-

менять в литературоведческих исследованиях, тем самым вносит новые веяния в теорию и критику литературы. Однако его добрые побуждения встретили непонимание со стороны старших коллег и вскоре были опровергнуты.

В чувашском литературоведении 20–30-х гг. XX в. существовали две тенденции: одни стремились развивать литературу на национальных традициях (Г. Комиссаров, И. Тхти, П. Хузангай и др.), другие же брали за основу идеологические представления (Г. Кузнецов-Кели, И. Кузнецов, А. Золотов, В. Долгов). Для них художественные произведения служили рупором власти. В итоге те, кто использовал идеологические призывы в корыстных целях, одержали вверх, они начали говорить о необходимости создания пролетарской литературы.

Деятельность Моисея Федорова на поприще литературоведения продолжалась с 1927 по 1937 г. Под влиянием исторических условий ему приходится менять свои теоретические взгляды, оправдываться за свои высказывания, отрицать влияние идей В. Переверзева. Работа усложнялась и тем, что в литературоведении и критике на данный период отсутствовали образцы высокохудожественных произведений.

Моисей Федоров в первую очередь известен как литературовед, критик. Существует определенный круг тем, над которыми исследователь работал особенно усердно: 1) объяснение сути художественной литературы; 2) методика преподавания литературы; 3) размышления об искусстве и философии.

По вопросам развития чувашского литературоведения и критики М. Федоровым написаны следующие статьи: «Произведенисен формăлăхĕ» («О форме произведений», 1929), «Пĕр-ик сăмах илемлĕ литература пирки» («Несколько слов о художественной литературе», 1927), «Пуçлакан поэтсен пултарулăхĕ» («Творчество начинающих поэтов», 1929), «Пуçлакан калавçăсен пултарулăхĕ» («Творчество начинающих прозаиков», 1929), «Илемлĕ литература – обществăлла пурнăçăн хăйне евĕр сăнлăхлă ӳкерчĕкĕ» («Художественная литература – своеобразная картина общественной жизни», 1936). Кроме того, на страницах журналов исследователь публиковал статьи об авторах и произведениях русской и мировой литературы. В них он знакомит чувашского читателя с особенностями творчества Р. Роллана, Н. Добролюбова, Н. Островского, Д. Фурманова, Сапфо, Аб. Лахути и др.

Как отметили выше, научные взгляды Моисея Федорова сформировались под влиянием работ В.Ф. Переверзева. Свои умозаключения он подтверждает также высказываниями Г. Плеханова, Г. Гегеля, К. Маркса. Русский литературовед подчеркивал важность изучения образной системы, отрицал *роль личности ав-*

тора в произведении, игнорировал влияние идеологии, связи творчества с политикой и т.д.

Моисей Федоров в рецензии «О поэме В. Рзая “Перед грозой”» (1927) констатирует, что настоящие произведения художественной литературы, да и самих творцов, рождает время, эпоха. «Если бы не было мировой войны, старики не отправляли бы своих сыновей в пекло, то эта поэма могла и не появиться», – пишет он[3]. Основное внимание в статье уделено анализу достоверности изображения исторической действительности в поэме, поднимается вопрос о характере типических образов.

Моисей Федоров в исследовательской работе во главу угла ставил вопросы развития национальных особенностей чувашской литературы. В статье «Несколько слов о художественной литературе» он рассуждает о признаках литературы того времени. По его мнению, художественные произведения должны быть полезны для развития самосознания народа. В то время, когда фольклор был отвергнут как «явление буржуазной эпохи», Моисей Федоров смело заявляет, что народная словесность служит основой для письменной литературы. Его беспокоит и судьба литературного журнала «Сунтал» («Наковальня»). Он считает, что данный журнал должен освещать вопросы искусства, литературы, культуры, а не политики. В статье «Литература политикин тĕп йĕрĕ» («Основная линия литературной политики», 1928) Фёдоров размышляет о развитии национальных традиций в литературе. В пользу своих убеждений о необходимости развития этих традиций он приводит цитаты из речей правителей, из постановлений партии. Исследователь подтверждает, что для развития чувашской литературы необходимо создать индивидуальный фундамент, позволяющий демонстрировать её своеобразие. Он анализирует платформу, предложенную Российской ассоциацией пролетарских писателей. Как бы развивая их мысль, говорит о том, что каждая национальная литература должна иметь свою платформу, основанную на позиции РАПП. «Мы должны учитывать национальную особенность чувашского народа, специфику, делающую его единой нацией. Это не есть национализм. И тот, кто использует их, не является националистом. Здесь надобно правильно понимать национальную политику Коммунистической партии»[4], – пишет М. Федоров.

Статьи Моисея Федорова «Творчество начинающих поэтов», «Творчество начинающих прозаиков», «О форме произведений» представляют собой критический анализ произведений чувашских авторов. Его не удовлетворяют ни тематика, ни форма, ни техника, ни лексика каждого. Он рекомендует молодым авторам учиться на высокохудожественных произведениях К. Иванова,

Н. Шубоссинни, Г. Тал-Мрза. Тем самым критик пропагандирует произведения дореволюционного периода. Положительной стороной произведений он называет изображение в них классовой борьбы, изменения жизни в стране в сторону социализма. В работе также исследователь затрагивает вопросы теории. Он критикует авторов, использующих метод натурализма в изображении действительности. Раскрывает его недостатки, разъясняет преимущества социалистического реализма.

Моисей Федоров в 1924–1925, 1925–1928 гг. работал в образовательных учреждениях. В связи с этим проблемы методики преподавания литературы в школах для него являлись актуальными. По данному вопросу написал следующие статьи: «Шкулсенче илемлĕ литературăпа паллаштарасси, вĕрентесси» («Особенности ознакомления с художественной литературой в школе и её обучения», 1927), «Сакăр çуллă шкулсенче чăваш литературине вĕрентмелли программа пирки» («О программе обучения чувашской литературе в восьмилетней школе», 1929), «Илемлĕ литература, унăн методологийĕ, ăна техникумсенче вĕрентесси» («Художественная литература, методология и обучение ее в техникумах», 1929).

В статье «Особенности обучения художественной литературы в школе» подчеркивает роль и значение художественной литературы в усовершенствовании национального самосознания. В связи с этим он предлагает уделять должное внимание вопросам изучаемой литературы в школе. Подробно останавливается на принципах методики обучения. По его мнению: 1) необходимо использовать комплексный подход (вопросы теории должны подкрепляться соответствующими примерами); 2) изучение общественных вопросов должно совпадать с обучением литературы; 3) литература имеет классовую принадлежность (для обучения должны подбираться произведения, демонстрирующие идеологию пролетарской литературы); 4) ознакомление с образцами русской литературы не должно идти вразрез с ознакомлением с чувашской литературой; 5) при ознакомлении с текстом художественного произведения необходимо обращать внимание на вопросы поэтики; 6) произведение всегда должно быть прочитано до конца, изучение его отрывками не позволяет увидеть общей взаимосвязи, уловить основной смысл текста.

В статье Моисей Федоров приводит примерный тематический план уроков чувашской литературы для 3, 4, 6 классов. Старается включать в список те произведения, в которых проявляется национальное своеобразие, идея. С учетом срока обучения Моисей Федоров рекомендует школам самим составлять тематический план. Своеобразно звучит рекомендация по изучению дра-

матических произведений: по мнению автора, художественные особенности этого рода литературы учениками лучше усваиваются при непосредственном просмотре спектакля.

Моисей Федоров предлагает свою схему анализа художественного произведения, позволяющую охарактеризовать отображение действительности в тексте. Так, критический анализ должен состоять из трех частей:

1) социологический анализ, направленный на выявление взаимосвязи действительности и изложенного материала в тексте;

2) психологический анализ, позволяющий определить психологию, мнение народа и отношение автора к тому или иному вопросу;

3) формальный анализ – анализ лексики, формы, взаимосвязи частей, поэтических элементов художественного текста (здесь критик должен акцентировать внимание на единстве формы и содержания).

По мнению исследователя, работа учителя должна заключаться не только в обучении литературе, но и в развитии творческих способностей учащихся. Многие высказывания Моисея Федорова актуальны и для современного образования. Его рекомендации по методике преподавания направлены на постижение особенностей родной литературы, теоретических вопросов и развитие художественного творчества. Для обучения он подбирает тексты, имеющие художественную ценность, знакомящие с историей чувашского народа.

Статья «О программе обучения чувашской литературе в восьмилетней школе» представляет собой критический анализ программы «История чувашской литературы», составленной Г. Комиссаровым. Исследователя не удовлетворяет предложенный им список художественных произведений. Вместо них он предлагает незаслуженно забытые поэмы Н. Шубоссинни, К. Иванова и Н. Шелеби, так как («вĕсене нихăш произведени те çитмест»[5]) никакое произведение не сравнится с ними. Моисей Федоров рассматривает предложенные Г. Комиссаровым произведения, анализирует их язык, образную структуру. Ему не нравится разграничение истории чувашской литературы на дооктябрьский и послеоктябрьский периоды. В данной статье рассматриваются вопросы не только методики, но и теоретические, присутствуют примеры анализа художественных произведений.

Для большинства работ Моисея Федорова характерна синкретичность. Их невозможно назвать только теоретическими или методологическими. Часто они рассматривают проблему литературы многопланово. К таким относится и работа «Художественная литература, её методология, обучение ее в техникумах». В ней ав-

тор поднимает вопрос о развитии чувашского литературоведения, объясняет специфику литературы, её отличие от других видов искусства, раскрывает значение идеи художественного произведения, приводя в качестве примера картины Ю. Зайцева. Исследователя беспокоит то, что чувашское литературоведение находится только на стадии становления, что мешает развитию и самой литературы.

В данной статье Моисей Федоров приводит свое видение задач критики. По его мнению, критика заключается в определении эквивалента художественного образа, хронотопа; критик должен исследовать психику образа, анализировать единство содержания и формы, объяснить содержание текста через причинно-следственную связь. В понятие «форма» он включает способы объективизации фактов действительности. Моисей Федоров затрагивает вопрос об истории литературы. По его мнению, история чувашской литературы не должна соответствовать истории чувашской письменности. Она должна быть историей только произведений художественной литературы. Анализирует работы Г. Комиссарова и Н. Шубоссинни по истории чувашской литературы. Он не принимает периодизацию (хазарский, булгарский, татарский и др.), предложенную Г. Комиссаровым, а отдает предпочтение периодизации Н. Шубоссинни. Далее Моисей Федоров вступает в полемику с Г. Комиссаровым и по поводу анализа художественного произведения. В работе оппонента он критикует все пять пунктов, в которых исследуются история и специфика чувашской литературы.

Многосторонними являются работы Моисея Федорова по философии, вопросам культуры и искусства. Исследования характеризуются обстоятельностью, тщательностью. К примеру, в статьях «Идеологи çинчен вĕрентни» («Учение об идеологии», 1935), «Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин идеологи çинчен вĕрентни» («Учение об идеологии Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина», 1935) Моисей Федоров, казалось бы, должен был рассматривать вопросы политики, идеологии. Однако в них основное внимание уделяет освещению истории возникновения сознания, логики, общественных взаимоотношений, рассматривает различия во взглядах идеологов и материалистов. В последней части статьи автор приходит к выводу, что литература имеет классовость. «Наша культура по содержанию является социалистической, а по форме является национальной культурой», – приводит он слова Сталина. Данная цитата используется им для того, чтобы обеспечить защиту в высказываниях о необходимости развития традиций национальной литературы и культуры. Также и работа «Искусство – обществăлла пурнăç ӳкерчĕкĕ» («Искусство есть от-

ражение общественной жизни», 1935), казалось бы, должна была отражать особенности изображения действительности, классовой борьбы в произведениях искусства. Автор в нем описывает своеобразное понимание искусства чувашским народом, стремление к нему испокон веков. Он находит отображение прекрасного в одежде, посуде, словесном творчестве, песнях и пляске. По его мнению, здесь каждая деталь имеет глубокий смысл.

Моисей Федоров считает, что с приходом советской власти появились возможности развития разных видов профессионального искусства, формирования в них национальных традиций. Пишет статьи о чувашской профессиональной живописи, графике, скульптуре, приветствует проявление в работах художников чувашской тематики. Однако, вынужденный подчиняться требованиям вульгарного социологизма, раскритиковал картины М. Спиридонова, Ю. Зайцева, А. Кокеля. Работы художников, изображающие национальный костюм, обряды, старину, он называет «националистическими», отмечает, что они идеализируют дореволюционное прошлое. Однако в работах вышеуказанных живописцев не забыл указать и положительную сторону, это – стремление развить национальную живопись. Моисей Федоров не одобряет и последующие произведения Ю. Зайцева, изображающие инженера и парашютиста, готовых покорить природу. Он не принимает принципы натурализма, формализма, символизма в живописи, призывает художников придерживаться метода социалистического реализма.

Моисей Федоров, работая в управлении развития культуры и искусств, посещает выставки художников, пишет рецензии на их картины. В своих статьях о живописцах он анализирует технику их работы, соответствие изображенного на холсте идеологии того времени. В большинстве случаев одобрение получают произведения, посвященные борьбе за светлое будущее, изображению коммунистических строек.

Моисей Федоров работал над созданием чувашской литературоведческой и философской терминологий. Он старался каждое понятие изложить на родном языке. Использовал для этого однокоренные слова, словообразовательные аффиксы: *пулмаллалăх* – необходимость, *пулмапултарнăлăх* – возможность, *пулмаллалăлли* – необходимое, *ĕç-хĕл* – деятельность, *сăнлăх* – образ, *тĕпчевленсе пĕлни* – исследование и т.д.

За короткий период работы на поприще чувашского литературоведения, искусствоведения Моисей Федоров оставил не очень большое по объему, но весьма ценное наследие. Его теоретические и историко-литературоведческие работы характеризуются оригинальным видением проблем, глубоким анализом

художественного произведения. Несмотря ни на что, он, маскируя свои размышления под «антинациональную» критику, продолжал поддерживать идею развития чувашской литературы и искусства с учетом этнической специфики. Многие положения исследователя остаются актуальными и для современной методологии и теории национальной литературы.

Литература

[1] *Родионов В.Г.* Моисей Федорович Федоров // *Родионов В.Г.* Чăваш литературипи, 1917–1930-мĕш çулсем: вĕренӳ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2008. С. 312–320.

[2] *Никитин В.П.* Поменял прописку и остался жив // Республика. 2005. Июнь, 6.

[3] *Федоров М.* В. Рсайăн «Аслати умĕн» пирки // *Федоров М.* Тĕпчевсем. Шупашкар: ЧГПĂИ, 2005. С. 14.

[4] *Федоров М.* Литература политикин тĕп йĕрĕ // Там же. С. 14.

[5] *Федоров М.* Сакăр çуллă шкулсенче чăваш литературине вĕрентмелли программа пирки // Там же. С. 61.

ЯЗЫКИ ОБЩЕНИЯ В СЕМЬЯХ МОЛОДЫХ ЧУВАШЕЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИНТЕРВЬЮ С МОЛОДЫМИ РОДИТЕЛЯМИ)

Э. Алос-и-Фонт

Ключевые слова: *языковая преемственность, языковая ситуация в Чувашии, метод исследования, билингвизм, перспективы использования чувашского языка.*

Джошуа Фишман, ключевая фигура в социологии языка, уже несколько десятилетий подчеркивает языковую преемственность в семье как важнейший фактор для сохранения языков. «Без межпоколенческой передачи родного языка... какое-либо сохранение языка не является возможным. Что не передается, то не может быть сохранено»[1]. Как показывают К. Кинг, Л. Фогл и О. Логан-Терри, проблема состоит в том, что взаимоотношения между элементами процесса языковой передачи недостаточно понятны[2].

Настоящая работа посвящена изучению факторов, мешающих передаче чувашского языка детям в семьях Чувашской Республики. Для этой цели проинтервьюированы родители из 12 молодых семей с детьми, в которых, по крайней мере, один родитель владеет чувашским языком. Исследована языковая история родителей – степень изучения и использования чувашского языка в рамках семьи и за её пределами. И главным образом нас интересовало, на каких языках они общаются с детьми, когда они используют тот или иной и почему они выбрали эту форму передачи (или непередачи) языка. По данным последних социолингвистических опросов среди школьников выяснилось, что идет прекращение передачи языка в Чувашии, но необходимо детализировать причины передачи родителями или отсутствия передачи своего родного чувашского языка детям. Данное исследование ставит целью лучше изучить эти причины. Их понимание необходимо для создания эффективных мер для того, чтобы противодействовать постепенной утрате чувашского языка.

Алос-и-Фонт Эктор – научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Результаты исследования языковой передачи в семьях

К. Кинг, Л. Фогл и О. Логан-Терри определяют семейную языковую политику как «прямо выраженное и открытое обсуждение, касающееся использования языков в домашних условиях среди членов семьи». Её изучение предполагает комплексное исследование того, «как в семьях управляют языками, изучают их и договариваются об их употреблении»[3].

Множество авторов отметило конфликт между выраженными и подразумеваемыми языковыми идеологиями. Часто найдены несоответствия между заявлениями и действиями индивидов. Люди нередко осознают такое противоречие, но не полностью понимают его масштаб. В связи с передачей языка такие несовпадения нередки. Например, Т. О'Хифернан замечает, что родителей, признающих необходимость говорить с детьми только по-ирландски, больше, чем тех, кто так действует в реальности[4]. С. Пиллаи и др. считают, что «хотя есть чаще всего положительное отношение к использованию малайского, португальского, креольского языков в обществе, это не всегда совпадает с действительным использованием языка»[5]. Дж. Симпсон отмечает, что активисты по сохранению австралийского языка уарумунгу на практике сами часто используют с детьми или внуками другие местные языки[6]. К. Смит-Кристмас в этнографическом исследовании по поводу передачи гэльского языка в шотландской семье указывает, что в общении с детьми и с другими людьми родители используют разные языки. В результате, изучая язык благодаря усилиям всей семьи, дети видят и противоречивые примеры ограничения использования языка членами семьи в общении друг с другом[7].

Исследования также подчеркнули трудности передачи языка, который по сравнению с господствующим языком (далее – язык большинства) меньше используется в определённом обществе (далее – язык меньшинства). А. Де Хауэр пишет: «Когда родители воспитывают своих детей на двух языках, к развитию языка детей часто будут иметь отношение друзья, члены семьи и даже сами родители. Нередки случаи, когда родителям задают такие вопросы, как, например, почему они говорят со своими детьми на том или ином языке. Родителям детей, воспитывающихся на двух языках, могут посоветовать прекратить общение на одном из языков. Когда дети, воспитываемые на двух языках, кажутся отстающими в языковом развитии, дедушки и бабушки, логопеды и педагоги будут спешить возлагать вину на двуязычную ситуацию. Ровесники, говорящие на другом языке в дополнение к школьному, часто будут подвергаться насмешкам, и билингвизм может быть рассмотрен в качестве причины неуправляемого поведения детей, говорящих на двух языках»[8]. Такое давление часто испы-

тывают и родители, говорящие на языке меньшинства, в условиях большего преобладания одного языка в обществе.

Исключительно важную роль играет язык (или языки) обучения в детских садах и школах. Исследуя австралийские семьи, в которых один родитель говорит с детьми на английском языке, а другой на немецком, С. Дёпке пришел к выводу: ребёнок, начавший образование на английском, в дальнейшем испытывал трудности при общении на немецком языке[9]. По мнению А. Туоминен, в двуязычных семьях США использование языков дома сильно зависит от языка обучения. По её результатам, скорее школьники диктуют язык общения дома, а не родители: «дети в многоязычных семьях социализируют родителей вместо того, чтобы быть социализированными ими. Они учат своих родителей «говорить на том же языке», что и остальная Америка»[10]. Специалисты по многоязычию и образованию многократно предупреждали об огромном воздействии систем образования на сохранение языков. Например, Маккарти, Скутнаб-Кангас и Магга указывают, что «школы в одиночку не могут “спасти” языки, находящиеся под угрозой исчезновения, а вот уничтожить их за несколько поколений практически собственными силами – могут»[11].

Поскольку язык образования и окружения имеет сильную тенденцию стать основным языком детей, важно в семье укрепить контакт с языком (или с языками) семейного наследства, если он отличается от языка большинства. В. Эдуардс и Л. Ниукомб показывают на базе данных переписи населения, что в семьях, где только один родитель владеет валлийским языком, вероятность того, что дети овладеют им, в два раза меньше, чем в семьях, где оба родителя владеют им[12]. П. О’Риэган в работе о языковой передаче в одном из ирландоязычных регионов Ирландии также отмечает небольшую вероятность успешной передачи ирландского языка детям, если только один родитель владеет им[13]. Исследователи из США[14], Швеции[15], Японии[16] и Фландрии[17] также подтверждают, что передача языков меньшинств намного больше вероятна, если оба родителя говорят на них и, более того, говорят на них с детьми.

Есть множество доказательств того, что, используя язык большинства дома, родители – носители языков меньшинств – часто ничего положительного не достигают, а только теряют возможность успешно передать родной язык детям. Независимо от этого многие родители предпочитают действовать именно так. Например, Т. О’Хифернан пишет: «Хотя можно легко показать, что это не будет так, у многих носителей ирландского языка есть ещё скрытый страх не добиться свободного владения английским языком детьми, если дома они будут говорить только на ирланд-

ском»[18]. Также К. Кинг описывает, как родители, коренные жители Эквадора, убеждены, что раннее знакомство со вторым языком путает детей и это приводит к использованию только испанского языка дома[19].

Неудивительно: российские исследования по семейной передаче языков меньшинств показывают, что мировые тенденции действуют так же и в пределах России. К примеру, удмуртские родители могут отправить детей в русскоязычные детские сады и школы и принять тот факт, что их дети не достигнут высоких знаний родного языка. Проблему они видят в таких «предупреждениях» о двуязычии: «в городе никому не нужно говорить по-удмуртски», «кто свободно владеет русским языком, тому не нужно говорить на удмуртском» и др. Е. Протасова в исследованиях о языковой передаче в Удмуртии пишет, что «те, кто говорит на удмуртском языке, родились в более или менее моноэтнических сёлах и начали изучать русский язык в возрасте 7 или 8 лет». Они едва ли понимают роль грамотности на родном языке, не имеют достаточного представления о том, как двуязычие может быть сформировано и развито. Городские родители в какой-то степени надеются на каникулы с бабушками и дедушками для передачи ими родного языка. Идея познания удмуртского языка поддержана, но ограниченное знакомство с некоторыми словами, фразами, песнями и стихами считается достаточным. Городские родители, говорящие на удмуртском с детьми, в общественном транспорте или в присутствии других детей обращаются к ребенку на русском[20].

Результаты предыдущих работ о ситуации с чувашским языком в Чувашии

Давно известно, что ситуация с передачей чувашского языка в городах далеко не удовлетворительная. Уже в 1970 г. И.А. Андреев писал, что во втором поколении чувашское население, проживающее в городах, как правило, окончательно переходит на русский язык[21]. А.Н. Баскаков и О.Д. Насырова сообщали, что по данным переписи 1989 г., только для 30 % городских чувашей до шести лет чувашский язык считался родным и что чувашский находился явно в худшем состоянии среди 12 наблюдаемых ими тюркских языков РФ по языковой преемственности в городах[22].

Политические изменения в конце 80 – начале 90-х гг. вызвали известные трансформации во всех сферах жизни. В частности, они отразились и в опыте изменения позиции языков в законодательстве и общественной жизни. В 1990 г. создан первый закон о языках в Чувашии, который предполагал расширение использования чувашского языка в государственных учреждениях, предприятиях

и организациях, а также его обязательное преподавание во всех образовательных учреждениях. Согласно утверждению И.И. Бойко, «многими чувашами, не только представителями гуманитарных профессий, был преодолён комплекс “неполноценности”, на улицах, в общественном транспорте чувашский язык стал звучать гораздо чаще, чем прежде. Разрушение подобного психологического препятствия стало одним из реальных достижений этих бурных лет»[23]. Тем не менее в последующие годы расширение функций чувашского языка не стало таким, как было предписано законом и программой его реализации. Работы показывают регресс в использовании чувашского языка государственными институтами в 2000-х гг., например, в сфере образования как языка обучения[24] и в общественном пространстве[25]. Следовательно, следует изучать, как регресс в позиции чувашского языка отражается и/или влияет на использование его в рамках семьи.

В последнее время рядом исследователей изучены вопросы передачи чувашского языка. Опросы А.П. Игнатьевой и др.[26] среди городских школьников и преподавателей чувашского языка не только подтвердили факт слабой семейной передачи чувашского языка, показанный работами советского времени, но и показали, что говорящие на нём с детьми, как правило, используют и русский. По данным респондентов из г. Чебоксары, 21 % используют чувашский и русский языки в общении с родителями, а 2 % используют лишь чувашский[27], притом что 63 % жителей Чебоксар – чуваши.

Результаты наших опросов среди почти 3000 школьников подтверждают основные результаты работ Игнатьевой и др. в городах и показывают также слабый уровень передачи в сельских районных центрах[28] и Чебоксарском районе[29]. Сравнение использования чувашского языка городскими родителями-чувашами городского и сельского происхождения показывает, что первые очень редко используют его, а вторые часто используют его с супругом, но редко – с детьми[30]. Анализ ситуации с передачей чувашского языка в Моргаушском и Аликовском районах показывает начало процесса языкового сдвига в деревнях Чувашии, особенно в ближайших к Чебоксарам населённых пунктах.

Как в городах, так и в сёлах опросы показывают, что школьники говорят на чувашском языке чаще с бабушками и дедушками, чем с родителями, и чаще с родителями, чем с родными братьями и сестрами. Вне семьи чувашский используется значительно реже. Например, в школах чувашский используется с преподавателями и одноклассниками меньше, чем дома. Это соответствует данным опросов, сделанных для всего населения Чувашии, они показывают менее частое использование чувашского на работе и в магазинах, чем дома[31].

Школьники мало пишут на чувашском языке, что показывает отсутствие навыка читать и писать на нём. Даже в деревнях, где чувашский язык является основным языком коммуникации в семье и с ровесниками и где многие школьники говорят на нём свободнее, чем на русском, – большинство читает на русском свободнее, чем на чувашском. Результаты не удивляют, так как система образования строится полностью на русском языке с 5 класса или раньше.

Опросы также показывают, насколько сильно язык обучения в школах влияет на использование языков в семьях. В городах и сельских районных центрах, где преподавание идёт с 1 класса только на русском языке, кроме некоторых исключений, многие родители, начинающие говорить с детьми по-чувашски, «переключаются» на русский язык. В деревнях, где преподавание в начальных классах ведётся, как правило, на чувашском языке, наблюдается переход к нему среди части семей, говоривших вначале с детьми по-русски[32].

Опросы не дают точного объяснения того, почему родители-чуваши мало передают чувашский язык новому поколению. Бесспорно, низкий уровень владения чувашским языком и отсутствие привычек использовать его вызывают трудности у городских чувашей при разговоре на нём с детьми. Опросы показывают также, что школьники связывают сферу применения чувашского языка с малоквалифицированным трудом с низкими доходами, считают его скорее несовременным и имеющим небольшую инструментальную ценность. Как правило, люди, владеющие языком, значительно лучше настроены по отношению к нему, чем невладеющие[33]. Тем не менее сегодня вопрос о том, какую роль играют все эти факторы в выборе языков коммуникации в семьях остается открытым. Неизвестно, как выбирается в них язык общения с детьми, как он меняется с течением времени, например с началом посещения детского сада или школы. Необходимо изучить, что происходит в отдельных семьях, которые показали нам, как идёт передача языка. Необходимо глубже осмыслить этот процесс, чтобы более эффективно влиять на него. Насколько знаем, настоящая работа является первым опытом полевого исследования в Чувашии в данном направлении.

Метод исследования

Для более углубленного изучения проблемы использовано интервьюирование. Отбор семей сделан с помощью целенаправленной выборки, когда «исследователи намеренно выбирают лиц и места, чтобы узнать или понять центральное явление»[34].

Подбирались семьи с детьми, в которых, по крайней мере, один из родителей владеет чувашским языком. Чтобы лучше представить ситуацию с передачей чувашского языка в семьях, возраст участников ограничен 35 годами, тем не менее одна семья с родителями немного старше (38–40 лет) и детьми младше 10 лет (меньше, чем у некоторых других интервьюированных). Из-за отсутствия подобных работ в Чувашии мы не концентрировались на детях определённого возраста, а предпочли получить общий обзор. Нас в равной степени интересовали семьи, которые дома говорят только на русском, только на чувашском или на обоих этих языках. Кроме того, мы искали городские семьи, целенаправленно пытающиеся передать родной чувашский язык детям, поскольку известно, что их меньшинство. Важно было узнать, какие затруднения они испытывают. Объявления были размещены на разных социальных сайтах и форумах Интернета, большинство опрошенных было найдено через знакомых автора, которые предложили своих знакомых.

Интервью проведены на русском языке. Интервьюер – иностранец, говорящий на нём с акцентом и ошибками. Это помогает в создании вопросов, как бы выглядящих наивными, которые звучали бы немного странно, даже иногда неадекватно в устах местного интервьюера. Автор считает, что участники исследования более склонны объяснять причины их поведения человеку, который может не совсем понимать, что происходит в Чувашии. Тем не менее автор плохо владеет чувашским языком, поэтому у него не было возможности самому проверить уровень владения языком своих собеседников. Интервью лишь уточняло, когда и с кем он используется или использовался.

Проведено 12 полуструктурированных интервью с апреля по сентябрь 2014 г. Беседы были записаны и частично расшифрованы. Общая продолжительность записей составила 11,5 часов. Самое длинное интервью – 108 минут, самое короткое – 23, в среднем – 57. Интервью проводились в разных местах: в доме респондентов (4), на работе респондентов (3), на улице (3, в двух случаях во время прогулки с детьми), в доме интервьюера (1), на работе интервьюера (1). В основном проинтервьюированы люди с 26 до 35 лет (табл. 1). В 7 случаях проинтервьюированы одновременно муж и жена, в одном случае – только муж, в 4 – только жена (в одном случае мать-одиночка). 6 семей имеют 1 ребёнка, а в других 6 – 2 детей. Семеро детей были младше 3 лет, пятеро имели возраст от 3 до 7 лет, ещё пятеро – от 8 до 15 (табл. 2).

Обращает на себя внимание то, что 10 из проинтервьюированных семей проживают в Чебоксарах, одна семья – в большом районном центре в пригороде Чебоксар (п. Кугеси), другая –

Таблица 1

Возраст родителей в проинтервьюированных семьях

Возраст (в годах)	Количество
21–25	1
26–30	8
31–35	11
36–40	3

Таблица 2

Возраст детей в проинтервьюированных семьях

Возраст (в годах)	Количество
До 1	1
От 1 до 2	5
От 2 до 3	2
От 3 до 7	5
От 8 до 15	5

в деревне (Моргаушский район). Одна из городских семей жила 3 года в деревне после рождения сына. Следовательно, в данной работе представлены почти только городские семьи. Преобладает число респондентов с высшим образованием (только 3 из 23 респондентов не имеют высшего образования). Это может влиять, например, на достаточно частое появление английского языка среди языков, используемых с детьми в выборке (хотя такое использование очень ограничено во всех проинтервьюированных семьях).

В 9 семьях жили родители с детьми, в 1 – мать-одиночка с ребёнком, в 2 – совместно с ними жили родители одного из проинтервьюированных (в одном случае – также бабушка, а в другой – также брат).

Из 12 семей 10 являются однонациональными (оба родителя – чуваши), а 2 – смешанными по национальности (муж –

Таблица 3

Происхождение респондентов по национальности и полу

Национальность	Происхождение	Мужчины	Женщины	Всего
Чуваши	Город, райцентр или вне ЧР	4	5	9
	Деревня	5	7	12
Русские	Город	2	—	2
Всего		11	12	23

Таблица 4

Уровень владения чувашским языком респондентов (по семьям)

	Количество
Оба владеют	6
Один владеет, а другой разговаривает не свободно, но понимает	2
Один владеет, а другой плохо понимает или не понимает	3
Один не свободно разговаривает и плохо понимает, или другой не понимает	1

русский, жена – чувашка). Из 21 родителя-чуваша 2 жили в детстве главным образом за пределами Чувашской Республики, а остальные – главным образом в ней, в том числе 12 жили в детстве главным образом в деревне, 6 – в Чебоксарах, 1 – в райцентре (п. Кугеси) (табл. 3). Хотя есть тенденция, что оба родителя имеют одно и то же происхождение, есть немало случаев, где один родитель – из города, а другой – из деревни. В результате смешения по национальности или происхождению получено интересное разнообразие в уровне владения чувашским языком проинтервьюированных родителей (табл. 4). Короткое представление семей даётся в таблице 5.

Таблица 5

Описание проинтервьюированных семей*

№	Место проживания	Отец	Мать	Дети	Языки общения родителей с детьми
1.	Чебоксары	Чувашеговорящий, из-за пределов Чувашии, 35 лет, с высшим образованием, инженер	Чувашеговорящая, из села, 32 лет, высшее образование, врач	Девочка (2 г., понимает ЧЯ, но пока не начала говорить)	Только ЧЯ
2.	Чебоксары	Чувашеговорящий, из села, 35 лет, с высшим образованием, начальник отдела	Чувашеговорящая, из села, 30 лет, высшее образование (чувашская филология), воспитатель	Мальчик (8 л., говорит на ЧЯ с затруднениями), девочка (1 г.)	Со старшим – РЯ и ЧЯ, с младшим – только РЯ
3.	Чебоксары	Чувашеговорящий, из Чебоксар, 30 лет, с высшим образованием, юрист	*Не свободно говорящая на ЧЯ, из Чебоксар, 22 лет, со средним профессиональным образованием, специалист*	Девочка (3 г., говорит на чувашском с затруднениями)	Папа – только ЧЯ, мама – чаще всего РЯ
4.	Чебоксары	Не владеющий ЧЯ, русский по национальности, из Чебоксар, 27 лет, с незаконченным высшим образованием, без постоянной работы**	Не свободно говорящая на ЧЯ, из Чебоксар, 32 лет, с высшим образованием, без постоянной работы	Мальчик (1 г.3 мес., не понимает ЧЯ)	Только РЯ

Продолжение таблицы 5

№	Место проживания	Отец	Мать	Дети	Языки общения родителей с детьми
5.	Чебоксары	Понимающий с затруднениями ЧЯ, из Чебоксар, 38 лет, с высшим образованием, преподаватель	Достаточно свободно говорящая на ЧЯ, из-за пределов Чувашии, в детстве проживавшая несколько лет в деревне Чувашии, 40 лет, с высшим образованием, работник культуры	2 мальчика (9 и 6 л., плохо понимают ЧЯ)	Только РЯ
6.	Моргаушский район	Чувашеговорящий, из села, 29 лет, с высшим образованием, начальник отдела	Не свободно говорящая на ЧЯ, из райцентра, 26 лет, с высшим образованием, преподаватель	Мальчик (6 мес.)	Чаще всего РЯ
7.	Чебоксары	*Чувашеговорящий, из села, 32 года, с высшим образованием, работник культуры (на чувашском языке)*	Чувашеговорящая, из села, 33 лет, с высшим образованием (чувашская филология), преподаватель чувашского языка	Мальчик (7 л.), девочка (4 г.), не свободно говорят на ЧЯ	РЯ и ЧЯ
8.	Чебоксары	*Чувашеговорящий, из села, 32 лет с высшим образованием, инженер*	Чувашеговорящая, из села, 31 года, с высшим образованием, работник культуры	2 мальчика (3 г. и 1 г. 4 мес., плохо понимают ЧЯ)	Отец – только РЯ, мать – почти только РЯ
9.	Чебоксары	*Не владеющий ЧЯ, русский по национальности, из Чебоксар, 35 лет, с высшим образованием, инженер*	Чувашеговорящая, из Чебоксар, 33 лет, с высшим образованием, начальник отдела	Мальчик (10 л., плохо понимает ЧЯ), девочка (1 г.)	Только РЯ
10.	Чебоксары	–	Чувашеговорящая, из села, 26 лет, с высшим образованием, преподаватель	Мальчик (4 г., плохо понимает ЧЯ и не свободно говорит на нём)	РЯ и ЧЯ (вначале только РЯ)
11.	Чебоксары	*Чувашеговорящий, из села, 36 лет, со средним профессиональным образованием, специалист*	Чувашеговорящая, из села, 35 лет, с высшим образованием (чувашская филология), работник культуры	2 девочки (15 л., свободно говорит на ЧЯ, 2 г., не понимает ЧЯ)	Только РЯ
12.	Кугеси	*Не владеющий ЧЯ, из Чебоксар, 30 лет, с высшим образованием, частный предприниматель*	Чувашеговорящая, из села, 26 лет, с высшим образованием, преподаватель	Мальчик (1,5 г., плохо понимает ЧЯ и не свободно говорит на нём)	Отец – только РЯ, мать – РЯ и ЧЯ (вначале только РЯ)

* Курсивом выделены данные о родителях, которые не были проинтервьюированы. Сокращения: ЧЯ – чувашский язык, РЯ – русский язык.

** Респонденты подчеркнули, что их настоящая профессия, по всей вероятности, является временной, поскольку они часто меняют её (они упоминали разные места работы).

Использование языков респондентами сельского происхождения в детстве и юности

Проинтервьюированные* рассказали о том, где они жили, где учились, на каких языках говорили в детстве и юности и с кем. Данная информация позволяет лучше понять, как респонденты изучали чувашский язык (или не изучали его) и как формировались у них языковые привычки. Полученная картина совпадает в основном с результатами опросов.

Большинство респондентов сельского происхождения (8 из 12) приехало в город после 9 или 11 класса, чтобы учиться в учреждениях профессионального образования (училища, техникумы или университеты). Только в одном случае переезд в город был в более раннем возрасте. Респондент Ж7** приехала учиться в 13 лет и проживала в интернате. Один респондент после 11 класса служил в армии и потом приехал учиться в Чебоксары. В остальных двух случаях (М2 и Ж2) респонденты приехали из родной деревни в город после получения заочного высшего образования. Все респонденты сельского происхождения говорят с родителями, братьями и сестрами, бабушками и дедушками только на чувашском языке.

Вызывает особый интерес единственный респондент сельского происхождения, который не живёт в городе (М6). До 6 лет родители говорили с ним на русском языке. За год до поступления в школу родители перешли на чувашский язык, чтобы подготовить сына к обучению на чувашском, и с тех пор он остался языком общения в семье. «Переключение» языка произошло одновременно и у младшего брата. Факт подтверждает результаты опросов в сельских школах, которые показали, что благодаря сельскому образованию на национальном языке часть сельских семей, первоначально перешедших на русскоязычное общение с детьми, переключается на родной язык.

Большинство респондентов сельского происхождения не отмечало особых проблем в усвоении русского языка, некоторые испытывали затруднения в начальных классах средней школы при переходе от чувашского на русский язык обучения.

Переезд в город вызвал большие изменения в языковых привычках у разных респондентов. Ж8, например, говорит о том, что «был какой-то дискомфорт, акцент». Ж12 рассказывает о переходе из ситуации с практически полным чувашским монолингвизмом к ситуации с практически полным русским монолингвизмом:

---

* Имя ребёнка изменено из соображений конфиденциальности.

** Чтобы обеспечить анонимность, использован код. Первая буква указывает на пол респондента (М – «мужчина», Ж – «женщина»), число – номер семьи в таблице 5.

Ж12: Я до 17 лет в основном только на чувашском разговаривала. Русский язык был только на «русском языке» в школе. Оказавшись в городе, в другой среде, в Чебоксарах, хотя это столица Чувашской Республики, почему-то вокруг только речь на русском и все на русском разговаривают. Даже приезжие из других чувашских деревень, которые вообще разговаривали только на чувашском языке. Все так переключаются. Стараются быть горожанами.

Наиболее «тяжелым» переход к русскому как основному языку коммуникации был для респондента Ж11:

Ж11: Там [в её сельской школе. – *Э.А.-и-Ф.*], по-моему, всё на чувашском. Уроки русской литературы рассказать надо на русском, а мы, хоть, слава богу, все на чувашском рассказываем. Вот это очень плохо было. Если русская литература на русском, должны бы объяснять на русском, потому что мы потом в город приехали, нам было тяжело. Вот это проблема. Биология, например, там на русском была, а мы – на чувашском.

Тот же респондент упомянул и другой фактор – чувство приехавших из сёл. Использование чувашского языка в городе не принято в обществе.

Ж11: Когда в троллейбусах на чувашском разговаривали, вообще все смотрели. 96-й год, 98-й.

Интервьюер: Тогда?

Ж11: Тогда было, да. В магазин зайдёшь, невозможно было попросить на чувашском хлеб. Старались объяснить всё на русском. А сейчас я могу на чувашском спросить. Это не стыдно. Тогда мне стыдно было. Я боялась.

Интервьюер: А когда это изменилось?

Ж11: Ну, живя в городе, уже как бы городские стали, когда уже прописку получили городскую, когда квартиру купили городскую, может, после этого, может быть, что-то изменилось.

Согласно мнению респондента М5, существовало яркое различие в поведении жителей города и жителей сёл. По его словам, к 1980 г. было обычным явлением, что в школах предлагали городским родителям сельского происхождения перенимать общепринятые городские навыки и, следовательно, отказаться говорить на родном языке с детьми:

М5: В первом классе классная руководительница давала установку родителям: «Дома по-чувашски не разговаривать!», то есть, это, по крайней мере, повлияло. Обосновывала тем, что будут дефекты речи.

Интервьюер: Такое высказывание классного руководителя на родительском собрании было нормальным?

М5: Да, да, да. Обычно нормально. В городе, да, это нормально. Если бы сказала в деревне, её люди не поняли бы. То есть там бы конфликт мог бы появиться, по крайней мере, ну, а в городе, то есть: деревенский приезжал в то время, это сегодня он себя в городе свободно чувствует. Раньше приезжал, он себя считал, ну, как бы, более приличным. То есть ты должен выполнять требования города. То есть они воспринимали как требования не то, что русской культуры, а именно требования города, то есть городской культуры. Хочешь в городе жить, ты должен соответствовать этим правилам.

В будущем исследователи должны выяснить, насколько частыми были такие установки. Тем не менее из-за влияния на родителей важно знать, насколько родители верили, что эти указания являются совершенно нормальными.

Использование языков респондентами городского происхождения в детстве и юности

Совершенно другую ситуацию представляют респонденты, проживавшие в детстве главным образом в городах или посёлках (включая респондентов из «диаспоры»). Из 11 случаев 9 – чуваши по национальности, а 2 – русские. Все – дети от однонациональных браков. Русские респонденты учили чувашский язык в школе, но не понимают его. Все родители русских респондентов не владеют чувашским языком, а все родители чувашских свободно говорят или говорили на чувашском языке. Во всех чувашских семьях, кроме одного родителя, говорят или говорили с ними только или главным образом по-русски. Единственным исключением является сын чувашского активиста, занимавшегося политикой в начале 90-х гг., с которым родители говорили только по-чувашски.

В 4 случаях респонденты более-менее свободно говорят на чувашском языке. Один – это респондент (М2), который говорил на нём дома; другой изучал его самостоятельно (М1) после окончания университета; другие два (Ж5 и Ж9) использовали его только или главным образом в деревне. Для респондента Ж9 чувашский был единственным языком общения с бабушками и дедушками, а в городе она не использовала его ни с кем, кроме родителей. Респондент Ж5 жила 4 года в детстве в деревне, и чувашский был её языком обучения в 1 и 2 классах. Кроме респондента М2 (который одинаково свободно говорит на обоих языках, но ему более приятно говорить на родном), другие более свободно говорят на русском языке. Респондент М1 постепенно повышает свой уровень владения чувашским языком, как устным, так и письменным.

Два респондента описали ситуации в райцентрах, которые совпадают с основными тенденциями, выявленными при опросах. Семья респондента Ж7 переехала из деревни в п. Кугеси, когда ей был 1 год. Родители перестали тогда говорить с ней на чувашском и перешли на русский. Она понимает чувашский, но говорит на нём с трудом. Респондент Ж10 жила в деревне Ибресинского района, где она училась до 9 класса. В 10 и 11 классах она училась в районном центре, где познакомилась с будущим мужем. Он тоже был чувашеговорящим, но в результате преобладания русского языка в школе (и недостаточного внимания её руководства к языковому вопросу) чувашеговорящие начали говорить между собой на русском языке. Они продолжали говорить на нём,

когда учились в университете в Чебоксарах, хотя оба знали, что другой говорит по-чувашски. Они переключились на чувашский язык только после свадьбы, когда начали жить у родителей мужа, и, скорее всего, выглядело слишком странным, что оба весь день говорят со всеми по-чувашски, а между собой – по-русски.

Использование языка в общении с бабушками и дедушками на селе оказывается чаще всего не совсем эффективным методом его усвоения. Респондент Ж6 объяснила, что ей нужно было говорить по-чувашски с обеими бабушками, потому что они не владели русским языком, тем не менее она говорит на нём с большими затруднениями. Респондент Ж4 считает, что она может более-менее говорить по-чувашски именно благодаря тому, что проводила достаточно времени в детстве в деревне, а также потому, что отец иногда использовал с ней родной язык. Тем не менее она постепенно начала отвечать ему только на русском языке, потому что ей было так легче, и практически прекратила использование чувашского.

Свидетельство респондента М5 представляет особый интерес. Он жил в деревне Чебоксарского района до 3 лет, однако родители, а также бабушка и дедушка по отцовской линии говорили с ним только на русском языке. По его рассказу, они так действовали, потому что собирались переезжать в город. В городе же определённое время семья жила с бабушкой со стороны матери, которая не владела русским языком. С ней общение было только на чувашском, но респондент не пошёл дальше элементарного уровня владения языком. Он даже описывает общение с бабушкой как «непонимание». Тем не менее родители не поняли проблему или считали предпочтительным сохранить его русский монолингвизм. Респондент Ж11 каким-то образом осознает подобную проблему коммуникации между своими детьми и бабушками и дедушками, но считает её неважной: «бабулям и дедулям тяжело [говорить. – *Э.А.-и-Ф.*] на русском. Они же всё время на чувашском привыкли». В другой момент интервью она даже говорит, что бабушки и дедушки «мучаются», когда говорят по-русски с внуками. Несмотря на все это, она старательно говорит с детьми только на русском языке.

По рассказам респондентов, использование чувашского языка родителями между собой даёт только ограниченное понимание языка, а не развивает способность говорить на нём. Следует отметить, что все респонденты городского происхождения, имеющие братьев или сестёр, говорят с ними только на русском языке. Лишь один респондент, говоривший с родителями только на чувашском языке, использует с родственниками оба языка (со старшим братом – только чувашский, а с младшим – и русский, и чу-

вашский). Это показывает, что в городских условиях Чувашии русский, по всей вероятности, становится языком, на котором детям легче общаться, за исключением некоторых случаев, когда родители используют с детьми только чувашский язык. Даже если родители используют только его, нет гарантии, что дети, по крайней мере, одинаково с русским будут свободно говорить по-чувашски. Не хватает общения с ровесниками.

Особая проблема, касающаяся всех чувашей, независимо от происхождения, – это нечастое контактирование с чувашским литературным языком (исключение – преподаватель чувашского языка). Это у некоторых пробуждает неуверенность в уровне владения родным языком.

Использование чувашского языка респондентами

Чтобы лучше понять уровень контакта детей с чувашским языком, респонденты объяснили, какие языки они используют в разных ситуациях.

Русский является основным языком общения с друзьями для подавляющего большинства из них. Немало респондентов делают различие между друзьями в родной деревне и городе. В деревне единственный язык – чувашский, а в городе чувашеязычные друзья редки или отсутствуют. Большинство друзей чувашеязычны только у активистов, работающих в сфере чувашской культуры и преподавателя чувашского языка. На работе чуваши городского происхождения говорят только или чаще всего на русском языке. Среди чувашей сельского происхождения чувашский язык часто используется на работе. В некоторых случаях он является основным языком коммуникации.

Спрашивалось, на каких языках читают газеты и книги, слушают радио, смотрят телевизор и проходят концерты или спектакли, которые они посещают. Наблюдается большое различие между чувашами городского и сельского происхождения. Респонденты городского происхождения практически не употребляют культурных продуктов на чувашском языке, кроме посещения в определённых случаях концертов чувашской эстрады. Иногда могут слушать чувашскую музыку по радио и значительно реже – смотреть новости или прогноз погоды по телевидению на чувашском, если случайно попадают на такую передачу. Респонденты М1, который самостоятельно изучал чувашский, и Ж6, которая начала жить в деревне после свадьбы, больше слушают радио, смотрят телевидение и посещают концерты и театр, но редко читают на чувашском, поскольку им тяжело.

На самом деле, чуваши сельского происхождения также мало читают на чувашском языке, кроме преподавателя чувашского

языка. Тем не менее в культурных продуктах, требующих только пассивного использования языка (радио, телевидение, концерты, театр), чувашский использован больше. Концерты чувашской эстрады популярны, и театр на родном языке чаще посещают, чем на русском (или они так считают). Радио на чувашском также популярно, особенно музыкальное «Тăван радио». Большинство смотрит передачи по телевидению на родном языке намного реже, чем на русском, но новости или прогноз погоды на чувашском иногда смотрят.

Вопреки тому, что в последние годы она не читает на родном языке и не посещает театр, респондент Ж12 высказала, насколько для неё важна чувашская литература, хотя в последние годы не читает её:

> **Интервьюер:** Почему театр вы посещали только на чувашском? Вам было более интересно?
>
> **Ж12:** Да! Для меня это намного интереснее. И вообще чувашские произведения, чувашская литература, она ближе ко мне. Я выросла в этом во всём. Она мне более понятна, более интересная. Культура мне понятна, ну, всё, всё моё, всё моё родное.

Скорее всего, и среди других респондентов подобное чувство проявляется и по отношению к музыке. Тем не менее, как позже представлено в настоящей работе, данное отношение к чувашской культуре необязательно выражается в конкретных действиях с детьми (например, чтение сказки или пение песен).

Ответы на вопросы этой группы показывают, что русский язык и культура преобладают в жизни городских чувашей. Это не может не влиять на передачу родного языка детям.

Отношение респондентов к передаче чувашского языка детям

Нет родителей, принципиально не желающих того, чтобы их дети знали чувашский язык. Безусловно, все хотят хорошего для своих детей и выбирают такие формы воспитания, которые считают более успешными для обеспечения им лучшей жизни. В связи с важностью владения чувашским языком и формами его передачи наблюдаются большие различия между респондентами. Например, для М1 вопрос о том, что надо говорить с детьми на родном языке, был принципиальным при создании семьи, тогда как для семьи № 4 он имеет малое значение:

> **М4:** Чувашский язык не имеет универсальности, то есть за пределами он не востребован. И перспектив не видно. Если замечать какие тенденции, чувашский знают там хотя бы по всей России, тогда ещё да, как бы. Тогда, да, есть возможность его использовать. <...> А так, проехал 200 км, и оказалось, что он не нужен.
>
> **Ж4:** Вы уезжаете за пределы [Чувашии. – *Э.А.-и-Ф.*], легче понимать и легче общаться. Вот. Потому что, конечно, возможно, может быть, что

он [сын – *Э.А.-и-Ф.*] будет жить не в Чувашии. Поэтому, лучше больше учить английский, который мировой (ну, то есть по миру, чем чувашский). А чувашский пусть знает в качестве наследия. Может быть, это неправильно, я так думаю, хотя со мной больше общались на русском и я на русском тоже.

На самом деле, чувство, что территория, где распространен чувашский язык, очень ограниченна, крайне важно для этой семьи:

Ж4: Как бы, если на мировом уровне, все равно, ну вот английский и русский, да? Что лучше учить английский тогда, чтобы можно путешествовать, легко общаться, и русский как бы тоже ехать за пределы Чувашии, там ему будет легче общаться. Соответственно, чтобы убедить меня разговаривать с ним на чувашском, наверно, ничто не будет.

Интересен факт: семья, отмечающая, что сын, может быть, не будет жить в Чувашии и что, скорее, им придётся развивать другие языки за счёт чувашского, – это семья, где живут всемером (4 поколения) в квартире, и у родителей нет постоянной работы. Возможно, среди семей с уровнем доходов ниже среднего более развито чувство, что чувашский – лишний язык. Эта тенденция согласовалась бы с гипотезой «сегментированной ассимиляции», предполагающей, что люди с высоким социально-экономическим статусом имеют достаточно ресурсов, чтобы поддерживать высокий уровень как доминирующего языка, так и языка семейного наследия[35]. Тем не менее результаты опросов не подтвердили, что данная тенденция распространена в Чувашии.

По мнению респондента Ж11, чуваши обязаны знать чувашский язык. Это «судьба», как она говорит. Тем не менее она заботится, чтобы дети говорили на русском языке, общается с ними только на нём и старается, чтобы и старшее поколение так поступало, но не ясно, каким образом дети должны изучать «этот чувашский язык»:

Ж11: Я все равно выгибаться не буду. Мой ребёнок так не будет себя вести. Она все равно будет знать этот чувашский язык. Куда она денется. Я же говорю. Они очень быстро схватывают. Она поживёт недельку. Я помню: мы Ирину* оставляли в деревне на лето, три месяца. Мы ездим каждую неделю и общаемся, приезжаем. Она в сентябре приезжает. Она по-русски не хочет разговаривать. Она до того так привыкла чувашский, и иногда мы говорим «Ирин, ты, давай, в деревне разговаривай по-русски! А то вообще так забудешь, потому что с бабулей, дедулей общается на чувашском». Вот. Ну, младший язык будет знать. Проблемы такой нету. И я не буду стесняться, что она не будет знать чувашский язык. Не буду стесняться. Зачем? Это мой родной язык. Я родилась. Ничего не могу сделать. Если Ирина выйдет за русского, у неё дети русские будут, и я буду довольна. Если чувашские, что теперь поделаешь? Это судьба! (*Смеётся.*)

Респондент Ж10 предпочла «сначала» говорить с детьми только на русском языке. Она связывает свое решение с насмешками, которые она испытывала в детстве со стороны городских детей:

> **Ж10:** Наверно, всё этого связано с тем, что чуваши стесняются своего языка. И у себя, вот в моём детстве я, когда приезжала в лагеря, и я испытывала некоторые трудности. Я говорила хорошо на русском, но всё же как бы дети городские, они знали то, что, например, я из деревни. Они немного подшучивали, немного вот было такое пренебрежение. С этим как бы каждый родитель желает своему ребёнку только всего хорошего, да? И поэтому я подумала, что лучше всё-таки я больше буду по-русски говорить, чтобы не было потом с моими детьми...

Для респондента Ж9 владение детьми чувашским языком имеет «среднюю» важность. На самом деле, ей «достаточно» знание его старшим сыном. 10-летний ребёнок говорит практически только на русском с родителями, бабушками и дедушками, изучает чувашский язык «только в школе» и в результате всего «плохо понимает» его. Тем не менее респондент считает эффективным школьное преподавание чувашского языка и на практике рассчитывает полностью на него. На самом деле, в отличие от тех родителей, которые полагаются на старшее поколение, на то, что с помощью бабушек и дедушек дети изучат чувашский язык, задачу по передаче родного языка перекладывает на школу.

В городских школах Чебоксар чувашский язык как предмет учат 2—3 часа в неделю «с нуля». Такое обучение не позволяет, чтобы дети начали более-менее свободно говорить на нём. Оно также не ориентировано на развитие умений и навыков учащихся читать и писать на нём[36]. Однако оно фиксирует уровень требования, который считается мерой.

> **Ж11:** В школе её [старшую дочь. — *Э.А.-и-Ф.*] любят. Учительница её обожает, потому что чувашский очень хорошо знает, и общается, и разговаривает.

Мы спрашивали у некоторых респондентов, насколько им важно, чтобы дети не только устно владели чувашским языком, но и читали и писали на нём. Многие «не задумывались» об этом, некоторые считают цель «недостижимой». Тем не менее есть и такие, кто считают её «естественной» и «очень хотели бы» достичь её.

Использование чувашского языка с детьми

Объяснения об использовании чувашского языка с детьми показали, с одной стороны, частые изменения языка общения в семьях и, с другой стороны, частые несоответствия между начальным описанием родителей и конкретными языковыми практиками с детьми. Все же некоторые тенденции ясны и совпадают с результатами опросов.

Наблюдается, что чувашские респонденты городского происхождения говорят с детьми, как правило, только на русском языке. Это происходит даже среди тех, кто считает, что они свободно или достаточно свободно говорят на чувашском. Предполагалось, что они передают некоторые традиционные песни на родном языке новому поколению, но оказалось, что они поют детям только на русском языке.

Единственное исключение из этого правила, и то частично, – это семьи-активисты. Семья № 1, в которой папа изучил чувашский язык, когда стал взрослым, а мама приехала из деревни, разговаривает с дочерью почти только на чувашском языке. Но они испытывают большое давление, чтобы использовать русский язык дома из-за отсутствия детских садов на чувашском языке в столице Чувашии и вообще непредвиденности такого случая образовательной системой. Кроме этого, они испытывают регулярное давление детского психолога, чтобы они говорили с дочерью только на русском языке, из-за чего они очень переживают.

> **М1:** Логопед вновь говорила, что надо учить ребёнка только одному языку, и спросила, зачем мы учим дочку и чувашскому языку.

Семья № 3 представляет иную ситуацию. Оба родителя – чуваши из Чебоксар, но папа говорил дома только на чувашском языке, а мама говорит на нём с большими затруднениями. Он целенаправленно говорит с дочерью только на чувашском языке и настаивает, чтобы жена использовала с ребёнком только или главным образом чувашский, но для неё это пока невозможно. По словам мужа (жена не была проинтервьюирована), он начал чаще говорить по-чувашски с женой, чтобы помочь ей овладеть языком. Оказывается, папа передаёт дочери и русский. Он поёт как на родном, так и на русском языках и читает сказки на чувашском, русском и английском языках. 3-летний ребёнок отвечает ему чаще всего на русском.

Как показывают исследования, наблюдается большая тенденция к переходу к русскому языку, если один из родителей плохо владеет чувашским или вообще не понимает его. Респондент Ж9 объяснила так:

> **Ж9:** Как могу с детьми по-чувашски? Он [муж. – *Э.А.-и-Ф.*] понимать не будет.
>
> **Интервьюер:** Но Вы сейчас одна с детьми...
>
> **Ж9:** Ну, не знаю. Все равно на русском. Привыкла на русском. Потому что... Ну, так, на русском.

Следует отметить, что респондент Ж9 выросла в городе и более свободно разговаривает на русском, чем на чувашском. Тем не менее первая причина, по которой она говорит с детьми только на русском – это непонимание мужа.

Ж5 тоже считает, что не использует чувашский язык с детьми из-за отсутствия привычки:

> **Ж5:** Иногда говорю: «Надо детей учить разговаривать». Дома сама не замечаю, как я перехожу на русский язык сама.

Интересный случай демонстрирует семья № 6, проживающая в деревне. Мама родом из п. Кугеси. Она владеет чувашским языком, но у неё нет навыка использования его. Она с сыном говорит на русском языке, также поёт и читает сказки только на нём. Отец тоже так действует. Хотя он частично использует с ребёнком чувашский, главным образом на нём говорит с ним и поёт ему на русском. Кажется, что он не совсем осознанно так поступает: респонденты понимали, что ребёнок испытывает недостаточный контакт с чувашским языком, и просили других членов семьи говорить на нём с ребёнком. Тем не менее не все так делают. Например, бабушка с отцовской стороны, говорит с ним главным образом по-русски.

Такое поведение можно наблюдать часто. Родители освобождают себя от ответственности за передачу родного языка своим детям и перекладывают её на старшее поколение, в то время сами концентрируют усилия на том, что считают более существенным, а именно на обучении детей русскому языку. Тем не менее некоторые респонденты также отмечают, что деревня или старшее поколение не способствуют популяризации чувашского языка. Например, Ж7 объясняет, что в её деревне детей уже нет. Все дети приезжают сюда из города и говорят между собой по-русски. М5 рассказывает, что дети его родного села привыкли говорить с приезжими на русском языке.

Семья № 12 – исключение. Как правило, передают детям только русский язык, если один родитель не владеет чувашским. Здесь же жена говорит с сыном на обоих языках, хотя муж не понимает чувашского. Это идёт не без проблем:

> **Ж12:** Ему [мужу. – *Э.А.-и-Ф.*] не нравится то, что я говорю на чувашском [с ребёнком. – *Э.А.-и-Ф.*]. Он думает, что это лишняя информация для ребёнка. Он это всё не одобряет.

Этот респондент старательно заботится, чтобы их ребёнок был трёхъязычным – овладел чувашским, русским и английским языками. Одну неделю она говорит с сыном только на чувашском языке, а другую – только на русском. На английском языке она с ребёнком не говорит, но они смотрят детские передачи на нём. Она считает, что аудиовизуальные материалы дадут возможность достичь достаточно высокого уровня владения английским языком:

Ж12: Я сама тоже выросла так. Со мной разговаривали на чувашском. Русский язык мне дало телевидение, и всё. И я думаю, что я неплохо владею русским языком, не хуже чувашского.

Вопрос о том, насколько нужно говорить с сыном на русском языке, чтобы он мог изучить его таким же образом, как мама. И, кроме телевидения, будут влиять также русскоязычный папа и среда п. Кугеси, где они проживают. Здесь получен двойной ответ. С одной стороны, муж не согласился бы («Мой муж – он меня не понимает»), а с другой, – привычность («Это уже привычно стало за многие годы»). По словам респондента, она говорила до 17 лет практически только на чувашском языке. Тем не менее через 7 лет после переселения в город для учёбы в университете русский язык стал настолько обычным, что она чувствует потребность разговаривать с детьми на нём.

Анализ ситуаций применения того или иного языка в общении с ребёнком показал, что она не использует их так равноправно, как сначала объяснила. Она поёт одну неделю на одном, а другую – на другом языке, но сказки читает только на русском языке. Она объясняет:

Ж12: Русская литература – она повсюду продаётся. Я целенаправленно куда-то не ходила искать чувашскую литературу.

Второй момент: то, что на прогулках она говорит с ребёнком только на русском языке:

Ж12: Потому что окружение всё говорит только на русском. Все его друзья, соседи, все малыши – все говорят только на русском.

По поводу чтения: немного удивляет, что именно этот респондент, который раньше так эмоционально отзывался о чувашской литературе (см. цитату выше), не читает её сыну. Преподаватель чувашского языка (напомним – единственный проинтервьюированный, который регулярно читал для себя на чувашском языке), также читает детям только на русском. Она объяснила таким образом:

Ж7: Так легче понимать ребёнку, наверно.
Интервьюер: Но, если с ними говорите на чувашском, почему...?
Ж7: (*перебивает*) Начнём читать, начнём читать... Но пока не читали ещё.

Случаи выбора разных языков для общения с ребёнком дома и на улице встречаются достаточно часто. Так же поступают семьи № 7 и 10. Ж10 не может объяснить, почему она дома говорит с ребёнком на обоих языках, а на улице – только по-русски. Она утверждает, что это происходит именно с сыном, а с чувашеговорящими взрослыми она «конечно» говорит на родном языке.

Ж7 стесняется говорить с детьми на языке, который не все окружающие понимают:

> **Ж7:** Неудобно говорить на чувашском, когда все окружающие, многие, не понимают.

Ж12 отмечает, что все дети, с кем общается сын, говорят лишь по-русски. Самое впечатляющее – что так происходит во всех проинтервьюированных семьях, которые старательно занимаются передачей родного языка. Семья № 1 после недолгих размышлений вспоминает одну городскую семью с ребёнком в возрасте примерно как их сын, с которым он мог бы поиграть, говоря на родном языке, но они не поддерживают контакта. Респондент М3 знает таких семей чуть больше, но нет регулярных контактов с ними. Ж7 также говорит, что её дети не разговаривают по-чувашски с ровесниками. Скорее всего, эти чебоксарские дети будут говорить по-чувашски лишь дома с родителями и редко общаются на нём с ровесниками.

В семьях, где оба родителя происходят из деревни и владеют чувашским, уровень передачи языка очень разный. Из 5 таких проинтервьюированных семей только семья № 7 считает, что они говорят с детьми только на чувашском языке. Оба родителя профессионально занимаются чувашским языком. На самом деле ситуация с детьми не совсем такая. Как указано выше, родители говорят с детьми на улице чаще всего на русском языке. Хотя мама – преподаватель чувашского языка и часто читает на нём, сказки детям она читает только на русском языке и поёт им на обоих языках. Немного странно в этом случае то, что все бабушки и дедушки, кроме одного, говорят с детьми на русском языке. Как правило, бабушки и дедушки говорят на чувашском с детьми чаще, чем родители. Но самым непонятным в описании респондента является то, что оба ребёнка (7 и 4 лет) несвободно говорят на чувашском языке, и младший сын владеет хуже. Хотя влияние детского сада меньше у него, он говорит по-русски, а по-чувашски «отвечает отдельными словами, но предложений не говорит». Дети говорят между собой на русском языке, и родители воспринимают это действие как нормальное. На наш взгляд, по крайней мере, с младшим сыном родители перешли в основном на общение по-русски.

Различие между двумя детьми есть и в семье № 2. Данная семья переехала в город, когда старшему сыну был 1 год. Они быстро «переключились» на русский язык из-за отсутствия детских садов на чувашском языке:

> **Ж2:** Как переехали сюда в Чебоксары, все равно детские садики, школы, все равно на русском языке.

Мама рассказала про инцидент на детской площадке, который также способствовал изменению языка общения с ребёнком:

> **Ж2:** Во дворе ситуация, когда мы только что переехали. Вышли гулять на улицу, он же тогда только по-чувашски разговаривал. А там один ребёнок пришёл и говорит: «Мама, водички дай!» А у меня пришёл: «Мама, шыв пар!» Другой мальчик смотрит и смотрит, и: «Мама, – говорит, – посмотри, он как разговаривает!» А у нас: «Мама, а почему он на нас показывает, почему надо мной смеётся?» Мне вот это было как-то, помнишь? «Мама, шыв пар!» – говорит на чувашском. «Ты же на чувашском разговариваешь, он на русском разговаривает». Вот так мы объяснили ситуацию. Вот. Потом, после этого мы уже начали...

На самом деле, случай показывает два аспекта проблемы. С одной стороны, необычно, что ребёнок говорил на не русском языке. Это вызвало удивление у другого ребёнка. Тем не менее, согласно высказыванию респондента М2, «родители (со двора. – *Э.А.-и-Ф.*), все разговаривают на чувашском». С другой стороны, есть реакция со стороны родителей. Они оба прекращают говорить с ребёнком на родном языке в городе, чтобы он стал обычным городским ребёнком. При этом они не считают, что ребёнок не усвоит чувашского языка (они, напротив, полностью уверены, что он изучит его в деревне), и хотят ускорить изучение им русского языка.

В результате перехода к русскому языку старший сын сегодня понимает чувашский, но разговаривает на нём с трудом. Младший ребёнок имеет значительно меньший контакт с чувашским языком и не понимает его. К старшему родители изредка обращаются на чувашском, но с младшим говорят только на русском.

Мнение, что только русский монолингвизм подходит для города, разделяет и семья № 8. Тем не менее респондент Ж8 объясняет, что основная причина, как и в предыдущем случае, – это одноязычная образовательная система на русском языке:

> **Ж8:** С детьми общаемся на русском языке полностью, потому что живём в городском поселении и основная масса разговаривает на русском языке, и чтобы детям потом было легче на русском разговаривать, общаться с детьми.

Семьи № 2 и 8 также боятся одновременного изучения двух языков детьми.

> **Интервьюер:** Нельзя ли, чтобы дети начали говорить на двух языках одновременно?
>
> **Ж8:** Все равно же, мне кажется, тяжеловато, да, нет? Я не интересовалась этим моментом. Я даже не думала об этом, конечно. (*Смеётся.*) Не обсуждала с мужем как-то.

Респондент Ж11 не просто думает, что говорить только на русском языке с детьми более подходяще в условиях городской жизни, чтобы облегчить их коммуникацию с другими детьми и в образовательных учреждениях, а вообще и в деревнях. О некоторых родителях, которые начали говорить по-русски с детьми, когда ещё жили в деревне, она говорит:

> **Ж11:** Уже родители тогда были умные, детей учили с малых лет на русском.

Главная причина, которой она объясняет то, почему она и её муж говорят с детьми на русском языке, – это язык образовательных учреждений:

> **Ж11:** Потому что в садике дети на русском общаются, в школе на русском общаются. Как можно учить?

Для семьи № 2, особенно для мужчины, при одновременном изучении двух языков есть опасность говорить с сильным акцентом. Он несколько раз упомянул о том, что на русском языке, по его мнению, он говорит с сильным чувашским акцентом:

> **М2:** Акцент был на то, чтобы диалекта чувашского в разговоре в русском не было. (Мы, родители. – *Э.А.-и-Ф.*) старались на русском (говорить. – *Э.А.-и-Ф.*).
>
> ...
>
> **М2:** В разговорном, чисто на русском, изначально, когда начинают разговаривать тоже, акцент чувашского меньше. То есть, так мне кажется. У меня акцент очень сильный. Все равно вот это в разговоре. А он, как бы, произношение у него русское тоже идёт, уже по-другому.

Согласно мнению данного респондента, акцент возникает потому, что дети не говорили на том или ином языке с раннего детства, а не из-за того,что они заимствовали чью-то модель речи, например от папы с сильным чувашским акцентом. Следует добавить, что данный респондент преувеличивает свой акцент в русском языке. Он говорит так же, как обычный житель г. Чебоксары, и, скорее всего, его дети будут говорить так же, если они растут в этом окружении.

В некоторых других интервью респонденты отмечали вопрос акцента. Например, Ж11 заявила, что у неё есть акцент на русском языке, Ж5 объяснила, что родители старались говорить с ней на русском языке, чтобы у неё акцент не появился. Другие респонденты считали, что они хорошо владеют русским языком или уровень владения им полностью их устраивает. Семьи № 1, 6, 9 и 10 отрицали, что акцент в русском языке может появиться у детей из-за того, что они говорят с родителями на другом языке. Респонденты М1 и М6 добавили, что, если он появится, это также было бы нестрашно, М6 выразил мнение, что, наоборот, владение чувашским облегчает изучение других языков.

Перспективы использования чувашского языка в общении с детьми

Некоторые семьи находятся на переходном этапе, согласно тому, что они рассказывают. Семья № 2 считает, что в городских условиях дети должны изучать в первую очередь русский язык, а чувашский родители должны внедрять постепенно:

> **М2:** Так как в основном во многих работах, в любых работах, всё-таки присущ основной язык – это русский, соответственно, деловой русский язык – он должен быть чётким, ясным. А для этого, я вот поэтому акцент-то и составил, то, что первоочерёдно ребёнок должен владеть именно русским языком, чтоб у него диалекта чувашского (ну как? акцента, именно вот такого) в разговорной речи. <...> Получается, изначально начинал он на русском – вот моя цель определённая. А то, что потом, в более осознанном возрасте, уже изначально, с пятого-шестого класса, там уже я думаю, он на чувашском тоже будет хорошо, свободно разговаривать. Ну, зато у него, получается, русский язык не будет такой искажённый.

Похожим образом думает респондент Ж8, которая боится, чтобы дети начали изучать два языка одновременно (см. выше):

> **Ж8:** Вот когда в школу пойдёт, вот тогда уже начнём вводить потихоньку (чувашский язык. – *Э.А.-и-Ф.*).

Также семьи № 3, 10 и 12 предполагают постепенное увеличение использования чувашского языка. Каким-то образом семье № 11 придётся делать это с младшим ребёнком, если действительно считают недопустимым, чтобы дети-чуваши не владели чувашским языком. Как выше указано, в семье № 3 мать не разговаривает свободно на чувашском языке, а отец старается, чтобы она улучшила свой уровень владения им и увеличила использование его с детьми. Респонденты Ж10 и Ж12 начали говорить с детьми после рождения только на русском языке. Оба поняли, что дети так не изучат чувашского, и начали использовать и его. Ж10 – когда ребёнку было 6 месяцев, а Ж12 – 3 года. В двух случаях это было примерно за один год до интервью. В первом случае основной причиной было чтение книги о раннем развитии детей, а во втором случае – знакомство с активистами чувашского языка. Обе матери используют объяснения на русском языке, когда чувствуют, что дети не понимают того, что сказано по-чувашски. Ж10 объяснила, что введение нового языка в общении с ребёнком трудно, потому что привычки уже устоявшиеся:

> **Ж10:** Мы же с ним сначала на русском только были. А теперь, когда мы вдвоём остаемся дома, осознается, что надо бы практиковать чувашский, а русский – вот он уже идёт, как бы неосознанно уже.

На самом деле опросы не дают сведений об увеличении использования чувашского языка в семьях после поступления детей

в школы. Мы сомневаемся, что семьи № 2, 8, 11 действительно будут больше говорить на чувашском языке. Как показывают исследования и примеры старшей дочери семьи № 8 и респондента Ж4 с отцом, скорее дети школьного возраста, а не родители диктуют язык общения в семьях. Необходима сильная воля родителей, чтобы преодолеть эту тенденцию. Скорее всего, это под силу респондентам Ж10 и Ж12, но трудно предсказать, достигнут ли они того, чтобы их дети были более-менее сбалансированными билингвами при смешении чувашского и русского, в условиях обучения в школе полностью на русском языке и среды, где господствует русский.

Школьное преподавание чувашского языка и на чувашском языке

Поскольку немалая часть родителей считала, что они разговаривают на русском языке с детьми из-за того, что дошкольное и школьное образование идёт только на нём, мы спрашивали, отправили ли бы они своих детей в детский сад или школу с чувашским языком воспитания или обучения, если бы школа была недалеко от дома и уровень образования был бы соответствующим русскоязычным учреждениям. Ответы были разнообразными. Как можно предполагать, семьи, которые прилагали усилия к тому, чтобы дети изучали чувашский язык, согласились, а другие нет. Например, респондент М11 ответила, что она смысла не видит в чувашеязычном детском саду, потому что дети «все равно» будут изучать чувашский язык.

Респондент М8, которая сначала считала, что говорит с детьми по-русски, чтобы подготовить их к детскому саду, в первую очередь была согласна отвести детей в чувашеязычный детский сад, но потом представила себе другие проблемы:

> **М8:** Проблема в обществе. Потому что общество больше общается на русском языке. В больницу ты идёшь с ребёнком, там на русском языке разговаривают. Когда в гости ходишь, там мало кто общается на чувашском, большинство – на русском. И в транспорте, где, куда ни пройдёшь, всё на русском языке. Ну, городское население – мы больше на русском общаемся.

Другие семьи меньше настроены на обучение на чувашском языке. Те, кто уверен, что дети «как-то» изучат чувашский язык, например семья № 2, считают, что обучение только на русском языке предпочтительнее:

> **М2:** Если выбор (языка обучения в школе. – *Э.А.-и-Ф.*) был бы... (*думает*). В принципе, может быть, даже и на русском (мы выбрали бы школу. – *Э.А.-и-Ф.*). Потому что основная, как бы разговорная речь, все-таки в городе плюс ещё более русский язык, в основном. Чтобы у него

потом в учёбе как бы тоже требования, большинство книг на русском. В начале у него разговорная речь, это все чтоб. Мне кажется, всё-таки на русский, я говорю. Чувашский как бы, вот, как раз у наших был на втором плане. Это мое мнение.

Выводы

Путём интервью 12 семей в данной работе проанализированы разные взгляды на передачу чувашского языка и подходы к её осуществлению. Нашлись такие аспекты, о которых предупреждают опросы:

– чувашский язык плохо передаётся в городах;

– в посёлках (Кугеси, Ибреси) ситуация мало отличается от городской;

– в деревнях (Моргаушского и Ибресинского районов) начинается переход к русскому языку с детьми;

– язык образования играет большую роль в выборе языка общения между родителями и детьми как в городах, так и в сёлах.

Работа даёт больше ясности в понимании причин таких процессов.

Хотя нет принципиальных отказов передать родной язык детям, у многих семей этот вопрос имеет низкий приоритет. Распространены ошибочные идеи о двуязычии, например: нельзя, чтобы дети изучали два языка одновременно; дети, изучавшие раньше чувашский язык, вероятнее всего, будут говорить по-русски с акцентом; дети выучат чувашский язык, общаясь с бабушками и дедушками или слушая родителей, говорящих по-чувашски между собой, также через отдельные фразы, которые им говорят изредка; необходимо передать русский язык дома, потому что телевидение, общество, образовательная система недостаточно погружают детей в него; русский монолингвизм лучше подготовит детей к изучению английского и других иностранных языков, чем двуязычие на родном и русском языках; школьный монолингвизм на русском языке является более результативным, чем двуязычное обучение на родном и русском языках.

Впечатляют случаи, когда такие предубеждения приводят к непониманию между бабушками и внуками или бабушки и дедушки при общении с внуками «мучаются». Такая ситуация воспринимается как нормальная.

В городах и посёлках считается, что русский язык дети должны изучать с самого начала не только для того, чтобы смогли легко адаптироваться в детских садах и школах, но также с тем, чтобы общаться на детских площадках, отвечать на вопросы медицинского персонала поликлиник и т.п. Родители подчеркивают, что это более комфортно для детей, даже необходимо в городской жизни. Невозможно не заметить, что такой подход облегчает

жизнь родителей, но ни один из респондентов не упомянул, что, возможно, его собственный комфорт мог бы играть роль в выборе языка общения с детьми.

Не полностью отказываясь передать родной язык детям, часто родители передают старшему поколению или школе задачу по обучению ему. Они предпочитают заниматься обучением детей языку, который они считают основным, а именно – русскому. Часть из них думает, что они будут больше говорить с детьми на чувашском языке после того, как дети усвоят русский язык. На самом деле такой переход, как правило, не осуществляется.

Чаще всего родители удовлетворяются тем, что дети кое-как могут говорить на чувашском языке, не желая добиться их умения свободно общаться на нём и, более того, хорошо читать и писать. Низкий уровень знаний чувашского языка, требуемый образовательной системой, усиливает такое чувство. Некоторые родители уверены, что дети «очень быстро схватывают» (Ж11) или «быстро подхватывают» (М2) чувашский язык, например, в деревне, даже «недельки» может быть для этого достаточно. Совершенно разные эталоны измерения уровня владения языком для чувашского и русского. Нет родителей, считающих, что русский «очень быстро схватывают», несмотря на его повсеместное преимущество в городах. Будущие исследования могли бы проанализировать некоторые формы поведения родителей с точки зрения концепции ложного сознания.

Родители, как правило, воспринимают как аномалию, когда городской ребёнок говорит на чувашском языке. Многие из тех, кто стремится передать родной язык детям и говорить на нём дома, предпочитают общаться с ними на улице по-русски, чтобы не вызывать удивление окружающих. Эти же родители говорят на улице со взрослыми по-чувашски. Такое поведение не только уменьшает контакт детей с родным языком, но главным образом приводит к пониманию, что чувашский язык не вызывает чувства гордости. Есть опасность, что для детей он, скорее, будет являться второстепенным языком, заслуживающим ограниченного использования в обществе. Чуваши не преодолели «комплекс неполноценности», как полагают некоторые авторы. Бесспорно, ситуация лучше, чем в 80-х гг., когда открыто рекомендовали городским родителям говорить на русском языке с детьми, но исследование даёт сведения, что проблема ещё не решена: из 5 проинтервьюированных городских семей, где говорят дома с детьми на чувашском языке, в 3 говорят с ними на улице только по-русски.

Научная литература показывает, что использование дома только того языка, который находится в обществе в меньшинст-

ве, намного более надёжно для передачи его, чем использование языка, пользующегося преимуществом. Поэтому впечатляет, что большие трудности испытывают семьи, которые стараются следовать этой стратегии (иногда называемой «горячий дом» в англоязычной литературе). Удивляет, что система образования не предвидит такого случая в городе, где проживают свыше 270 тыс. жителей чувашской национальности, столице Чувашской Республики, где чувашский язык – один из государственных языков и где Закон «Об образовании в ЧР» заявляет, что «граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации... в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» (ст. 5.2)[37]. Не меньше впечатляет тот факт, что детский психолог рекомендовал единственной такой семье из нашей выборки переходить на общение по-русски. Как указано в литературе, не только в Чувашии имеются такие логопеды, которые спешат возложить вину на двуязычную ситуацию при появлении отклонений в развитии речи детей, тем не менее подобные случаи вызывают сомнение в компетентности местных специалистов в области двуязычия.

Государственные институты слабо укрепляют двуязычие. В таких условиях чувашско-русское двуязычие быстро заменяется русским одноязычием. Аналогично тому,что объясняет Т.О' Хифернан об ирландском языке в Ирландии, все реже встречаются дети, которые «случайно» свободно говорят на чувашском языке в Чувашии. В городах и райцентрах необходимо родителям прилагать усилия к тому, чтобы дети более-менее свободно могли говорить на чувашском. Эти родители нуждаются в поддержке общества. Образовательная и здравоохранительная системы должны способствовать развитию двуязычия. Средства массовой информации призваны помочь изменить отношение людей к билингвизму. Власти и гражданское общество могли бы организовать программы поддержки молодых семей, говорящих на языках меньшинства с детьми. Такие программы успешно реализуются в других странах.

Литература и примечания

[1] *Fishman J.A.* Reversing language shift: theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. Clevedon; Philadelphia: Multilingual Matters, 1991. С. 113.

[2] *King K.A., Fogle L., Logan-Terry A.* Family Language Policy // Language and Linguistics Compass. 2008. Т. 2, № 5. С. 907–922.

[3] Там же. С. 907.

[4] *Ò hIfearnáin.* Raising Children to be Bilingual in the Gaeltacht: Language Preference and Practice // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2007. Т. 10, № 4. С. 520–521.

[5] *Pillai S., Soh W.-Y., Kajita A.S.* Family language policy and heritage language maintenance of Malacca Portuguese Creole // Language & Communication. 2014. Т. 37. С. 76.

[6] *Simpson J.* What's done and what's said: language attitudes, public language activities and everyday talk in the Northern Territory of Australia // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2013. Т. 34, № 4. С. 383–398.

[7] *Smith-Christmas C.* Being socialised into language shift: the impact of extended family members on family language policy // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2014. Т. 35, № 5. С. 511–526.

[8] *De Houwer A.* Harmonious bilingual development: Young families' well-being in language contact situations // International Journal of Bilingualism. 11.6.2013. *doi:10.1177/1367006913489202.* С. 1.

[9] *Döpke S.* One parent, one language: An interactional approach. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1992. 213 с.

[10] *Tuominen A.K.* Who decides the home language? A look at multilingual families // International Journal of the Sociology of Language. 1999. № 140. С. 73.

[11] *McCarty T.L., Skutnabb-Kangas T., Magga O.H.* Education for Speakers of Endangered Languages // The handbook of educational linguistics Blackwell handbooks in linguistics. / под ред. B. Spolsky, F.M. Hult. Oxford; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. С. 300.

[12] *Edwards V., Newcombe L.P.* Language transmission in the family in Wales: An example of innovative language planning // Language Problems and Language Planning. 2005. Т. 29, № 2. С. 138.

[13] *Ó Riagáin P.* Language policy and social reproduction: Ireland, 1893–1993. Oxford: New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 1997. 297 с.

[14] *Portes A., Hao L.* E Pluribus Unum: Bilingualism and Loss of Language in the Second Generation // Sociology of Education. 1998. Т. 71, № 4. С. 269.

[15] *Sirèn U.* Minority language transmission in early childhood. Parental intention and language use: докторская диссертация. Университет Стокгольма, Институт международного преподавания. 1991.

[16] *Yamamoto M.* Language Use in Interlingual Families: A Japanese-English Sociolinguistic Study. Clevedon: Multilingual Matters, 2001. 160 с.

[17] *De Houwer A.* Parental language input patterns and children's bilingual use // Applied psycholinguistics. 2007. Т. 28, № 3. С. 411–424.

[18] *Ò hIfearnáin T.* Family language policy, first language Irish speaker attitudes and community-based response to language shift // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2013. Т. 34, № 4. С. 357.

[19] *King K.A.* Language Revitalization Processes and Prospects: Quichua in the Ecuadorian Andes. Clevedon: Multilingual Matters, 2001. 230 с.

[20] *Protassova E., Alòs i Font H., Bulatova E.* Education in Udmurt and Chuvash as minority languages of Russia// InterDisciplines. 2014. Т. 5, № 2. С. 1–31.

[21] *Андреев И.А.* О размерах распространения двуязычия среди населения Чувашской АССР (Опыт изучения языковой ситуации современной чувашской деревни) // Ученые записки. Вып. 46. Чебоксары: ЧНИИ, 1970. С. 4.

[22] *Баскаков А.Н., Насырова О.Д.* Социолингвистические проблемы тюркских народов Российской Федерации // Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 76.

[23] *Бойко И.И.* Чувашский язык и этническая идентичность – проблемы этнокультурного и политического выбора // Антропология социальных перемен / под ред. Э.В. Гучинова, В. Комарова. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 504.

[24] *Alòs i Font H.* Chuvash Language in Chuvashia's Instruction System: An Example of Educational Language Policies in Post-Soviet Russia // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2014. Т. 13, № 4. С. 52–84.

[25] *Алос-и-Фонт Э.* Лингвистический ландшафт г. Чебоксары и замечания по выполнению Закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике». 2014.

[26] Говорят ли дети по-чувашски? / А.П. Игнатьева, Ю.М. Виноградов, В.И. Игнатьева [и др.]. // Халăх шкулĕ = Народная школа. 2009. № 4. С. 41–44; Говорят ли дети по-чувашски? / А.П. Игнатьева, Ю.М. Виноградов, В.И. Игнатьева [и др.]. / [Чебоксары: ЧРИО], 2009. URL: http://gov.cap.ru/home/121/raznoe/chuvash_yazyk/laboratorija/для сайта_говорят ли дети по-чувашски.doc (дата обращения: 16.11.2014); Как владеют чувашским языком учащиеся городских школ / А.П. Игнатьева, Ю.М. Виноградов, В.И. Игнатьева [и др.]. // Халăх шкулĕ = Народная школа. 2010. № 5. С. 48–50.

[27] Говорят ли дети по-чувашски? / А.П. Игнатьева, Ю.М. Виноградов, В.И. Игнатьева [и др.] / [Чебоксары: ЧРИО], 2009. URL: http://gov.cap.ru/home/121/raznoe/chuvash_yazyk/laboratorija/для сайта_говорят ли дети по-чувашски.doc (дата обращения: 16.11.2014). С. 6.

[28] *Алос-и-Фонт Э.* Ситуация с чувашским языком у школьников старших классов крупных и средних населенных пунктов Чувашской Республики // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики / под ред. Е.И. Филипповой. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2013. С. 73–88.

[29] *Алос-и-Фонт Э.* Чувашский язык в чебоксарской агломерации (по материалам г. Новочебоксарск и крупных населенных пунктов Чебоксарского района) // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2014. № 9. С. 4–11.

[30] Там же.

[31] Чувашская Республика: социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 71; Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республики. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 32; *Алос-и-Фонт Э.* Этноязыковая ситуация в городах Чувашской Республики: социологический аспект // Чăваш халăх историйĕпе культурин çивĕч ыйтăвĕсем = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Вып. 2 / под ред. А.В. Кузнецова. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 286.

[32] *Алос-и-Фонт Э.* Языковая политика в образовании и проблемы сохранения чувашских национальных школ // Билингвальное (полилингвальное) образование и межкультурная коммуникация в XXI века / под ред. Г.П. Захаровой. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014б. С. 121–125; *Alòs i Font H.* Указ. раб. С. 75–76.

[33] *Алос-и-Фонт Э.* Ситуация с чувашским языком... С. 86.

[34] *Creswell J.W.* Educational research: planning, conducting, and evaluating quantitative and qualitative research. Boston: Pearson, 2012. Вып. 4th. С. 206.

[35] *Lutz A.* Spanish maintenance among English-speaking Latino youth: The role of individual and social characteristics // Soc. Forces. 2006. Т. 84. № 3. С. 1417–1433.

[36] *Alòs i Font H.* Указ. раб. С. 64–65.

[37] Закон Чувашской Республики от 30 июля 2013 года № 50 «Об образовании в Чувашской Республике».

Н.М. Иванова

ПРОБЛЕМЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ключевые слова: *молодежь Чувашии, девиант, психоактивные вещества, социальный контроль.*

В настоящее время среди комплекса проблем особую значимость имеет проблема девиантного поведения современной молодежи. Ее актуальность обусловлена тем, что девиантное поведение получило значительное распространение, а в его структуре доминируют негативные формы. Это происходит на фоне низкой эффективности предпринимаемых мер социального контроля и превенции.

Распространение девиантного поведения среди современной молодежи, безусловно, общероссийская проблема, но она имеет свое региональное измерение и специфику. Исследование данной проблемы в региональном масштабе должно способствовать выработке эффективной федеральной стратегии ее решения. Целью данной статьи является изучение наиболее актуальных вопросов, связанных с девиантным поведением современной молодежи в Чувашской Республике.

Приступая к изучению поставленной проблемы, следует дать определение термина «девиация». Он происходит от латинского слова deviation – отключение, отклонение. В определении понятия девиантного поведения ключевым признаком является его соотношение с социальными нормами, устанавливающими границы допустимого поведения индивида в данном обществе. Исходя из этого девиантное поведение определяется как поведение, не соответствующее ожидаемым, официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам.

Существует неоднозначность в соотношении понятий «социальная норма» и «девиация». Следствием историко-культурной обусловленности социальных норм является их изменчивость и

Иванова Наталья Михайловна – социолог, г. Чебоксары.

относительность: они варьируются в разные периоды истории и в различных обществах. Таким образом, границы между нормой и девиацией подвижны во времени и пространстве социумов. Данные обстоятельства являются основной причиной дискуссий и различных подходов к изучению девиации[1]. В центре внимания исследователей такие вопросы, как изучение причин девиантного поведения (его социальной обусловленности, роли социальной оценки поведения индивида и применения к нему санкций), вопросы социального контроля (соотношение и эффективность репрессивных и превентивных мер).

В 90-е гг. XX в. в отечественной науке произошла активизация изучения проблем девиантного поведения[2]. А.И. Ковалева изучает особенности социализации современной российской молодежи. Исследовательскую ценность представляет то, что она рассматривает проблемы девиантного поведения в связи с проблемой нарушения процесса социализации современной молодежи[3]. Следует также отметить работы В.Т. Лисовского, В.М. Димова, В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок.

Разноплановость рассматриваемой нами проблемы требует ее изучения с позиции междисциплинарного подхода. Проблемы девиантного поведения молодежи изучаются в рамках ряда научных дисциплин, рассматривающих их различные аспекты: медико-биологические аспекты изучаются наркологией, вопросы социального контроля – юриспруденцией и этикой; вопросы превенции – валеологией, коррекционной педагогикой, социальной психологией и конфликтологией.

Девиация играет в развитии общества неоднозначную роль и имеет разные формы проявления. В данной статье основное внимание уделено негативным формам девиантного поведения, которые представляют угрозу для общества, т.к. их распространение способно привести к его деградации. Акцент сделан на проблемах, связанных с такой негативной формой девиантного поведения молодежи, как употребление психоактивных веществ. Осложняющим проблему фактором является то, что в данном случае речь идет не только о социально негативном поведении, а о зависимости, болезни.

Проблема распространения употребления психоактивных веществ приобрела на современном этапе особую актуальность. Это отмечается как исследователями, так и государственными органами власти. На федеральном уровне в Государственном докладе Государственного комитета Российской Федерации по молодежной политике отмечается, что распространение употребления психоактивных веществ на фоне негативных демографических явлений создает серьезную угрозу национальной безопасности, ставя проблему разрушения генофонда нации[4].

Обеспокоенность данной проблемой отмечается и в обществе. В апреле – мае 2003 г. отделом социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук по заказу городской администрации было проведено социологическое исследование «Чебоксары – культурная столица Поволжья 2003 г.». Из числа опрошенных в ходе исследования респондентов 151 – лица в возрасте 16–30 лет, из них 69 мужчин и 82 женщины. Среди респондентов учащиеся составляют 7,3 %, студенты – 11,9 %, работающая молодежь – 64,2 % (работники производственной, социокультурной сфер, а также сферы обслуживания и торговли), неработающие – 16,6 %. Как показывают данные социологического исследования, 50,3 % респондентов считают социально опасным явлением злоупотребление алкоголем и 50,9 % – употребление наркотиков.

Данные Госкомстата Чувашской Республики свидетельствуют, что в 90-е гг. XX в. в Чувашской Республике имела место тенденция распространения употребления молодежью психоактивных веществ (табл. 1). Произошел рост заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с наркоманией и токсикоманией, с 10,7 в 1995 г. до 89 на 100 тыс. населения в 2001 г.[5]

Таблица 1

Заболеваемость наркологическими расстройствами по возрастным группам в Чувашской Республике в 1995–2002 гг.

	1995 г.	2000 г.	2002 г.
Взято под наблюдение больных с впервые установленным диагнозом – всего из них:	2159	2857	3063
алкоголизм и алкогольные психозы В том числе в возрасте	2130	2448	2945
14–17 лет	5	∞	9
18–19 лет	4	16	11
наркомания и токсикомания В том числе в возрасте	29	409	118
14–17 лет	–	38	25
18–19 лет	1	55	11

Составлено и рассчитано по: Молодежь Чувашской Республики (1995–2001 гг.). Чебоксары: Госкомстат, 2002. С. 44.

Молодежь Чувашской Республики: статистический сборник. Чебоксары: Госкомстат, 2003. С. 48.

На 1 января 2003 г. в Чувашии зарегистрировано 1599 лиц, употребляющих наркотические вещества и больных наркоманией. Безусловно, это лишь «верхушка айсберга». Используя при изучении поставленной проблемы данные государственной статистики, официальные данные органов государственной власти, нужно указать на то, что они не способны полностью отразить реальную ситуацию. Обусловлено это объективными причинами. Девиантам как объекту изучения присуща естественная латентность, т.к. они стремятся избежать мер воздействия социального контроля. Также существует искусственная латентность: достоверность информации государственных органов зависит от эффективности и качества их работы. По оценкам экспертов, соотношение числа зарегистрированных и реального количества лиц, употребляющих наркотики, предположительно равно 1:10[6].

Анализ демографических показателей подтверждает, что параллельно имела место тенденция снижения возраста лиц, употребляющих наркотики. Из зарегистрированных в 2003 г. наркозависимых $^{2}/_{3}$ – в возрасте до 30 лет. Доля женщин среди них невысока – 12 %. Факты выявления лиц, употребляющих наркотики, имеют место практически по всей Чувашской Республике.

Для оценки наркоситуации необходим также анализ структуры потребляемых наркотиков. В начале 90-х гг. XX в. в Чувашии была главным образом распространена «травка». Она, как правило, играет роль «стартового наркотика». С конца 90-х гг. XX в. распространение получили психостимуляторы, различные таблетки. Следствием их употребления являются депрессивные состояния, развитие психозов.

Особую опасность представляют внутривенные наркотики. В Чувашской Республике выявлены потребители первентиновой кислоты – «винта», с 1997 г. – потребители героина. Героин особенно опасен тем, что вызывает быстрое физическое привыкание. По данным МВД Чувашской Республики, в 1998 г. правоохранительными органами на территории Чувашии было изъято 256 г героина, в 2000 г. – 1,5 кг. В 2000 г. доля героина в изъятых наркотиках составила 73 %, опия – 14 %, марихуаны – 4 %[7].

Текущая наркоситуация в Чувашской Республике характеризуется также распространением токсикомании, главным образом среди подростков 10–13 лет. Зачастую она также представляет собой начальный этап втягивания в наркозависимость. Специфика проблемы токсикомании заключается в доступности токсических веществ, т.к. свободную продажу бензина, лаков, клея и других бытовых химических веществ запретить невозможно. Следует также отметить, что опасность токсикомании осознается в недостаточной степени. По данным исследования, социально опас-

ным явлением, приносящим вред здоровью населения, токсикоманию считают только 5,3 % респондентов.

Оценивая масштаб угрозы распространения употребления психоактивных веществ, следует указать также на комплекс сопутствующих ей других проблем. Одна из наиболее острых – распространение заболевания СПИДом. Демографический анализ ВИЧ-инфицированных показывает, что их основной контингент – несовершеннолетние и молодежь 15–30 лет.

Можно утверждать, что между распространением наркомании и эпидемией СПИДа существует тесная связь. Свыше 80 % зарегистрированных случаев заражения ВИЧ-инфекцией – результат применения инъекционных наркотиков – через грязный шприц. Если на начальной стадии лица, употребляющие инъекционные наркотики, используют одноразовые шприцы, то по мере втягивания в зависимость вопросы личной безопасности отходят на задний план.

Помимо рисков для здоровья, употребление наркотиков может быть связано с другими негативными явлениями. Необходимость поиска средств для приобретения наркотика является распространенным мотивом преступлений. Кроме зависимости от наркотика, лица, употребляющие наркотики, находятся и в другой опасной зависимости – от наркоторговцев. В наркобизнесе используется система многоуровневой реализации. Торговцами часто являются сами наркозависимые, которые работают за дозу. Таким образом наркозависимые втягиваются в преступную деятельность.

Лиц, употребляющих психоактивные вещества, с точки зрения характера их поведения и отношения к окружающим условно можно разделить на амбивалентных и лояльных. Лояльные считают допустимым втягивание других, в том числе и близких лиц, в употребление наркотиков. Это приводит к распространению девиации.

Следует упомянуть также близких наркозависимых, которых с полным основанием называют созависимыми. Реакция близких наркозависимого может быть различной – от отторжения до совместного поиска решения проблемы, но в любом случае оказывает глубокое влияние на близких наркозависимого. Наркозависимый подвергает своих близких опасности со стороны наркоторговцев, семейное имущество и доходы используются им для добывания средств на приобретение наркотиков.

Другой стороной проблемы распространения употребления психоактивных веществ является ранняя алкоголизация и рост употребления алкоголя современной молодежью. Негативные последствия для здоровья раннего употребления алкоголя заклю-

чаются в снижении порога толерантности к алкоголю, что создает предпосылки для развития зависимости от алкоголя, заболевания алкоголизмом. Безусловно, негативные социальные последствия данного явления гораздо шире.

Одним из косвенных свидетельств ранней алкоголизации молодежи является рост потребления алкоголя на душу населения. По данным Госкомстата Чувашской Республики в 2002 г. на каждого жителя Чувашии было продано более 11 (по РФ – 14,5) литров спиртного, включая младенцев и престарелых. Реальный объем потребления алкоголя дополняют также нелегальная продукция и самогон. В 2002 г. средний возраст пьющего россиянина достиг 13 лет[8].

По данным исследования, в распределении ответов респондентов по возрастным категориям заметно, что доля респондентов, выбравших варианты ответа на вопрос «В каком возрасте Вы впервые попробовали алкогольные напитки?», 10–13 и 13–16 лет почти в 2 раза выше в возрастной категории до 30 лет (табл. 2). Полученные данные подтверждают вывод о снижении возраста начинающих употреблять алкогольные напитки.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «В каком возрасте Вы впервые попробовали алкогольные напитки?» (в % к числу опрошенных)

Варианты	Все опрошенные	до 30 лет	31–45 лет	46–60 лет	Старше 60 лет
Раньше 10 лет	1,7	2	2,4	–	1,9
10–13 лет	4,3	8,6	3,6	1,1	–
13–16 лет	31	43	26,5	26,9	17,3
17–20 лет	37,9	39,8	41,6	33,3	28,9
Старше 20 лет	21,2	3,3	23,5	35,5	40,4
Затрудняюсь ответить	3,9	3,3	2,4	3,2	11,5

К моменту достижения совершеннолетия современный молодой человек уже может иметь многолетний стаж регулярного употребления алкоголя. Поведение нетрезвых подростков может сопровождаться буйностью, полной утратой самоконтроля. В 1998 г. был отмечен рост поступления детей в состоянии алкогольной интоксикации в отделение токсикологии Чебоксарской детской больницы, их средний возраст составлял 10–12 лет[9]. По данным МВД Чувашской Республики, из 1156 преступлений несовершеннолетних в состоянии алкогольного опьянения было совершено 237 преступлений (для сравнения: в 1998 г. из 1494 – 271, в 2000 г. из

2037 – 289)[10]. В 2002 г. был зафиксирован случай алкогольного психоза у подростка 17 лет в Вурнарском районе.

В ситуации распространения девиантного поведения молодежи важнейшее значение приобретает вопрос об эффективности социального контроля – механизма организации, сохранения и регуляции общества путем установления и поддержания нормативного порядка. Безусловно, опыт истории человечества показывает, что полная ликвидация девиации невозможна, речь идет о необходимости регулирования масштаба распространения данного явления. Социальный контроль призван минимизировать и нейтрализовать влияние девиации на развитие общества.

Существует градация используемых мер социального контроля в зависимости от уровня и степени нарушаемости социальных норм. Выбор мер и стратегии социального контроля обусловлены пониманием в данном обществе прав и свобод личности. При этом нельзя руководствоваться только тем обстоятельством, что девиант представляет собой угрозу для общества, и использовать карательные методы. Необходимо рассматривать возможность ресоциализации девианта и его интеграции в социальную жизнь.

Данные исследования показывают, что 36,4 % респондентов считают наиболее эффективным способом регулирования негативных общественных явлений улучшение культурно-массовой и воспитательной работы, 31,3 % – усиление профилактических мер и 28,5 % – усиление наказания. Таким образом, большинство респондентов не выступают за применение по отношению к девиантам только репрессивных мер. Это можно рассматривать как позитивный момент, т.к. в российском обществе традиционно сильна вера в карательные методы.

Формальный социальный контроль осуществляет государство, устанавливая его правовые основы. Первые шаги по выработке стратегии решения проблемы распространения наркомании были предприняты в 1993 г., когда была утверждена концепция государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации. В ней, в частности, указывалось: «Незаконное распространение наркотиков может превратиться в широкомасштабную угрозу для государственной безопасности, здоровья и благополучия народов России»[11]. Несмотря на многие верно обозначенные положения концепции, реальная наркоситуация в 90-е гг. XX в. продолжала ухудшаться, и сейчас, спустя десятилетие, стратегия решения проблемы распространения наркомании вновь находится в стадии разработки.

Согласно действующему законодательству, максимальный срок наказания за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, составляет 15 лет, в отношении несовершен-

нолетних – 10 лет. Даже случайное или эпизодическое знакомство с наркотиками может обернуться серьезными юридическими последствиями. Необходимо указать на такие моменты, что ответственность за хранение наркотиков наступает независимо от его продолжительности и что крупным размером считаются фактически разовые дозы (для героина – 0, 005 г, для кокаина – 1 г)[12]. На данном этапе вновь ожидаются изменения в правовом регулировании вопросов, связанных с незаконным употреблением психоактивных веществ.

Вопрос об эффективности запретительных мер как средства борьбы с распространением употребления наркотических средств является неоднозначным. Критической оценки заслуживает позиция сторонников частичной легализации наркотиков. Они исходят из того, что деление наркотиков на легальные и запрещенные исторически условно и что алкоголь и табак можно считать легальными наркотиками. На наш взгляд, данное обстоятельство действительно можно рассматривать как один из доводов в пользу необходимости обновления и унификации медицинской и юридической терминологии в отношении зависимости от психоактивных веществ.

Сторонники частичной легализации наркотиков также указывают на то обстоятельство, что легализация приведет к декриминализации оборота наркотиков и разделению статуса лица, употребляющего наркотики, и преступника. На наш взгляд, декриминализация оборота наркотиков не способна устранить весь комплекс рисков и проблем, связанных с употреблением наркотиков, и решить проблему наркопреступности. Легальная доступность наркотиков не означает их доступность в финансовом отношении. Представление о «легких» наркотиках также является весьма условным.

Вместе с тем нельзя утверждать, что только репрессивные меры способны решить рассматриваемые нами проблемы. Перед правоохранительными органами стоит задача борьбы с наркоиндустрией. 10 марта 2003 г. в результате очередной реорганизации, что, конечно, является негативным моментом, был создан Государственный комитет по контролю за незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, переданный во введение ФСБ. В Чувашской Республике отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (ОБНОН) был создан в 1993 г.

Одним из основных направлений деятельности правоохранительных органов является выявление и ликвидация каналов ввоза и распространения наркотиков. В Чувашской Республике проводятся операции по пресечению преступности в сфере незаконного оборота наркотиков – «Допинг», «Мак». Другое направ-

ление деятельности правоохранительных органов – контроль за больницами и аптеками с целью пресечения доступа к прекурсорам – химическим веществам, используемым при изготовлении наркотиков. Данное направление деятельности имеет большое значение и тесно связано с проблемой широкого теневого оборота рынка лекарственных препаратов.

По данным МВД Чувашской Республики, в 2000 г. возбуждено 799 уголовных дел против наркоторговцев, но к уголовной ответственности привлечено было только 420[13]. К уголовной ответственности в 2001 г. привлечены 343 человека, в 2002 г. – 260 человек, из них доля лиц в возрасте от 18 до 31 г. составила 58 % и 61,2 % соответственно.

В целом, несмотря на деятельность правоохранительных органов, в России существует нелегальный рынок наркотиков и наркотики доступны в молодежной среде. Как отмечает В. Черкесов, глава Государственного комитета по контролю за незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, современная наркоиндустрия представляет собой организованную преступную структуру с денежным оборотом в миллиарды долларов[14]. Наркобизнес привлекателен для криминала в силу прибыльности, обеспечиваемой устойчивым спросом и «эксклюзивностью» предложения. Практика показывает, что только порядка 10 % осуждаемых за преступления, связанные с наркотиками, осуждаются за их сбыт. Таким образом, репрессивные меры в большей степени затрагивают лиц, употребляющих наркотики, а не наркопреступность.

Проблематично также обстоит дело с эффективностью социального контроля в отношении употребления алкоголя. Провал антиалкогольной кампании 1985 г. сильно дискредитировал идею трезвого образа жизни и борьбы государства с алкоголизмом и пьянством в России. Следует учитывать, что алкогольный бизнес является важным источником бюджетных доходов за счет акцизных сборов. В 90-е гг. XX в. государство фактически устранилось от решения проблемы злоупотребления алкоголем и алкоголизма, а политика в сфере производства и продажи алкоголя стала сильно зависеть от лоббирования интересов пивных и водочных производителей.

Серьезным недостатком является отсутствие ясной законодательной базы, регулирующей данную сферу. Не разработана система градации алкогольной продукции в зависимости от ее крепости. Другая сфера государственного регулирования – реклама алкогольной продукции. Федеральный закон «О рекламе» предусматривает особый порядок рекламы алкоголя. В частности, его реклама не должна содержать демонстрацию процесса употреб-

ления, дискредитировать воздержание от употребления, создавать впечатление, что употребление алкоголя имеет важное значение для достижения общественного или личного успеха. В данный момент реклама алкоголя на телевидении и радио запрещена.

Отдельно следует отметить «особый» статус пива. Вторая половина 90-х гг. XX в. характеризуется бумом пивной индустрии. Определенную роль в росте употребления пива сыграла интенсивная рекламная кампания, строившаяся не столько на рекламе различных марок пива, сколько на рекламе употребления пива как атрибута образа жизни молодежи. Показательной стала рекламная кампания пива «Клинское» с рекламными слоганами: «Клинское – продвинутое пиво», «А что мы делаем, когда собираемся вместе? Да пиво пьем!».

Концепция о позитивности замещения водки более «безвредным» пивом в структуре употребляемых алкогольных напитков, продвигаемая пивными компаниями, показала полную несостоятельность. Параллельно с увеличением доли пива в структуре употребляемых алкогольных напитков произошел рост объемов употребления водочной продукции, т.е. стали пить не пиво вместо водки, а больше и пива, и водки.

На региональном уровне в Чувашской Республике в 2002 г. был принят Указ Президента «О дополнительных мерах по усилению контроля за потреблением алкоголя, профилактике алкоголизма и пьянства», в котором усиление борьбы с пьянством и алкоголизмом рассматривается как приоритетная государственно-общественная задача[15].

Основной вывод по вопросу об эффективности формального социального контроля заключается в том, что государство должно принимать в решении проблемы распространения злоупотребления алкоголем участие и занять ясную позицию, исходя из приоритета интересов здоровья нации, а не интересов пивных и водочных магнатов. Это должно быть актуально и для Чувашии, где пивную отрасль развивают как одну из приоритетных.

В отношении борьбы с употреблением наркотических средств следует отметить, что с наркомафией, безусловно, бороться следует. Однако надо помнить, что, пока существует спрос, будет и предложение. В этой связи важное значение, на наш взгляд, имеют два направления – превенция и деятельность по социальной реабилитации девиантов.

Статья 54 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» гласит: «Государство гарантирует больным наркоманией оказание наркологической помощи, которая включает обследование, консультирование, диагностику, лечение и медико-социальную реабилитацию»[16]. Однако в реально-

сти государство мало продвинулось в создании системы социальной реабилитации.

К настоящему моменту мировой и отечественной медициной разработаны различные методики лечения зависимости от психоактивных веществ: от методик дезинтоксикации до стереотаксической операции мозга. Методики дезинтоксикации позволяют снять химическую зависимость. Разработаны также методики, направленные на преодоление психической зависимости, избавиться от которой гораздо сложнее. Например, метод Шичко, сочетающий тренинги самоизбавления и оздоровительные системы. В Чувашии проводится лечение по аналогичной методике Исмукова.

В зарубежной практике ценность представляет опыт деятельности обществ «Анонимные алкоголики», «Анонимные наркоманы», программа «12 шагов». В их основе групповое лечение и взаимная поддержка избавляющихся от зависимости. В России этот опыт мало освоен, а в Чувашии вообще отсутствует.

Разнообразие методик, на первый взгляд, создает впечатление, что избавиться от наркозависимости не представляет сложности. Однако в реальности лечение помогает лишь 10 % пациентов, даже в дорогих специализированных клиниках[17]. Также невысок процент эффективности лечения от алкоголизма при таком же разнообразии методик лечения. Во многом это обусловлено тем, что после медицинского лечения остаются сложности в социальной реабилитации.

В Чувашской Республике функционирует ряд учреждений, могущих оказать реабилитационную помощь. Телефон доверия круглосуточно оказывает экстренную психологическую помощь. Действует телефон доверия ОБНОН. Также создан Республиканский центр по профилактике и борьбе со СПИДом. Главным медицинским учреждением является Республиканский наркологический диспансер. В 2002 г. в нем на стационарном лечении находилось 55 человек (в 2001 г. – 173), из них 11 (в 2001 г. – 38) женщин и 4 (в 2001 г. – 20) несовершеннолетних. Тем не менее в Чувашской Республике налицо необходимость развития специализированных реабилитационных учреждений, в которых должны быть юристы, психологи, специалисты по трудоустройству. Необходимо также создание службы для работы с созависимыми.

Профилактика представляет собой совокупность государственных и общественных мер, направленных на предупреждение условий для возникновения и распространения девиантного поведения. В превентивной составляющей социального контроля можно выделить два уровня. Общая профилактика направлена на воздействие на макросреду с целью ее улучшения. Это позволит

бороться не только с проявлениями девиантного поведения молодежи, но и с общими его причинами. Другой уровень профилактики – специальная профилактика. Первичная профилактика обращена к тем, кто не сталкивался с наркотиками, вторичная – к тем, кто только начал их употреблять. Профилактика должна быть направлена на формирование четких представлений о рисках и негативных последствиях, связанных с употреблением психоактивных веществ.

Профилактика включает в себя социальные, медицинские, психолого-педагогические и организационные аспекты. В Чувашии проводится ежегодная акция «Молодежь против наркотиков». В рамках акции проходят тематические лекции в образовательных учреждениях, пропаганда в СМИ. Опыт ее проведения показывает, что доминировать в профилактике должен не развлекательный компонент, а непосредственное общение с молодежью, что повышает ее практическую ценность. По линии МВД Чувашской Республики проводятся превентивные операции «Общежитие», «Подросток», «Каникулы», с целью профилактики детской безнадзорности – «Двор-рынок».

В современных условиях пропаганда трезвого образа жизни выглядит довольно утопично. На наш взгляд, эффективнее будет пропаганда здорового образа жизни, который не исключает употребления алкоголя. В этой связи важным является вопрос о культуре потребления алкогольных напитков в обществе, компонентами которой являются ситуационность, размеры потребления алкогольных напитков, а также возраст начала их употребления.

Следует признать, что в России сложилась специфическая культура употребления алкогольных напитков. Доминируют крепкие, как правило, неразбавленные напитки, характерны разовый прием алкоголя в больших дозах, пониженное внимание к закуске, изначальное стремление к сильному опьянению. Сущность культуры употребления алкоголя в России может быть выражена в распространенной поговорке: «Опять нет повода не выпить». Формирование эстетичной, не угрожающей здоровью культуры потребления алкогольных напитков – многоплановая социокультурная задача, решение которой, очевидно, связано с повышением уровня культуры и качества жизни россиян в целом.

В образовательных учреждениях приказом Министерства образования Российской Федерации в 1999 г. вопросы организации работы по предупреждению злоупотребления психоактивными веществами были признаны приоритетными. В 2000 г. утверждены концепция профилактики и план мероприятий на 2002–2004 гг., они рекомендованы для использования субъектам Российской Федерации. В целом в последние годы образовательные

учреждения переживают процесс модернизации, в ходе которого основное внимание уделяется учебному компоненту. Выполнение воспитательной функции образовательными учреждениями было нарушено. Образовательные учреждения оказались информационно, кадрово и организационно не готовы к решению проблем девиантного поведения молодежи.

В настоящий момент в ряде школ Чувашской Республики проводится работа по организации «здоровьеобразующих» школ, в которых усилено внимание к профилактике употребления психоактивных веществ. Проводится работа с педагогами (тренинги, курсы) с целью их подготовки к осуществлению данной деятельности.

Проводится работа по использованию зарубежного опыта. С февраля 2004 г. начат проект «Диалог во имя развития», разработанный польской ассоциацией «Йовиш» и региональным центром поддержки неправительственных инициатив. Польские специалисты занимаются не непосредственно с «группой риска», а со специалистами, которые призваны оказывать помощь реабилитирующимся. Благодаря их стараниям в трех городах Чувашии (Чебоксары, Канаш и Новочебоксарск) будут созданы консультационные комитеты по профилактике правонарушений и злоупотреблений психоактивными веществами среди молодежи, планируется проведение специальных тренингов для работников из сфер социальной политики, здравоохранения, образования и органов внутренних дел.

Анализ содержания и методики осуществления предпринимаемых мер профилактики употребления психоактивных веществ показывает, что они нуждаются в изменении с учетом реальной обстановки в образовательных учреждениях. Устоявшаяся форма – лекции, состоящие из выступлений представителей правоохранительных органов, врачей и психологов, вербальная пропаганда – нуждается в коррекции. Необходимо искать новые формы профилактики.

Роль СМИ в профилактике заключается в преодолении эффекта «сухой наркотизации» – деформации представления о реальной негативности наркотиков, развеивании мифов, романтизирующих и создающих моду на наркотики, имеющих место на фоне довольно широкой осведомленности собственно о самих наркотиках, их видах, способах применения. Средствами профилактики могут быть информационное просвещение, демонстрация позиции значимых для молодежи персон. На российском телевидении, на канале MTV, например, следует отметить акцию «Наркотики – это не круто». В Чувашии можно выделить газету «Молодежный курьер», ее деятельность отмечена Госкоммолодежи и всероссийским конкурсом «Россия без наркотиков» в 2003 г.

В современных условиях происходит отказ от однополюсности в осуществлении социальной политики. Наряду с деятельностью государства необходима деятельность общественных организаций. Они могут оказать неоценимую помощь, т.к., как правило, их организуют и в них работают не только профессиональные социальные работники, а люди на личном опыте столкнувшиеся с различными проблемами.

В Чувашии, как и в России, данный институт пока мало развит. Обусловлено это рядом причин: недостатками в системе налогообложения, не стимулирующего благотворительную деятельность, непрестижностью благотворительности в глазах бизнес-элиты, пассивностью и неспособностью к самоорганизации самих граждан. Деятельность уже существующих общественных организаций ограничена нехваткой средств, бюрократией и недостаточной координацией деятельности со стороны государственных структур.

Позитивным шагом является создание в Чувашии в 2001 г. Республиканской общественной организации «Матери против наркотиков». Согласно уставу, ее целью является борьба с распространением наркомании, привлечение внимания общественности к проблемам, связанным с наркотиками, и содействие гражданам, страдающим от зависимости к наркотикам. Организация «Матери против наркотиков» была создана родителями детей наркозависимых, основной ее состав порядка 10 человек. Она занимается оказанием содействия в социальной адаптации наркозависимым, получении юридической, психологической и медицинской консультации, также ведет работу с созависимыми. Важное значение организация «Матери против наркотиков» придает профилактической деятельности: проводятся тематические лекции в образовательных учреждениях, выступления на родительских собраниях в школах.

Деятельность организации активна в Чебоксарах и Новочебоксарске, делаются попытки ее расширения – в Ибресях, Цивильске, Козловке. Организация «Матери против наркотиков» участвует в акции «Молодежь против наркотиков», в частности, в 2002 г. в ряде образовательных учреждений г. Чебоксары проводились ток-шоу «Открытые вопросы на закрытые темы».

Организация координирует свою работу с местными СМИ и правительственными структурами. Руководитель организации И.И. Антонова входит в состав республиканской комиссии по противодействию незаконному обороту наркотиков. МВД Чувашской Республики предоставило организации временное помещение для собраний и оказывает транспортную и информационную помощь. Испытывая нехватку денежных средств, организация

проводит сборы пожертвований, гуманитарной помощи, делаются попытки выиграть гранты.

Организацией «Матери против наркотиков» изучается опыт и налаживается взаимодействие с аналогичными организациями в Поволжье – «Социумом» и «Светом» в Волгоградской области, «Новой линией» в Марий Эл, «Преодолением» и «Розой ветров» в Татарстане. Следует отметить, что данные субъекты РФ дальше продвинулись в деле создания системы медико-социальной реабилитации наркозависимых.

Анализ изучаемой проблемы показывает, что нельзя свести причины девиантного поведения молодежи только к фактору материальной обеспеченности. В группе «риска» находится молодежь как из социально неблагополучных, так и из обеспеченных семей. Распространение девиантного поведения среди современной молодежи обусловлено целым рядом факторов.

Еще Э. Дюркгейм указал на то, что аномия характерна для переходного периода в развитии общества, когда происходит отход от традиционных норм и утверждаются новые. Она является объективным следствием социальной дезадаптации людей в условиях изменяющейся реальности. Данные явления характерны и для этапа развития российского общества на рубеже XX–XXI вв. Для переходного времени характерны моральный релятивизм и неопределенное видение будущего. В этой связи социальная среда содержит девиантогенные факторы.

Негативные условия макросреды оказывают влияние на микросреду, нарушая контролирующую и регулирующую роль социальных институтов. Важнейшую роль играет семья. В условиях нестабильного, изменяющегося общества семья выполняет психотерапевтическую, «поддерживающую» функцию. Другой важный для процесса социализации институт – образовательные учреждения. В переходный период имеет место дисфункция этих важнейших институтов социализации – процесса социального взаимодействия, в ходе которого усваиваются знания, установки и ценности, необходимые для эффективной жизнедеятельности в обществе.

Выбор молодежью именно такой формы девиантного поведения, как употребление психоактивных веществ, объясняется тем, что социальная незащищенность, дезадаптация и отсутствие возможности для самореализации вызывают пессимизм, чувство дискомфорта и социальной неудовлетворенности, апатию. Алкоголь и наркотики становятся средствами эскапизма – «ухода» от действительности, психологической разгрузки, имитации жизненных радостей.

Время «первой пробы» – первого опыта употребления психоактивных веществ, как правило, приходится на подростковый

возраст. Мотивом первой пробы психоактивных веществ может являться экспериментирование, желание приобщиться к атрибутам «взрослой жизни». Новой особенностью в мотивации употребления психоактивных веществ является его связь с распространением непродуктивного досуга. Характерно, что употребление психоактивных веществ носит групповой характер. В данном случае налицо действие эффекта «плохой компании», когда круг общения становится средой распространения девиации.

Уменьшение возможностей социокультурной самореализации молодежи во многом произошло в результате сокращения учреждений внешкольного образования на фоне коммерциализации досуговой сферы молодежи. Можно говорить о становлении новой социокультурной нормы в молодежной субкультуре, когда алкоголь и наркотики выполняют рекреационную роль – являются атрибутом развлечения, проведения досуга.

Следует отметить культурный аспект, помогающий понять специфику проявления девиантного поведения в молодежной среде. Молодежная субкультура имеет свою специфику, свои ценности и нормы. Следует признать, что на наркотики в современной молодежной субкультуре существует определенная мода. Употребление наркотиков для некоторых так же модно, как тату, пирсинг или рэп-музыка. Существует иллюзия, что можно употреблять наркотики «в меру» и «правильно».

По оценке начальника отдела по делам несовершеннолетних и молодежи прокуратуры Чувашской Республики Р. Шарафутдиновой, каждый восьмой студент, до 50 % учащихся профучилищ и каждый двенадцатый школьник уже имеют опыт употребления психоактивных веществ[18]. Грань же между эпизодическим употреблением и наркозависимостью весьма условна. В целом можно сделать прогноз, что в ближайшем будущем проблема распространения употребления психоактивных веществ будет сохранять свою актуальность.

В заключение, исходя из вышерассмотренных данных, можно сделать вывод о том, что в 90-е гг. XX в. произошло распространение негативных форм девиантного поведения среди молодежи Чувашской Республики. Распространение девиантного поведения нельзя считать проблемой только молодежи как отдельной социально-демографической группы. Оно свидетельствует о наличии проблем в масштабе всего общества и связано с общим повышением уровня девиантности современного российского общества. В этой ситуации существует угроза рационализации и институционализации негативных форм девиантного поведения – превращения его в приемлемый и одобряемый тип поведения. В этой связи решать проблему распространения девиации нужно, влияя на общество в целом.

Как показал анализ предпринимаемых мер социального контроля, проблема заключается не только в распространении негативных форм девиантного поведения среди молодежи, но и в отсутствии эффективной стратегии социального контроля. Учитывая то, что в ближайшей перспективе проблемы девиантного поведения молодежи будут сохранять свою актуальность, на первый план выходит задача выработки эффективной стратегии и механизмов осуществления превенции и социальной реабилитации.

Оценивая деятельность государства и общества в целом по решению проблем в данной сфере, следует отметить, что на первый взгляд их актуальность осознается, но предпринимаемые меры во многом носят декларативный и фрагментарный характер. Многие подходы устарели и несут на себе отпечаток прежней идеологии и реальности, вследствие чего их необходимо менять.

В условиях современной реальности необходимо сочетание репрессивных методов социального контроля превенции. Профилактика должна охватывать различные сферы жизнедеятельности молодежи. Эффективная профилактика – это вопрос, связанный с проведением грамотной молодежной политики. Совершенно очевидна необходимость создания возможностей для реализации социокультурных потребностей молодежи, принятия мер по социальной защите молодежи. Только при сочетании данных мер социальный контроль будет эффективным.

Для повышения эффективности социального контроля необходимы изменения структуры деятельности органов, осуществляющих санкции в отношении девиантов. Организационно-структурные реформы должны быть направлены на развитие служб реабилитации и социальной помощи: расширение их сети, укрепление материально-технической базы, увеличение их финансирования. Особое внимание следует уделить подготовке квалифицированных кадров. Имеет смысл и использование мирового опыта в данной сфере. Необходимы также информационно-правовые реформы, создание межведомственной информационно-аналитической службы, обеспечивающей оперативный сбор информации в мониторинговом режиме.

Наша статья получила обзорный характер, учитывая малоизученность и разноплановость исследуемой проблемы. Необходимы дальнейшее изучение данной проблемы, в том числе с позиции междисциплинарного подхода, проведение комплексных социологических исследований, разработка новой концепции девиантного поведения исходя из современной реальности. Следует глубже исследовать особенности процесса социализации, мир ценностей и интересов современной молодежи и факторы, влияющие на их формирование.

Литература

[1] Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. М.: Экономика, 2000. С. 62–63.

[2] Девиантность и социальный контроль в России (Х1Х–ХХ вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя, 2000. С. 10.

[3] *Ковалева А.И.* Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социс. 2003. №1. С. 111.

[4] Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути: Государственный доклад. М.: Гос. комитет по молодежной политике, 2000. С. 7.

[5] Статистический ежегодник: статистический сборник. Чебоксары: Госкомстат, 2002. С. 125.

[6] *Рубан Л.С.* Девиация как проблема безопасности // Социс. 1999. № 5. С. 72.

[7] *Владимирский М.* Слабое место нашей милиции – борьба с экономическими преступлениями и наркобизнесом // Республика. 2001. 20 января.

[8] *Михайлов И., Федисов В., Захаров Ю.* Распоясалась хмельная вольница // Советская Чувашия. 2002. 4 декабря.

[9] *Никитина Э.* Детская токсикология превращается в вытрезвитель для малолеток // Молодежный курьер. 2000. 30 ноября.

[10] Молодежь в Чувашской Республике: статистический сборник. Чебоксары, 2003. С. 55.

[11] Наркомания и наркобизнес: выявление и пресечение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. М.: Новый юрист, 1998. С. 92.

[12] Постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Юридическая газета. 1998. № 30.

[13] *Владимирский М.* Слабое место нашей милиции – борьба с экономическими преступлениями и наркобизнесом.

[14] Интервью с председателем Госнаркоконтроля РФ В. Черкесовым // Молодежный курьер. 2003. 10–16 декабря.

[15] Указ Президента Чувашской Республики «О дополнительных мерах по усилению контроля за потреблением алкоголя, профилактике алкоголизма и пьянства» // Советская Чувашия. 2002. 5 декабря.

[16] Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. С. 219.

[17] *Миронов Е.* Прощайте, наркотики! СПб.: Питер, 2001. С. 98.

[18] *Шарафутдинова Р.* Наркотики приведут на скамью подсудимых // Советская Чувашия. 2003. 9 января.

МОЛОДЕЖЬ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1991–2004 ГОДАХ (ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ)

Н.М. Иванова

Ключевые слова: *молодежь, социологическое изучение, ценностные ориентации, Комитет по делам молодежи ЧР, социализация молодежи.*

2004 год является юбилейным для отечественных исследователей, занимающихся изучением молодежи: в декабре 1964 г. в ЦК ВЛКСМ была образована исследовательская группа, задачей которой являлись сбор и анализ информации о положении и проблемах молодежи. В дальнейшем данное научное подразделение стало центром изучения молодежи.

Советские исследователи оперировали такими понятиями, как «историческая миссия молодого поколения», «строители коммунизма»[1]. Западные «буржуазные» подходы к изучению молодежи подвергались критике[2]. Идеологические и политические перемены конца 80 – начала 90-х гг. XX в., развал ВЛКСМ обусловили изменения в подходах и проблематике изучения молодежи. В этой связи 90-е гг. XX в. стали новым этапом в изучении молодежи отечественными исследователями.

Исследования современной российской молодежи направлены на создание ее социального и культурного портрета, анализ произошедших за последнее десятилетие изменений. Изучение молодежи на региональном уровне является необходимой и значимой частью данных исследований. Исходя из этого, рассмотрение и анализ особенностей, направленности, результатов и перспектив изучения современной молодежи Чувашской Республики, являющиеся целью нашей статьи, имеют несомненную актуальность. Нами были рассмотрены и проанализированы научные публикации по исследуемому вопросу – монографии, брошюры, статьи в научных сборниках и периодических изданиях, материалы (доклады и тезисы сообщений) научных конференций, а также публикации в прессе за период 1991–2004 гг.

Иванова Наталья Михайловна – социолог, г. Чебоксары.

В проблематике исследований молодежи можно выделить следующие основные группы вопросов:

1) теоретико-методологические вопросы, определяющие подходы и методы изучения молодежи; в частности, существуют структурно-функциональный, культурологический, классовый, гендерный, расовый и постмодернистский подходы к изучению молодежи;

2) специфические вопросы, касающиеся главным образом молодежи: возрастные границы, процесс социализации личности, проблемы образования и профессионального выбора; изучение отдельных групп молодежи, молодежных организаций, неформальных молодежных объединений, а также молодежной субкультуры;

3) вопросы молодежной политики;

4) вопросы, касающиеся общесоциальных проблем, специфики их проявления в молодежной среде (безработица, социальная дезадаптация, преступность, девиантное поведение).

В современных российских исследованиях молодежи представлен широкий спектр вопросов. Изменения в социально-экономической сфере жизни российского общества, связанные с переходом к рынку, привели к свертыванию многих социальных программ, ориентированных на поддержку молодежи; произошли формирование рынка платных образовательных услуг, отход от патернализма и государственного регулирования в сфере занятости. В этой связи одним из актуальных направлений является изучение ориентации и положения молодежи в сфере профессионального образования и занятости[3].

Одно из ведущих мест в современных исследованиях занимает аксиологическая проблематика, изучение влияния на ценностные ориентации молодежи процесса трансформации, переживаемого российским обществом в 90-е гг. XX в. В частности, следует отметить ряд интересных исследований по данному вопросу, проведенных фондом «Общественное мнение» в 2002 г.[4] Актуальность изучения данных вопросов обусловлена тем, что, во-первых, в условиях периода трансформации происходит дисфункция властных и правовых механизмов и возрастает значение ценностных ориентаций в регулировании социального поведения. Ценности выступают в качестве стандартов при выборе целей и способов поведения человека.

Во-вторых, постсоветский этап развития России характеризуется крушением официальной идеологии, произошли значительные изменения в идейно-политической сфере жизни российского общества. Отказ от советской идеологии привел к ослаблению культурно-исторической основы и преемственности ценно-

стей, т.к. идеологическая критика переросла в критику исторического прошлого. Для российского общества дискуссионными остаются вопросы о направленности процесса трансформации, выборе стратегических ориентиров. Возникло состояние определенного идейно-мировоззренческого вакуума, когда одни идеалы и ценности уже ушли в прошлое, а другие еще не сформировались, являются противоречивыми и неясными.

Ключевым аспектом трансформационных процессов являются изменения в сознании людей, их ценностных ориентациях, образе мысли, мировоззрении. В этой связи изменения в ценностных ориентациях молодежи являются индикатором трансформационных процессов. Изучаются такие вопросы, как соотношение преемственности и инноваций в ценностных ориентациях современной молодежи. Сравнительный анализ призван выяснить, какой опыт предыдущих поколений сегодня востребован, от чего отказалась молодежь; какова глубина происходящих изменений, являются ли они радикальными. Другой аспект изучаемых вопросов: определение направленности и оценка происходящих изменений, выявление, в чем наблюдается прогресс, стагнация или деградация, какие тенденции являются позитивными, какие негативными.

Особенности демографической ситуации актуализировали проблематику возрастной дифференциации общества, межпоколенческих взаимоотношений[5]. Новые условия развития современного общества, характеризующегося интенсивным распространением информационных и коммуникативных технологий, привели к появлению новых направлений в изучении молодежи. Исследователи постмодернистского направления с особым вниманием относятся к изучению роли влияния на современную молодежь массмедиа.

Круг исследователей молодежи Чувашской Республики представлен как целенаправленно занимающимися изучением молодежи, так и косвенно касающимися рассматриваемых вопросов в своих работах. В целом в Чувашской Республике, к сожалению, не сложилась школа исследователей, занимающихся изучением молодежи, нет преемственности между современными исследователями и исследователями 70–80-х гг. XX в.

Исследования, проводимые в 1991–2004 гг., инициировались как самими исследователями, так и органами власти. Первичная информация и определенный уровень обобщения присутствуют также в статистических сборниках, периодически выпускаемых Комитетом по государственной статистике Чувашской Республики[6].

Комитет по делам молодежи Чувашской Республики в ежегодных докладах «Положение молодежи и важнейшие направле-

ния государственной молодежной политики в Чувашской Республике» приводит информацию о процессах, происходящих в молодежной среде, социальном положении молодежи Чувашской Республики, ее проблемах и путях их решения. В 2000 и 2002 гг. Комитетом по делам молодежи Чувашской Республики были проведены комплексные исследования «Молодежь Чувашии». Анализ результатов данных исследований нашел отражение в ряде научных публикаций. В 2004 г. по инициативе Молодежной палаты при Госсовете Чувашской Республики было проведено исследование молодежи в республиканском масштабе.

В ходе исследований в рассматриваемый период разрабатывались различные вопросы. Одними из активно изучаемых являлись вопросы социального самочувствия, степени адаптации и положения молодежи в новых социально-экономических условиях. Среди работ начала 90-х гг. XX в. следует отметить работу Б.Л. Алексеева и Г.Г. Тихомировой «Студенческая молодежь: на пути к новым жизненным ориентациям», в которой на основе исследований 1989—1993 гг. анализируются положение и проблемы студенческой молодежи в условиях начала реформ.

Авторами были рассмотрены отношение молодежи к рыночной экономике, предпринимательству, частной собственности, социальной дифференциации, влияние новых социально-экономических условий на изменение уровня и характера требований к образовательной и профессиональной подготовке молодежи. В работе изучены также различные аспекты жизнедеятельности студенческой молодежи (проблемы оптимизации учебной деятельности, психологический климат в студенческом коллективе, вопросы студенческого самоуправления и досуга).

Авторы пришли к выводу, что «молодежь психологически готова к переменам, ждет их с интересом. Абсолютное большинство внутренне принимает все социальные последствия рыночных отношений»[7]. Вместе с тем отмечается и ряд противоречий, в частности: «У молодых людей формируется несколько идеализированный образ общества с развитой рыночной экономикой и имидж современного делового человека»[8].

В 1996 г. Чувашским государственным университетом им. И.Н. Ульянова совместно с Комитетом по делам молодежи Чувашской Республики было проведено комплексное исследование молодежи Чувашской Республики. Изучались такие вопросы, как социальное самочувствие, политическая активность, образовательные ориентации молодежи и др., был дан социально-демографический прогноз развития молодежи Чувашской Республики.

Исследование выявило процессы дифференциации, происходящие в молодежной среде: «Происходит углубление деления

молодежи на элитарную и остальную. Между ними существуют огромные различия интересов и потребностей»[9]. Исследователи пришли к выводу, что необходимо проведение четкой социальной политики, направленной на улучшение условий развития молодежи.

В 1997 г. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук совместно с Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН и Центром социологических исследований Московского государственного университета было проведено исследование молодежи г. Чебоксары 1979–1980 гг. рождения. Рассматривались такие вопросы, как оценка направленности развития страны, социальное самочувствие молодежи. Интерес представляют данные, касающиеся отношения молодежи к материальному достатку: быть богатым оказалось значимым для 57,7 % молодежи и очень значимым – для 21,6 %[10]. Исследовалось также мнение молодежи по поводу семейных ценностей, по вопросам брака, планирования и воспитания детей, отношение к религии.

Н.П. Бахтинов на основе проведенного им исследования пришел к выводу, что подавляющая часть учащейся и студенческой молодежи поддерживает осуществляемые в стране преобразования, считая иной путь развития бесперспективным. Характеризуя нравственные ориентации молодежи, он отмечает ряд негативных тенденций: «Анализ показывает, что честная жизнь как нравственный ориентир все более теряет свою привлекательность, а на первое место все более выдвигается “жизнь в достатке”, которой в условиях российской действительности можно достичь лишь ценой отказа от важнейших моральных принципов»[11].

Среди исследовательских работ следует отметить монографию И.Е. Ильина «Социология молодежи: социальный и духовный облик». В ней рассматривается место молодежи в социально-демографической структуре населения Чувашской Республики, на основе данных статистики и серии исследований, проведенных автором в 90-х гг. XX в., анализируется социальный и духовный облик молодежи Чувашии. Как справедливо отмечает И.Е. Ильин, «безработица и сложная ситуация на рынке труда, ограниченные возможности для реализации жизненных интересов в решении жилищно-бытовых, материальных проблем, получении качественного образования ставят молодых людей в ситуацию повышенного социального дискомфорта»[12].

В отношении ценностных ориентаций молодежи он отмечает: «Исследования фиксируют сегодня серьезные изменения в шкале жизненных ориентаций у многих молодых людей: значительно уменьшилась сфера социального, и возросло значение

сугубо индивидуалистических ценностей. Позитивным в этом процессе является развитие такого важного духовного качества, как осознание себя свободной, независимой, самоценной личностью, желающей опираться прежде всего на собственные силы и возможности, стремящейся к самореализации. Однако нельзя игнорировать и отрицательные аспекты нравственной переориентации молодежи: у многих отступают на задний план или исчезают вообще такие ценности, как стремление быть полезным людям, находить смысл жизни в общественно значимой работе, в создании крепкой семьи и т.д.»[13].

М.Н. Краснова рассмотрела такие аспекты ценностных ориентаций молодежи, как гражданская позиция (отношение к родине, мнение по поводу актуальных проблем в стране); духовные ценности (жизненные цели и приоритеты, отношение к материальному достатку), а также формы и характер досуга молодежи. Она также подчеркивает: «Доминирующими в системе ценностей становятся деньги, материальное благополучие и ценности индивидуального характера»[14].

В работе О.Н. Викторова и М.Н. Изратовой «Ценностные ориентации студенческой молодежи» анализируются статистическая информация, материалы министерств и ведомств, работающих с молодежью. Здесь привлечены данные исследований «Молодежь Чувашии» 2000 и 2002 гг. и аналогичных исследований в ряде других регионов России. В ней рассмотрены вопросы, касающиеся специфики студенческой молодежи, воспитательной работы по формированию ее активной жизненной позиции.

Анализируются также проблемы, волнующие студенческую молодежь, ее отношение к стране и историческому прошлому, отношение к материальному достатку, духовные ценности и досуг, политические ориентации. В заключении авторы приходят к выводу, что студенчество остается одной из передовых групп молодежи[15]. В качестве проблемы указывается слабая социальная защита студенчества.

В монографии В.К. Шумилова «Массовое сознание молодежи Чувашии в процессе модернизации российского социума (социально-философский анализ)» рассматриваются теоретико-методологические вопросы изучаемой проблемы, в том числе на основе данных, полученных автором исследованиями 1999–2000 гг. В.К. Шумилов анализирует процесс модернизации массового сознания в социально-политической, социально-экономической и духовной сферах, особенно такие вопросы, как факторы формирования мировоззрения молодежи, ее отношение к политическим правам и свободам, степень доверия к государственным и общественным институтам, отношение к имущественному неравенст-

ву, понимание социальной справедливости, роли закона, моральные ценности и др.

В.К. Шумиловым были изучены отношение молодежи к ключевым социально-экономическим вопросам (курс развития страны, проводимые реформы, частная собственность, иностранный капитал). Автор считает, что «процессы модернизации массового сознания наиболее активно протекают в экономической сфере общества»[16]. Отмечается также, что они интенсивнее происходят в городской среде.

В.К. Шумилов пришел к следующему выводу: «Результаты опросов показывают более успешную социально-экономическую, политическую и социокультурную адаптированность молодого поколения к новым условиям жизни. Все это свидетельствует о том, что в молодом поколении имеется потенциал движения к рыночной экономике, гражданскому обществу»[17]. Препятствием на пути к модернизации являются, по его мнению, сохраняющиеся «мифы традиционного сознания». Как специфическую черту исследователь отмечает бóльшую традиционность массового сознания молодежи Чувашии по сравнению с молодежью других регионов России[18].

Современную молодежь нельзя рассматривать как гомогенную социальную группу. Помимо классических оснований, таких, как, в частности, место в социальной структуре, исследователи выделяют ряд других. Среди векторов дифференциации молодежи – уровень и качество полученного образования, гендерные различия, локально-территориальные особенности жизнедеятельности, а также стилевой, субкультурный параметры и др.

В этой связи необходимо изучение отдельных групп молодежи. Анализ особенностей учащейся, сельской молодежи присутствует в работах И.Е. Ильина. Особое внимание он уделил изучению молодых предпринимателей – новой социальной группы в социальной структуре российского общества. Как справедливо замечает автор, «в Чувашии исследовательская работа в плане определения социального портрета молодого предпринимателя, его места в социальной структуре населения республики находится лишь на начальном пути»[19]. Отдельные аспекты ценностных ориентаций молодых предпринимателей изучались также Л.А. Емельяновой[20].

М.Н. Красновой выявлен ряд специфических черт сельской и городской молодежи Чувашской Республики. Она указывает на более высокий уровень обеспокоенности актуальными социально-экономическими проблемами со стороны сельской молодежи[21].

В плане изученности отдельных групп молодежи в целом очевидно, что в большей степени в центре внимания исследова-

телей – учащаяся молодежь. Объяснить данное обстоятельство можно практическими причинами, прежде всего доступностью объекта изучения для исследователей. Вместе с тем рост внимания исследователей к учащейся молодежи, студенчеству имеет и объективные основания: на современном этапе значительно больший контингент молодежи по сравнению с 80-ми гг. XX в. ориентируется на получение профессионального образования (в 1997 г. в Чувашской Республике 78,5 % выпускников школ продолжило образование, в 2002 г. – более 89 %).

Другое актуальное направление, представленное в исследованиях молодежи Чувашской Республики в 1991–2004 гг., – вопросы профессионального образования и занятости молодежи. В качестве одной из заметных особенностей исследователи отмечают рост прагматического подхода молодежи к получению образования и, как следствие, негативные тенденции, связанные со снижением уровня профессиональной подготовки и культуры студентов. Это отмечается Б.Л. Алексеевым и Г.Г. Тихомировой[22]. Снижение образовательного уровня молодежи на фоне роста количества образовательных учреждений исследователи фиксировали по результатам комплексного исследования молодежи Чувашской Республики, проведенного Чувашским государственным университетом совместно с Комитетом по делам молодежи Чувашской Республики в 1996 г.[23]

Данная тенденция отмечается и в более поздних исследованиях, в частности Ю.С. Гуровым и Т.Я. Сильвестровой: «Получение образования из духовной потребности стало постепенно превращаться в материальную потребность – повысить заработную плату, доход, продвигаться по службе. Чисто духовное стремление повысить свою культуру, расширить понимание жизни и специальности, обновить свое мировоззрение отодвинулось на второстепенный план»[24].

В совместной статье Ю.С. Гурова, Т.Я. Сильвестровой и В.Н. Григорьева на материалах исследований 1996–2001 гг., проведенных в вузах г. Чебоксары, анализируются образовательные потребности молодежи в новых условиях, влияние образования на изменение социального положения человека. Тенденцию повышения значимости высшего образования они объясняют тем, что «молодые люди ставят перед собой цель – перейти из менее обеспеченного социального слоя, который дают им родители, в более высокий обеспеченный и творческий слой»[25]. Таким образом, современная молодежь рассматривает получение образования как условие социальной мобильности.

Другой аспект проблем, связанных с образованием молодежи в новых условиях, рассмотрен Н.Г. Полупан-Семедовой. Она

отмечает, что «резкое расслоение населения по имущественному признаку, произошедшее в последнее десятилетие, снижение объемов финансирования образования привели к тому, что был нарушен равноправный доступ молодежи к высоким уровням образования»[26].

В диссертационном исследовании О.В. Василенко «Социализация молодежи в образовательном процессе (социально-философский анализ)» рассматриваются особенности процесса социализации молодежи, роль образования в формировании ценностных ориентаций молодежи[27].

Положение молодежи на рынке труда, механизмы его регулирования изучаются в коллективной статье Т.Н. Кузнецовой, Л.П. Куракова и Л.В. Резюковой. Важной проблемой при изучении данных вопросов являются методы получения информации. Следует согласиться с замечанием авторов о том, что для измерения реальных показателей безработицы молодежи «необходимо выработать механизм сбора полной информации, которой, к сожалению, не располагает официальная статистика, основанная на материалах регистрации служб занятости и неполном представлении сведений предприятиями и организациями»[28].

Л.В. Резюковой также изучаются проблемы молодежного рынка труда и возможные пути их решения[29]. Специфика поведения и конкурентоспособности на рынке труда различных возрастных групп рассмотрены в статье Е.Е. Плетневой[30]. Различные аспекты, связанные с проблемой занятости молодежи в современных условиях, рассмотрены в статьях Л. Рыбакова и В.Н. Иванова[31]. Следует указать ряд локальных исследований, посвященных изучению проблемы занятости молодежи, в частности исследование Э.Н. Рябининой и В.С. Савиновой. В.В. Демина на материалах исследования, проведенного в 1996 г. в Чебоксарском городском центре занятости, изучила социально-психологические проблемы безработных[32].

Среди публикаций конца 90-х гг. XX в. следует отметить работу Н.В. Григорьевой. На основе проведенного ею социально-психологического исследования и материалов службы занятости г. Чебоксары она рассмотрела теоретические и практические аспекты профессионального самоопределения и адаптации молодежи на рынке труда, выявила факторы адаптации молодых специалистов, проблемы и барьеры, с которыми они сталкиваются.

Н.В. Григорьевой также затронуты вопросы, связанные с мотивацией трудовой деятельности. В этой связи автор заключает: «Более заметной стала тенденция инструментализации мотивации труда. Самоценное отношение к труду, с точки зрения его содержания, вытесняется в сознании молодежи оценкой смысла труда как средства достижения других целей»[33].

В 90-е гг. XX в. получила качественное обновление и развитие проблематика, связанная с участием молодежи в политической и общественной сферах жизни общества. Д.М. Шабунин изучил влияние этнической принадлежности, национальных традиций и культуры на формирование правового сознания молодежи. Исследование было проведено при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров в трех субъектах Приволжского федерального округа (Чувашия, Татарстан, Нижегородская область), различающихся по этнической структуре населения и сложившимся в них политическим режимам.

Следует отметить, что результаты исследования показали, что почти половина респондентов полагает, что в настоящее время Россию нельзя назвать правовым государством. В связи с этим Д.М. Шабунин замечает: «Образ России как неправового государства прочно вошел в сознание молодежи. Она хоть и принимает существующую политическую форму правления, но достаточно скептически относится к ее конкретным представителям»[34]. Молодежь считает, что в России наиболее часто нарушаются такие базовые права, как равенство всех перед законом, свобода от унижения, свобода получения и доступа к информации, свобода слова, совести.

На основе данных исследования можно заключить, что, несмотря на демократическую ориентацию молодежного сознания, в нем еще достаточно сильно авторитарное начало. В частности, автор указывает: «Несмотря на скептическое отношение к возможности государственной власти обеспечить защиту прав человека, 46 % молодежи считает, что ведущая роль в защите прав человека должна принадлежать государству»[35].

В целом автор пришел к выводу, что национальные стереотипы и ментальность оказывают влияние на формирование образа России, восприятие ее цивилизационной принадлежности, а также гражданские ориентации. Исследование показало, что национальные стереотипы и ментальность не оказывают влияния на демократические ориентиры и ценности молодежи, отношение к закону, органам государственной власти, уровень правового образования и соблюдение и реализацию прав человека. Автор отмечает низкий уровень правовых знаний молодежи в целом и отношение к закону как к необязательному и чисто внешнему по отношению к самому человеку фактору[36].

Вопросы, связанные с формированием правовой культуры современного российского студенчества, изучались Н.Г. Полупан-Семедовой[37]. Изучению политического и правового сознания молодежи посвящена серия статей В.К. Шумилова, в которых анализируются данные исследования, проведенного автором в 2000 г.

В центре его внимания изучение постсоветской генерации молодежи – современных старшеклассников, которые в ближайшие годы пополнят ряды электората.

Интерес представляют выявленные автором в результате исследования особенности отношения старшеклассников к демократическим институтам, их политические предпочтения. В отношении старшеклассников к государству В.К. Шумилов отмечает «гипертрофированный патернализм»[38]. Исследователем также был рассмотрен вопрос об отношении старшеклассников к нормам права. Показательными являются полученные автором данные о том, что 72,3 % опрошенных старшеклассников согласны с мнением, что «по жизни у нас для богатых один закон, а для бедных – другой»[39].

Комитетом по делам молодежи Чувашской Республики проводится работа по анализу форм и направлений гражданской активности молодежи. Следует отметить практическую ценность подготовленного им справочного издания «Молодежные общественные объединения Чувашской Республики»[40]. Концептуальные аспекты и правовые основы молодежной политики в Чувашской Республике рассматриваются в работе «Государственная молодежная политика в Чувашской Республике 2000–2001 гг.»[41].

В последние годы востребованным является изучение вопросов толерантности, межэтнического и межконфессионального взаимодействия. В России по данному направлению реализуется ряд интересных исследовательских проектов, касающихся молодежи[42]. В этой связи следует отметить актуальность статьи И.Е. Ильина и Н.М. Ивановой «Формирование этнической толерантности современной молодежи». В ней, в частности, отмечается: «Молодежь как социальная группа играет особую роль в межэтническом взаимодействии. Она более свободна от этнических стереотипов и этнофобий, имеет более широкие границы межкультурного понимания»[43].

На основе материалов двух социологических исследований – «Молодежь Чувашии» и «Современное состояние этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике», проведенных в 2002 г., анализируется мнение молодежи Чувашской Республики по поводу межэтнических отношений, причин конфликтов в данной сфере, по поводу проблемы мигрантофобии.

Авторы пришли к заключению, что большинство молодежи не испытывает острого беспокойства из-за проблемы межэтнических отношений: «Основываясь на анализе эмпирических сведений, можно сказать, что в Чувашии существует позитивный фон для формирования этнической толерантности молодежи»[44].

Вместе с тем они отмечают, что интолерантность может существовать в латентной форме, что делает необходимой деятельность по предотвращению возможных конфликтов в сфере межэтнических отношений, одним из направлений которой является формирование установок этнической толерантности у молодежи.

Во второй половине 90-х гг. XX в. получило существенное развитие изучение вопросов девиантного поведения молодежи, молодежной преступности. Активизация изучения данной проблематики обусловлена тем, что девиантное поведение молодежи получило значительное распространение, а в его структуре доминируют негативные формы. Это происходит на фоне низкой эффективности предпринимаемых мер социального контроля и превенции.

В статье С.Е. Степановой анализируются причины девиантного поведения студенческой молодежи. Она, в частности, отмечает компенсаторный характер девиантного поведения молодежи[45]. Следует отметить психолого-социологическое исследование Н.Ю. Костюниной, проведенное среди студенческой молодежи г. Алатырь и направленное на изучение проблемы суицидального поведения молодежи. В исследовании рассмотрены вопросы причинности суицидального поведения, а также вопросы его профилактики[46]. С целью изучения проблемы молодежной преступности, в частности школьного рэкета, работниками прокуратуры Чувашской Республики было проведено масштабное исследование, в ходе которого было опрошено более 30 тыс. человек[47].

В центре внимания исследователей оказались вопросы социального контроля и профилактики девиантного поведения молодежи. Они были рассмотрены Ю.С. Гуровым и Ю.Б. Прокопьевым[48]. И.В. Павловым, О.В. Корнеевой и В.Г. Тимофеевым изучались вопросы профилактики, правовые и организационные аспекты социального контроля, в частности деятельности правоохранительных органов, анализируются причины подростковой преступности[49].

Гендерные проблемы, изучение брачно-семейных ориентаций представлены в исследованиях молодежи Чувашской Республики в 1991—2004 гг. в малой степени. Между тем в данной сфере происходят значительные перемены, изучение которых имеет важное значение для понимания современной молодежи. В Чувашской Республике по данной проблематике следует отметить ряд работ М.Н. Красновой. В частности, ею изучаются особенности досуга молодой семьи[50].

Одним из критериев выделения молодежи в отдельную социальную группу являются особенности молодежной субкультуры, с присущими ей специфическими формами, внешними атри-

бутами, каналами коммуникации. В этой связи, на наш взгляд, значительным пробелом в изучении молодежи Чувашской Республики является недостаточная представленность в исследовательской проблематике вопросов молодежной субкультуры, неформальных молодежных объединений. Исследования данных вопросов фактически отсутствуют.

В заключение следует отметить, что изучение молодежи занимает значимое место в проблематике социологических исследований, проводимых в Чувашской Республике. Характеризуя интенсивность исследований молодежи Чувашской Республики, можно отметить, что в первой половине 90-х гг. XX в. проводились немногочисленные локальные исследования. С конца 90-х гг. интерес к рассматриваемой теме заметно увеличился. Это выразилось в расширении круга исследователей, спектра изучаемых проблем, а также в росте числа публикаций.

В исследовательской проблематике мало представлены вопросы теоретико-методологического характера. Работы, посвященные концептуальным подходам, разработке методики изучения молодежи, фактически отсутствуют. В целом, относительно методики проводимых исследований можно заметить, что наиболее распространенным является метод опроса. Безусловно, данный метод имеет ряд достоинств. Однако важным является соблюдение всех необходимых требований при его использовании. К сожалению, не все публикации содержат сведения, касающиеся программно-методической части исследований (выборки, формы и места проведения опроса и др.), позволяющие оценить качество исследования и объективность его результатов.

Существует целесообразность более широкого использования других методов, в частности метода фокус-групп. Следует отметить, что в современной мировой и отечественной практике получила распространение новая методологическая стратегия комбинирования данных массовых количественных исследований с изучением единичных случаев, на основе которых массовидные тенденции анализируются более углубленно[51]. Комплексные исследования республиканского масштаба (такие, как исследования «Молодежь Чувашии» 2000 и 2002 гг., проведенные Комитетом по делам молодежи Чувашской Республики) необходимо проводить в мониторинговом режиме в дальнейшем, что позволит рассмотреть предмет изучения в динамике.

Таким образом, анализ особенностей, направленности и результатов изучения молодежи Чувашской Республики в 1991–2004 гг. показывает, что перспективы изучения молодежи Чувашской Республики должны связываться с совершенствованием методики исследований – освоением новых методов. Безуслов-

но, перспективы изучения молодежи также связаны с междисциплинарным подходом. Необходимым является проведение комплексных исследований с участием историков, экономистов, политологов, психологов и других специалистов.

В этой связи представляется целесообразным развивать сотрудничество и координацию деятельности государственных структур, занимающихся проблемами молодежи, Госкомстата Чувашской Республики и исследователей. Это будет способствовать систематизации исследований, решению организационных вопросов, активизации исследовательского взаимодействия и повышению эффективности исследований. Полученные данные должны использоваться в разработке и реализации концепции и стратегии молодежной политики. Представляется необходимым установить взаимодействие с федеральными и региональными исследовательскими центрами, занимающимися изучением молодежи с целью обмена опытом, информацией, организацией совместных проектов.

В целом, необходимы проведение дальнейших теоретических и эмпирических исследований современной молодежи Чувашской Республики, расширение их проблематики и повышение качества.

Литература

[1] *Боряз В.Н.* Молодежь: методические проблемы исследования. Л.: Наука, 1973. С. 154.

[2] *Иконникова С.Н.* Молодежь: социологический и социально-психологический анализ. Л., 1974. С. 140–160.

[3] Проблемы молодежи, детей, семьи в диссертационных исследованиях (гуманитарно-социальный аспект): библиографический указатель за 1990–2000 гг. / авт.-сост. Э.Ш. Камалдинова. М.: Социум, 2001. С. 4.

[4] *Климов И.А.* Поколение-next: две стороны свободы // http://bd.fom.ru/report/map/d022824; *Гвоздева Е.* Амбиции вместо идеалов (о целях современной молодежи). URL: http://bd.fom.ru/report/map/d022827.

[5] Социология в России / под ред. А.А. Ядова. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 143.

[6] Молодежь Чувашской Республики: статистический сборник. Чебоксары: 1995; Молодежь Чувашской Республики (1995–2001 гг.). Чебоксары: Госкомстат, 2002; Молодежь Чувашской Республики: статистический сборник. Чебоксары: Госкомстат, 2003.

[7] *Алексеев Б.Л., Тихомирова Г.Г.* Студенческая молодежь: на пути к новым жизненным ориентациям (по материалам социологических исследований). Чебоксары, 1994. С. 19.

[8] Там же. С. 103.

[9] Молодежь Чувашии как она есть // Чебоксарские новости. 1996. 27 декабря.

[10] *Бойко И.И.* Демографический взрыв нам не грозит, или Быть богатым актуально // Молодежный курьер. 1997. 27 июня.

[11] *Бахтинов Н.П.* Учащаяся молодежь в условиях рынка (социологический анализ адаптации молодежи к новым условиям) // Народная школа. 1998. № 5–6. С. 27.

[12] *Ильин И.Е.* Социология молодежи: социальный и духовный облик. Чебоксары, 1999. С. 58.

[13] Там же. С. 70.

[14] *Краснова М.Н.* Ценностные ориентации молодежи Чувашской Республики в условиях трансформации современного общества // Основные аспекты трансформации постсоветского пространства в условиях полиэтнического региона: сб. ст. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 108.

[15] *Викторов О.Н., Изратова М.Н.* Ценностные ориентации студенческой молодежи: опыт работы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. С. 28.

[16] *Шумилов В.К.* Массовое сознание молодежи Чувашии в процессе модернизации российского социума (социально-философский анализ). Чебоксары, 2002. С. 157.

[17] Там же. С. 138.

[18] *Шумилов В.К.* Экономическое сознание старшеклассников и пути его модернизации // Народная школа. 2003. № 4. С. 92.

[19] *Ильин И.Е.* Указ. соч. С. 17.

[20] *Емельянова Л.А.* Ценностные ориентации студентов-менеджеров // Известия Национальной академии наук и искусств, 1997. № 3. С. 42–44.

[21] *Краснова М.Н.* Указ. соч. С. 105.

[22] *Алексеев Б.Л., Тихомирова Г.Г.* Студенческая молодежь: на пути к новым жизненным ориентациям. С. 19.

[23] Молодежь Чувашии как она есть.

[24] *Гуров Ю.С., Сильвестрова Т.Я., Григорьев В.Н.* Социально-образовательные потребности молодежи // Народная школа. 2001. № 6. С. 72.

[25] *Гуров Ю.С., Сильвестрова Т.Я., Григорьев В.Н.* Образовательные потребности молодежи в системе социальной и профессиональной мобильности общества // Актуальные проблемы непрерывного образования в системе «Школа–вуз»: материалы межвузовской научно-практической конференции. М.; Чебоксары, 2001. С. 33.

[26] *Полупан-Семедова Н.Г.* Образование и карьера // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в начале XXI в.: социальные вызовы и альтернативы». В 3 т. Т. 2. М.: Альфа-М, 2003. С. 573.

[27] *Василенко О.В.* Социализация молодежи в образовательном процессе (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары: ЧГУ, 2003. С. 27.

[28] *Кузнецова Т.Н., Кураков Л.П., Резюкова Л.В.* Государственное регулирование молодежного рынка труда // Проблема занятости и социальная защита населения: сб. трудов Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. С. 21.

[29] *Резюкова Л.В.* Проблемы молодежного рынка труда и возможные пути их решения // Проблемы стратегического планирования, прогнозирования и обеспечения конкурентоспособности региона: материалы Всероссийской конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. С. 80–82.

[30] *Плетнева Е.Е.* Возрастная конкуренция на рынке труда // Там же. С. 88.

[31] *Рыбаков Л.* О проблемах трудоустройства молодых специалистов // Человек и труд. 2001. № 1. С. 70; *Иванов В.Н.* Актуальность выбора профессии молодежью в условиях реформ // Вестник ЧГПУ. 2002. № 7. С. 77.

[32] *Рябинина Э.Н., Савинова В.С.* Социальное положение и занятость молодежи г. Чебоксары // Социально-экономические проблемы воспроизводства рабочей силы в условиях рынка: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Чебоксары, 1993. С. 65–73; *Демина В.В.* Психологические аспекты взаимосвязи личностных особенностей безработных с их эмоциональным состоянием // Известия Национальной академии наук и искусств. 1997. №3: Педагогические науки. С. 32–38.

[33] *Григорьева Н.В.* Профессиональное самоопределение молодежи: конспект лекций. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2002. С. 28.

[34] *Шабунин Д.М.* Правовое сознание современной молодежи (этнонациональные особенности). Чебоксары: ИЧП, 1999. С. 62.

[35] Там же. С. 63.

[36] Там же. С. 68.

[37] *Полупан-Семедова Н.Г.* К вопросу о правовой культуре современного российского студенчества // Проблемы формирования правовой культуры населения в современных условиях: труды республиканской научно-практической конференции. Вып. 2, ч. 1. Чебоксары, 1996.

[38] *Шумилов В.К.* Политическое сознание подростков // Экономическая, политическая и духовная трансформация Приволжского федерального округа: сб. ст. Вып. 2, ч. 1. Чебоксары, 2001. С. 163.

[39] *Шумилов В.К.* Правовое сознание старшеклассников // Вестник ЧГПУ. 2002. № 7. С. 75.

[40] Молодежные объединения Чувашской Республики. Чебоксары, 2001.

[41] Государственная молодежная политика в Чувашской Республике 2000–2001 гг. Чебоксары, 2002.

[42] Язык вражды и студенчество. М.: Агентство социальной информации. С. 44.

[43] *Ильин И.Е., Иванова Н.М.* Формирование этнической толерантности современной молодежи // Чувашский национальный музей: люди, события, факты. 2003 г. Чебоксары, 2004. С. 35.

[44] Там же. С. 37.

[45] *Степанова С.Е.* Проявления девиации в студенческой среде // Информационные технологии и гуманитарное образование: сб. ст. Всероссийской научно-методической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 248.

[46] *Костюнина Н.Ю.* Профилактика суицидального поведения студенческой молодежи // Там же. С. 124–137.

[47] *Дмитриев С.* Школьный рэкет // Советская Чувашия. 2004. 27 мая.

[48] *Гуров Ю.С., Прокопьев Ю.Б.* Состояние и формы социального контроля девиантного поведения среди молодежи и подростков Чувашской Республики // Проблемы формирования правовой культуры населения в современных условиях: Труды республиканской научно-практической конференции. В 2 ч. Чебоксары, 1996. Ч. 1. С. 73–76.

[49] *Павлов И.В.* Профилактика правонарушений подростков // Известия Национальной академии наук и искусств. 1997. № 3: Педагогические науки. С. 81–93; *Корнеева О.В., Тимофеев В.Г.* Правоохранительные органы и их роль в предупреждении преступности несовершеннолетних в Чувашии // Вестник ЧГПУ. 2001. № 4. С. 158–162.

[50] *Краснова М.Н.* Досуг молодой семьи (по результатам исследований в Чувашской Республике) // Сборник трудов молодых ученых ЧГУ. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. С. 152–160.

[51] Социология в России / под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С 143.

А.И. Мордвинова

ОБЗОР ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК 2002–2004 ГОДОВ

Ключевые слова: *события художественной жизни, художник, выставка, новые направления современного искусства.*

События художественной жизни, описанные современником, возможно, не дают широких обобщений, однако могут достаточно полно отразить характерные черты времени. Взгляд на процессы развития искусства «изнутри», анализ и оценка выставок и отдельных произведений помогут будущим исследователям воссоздать целостную картину искусства нашего времени.

В Чувашии много славных мастеров, профессиональными художниками числятся около двухсот человек. В их произведениях – широкая панорама жизни. Главной темой в творчестве одних становятся события и образы современной жизни, других они совершенно не привлекают, и они ищут материал для выражения своих идей в историческом прошлом или фольклоре, обращаются к вымыслу или абстрактным понятиям. Но во всех случаях творчество художников представляет отчетливый срез духовной жизни общества. Однако, как известно, подлинное искусство создается единицами, а не массой членов творческого союза. Появление ярких, самобытных художников, определяющих своеобразие современного искусства Чувашии, случается не часто. Их имена и произведения хочется выделить и внимательно рассмотреть. Со временем явится и обобщающий труд об искусстве республики последних десятилетий.

Панорама художественных событий 2002–2004 гг., конечно, имеет свои отличительные особенности даже в сравнении с предыдущим, последним десятилетием XX столетия. Этому способствовало в значительной степени проведение ярких, масштабных

Мордвинова Антонина Ильинична — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук.

мероприятий в рамках программы «Чебоксары – культурная столица Поволжья-2003». Они еще раз дали повод подумать о некоторой провинциальности нашей жизни. С другой стороны, в этом не только слабость нашего профессионального искусства, но и его сила. Ведь самобытность таких художников, как В. Агеев, Н. Енилин, Ф. Мадуров, П. Петров, Праски Витти, Г. Фомиряков или С. Юхтар, рожденная именно географией и ландшафтом Чувашской земли, культурой чувашского народа, интересна и за ее пределами. Работающие в различных художественных системах, они явили в своем творчестве его содержание и душу.

Поначалу сосредоточимся на выставках 2002 г., среди которых преобладали «музейные», составленные из произведений, хранящихся в фондах Художественного музея, а также организуемые Союзом художников или самими художниками. Год начался экспозицией под названием «Свет преображения», работавшей в дни зимних школьных каникул. Она включила в себя не только музейные вещи, но и произведения прикладного искусства сестер и послушниц Чебоксарского женского Спасо-Преображенского монастыря и произведения профессиональных и народных мастеров. Так, рядом с иконами XIX в. расположились современные вышитые иконы, рядом с рукотворными церковными облачениями была представлена и мелкая пластика художников-прикладников из керамики: рождественские ангелочки, колокольчики и подсвечники. Очень обогатили экспозицию 100 великолепных фотографий В. Алмазкина, изображающих виды г. Чебоксары с православными храмами в разное время года и суток. Взгляд художника на привычные виды заново открывал нам красоту родного города. Ряд рождественских мероприятий – концерты послушниц монастыря и детского хора, мастер-классы для детей, лекция об иконописи – сделал эту выставку живой, интересной и многолюдной, несмотря на крещенские морозы.

Параллельно работала выставка «Старинная фотография: из частных коллекций», включившая в себя более 400 как любительских, так и профессиональных фотографий. Они донесли до зрителя аромат прошедших времен и явили светлые лики ушедших людей. Диссонансом сегодняшнему дню звучали некоторая наивность постановок и целомудрие образов.

Специального разговора заслуживают выставки произведений ушедших из жизни художников. Две масштабные выставки – произведений И.В. Дмитриева (1902–1991), приуроченная к 100-летию со дня его рождения, и А.И. Миттова (1932–1971), посвященная 70-летию художника, – были особенно значительны и составлены в основном из работ, хранящихся в музее[1]. Каждая из них была яркой в силу особых причин.

Иван Васильевич Дмитриев – художник, живший и творивший в Москве, имя которого вновь вызывает большой интерес после долгих лет молчания, в том числе и в Москве, где уже состоялись его персональные выставки. Чувашская земля и родной народ стали основной темой его картин. Он написал сотни картин на сюжеты из быта чувашской деревни. Часто они монументальны по форме, в их основе лежит «хоровое» композиционное начало. Художник необычайно ярко проявил себя и в жанре портрета. Тонко прочувствованная красота человеческого лица, печать духовной жизни на нем, формальная завершенность при широком письме – все это производит необычайно сильное эстетическое впечатление. Еще более прославился художник своими живописными натюрмортами, в которых воплотил, в традициях «Бубнового валета», все великолепие «конкретного» материального мира[2].

Анатолий Иванович Миттов (1932–1971) – одна из ключевых фигур в истории чувашского изобразительного искусства. Бесспорно, он останется в искусстве XX в. художником первой величины. Художник, «который был, вероятно, одним из самых талантливых художников середины XX века», – пишет доктор искусствоведения С.М. Червонная в книге о художественной культуре народов России[3]. Глубочайшее проникновение в глубины национального характера, выражение характерных особенностей народного сознания, создание некоего художественного архетипа – все это можно познать перед шедеврами мастера. Искусство Анатолия Миттова уникально, путь его во многом трагичен. Его произведениями начинаются поиски и осознание собственно чувашского, национального языка искусства, который включил в себя все богатство традиционной чувашской культуры. Широкая картина его творческих достижений, представленная в экспозиции, побудила исследователей современного искусства к обсуждению проблем, связанных с его именем. Сотрудники отдела искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук провели в начале 2003 г. первую в истории республики научную конференцию, посвященную А.И. Миттову, в которой приняли участие искусствоведы, языковеды, литературоведы. Они подняли такие важные проблемы, как роль этого художника в развитии чувашского изобразительного искусства, использование им чувашского костюма и традиционной символики для выражения своих идей. Теоретическое осмысление используемых художником образов также стало содержанием докладов. Творчество А. Миттова находит наконец достойное место в истории чувашского искусства.

Произведения живописца Бориса Михайловича Белоусова (1924–1977) также стали классикой чувашского искусства. Это не первая посмертная персональная выставка художника, и каждый раз она поражает силой его живописного дара. Не только монументальные полотна «Чебоксары. Ледоход на Волге» или «Радуга над городом», но, еще более, маленькие пейзажные этюды поражают свежестью впечатлений, красочной гармонией и тонкостью цветового строя. В лучших традициях русской пейзажной школы выполнены эти работы, что встречается сегодня не так уж часто.

Выставка произведений заслуженного художника республики Павла Петровича Козлова (1926–2002), организованная к его 75-летию, как оказалось, стала последней прижизненной выставкой. Она состоялась в феврале – марте в центральном зале Художественного музея, а летом художника не стало. Около 250 произведений живописи представили разные периоды его творчества. Узнаваемая манера живописца со временем почти не менялась. Содержание и чувства с годами стали богаче. Он был одним из тех художников, кто не изменяет избранной теме никогда (а это была природа с щедрыми ее летними дарами и человек, живущий среди зеленого великолепия), но обогащает ее все новыми мотивами.

Как всегда, была интересна экспозиция произведений Николая Сергеевича Ведерникова (1938–1991). Монументалист и оригинальный живописец, он в своих монохромных, «суровых» натюрмортах очень и поэтичен, и философичен. «Стремясь выразить в холстах идеи вечности, – писал он, – я все предметы в моем изображении как бы выключаю из быта непосредственно, чтобы это не выглядело частным моментом, чтобы время, которое там изображено, было растянуто в бесконечность...»

Мощным аккордом прозвучала выставка произведений Владимира Ивановича Агеева, приуроченная к 70-летию художника. Она представила редкую по цельности и хронологической наполненности картину одного из выдающихся, самых ярких и плодотворных мастеров чувашского искусства. Он начал творческую деятельность в 1960-х гг., но и сегодня его кисть и карандаш так же энергичны и уверенны. Интересно было посмотреть его ранние живописные работы, где рядом с пейзажем живут традиционные поэтические мотивы деревенского быта. Стада тучных коров, крепкие и здоровые красавицы-крестьянки, струящиеся воды родника, серебристые кроны чувашских ив, мощные стволы дубов – все это написано с великой любовью и проникновением. Не случайно этого мастера считают одним из художников, кто наиболее полно и убедительно выразил характерные черты чувашского народа. Значительны и его исторические полотна. Развернутое сюжетное повествование или полный динамики краткий миг боевой

схватки видим в картинах «Чувашский конный отряд в армии Пугачева», «Битва красногвардейцев», «Емельян Пугачев после переправы через Волгу близ села Сундырь 17 июля 1774 г.», «За власть, за землю», «Битва у стен города Сувар», «Восставший Эркель Пайдул». Эти и другие полотна, написанные в течение 1970 – начала 2000-х гг., представляют его как замечательного мастера исторического и батального жанра. Самой высокой оценки заслуживают графические работы художника – непревзойденного мастера в технике «тушь, перо». Яркие фигуры народных мифов и легенд предстают в его сложнейших композициях, где порой сплетены в сложных ракурсах десятки действующих лиц. Образы растительного и животного мира, фантастических мистерий чувашских духов и божеств, картины народной жизни соединились в великолепном исполнении тонких линий и выразительных форм. Выставка произведений В.И. Агеева – каждый раз праздник искусства.

Близок к нему по своему мироощущению скульптор Федор Иванович Мадуров. Когда речь идет о национальной самобытности искусства, среди имен художников его имя произносится первым. К шестидесяти годам он автор монументальных и станковых произведений, мелкой пластики, в которых живут народные персонажи, исполненные в простых и выразительных формах. Это одна из главных тем мастера. Но в последние годы рядом с ними все чаще появляются новые герои. Сильные, динамично решенные образы иных, теперь уже мифологических и легендарных исторических героев привлекают именно своим реалистическим решением формы.

Интересно было познакомиться с новыми работами народного художника Чувашии, переехавшего в Ульяновск, – Петра Васильевича Павлова (к 65-летию художника). Значительная часть экспонируемых произведений, правда, принадлежала ЧГХМ. Выпускник Московского художественного института им. В.И. Сурикова 1968 г., он всегда выделялся характерной для этой эпохи и школы «суровостью». Его тематические полотна, посвященные войне, строительству нового государства всегда волновали трагическими, но сильными образами. По-прежнему глубоко психологичны его портретные герои. Впервые выставила рядом с ним свои живописные работы дочь Н.П. Павлова, живущая и работающая в Москве. Она показала салонные вещи, которые востребованы сегодня «околохудожественной» публикой.

Всегда нарядны выставки произведений декоративно-прикладного искусства. Юбилейная выставка Т.И. Петровой показала великолепную коллекцию, включившую более трехсот экспонатов – плоскостные изделия и выставочные костюмы в народном

стиле. Сохраняя традиции народного искусства, мастерица долгое время руководила творческой мастерской фабрики «Паха тĕрĕ». Продолжая этот ряд, вспомним выставку, организованную позже, в 2004 г., посвященную 90-летию народного художника республики Екатерины Иосифовны Ефремовой. Жаль, что выставка была небольшой по количеству экспонатов – мастерица достойна обширной, развернутой выставки, которая показала бы огромный ее вклад в развитие чувашских народных промыслов, в первую очередь вышивки. Ее многолетняя самоотверженная работа по изучению, а затем возрождению древнего искусства позволила чувашской вышивке выйти на мировой уровень. Интерес к ее творчеству вызван глубокой народной основой и высоким профессионализмом созданных произведений. Не случайно своим учителем называют Ефремову многие современные мастера вышивки. Сюда можно отнести и Т.В. Шаркову, чьи творческие поиски простираются часто за пределы традиционного использования народных приемов этого ремесла. Она продемонстрировала свое мастерство экспозицией в Выставочном зале (2004), где одновременно прошла и презентация нового альбома о творчестве этой неординарной художницы.

К ярким выставкам 2002 г. можно отнести экспозицию «Современная живопись Санкт-Петербурга» из Музея современного искусства г. Царское Село, где были показаны произведения художников авангардного направления. В этом плане была интересной и выставка произведений немецкой художницы Эрики Ламан, уже знакомой чебоксарским зрителям по предыдущим персональным выставкам. Ее лапидарная, в духе немецкого экспрессионизма живопись и тематическая широта картин также обогатили картину художественной жизни города.

Предваряя обзор мероприятий программы «Чебоксары – культурная столица-2003», представим список выставок, прошедших в ее рамках в залах Чувашского государственного художественного музея и его Выставочном зале:

«Давай!» – выставка из лаборатории актуального искусства России (Австрия, Германия, Россия). 26.02.03 – 31.03.03.

«В сторону экрана» – выставка современного западного видеокарта. 02.04.03 – 17.04.03.

«Девушка моей мечты» (Иваново). 12.03.03 – 03.04.03.

«Плотина» (Киров). К вопросу о возвращении г. Кирову старого названия – Вятка. 01.09.03 – 18.09.03.

«Игрушечная революция» (Киров). К вопросу о развитии деревянной игрушки в Вятке в 1920–1930-х гг. 01.09.03 –18.09.03.

«Парапромыслы» (Нижний Новгород). 06.09.03 – 27.09.03.

«Лица Волги» (Нижний Новгород). Фотовыставка. 30.09.03–11.10.03.

«Недетские игры» (Ульяновск). 14.10.03 – 26.10.03.

«9 месяцев чувств» (Самара). Фотовыставка. 14.10.03 – 26.10.03.

Итак, Чебоксары стали третьей культурной столицей Поволжья. Организаторы – Лаборатории актуального искусства России, Государственный центр современного искусства (Нижний Новгород), центр современного искусства «Кариатида» (Нижний Новгород) при поддержке фонда Форда, Немецкого культурного центра им. Гете, Нижегородского регионального общественного фонда «Открытый регион» и фонда «Культурная столица» осуществили широкую программу по представлению разных направлений современного искусства. Они были восприняты с интересом, но многие экспозиции вызвали активное их неприятие, как нечто антихудожественное (это касается прежде всего видеоискусства). Однако попробуем рассмотреть их внимательнее.

Первым мероприятием «Культурной столицы» стала лекция директора Музея прикладного искусства (Вена) Петера Невера с показом фильма о жизни и методах работы этого музея. Он произвел неизгладимое впечатление фантастическими (по нашим меркам) художественными идеями и воплощением их на современном технологическом уровне, когда объектом становится все пространство музея. С этим пространством работают всемирно известные архитекторы и художники из многих стран. Согласно концепции выставки, это пространство не только меняется благодаря трансформирующимся стендам, но может быть заполнено любым материалом и превратиться, например, в исторический ландшафт с фантастической пирамидой или местом для работы мастеров прикладного искусства. Знакомство с работой современного европейского музея вызывает зависть, поскольку сюда вкладываются большие средства не только государством. Музей этот совершенно иной формации, нежели наши (даже современного искусства). Конечно, и классический музей, по типу которого традиционно живут российские художественные музеи, выработал свою эстетику и имеет много положительных наработок. Но они, к сожалению, не имеют места в практике местного музея, который отличается низким уровнем научной работы и своими выставками, чаще всего не вызывающими интереса у местной публики, а потому проходящими традиционно в пустых залах.

Начало выставочной деятельности в рамках программы «Культурная столица» было положено выставкой с вызывающим названием «Давай!», показанной в Берлине, Вене и затем, в сокращенном варианте, в Чебоксарах. Составлена она была из произведений 27 российских авторов. Собственно изобразительного искусства в

традиционном понимании здесь не было. Кураторы выставки представили молодое поколение художников, выросших в 1990-х гг. без «цензуры и государственной опеки», работающих главным образом в жанре документального видеофильма или «самоинсценировки», а также зафиксированных на видео и фото инсталляций и творческих актов. Кураторы также отметили, что представлены «две основные тенденции современного искусства». Это искусство, во-первых, «очень социально», во-вторых, «основано на активном формировании новых радикальных стратегий», то есть «бытие художника как своего рода “действия в обществе”». Все это названо актуальным искусством. С тем, что это основные тенденции, можно поспорить. С тем, что «социально направленное», можно и согласиться. Но оно существует на грани художественности и антихудожественности. Может быть, это особая форма протеста? Однако во времена андеграунда 1960-х протест воспринимался как проявление личности и яркой индивидуальности. Сегодня, когда позволено все, все эти акции превращения гипсовой Венеры в черный куб кажутся следствием творческой несостоятельности, праздником пошлости. В принципе, это даже раздражает, потому что не ново. Почти 100 лет, как «случился» в искусстве писсуар-фонтан М. Дюшана. Сегодня он имеет продолжение лишь на новом технологическом уровне. Но в программе тот же антиэстетизм и абсурдизм. С другой стороны (и надо с этим согласиться), представленные на выставке объекты демонстрируют совершенно конкретные, социальные идеи и сугубо реальные события, выражающие происходящее в современном мире тотальное разрушение изобразительного искусства. Художники живут в ситуации новых проблем, конфликтов и нового видения мира, где торжествуют прагматизм и техницизм.

Многих посетителей выставки шокировали новые формы современного искусства: выставка не представила почти ничего из традиционной живописи и графики. Явилось полное разрушение представлений о пространственном изобразительном искусстве. Ряд видеофильмов, запечатлевших разного рода «хэппенинги», демонстрировал абсурдные во многом действия или реальные действия, доведенные до абсурда. Проблема не в том, что в Чебоксарах была показана эта выставка (они должны быть обязательно), а в низком культурном уровне даже той публики, которая более-менее причастна к искусству. Ведь практически никто из тех мальчиков и девочек с ХГФ или факультета дизайна ЧГУ, пришедших на выставку «Давай!», никогда не был в Художественной галерее или на выставке Анатолия Миттова. Поэтому вопрос об адекватном понимании «современного» искусства отпадает.

Вообще-то, выставка «Davaj!» была организована для показа нового радикального искусства России за рубежом. После шумного успеха ее решили показать и в России, и в Чувашии, столица которой как раз стала и культурной столицей региона. Руководствовались и идеей продвижения актуального искусства в провинцию, жители которой больших подобных выставок не видели. Сами организаторы выставки, как зарубежные, так и российский куратор Л. Сапрыкина из Нижегородского государственного центра современного искусства, понимали, что экспозицию необходимо адаптировать к российской ситуации. Если в Берлине перед входом на выставку «Davaj!» красовался плакат с голыми, извините, ягодицами художников группы «Синие носы», то в Чебоксарах художник из той же группы уже играет роль простого русского мужика в шапке-ушанке, разговаривающего по мобильному телефону.

Важно отметить, что авторы включили в экспозицию работы не столько столичных, сколько региональных художников, объездив при подготовке выставки почти всю страну, от Калининграда до Владивостока. По этому поводу Петер Невер говорит: «Я очень рад, что выставка не в Москве, ведь это отвечает основной идее “Davaj!” – не фокусироваться на российских центрах... Поездка в Чебоксары – это, скорее, опыт лабораторного исследования ситуации, когда происходит нормальный обмен опытом между людьми».

По большому счету, если не касаться чисто художественных и эстетических проблем, выставка «Давай!» явилась групповым портретом современной России, богато населенной всяческими колоритными персонажами. Разницы между подлинными и вымышленными героями, так же как и между самими художниками, которые становятся персонажами картин и фильмов, почти нет. Пьяный угар и веселье плясок бесчисленных женихов и невест, заснятых на Воробьевых горах Л. Горловой, фотопортреты деревенских жителей, помогавших Н. Полисскому в возведении его «вавилонской башни» из сена, перформанист из Ижевска М. Веревкин, бегающий по снегу нагишом, с горящим валенком на голове, – все эти сцены становятся занимательным очерком нравов обитателей нашей необъяснимой страны. Однако сколько здесь цинизма!

Из наиболее эпатажных фильмов отметим работы лидеров русского нонконформизма – группы «Синие носы» (Новосибирск). Художники В. Мизин, А. Шабуров, Д. Булныгин, К. Скотников известны далеко за пределами России и давно стали постоянными участниками всех крупных российских и столичных выставок. Взяв темой своих исследований массовое сознание, воспитанное

десятилетиями советской власти, невзыскательность обывателя в искусстве и отсутствие духовных потребностей, они как будто сознательно понизили эстетические критерии искусства и перешли на низкий язык подворотен... На первый взгляд их искусство по сюжетам, образам из реальной жизни, по грубой форме близко к такому направлению, как соц-арт в живописи, но в их видео- и фотокартинках, по сути, момент творческого акта отсутствует начисто.

Не менее известный художник – московский «Митек», участник всех крупных выставок современного искусства в Европе Николай Полисский, работающий часто с Константином Батынковым, был представлен своей знаменитой «Башней» из сена, зафиксированной в виде видеофильма. Он представляет новое искусство, по грандиозности сопоставимое с акциями послереволюционного времени начала XX в. Идея вовлечь в творческий процесс народные массы была осуществлена им не раз в деревне Николо-Ленивцы Калужской области. Около 100 ее жителей стали соавторами художника в создании «вавилонских башен» не только из сена, но и лозы, дров, снега. В финале фильма мы видим осуществленную мечту всех социалистов-утопистов, когда объединенные единой идеей крестьяне воздвигают свою башню, затем веселятся, поют старинные песни и сжигают ее, чтобы снова остаться с мечтой, которую надо воплотить в жизнь.

Таково сегодняшнее искусство – убеждали нас организаторы, не учитывая того, что не все так просто в этом мире. Точно так же многие художники, приверженцы реалистических традиций, посетившие выставку, утверждали обратное – это не искусство. Крайние суждения редко отвечают истине. Нам только хотелось, чтобы столь яркое событие, как проект «Культурная столица Поволжья», подразумевал интерес к жизни хозяев города, не исключая из программы не менее яркий пласт искусства регионов России. С другой стороны, включились же активно со своими проектами другие города, например Ульяновск и особенно Киров. В чем проблема?

Другие выставки не были столь вызывающими и дали возможность увидеть видеоарт Западной Европы. Проект «В сторону экрана» представил современный западный видеоарт и показал, что понятия красоты и гармонии не исключены из современного искусства.

Были представлены фильмы известных в Европе художников – Бьорна Мельхуса (Германия – «Без солнечного света»), Яна Тоомика (Эстония – «Отец и сын»), Йонатана Винитски (Израиль – «Я покидаю тебя»), Соо Я Ким (Корея – «Города в движении»), Анны Катрин Дольвен (Норвегия – «Зрелость», «На-

тюрморт»), Дэвида Вайса и Питера Фишли (Швейцария – «Ход вещей»), Билла Виолы («Избранные работы»), Аннализы Штрба (Швейцария – «Ан») и Мачея Топоровича (Польша – «Одержимость»). Все авторы – участники многих персональных и групповых показов по всему миру, создатели оригинальных выставочных проектов. В их работах уделяется особое внимание проблеме человеческих взаимоотношений (перфомансы Яна Тоомика «Отец и сын», Йонатана Винитски «I love you» и др.).

Идею общения и свободного высказывания между людьми разной истории и культуры воплотила художница Соо Я Ким («Города в движении»). Фильм представляет долгое, однообразное, казалось бы, путешествие по дорогам Кореи в повозке, груженной узлами, связанными из национальной одежды людей разных стран мира. Но перед глазами открываются все новые и новые панорамные пейзажи, и смысл избранного сюжета открывается именно через них.

Особенно сильное впечатление произвел завораживающий красотой фильм талантливой швейцарской художницы А. Штрба. В своей работе «Ан» она сравнивает с эмоциональной точки зрения два мегаполиса: Париж и Нью-Йорк. Камера плавно едет мимо небоскребов Нью-Йорка ранним утром и скользит по вечернему Парижу. Благодаря этим приемам формируется непередаваемое впечатление «ускользающей красоты» таких непохожих городов.

Городу посвящена видеоинсталляция польского художника Мачея Топоровича «Obsession», где он объединяет в единое целое элегантные эмблемы марки американца Кельвина Кляйна – «Вечность», «Навязчивая идея», «Спасение» – с фотографией, скульптурой и архитектурой нацистской Германии и деталями установок для сжигания отходов. Он находит связь между немецкой культурой 1930-х и американской коммерческой эстетикой 1990-х. Ряд видеоизображений выстраивает отношение почти идеальных образов людей нашего времени к сверхчеловеческим идеалам фашизма.

Выставка «Лица Волги» была составлена в результате экспедиций авторов-фотографов «по великой русской реке», на берегах которой живут и другие народы. Групповой портрет пяти народов Поволжья оказался очень выразительным. На больших фотографиях, как на экране, возникают крупным планом лица представителей пяти уникальных народов – чувашей, мордвы, марийцев, татар, удмуртов, которые живут в соседстве веками. Авторы – С. Братков (Харьков – Москва), В. Буйвид (Санкт-Петербург – Москва), С. Леонтьев (Москва), В. Стигнеев (Москва), С. Яворский (Нижний Новгород) – с помощью фотокамеры провели исследо-

вание этнического разнообразия и социокультурных особенностей населения этих волжских территорий. Выставка «Лица Волги» отличалась особым профессионализмом выполнения и философичностью. Каждый портрет был сделан не ради портрета. Он представал как некий символ, знак своего народа. Особый эффект давали размеры фотографий, когда изображение превосходило натуральную величину в 2–3 раза.

Выставка «Недетские игры» представляла социально-культурный проект Ульяновского областного музея народного творчества. Она затронула проблемы гуманизации общества. Только в Ульяновской области в заключении находятся 12 тыс. человек, более половины из них – молодежь от 14 до 35 лет. Криминальный путь – это почти всегда результат проблем больного общества. Нам кажется, что это был один из самых актуальных и серьезных проектов. Эта неизученная маргинальная тюремная культура рассматривалась с эстетической точки зрения. Были представлены изделия из хлеба, раскрашенные часто обыкновенной пастой, которые можно определить как «примитив» или «кич». Выполнены они по мотивам сказок, мультфильмов, приключенческих и романтических сюжетов. Раньше изготовление таких изделий было запрещено системой. На выставке представлены также профессиональные фотоработы известного мастера В. Щеколдина. На протяжении не одного десятилетия он снимает жизнь заключенных в Мордовии, Татарии, на Дальнем Востоке и др. Они дают сильное впечатление. Осужденные как будто неосознанно открывают перед нами душу... В этих «недоигранных играх» – ностальгия по дому, мечты о неслучившемся. Болью отзывается та наивность, которую не ожидаешь в этих людях за решеткой. Авторы проекта пытались «изменить привычный, часто безапелляционный, агрессивный взгляд на личность заключенных».

«9 месяцев чувств» – социохудожественный проект, представленный Самарским центром современного искусства. Авторы проекта Н. и Р. Коржовы посвятили выставку женщине – будущей матери и попытались донести все богатство новых ощущений.

Выставка «Парапромыслы» наиболее полно выявила, как кажется, тенденции концептуального искусства начала XXI в. Не столь объемная, как «Давай!», она обратилась к народным промыслам (это органично для Нижегородской земли) и точно определила их новый уровень бытования. Цель выставки – возвращение художественных промыслов в современный мир и попытка соединения современного пластического языка с элементами традиционных произведений. Как яркое произведение запомнился объект «Снежный человек», сделанный по тому же принципу, каким пользуется мастерица, создающая лоскутные или вязаные

ковры. Старая одежда: мамина блузка, бабушкин платок, собственная детская рубашонка или семейная скатерть, доставшаяся от прабабушки и послужившая не одно десятилетие, – все это, соединенное вязальным крючком в новое творение (комбинезон), новое произведение искусства, становится символом, связующим поколения.

Наиболее традиционной по форме была выставка «Девушка моей мечты» Ивановского областного музея. Авторы выступили с ясной и красивой концепцией, им удалось соединить артефакты разного уровня для создания удивительной атмосферы энтузиазма, когда советским народом двигала мечта о светлом будущем. Ясно, что время огульного отрицания всего советского безвозвратно ушло. Подобная концепция лежала и в основе выставки «Красота и сила спорта!», организованная чебоксарцами в Выставочном зале музея. Она включила произведения изобразительного искусства и фотографии из коллекций Художественного и Национального музеев и фирмы «РИАН-фото».

Интересны две выставки, осуществленные музеями г. Кирова в рамках «Культурной столицы». На них посетители становились активными участниками. Так, на «Игрушечной революции» развернулась в экспонатах целая история развития деревянной вятской игрушки, были кинематические объекты, в том числе «Кугельбан». На них можно было играть – «трогать руками», что в музейных залах случается редко. На выставке «Плотина» было организовано веселое голосование по поводу возвращения г. Кирову старого названия – Вятка.

Таким образом, «Культурная столица» дала разнообразный, хотя несколько и однобокий материал, где собственно традиционным видам искусства – живописи, станковой графике и скульптуре – места почти не было. Преобладали артефакты, фотография и видеоискусство.

Из выставок, организованных вне рамок «Культурной столицы» в 2003 г., также хочется отметить некоторые. Необычным решением отличилась выставка «Красота и сила спорта», приуроченная к открытию Пятого Кубка Европы по спортивной ходьбе. Был показан спорт в изобразительном искусстве и фотографии. Поражало разнообразие материалов и техники исполнения: масло, гуашь, темпера, карандаш, сангина, тушь; скульптура в бронзе, мраморе, шамоте, алюминии и др. Наиболее ранние работы относились к началу XX в.: бронзовая скульптура Леура Кайта «Стрелок» (1903), картина А.Н. Комарова «На ипподроме» (1912). Стержнем выставки стали произведения известных чувашских художников Ю.А. Зайцева, Н.К. Сверчкова, М.С. Спиридонова, И.В. Дмитриева, А.М. Тагаева-Сурбана, Э.М. Юрьева, П.Г. Гри-

горьева-Савушкина, М.Ф. Харитонова, В.П. Черепанова, Ю.И. Ксенофонтова, О.И. Филиппова, А.В. и Л.М. Акцыновых, Р.Ф. Федорова. Вошли также работы российских мастеров ленинградской и московской школ из фондов Художественного музея. В разделе фотоискусства были представлены ведущие фотожурналисты ЧР В. Железняков и С. Игнатьев, спортсмены-фотомастера – президент Федерации параглайдинга В. Тимофеев, многократный чемпион ЧР по плаванию П. Коваленко. Но она объединила не только произведения живописи, графики и фотографии, но и реальные предметы – кубки, грамоты, медали и спортивные принадлежности известных спортсменов, что очень обогатило экспозицию. Без преувеличения можно сказать, что это была первая в республике выставка, посвященная большому спорту.

Как всегда, была интересна новыми и уже знакомыми произведениями выставка народного художника ЧР Раисы Фоминичны Терюкаловой. Она принадлежит уже к тем художникам, которые представляют художественное содержание и уровень культуры XX в. и несут ответственность за это. В собрании Художественного музея находятся 24 ее произведения. Из них – 5 гобеленов. Богато одаренная и талантом, и терпением, и страстью к работе, она успела сделать очень много. С ее именем связано появление в республике авторского гобелена, батика. В живописи она также нашла свой язык, создала свою иконографию. Она представляет свое время, но, как каждый яркий художник, стоит выше общего своей индивидуальностью.

Запомнилась персональная выставка Юрия Ювенальевича Ювенальева, посвященная его 55-летию и приуроченная к изданию одноименного альбома «Пейзажи деревни Аслы-Ялы». Выставка включила в себя 72 живописных произведения разного времени. Художника отличает постоянство темы: она у него одна – родная земля и родная деревня Аслы-Ялы. Мотивов также немного: безлюдная протяженность деревенской улицы, уголок родного двора или старая ветла у дома. Они переходят из картины в картину и звучат как новые вариации одной неисчерпаемой мелодии. Живописная манера его ярка и легко узнаваема. Сформировались своя техника письма и колорит. Оставаясь в пределах тональной живописи, художник предельно насыщает пространство светом. Свет и воздух у Ювенальева всегда выступают в роли главного организатора пространства картины. Особенно часто художник пишет полюбившееся ему вечернее предзакатное освещение, где лучи солнца мягки, но еще достаточно сильны, чтобы выстроить композицию. Родной дом у художника всегда символизирует тот порядок и строй, который отражает мировую гармонию.

Живописец Константин Долгашев впервые показал на персональной выставке столь значительное количество своих произведений – почти триста пейзажей, портретов и натюрмортов. Они, как всегда, отличались крепкой постановкой и убедительной реалистической школой.

Небольшая выставка-размышление «Стерео» включила 22 графические работы Александра Насекина и Владимира Рытина. Два графика, совершенно разные по манере, но объединенные одной идеей. Замысел выставки – в ее названии. Стерео – одновременное звучание двух творческих сердец. Основная тема – отношения между людьми, с самим собой, одиночество. Листы-размышления, листы-настроения, камерные, тонкие по душевному состоянию.

Из молодых художников наиболее интересно и активно работают Елена Никифорова и Евгений Поляков, демонстрируя молодое профессиональное искусство Чувашии. Они молоды, но уже хорошо известны чебоксарским зрителям своими многочисленными и яркими экспозициями в Центре современного искусства. Представленные на выставке «Рыжее лето» их живописные полотна блистают жизнелюбивой, радостной энергией, смелой маэстрией мазков и потоками цвета и света. Это очень талантливые, с большим будущим живописцы, имеющие за плечами академическую выучку в Красноярском художественном институте и живущие сейчас в Шумерле.

Выставка «Цветущий край» была посвящена Дню Республики. Организованная Союзом художников республики, она включила не только около 100 работ чувашских художников, объединенных одной задачей – показать красоту Чувашского края, но и экспозицию фотографий, представленную фирмой «РИАН-фото». Ее участниками стали многие художники – К.В. Владимиров, Н.П. Карачарсков, А.В. Данилов, А.А. Силов, Е.М. Есин, В.В. Абрамов, Е. Никифорова, Е. Поляков, В.В. Мытиков, Ю.А. Милославский, Н.В. Сыромятникова, Б. Чачев и многие другие. В составе выставки «Цветущий край» была представлена фотовыставка «Чебоксары – Париж» известного фотохудожника, лауреата международных, всероссийских, республиканских выставок и конкурсов, руководителя фотоклуба «Квант» ЧГУ Б. Михайлова.

Активное вхождение фотографии в культурную жизнь обусловлено новыми достижениями в области техники. Все выставки, начиная с экспозиции «Старые Чебоксары» В. Алмазкина на выставке «Свет преображения» до самостоятельных авторских, персональных выставок, можно сказать, стали полноправно существовать в выставочных залах наравне с художественными. Самой оригинальной стала фотовыставка «Взгляд на культурные сто-

лицы Приволжского федерального округа с высоты птичьего полета», представленная Валерием Тимофеевым – президентом Федерации сверхлегкой авиации. Технические возможности современных фотохудожников возросли в разы. Мотопараплан – летательный аппарат, который позволил ему создать фотографии с видами разных городов – Чебоксар, Нижнего Новгорода, Кирова, Ульяновска, а также сельские ландшафты.

Серьезным актом стала фотовыставка, представляющая работы 1920–1940-х гг. корреспондентов ТАСС. Снимки были напечатаны с оригинальных негативов. Поэтому хочется поспорить с кураторами выставки «Давай!» по поводу социальной направленности ее участников. «Социально направленным» кажется искусство именно фотографов и экспозиционеров подобных выставок, а не акты самовыражения художников, бесконечно демонстрирующих свое обнаженное тело.

Из экспозиций старого искусства необходимо выделить экспозицию «на балконе» – «Особый мир М. Аксельрода», представленный живописью, графикой, эскизами костюмов и декораций из фондов Художественного музея (18 экспонатов). Аксельрод Меер (Марк) Моисеевич (1902–1970) учился у таких учителей, как В. Фаворский, И. Машков, Р. Фальк, А. Архипов, П. Кончаловский, А. Шевченко, но всегда придерживался собственной концепции и сторонился всевозможных измов. Поэтому надо отметить своеобразие и тонкость его художественных образов, которые с трудом воспринимались в сложное для искусства время «соцреалистического» метода. Его имя в СССР долгое время было под запретом, а работы растворились в частных коллекциях и запасниках музеев.

«Два века на страже правопорядка» – выставка произведений студии художников им. В.В. Верещагина МВД России (живопись, графика, скульптура, ДПИ), работающей под руководством народного художника России А.А. Бичукова. Важно, что выставка сопровождается буклетом, подготовленным специально для этой выставки. Он освещает тридцатилетнюю историю студии, которой в 1993 г. присвоено имя В. Верещагина. Тематика и жанровая направленность работ художников чрезвычайно разнообразна, хотя преобладают, естественно, произведения, отражающие повседневную деятельность сотрудников милиции. В последние годы коллектив, куда входят известные мастера И.Д. Дмитриев, И.С. Арасланов, В.Ю. Желваков, Ю.В. Жульев и др., приобрел международный авторитет: выставки проходили в Великобритании, Италии, Швеции, Германии, Португалии, Турции, Греции, Франции, США, на Кубе.

Выставочная жизнь 2004 г. была не столь интенсивной, как в предыдущем году, когда Чебоксары были «культурной столицей» Поволжья. Очередные весенне-осенние, посвященные Дню Республики, и несколько персональных прошли достаточно обыденно, однако были и запоминающиеся, очень значительные по масштабу. В начале года состоялась третья персональная выставка А.П. Рыбкина – художника из Санкт-Петербурга, который начиная с 1996 г. стал выставляться в Чебоксарах, с недавних пор и в Новочебоксарске. Выставка, как всегда, стала большим событием в культурном пространстве республики. Она была организована вслед за его персональной выставкой в Санкт-Петербурге, которая прошла под названием «Посвящение великому городу» и приурочена к 300-летию этой величественной «второй столицы» России. Было собрано более 200 его картин – живописных портретов, пейзажей и натюрмортов. Многие из них написаны в отчем доме – деревне Вурманкасы Мариинско-Посадского района, куда Анатолий Петрович приезжает очень часто. С великой любовью пишет он родные овраги и перелески, сад, посаженный руками отца, коврик, связанный руками матери. «Он чувствует материнский дом, – сказал о нем известный петербургский искусствовед А. Раскин, – всматривается в жизнь односельчан, грустя об уходящем, но веря, что человек не позволит исчезнуть деревне – праматери городов». Кстати, в одной из последних картин художник соединил на холсте изображение родного деревенского двора с заснеженными крышами и прозрачно-сумеречных улиц Петербурга. Это дорогие для него места, без которых он себя не мыслит. Одно из центральных мест в экспозиции занял триптих «Сны Петра Великого», который он посвятил Петербургу. Впечатления от поездок по Франции и Индии, Кубе и Русскому Северу также были представлены на его замечательных живописных полотнах.

Оригинальной экспозицией был представлен проект «Параллельные миры» (куратор Г. Исаев), где в едином пространстве соединились символы старого и нового мира. Предметы крестьянского быта и народного искусства стали мерилом вечных ценностей. Рядом с ними, как продолжение традиций, явились произведения современных художников, так или иначе обращающихся к историческому прошлому. Живопись, графика, поэзия, произведения прикладного искусства представили как реалистическое направление, так и авангардное. Как нельзя кстати прозвучали концептуальные холсты художника из Франции Н. Дронникова. Он использует в своих оригинальных работах стихотворные строки Г. Айги, почти иллюстрируя их. Отдельной экспозицией вошла сюда серия фотографий Т.В. Черновой под названием

«Линии». Здесь показана жизнь объекта как некоего сгустка энергии. Поток света, которым художница пользуется, как живописец кистью или ваятель резцом, становится главным выразительным средством в ее работе над серией. Свет «лепит» форму и рисует линию. Цепь преобразований в изображении объекта представляет реальный поток жизни. Реальным кажется пространство, динамичным – движение, быстротечным – время. Объект видоизменяется до неузнаваемости ради создания новой реальности – движения материи в пространстве и потоке времени. Течение жизни не остановлено, а длится вечно, меняясь каждое мгновение. Теплые красные тона также не случайно выбраны художницей. Они осмыслены как символ жизненной энергии.

Игра с реалиями предметного мира – давний и неиссякаемый метод самовыражения Татьяны Черновой. Реальность современного мира многогранна и выходит за рамки визуального и легко объяснимого. Так и искусство все меньше удовлетворяется воспроизведением предметов, их видимых и смысловых взаимоотношений.

Хочется отметить возросший интерес художников к технике акварельной живописи, долгое время не появлявшейся в качестве самостоятельных экспозиций, да и на общих выставках она была редкой гостьей. Ряд выставок в Выставочном зале Художественного музея, Доме архитектора, галерее «Серебряный век» организовала Е.Е. Бургулова. Ее работы отличаются необыкновенной эмоциональностью, прозрачностью и тонким чувством цвета. Заметным явлением стали акварели Н.В. Федорова и М.М. Гаврилова, сосредоточивших свое внимание на жанре городского пейзажа. Они великолепно владеют этой непростой техникой, которая не дает художнику права на ошибки. Нельзя дважды положить краску на бумагу, чтобы не испортить прозрачный, насыщенный цветом слой. Акварельные работы художников в высшей степени виртуозны. Он знают, как сохранить ее звонкую чистоту, что более всего и ценится в акварельной живописи. Каждый из них обрел свое лицо, самостоятельный почерк. В технике акварели работают также В.Г. Милославская, поражающая энергией мазка и звучностью цвета, и И.Г. Наумова, в последнее время отдающая предпочтение батику. Ее выставка, состоявшаяся в Выставочном зале, называлась «Музыка ткани». Она перенесла свое замечательное мастерство акварелиста на более широкие размеры ткани.

Выставки скульптуры у нас чрезвычайно редки. Поэтому экспозиция произведений известного скульптора П.С. Пупина явилась событием, значительным для нашего искусства. Порадовали и количество новых его произведений, и мастерство, каким обладает художник, и мощная концептуальная выстроенность не толь-

ко экспозиции, но, в первую очередь, творческих поисков. Исторические и мифологические мотивы и образы, выполненные, кстати, во многих случаях в материале: бронзе, камне, шамоте – представляют не застывшие символы времени, а очень живые, динамичные композиции. Кроме эскизов монументальных произведений и станковой скульптуры, была показана и мелкая пластика, представленная и историческими образами: профессора Н.В. Никольского и Н.Я. Бичурина. Как характерную особенность современной скульптуры надо отметить отход от современной тематики и большой интерес к прошлому.

В контексте времени прозвучала выставка «Восток – Запад», представившая молодых графиков Санкт-Петербурга и Красноярска. Сотрудник Выставочного зала Е. Кузьминова собирала ее несколько лет. В итоге – чрезвычайно богатая, разнообразная по материалу и технике исполнения экспозиция. Запад представляли выпускники Санкт-Петербургского института им. Репина, Восток – выпускники Красноярского художественного института. Высокий профессионализм и художественное качество графического искусства стали уроком для начинающих художников.

Из ярких, концептуальных выставок можно выделить «Глаза Волги – этнофутуризм и визуальная поэзия», организованную к 70-летнему юбилею народного поэта Чувашии Геннадия Айги, «экстраординарного поэта современного русского авангарда», по определению Романа Якобсона. Творческий вечер был посвящен его книге «Поклон – Пению». Глубинная народная традиция чувашской «круговой песни», которая стала основой его стихосложения, отчасти бытует, по мнению поэта, и у народов мари, удмуртов, мордвы, татар, и у этнических культур Европы, Африки, Азии (рубаи, хокку и т.д.). Ее лаконизм, философичность, афористичность понятны многим народам. Этот язык «этнофутуризма» должен стать объединяющим началом и между художниками, в первую очередь пространства Урало-Поволжского региона. На выставке было достаточно интересных имен и произведений. Среди них хочется выделить новые эксперименты в области самобытного национального живописного языка Г. Фомирякова. В его работах наметилась новая линия, которая соединяет плоскостные формальные решения фигур с попыткой построить светоносное пространство трехмерного мира. Не все можно принять в его решениях, но ожидание выхода на некое гармоничное соединение поисков присутствует.

Вслед за этим живописец А.В. Данилов показал первую, столь обширную в Чебоксарах персональную выставку, приуроченную к 50-летию со дня рождения. Центром экспозиции были впечатляющие эпические пейзажи, посвященные Чувашской земле, на-

тюрморты, которые можно назвать монументальными в силу их живописного языка, лаконичного и сочного. Многие из них уже заняли достойное место в постоянной экспозиции музея.

Состоялась в Чебоксарах и очередная большая выставка группы шумерлинских художников, представившая в залах Художественного музея более 300 работ тридцати ее участников. После Чебоксар это второй город, где активная творческая работа и выставочная деятельность играют значительную роль в культурной жизни республики. Были показаны произведения живописи, графики и прикладного искусства В. Горбунова, В. Курналеева, В. Сапожникова, А. Будникова, В. и Э. Егоровых, В. Мытикова, М. Колчина и др. Произведения живописца и поэта М. Колчина составили отдельную экспозицию, а презентация книги его стихов «Верю, надеюсь, люблю...» состоялась на фоне его живописи.

Завершила год выставка произведений Е.Е. Бургулова (1909–1973), посвященная 95-летию со дня рождения замечательного театрального художника и педагога. В трех небольших залах разместилась экспозиция, достойно представившая старшее поколение мастеров. Его чудные, тонко и трепетно выполненные эскизы декораций к чеховским и тургеневским инсценировкам снова и снова заставляют нас окунуться в атмосферу «дворянских гнезд», восхититься мастерством художника, взращенного русской академической школой.

Целая серия выставок была организована галереей «Серебряный век», что обосновалась в отделе искусств Национальной библиотеки. Это своеобразный клуб любителей искусства, объединивший и профессиональных художников, и любителей. Поднимает статус клуба и его расположение, где информация о новых изданиях по искусству расширяет границы знаний его членов и круг их интересов. Здесь были показаны произведения не только художников, но и мастеров фотографии. В целом они отличались разнообразием и, что отрадно, были всегда посещаемы зрителями.

Из раздробленных эпизодов и впечатлений составляется единая картина поисков и достижений, утрат и приобретений сегодняшнего чувашского искусства. Не просто и его исследователям обрести понимание глубинных перемен в нем и увидеть то прекрасное и уродливое, что соединило оно в своем облике. Оно и сегодня является очень ярким проявителем духовного состояния современного общества, главного стержня художников, переживших очень много со своей страной и республикой. Мастера разных поколений по-своему восприняли и пережили все перемены и отразили их в своем творчестве. Множество направлений и течений в современном искусстве раскрепостило творческую энергию

художников. Эта свобода создает яркую картину современной художественной жизни, она же становится камнем преткновения для многих из них.

Таким образом, можно констатировать значительные изменения в художественной жизни республики даже в последние три года. Наряду с традиционными видами искусства и художниками, придерживающимися старой академической школы, зарождаются новые направления, формируются новые тенденции, появляются молодые имена, яркие личности. Переосмысливаются и переименовываются многие устоявшиеся ценности. Культурное пространство, формировавшееся в течение ста лет, видоизменяется, сохраняя наработанное и обретая широту и новые краски.

Литература и примечания

[1] Выставка А.И. Миттова работала в декабре 2002 и январе 2003 г.

[2] *Исаев Г.Г.* К истории формирования коллекции произведений И.В. Дмитриева в ЧГХМ // Художественный музей и культура: сб. научных трудов. Чебоксары, 2001. С. 48–54. О нем также публикации, изданные под редакцией Г.Г. Исаева: Иван Дмитриев – Эльмек Иванĕ. Воспоминания о прошлой жизни, сохранившиеся в памяти. Ч. 2. Чебоксары, 1999; Иван Дмитриев – Эльмек Иванĕ. Воспоминания о прошлой жизни, сохранившиеся в памяти. Ч. 1. Проза. Стихотворения. Чебоксары, 2000.

[3] *Червонная С.М.* Все наши боги с нами и за нас (Этническая идентичность и этническая мобилизация в современном искусстве народов России). М., 1999. С. 76.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В 2014 г. отдел археологии начал изучение археологических памятников в местах компактного проживания чувашского населения за пределами территории Чувашской Республики. В мае экспедиция ЧГИГН провела исследования на Городищенском городище и селище в Дрожжановском районе Республики Татарстан. Проведены археологические разведки в окрестности с. Городище, вдоль берегов р. Большая Якла. Городище располагалось на северо-западной окраине села, на мысу, образованном небольшой речкой Лакуши, притоком Большой Яклы.

Городище открыто в 1909 г. Г. Ахмаровым. Отмечено, что к тому времени оно уже распахивалось. С южной стороны была заметна двойная система валов и рвов с проездом посередине. Площадь городища была определена примерно в 10 000 кв.м*. В 1949 г. городище обследовано археологической экспедицией КФАН под руководством Н.Ф. Калинина. Собран подъемный материал. Памятник на основании находок был отнесен к X–XIII вв. В 2008 г. городище обследовано археологической экспедицией НЦАИ Института истории АН РТ под руководством М.В. Савицкого. Отмечено, что городище расположено на склоне небольшой долины левого берега р. Большая Якла, в 300 м к западу от северо-западной окраины с. Городище. Вал и ров не просматриваются. Собран подъемный материал. К городищу примыкает селище. Площадь распространения подъемного материала 1500 кв.м**.

---

* Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье / АН СССР, Казан. филиал. Казань, 1985. С. 18. № 48.

** *Савицкий М.В.* Отчет о разведках археологических памятников в Дрожжановском, Буинском районах Республики Татарстан в 2008 г. // Архив Института археологии АН РТ.

В мае 2014 г. нами было обследовано место, отмеченное предыдущими экспедициями. Площадка, где располагалось городище, находится на пологом склоне между рекой Большая Якла (с севера) и оврагом Лакуши (с южной стороны). С восточной стороны проходит асфальтовая дорога. Поле долгие десятилетия распахивается. Отмечено, что на поле повсеместно встречается подъемный материал, в основном фрагменты гончарной керамики. Площадь, где встречается подъемный материал, примерно 300х350 м. Валы и рвы городища не просматриваются.

На месте, где нами отмечена наибольшая концентрация находок, был заложен шурф с целью выяснения сохранности культурного слоя. Стратиграфия шурфа такова: 1) пахотный слой чернозема 20–28 см; 2) слой чернозема 70–75 см; 3) коричневый суглинок (материк). Признаков сохранности культурного слоя не выявлено. Возможно, где-то и сохранились непотревоженные участки культурного слоя в виде ям в материке, но их необходимо искать, охватив памятник большим по площади раскопом.

В первом слое пахоты нами собраны фрагменты керамики и изделия из металла. Также на памятнике были обнаружены фрагменты стенок и рукоятей глиняных гончарных сосудов, изделия из железа – два ножа, ременная пряжка и предметы из бронзы: ременной наконечник с растительным орнаментом, перстень с имитацией вставки из камня (диаметр 19,3 мм), поясная накладка с растительным орнаментом, шаровидные литые бубенчики с гладкой поверхностью (диаметр 14 мм) и др. Отдельно отметим находку, вероятно рукоять ножа (размер по длине 96 мм). В сечении он имеет ланцетовидную форму с выделенным ребром по одному краю и закругленным по другому, расширяющийся затыльник имеет плоское сечение и имитацию двух заклепок. На противоположном конце имеется полое овальное отверстие. На широких сторонах по всей поверхности растительный орнамент, затертый по центру. Судя по комплексу находок, памятник относится к болгарской археологической культуре, его возможно датировать X–XI вв.

В июле 2014 г. были продолжены археологические раскопки на Сендимиркинском грунтовом могильнике в Вурнарском районе. Второй год его изучением занимается совместная экспедиция археологов ЧГИГН, Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева (В.В. Гришаков, О.В. Седышев) и Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (С.Д. Давыдов).

Было изучено 265 кв.м площади памятника к югу от раскопа 2013 г., собрана показательная коллекция керамики с культурного слоя селища, располагавшегося на месте Сендимиркин-

ского могильника. Судя по текстильным отпечаткам на фрагментах сосудов, они могут быть отнесены к раннему железному веку, вероятно к середине – второй половине I тысячелетия до н.э. Несколько ям в раскопе могут быть также связаны с данным слоем.

Исследования 2014 г. позволили обнаружить также объекты, связанные с чувашским святилищем, функционирующим на данном месте в период Нового времени, и уточнить его датировку. Были выявлены четыре округлые ямы, располагавшиеся полукругом ближе к стрелке мыса памятника, с концентрацией нумизматических находок вокруг них, слабовыраженные прослойки кальцинированных костей, а также скопление зубов и фрагментов черепа лошади в юго-восточной бровке. По монетам святилище датируется XVII – началом XIX в.

На могильнике римского времени выявлено 20 новых погребений, изучено 19 из них (всего с 2012 г. – 42 погребения). Могильник датируется II–III вв. и относится к нижнесурской группе протомордовских археологических памятников. Окончательно подтвердилась мысль о рядовой планировке могильника. Ряды вытянуты с СВ на ЮЗ, что соответствует ориентировке мыса, на котором располагается памятник. При этом в центральной части мыса выделяется ряд наиболее крупных и глубоких могильных ям с самым богатым инвентарем. В 2014 г. была выявлена крайняя яма в центральном ряду размерами 452x130x220 см. Интерес представляет, что данные захоронения принадлежали женщинам. Однозначно определяемых как «мужские» погребений пока не обнаружено. Особенностью планиграфии памятника является также то, что плотность расположения могильных ям в центральной части мыса выше, чем по его краям, где есть достаточно большие пространства без погребений. Раскопками в 2014 г. был выявлен ряд украшений новых категорий – как для региона, так и для волжско-финских археологических культур в целом (головные и нагрудные бляхи, височные подвески и др.). Зафиксированы определенные устойчивые сочетания предметов женского костюма, в частности головного убора, дальнейшее исследование которых позволит сделать выводы о традициях данного коллектива. Представляют значительный интерес остатки головного убора на тканой основе (шапочка?) из погребения 34, специальное исследование которого позволит провести его полную реконструкцию. В 2014 г. также было изучено уникальное женское погребение «литейщицы», датированное III в., в комплексе которого были найдены литейная форма и обрезки бронзовых изделий для переплавки. В 2015 г. планируется продолжить исследование этого уникального могильника.

В сентябре 2014 г. были продолжены археологические исследования на Шинерпосинском святилище в Чебоксарском районе. В работе экспедиции принимали участие археологи и историки ЧГИГН и Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (Д.Ю. Ефремова), сотрудники Музея Н. Бичурина (И.В. Удалова).

Это крупнейшее из известных на сегодня археологам святилище и, по предварительным данным, относится к болгарской и древнечувашской археологическим культурам, датируется XII–XIX вв. и является болгаро-чувашским наследием. Археологическими раскопками было изучено подземное культовое сооружение и начато исследование костища. Заложенный на костище раскоп выявил сложную стратиграфию, отражающую несколько этапов развития этого объекта. В основании отмечены ямы или траншеи с углистым заполнением. Для полного понимания хронологии и структуры необходимо продолжить раскопки на святилище. Следует отметить, что, несмотря на все усилия археологов, памятник продолжают грабить «черные копатели».

Н.С. Березина, Н.С. Мясников.

В 2014 г. в ЧГИГН были продолжены мониторинговые социологические исследования по программе «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике», проводимые по заданию Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. Основной целью обследования было изучение основных тенденций и динамики этнокультурного развития, состояния межнациональных и межконфессиональных отношений. В качестве респондентов (604 чел.) были жители городов Чебоксары, Новочебоксарск, Канаш, Козловка, Алатырь, Шумерля, Цивильск, Ядрин и сельских населенных пунктов Алатырского, Батыревского, Вурнарского, Ибресинского, Канашского, Красночетайского, Козловского, Чебоксарского, Шумерлинского и Ядринского районов. Доля горожан составила 59,3 %, жителей сельских населенных пунктов – 47,3 %. На мужчин приходилось 46,4 %, женщин – 53,6 %. Возрастное распределение выглядело следующим образом: 18–29 лет – 21,7 %; 30–59 лет – 55,3 %; 60 лет и более – 23 %. Среди респондентов две трети составляли чуваши (66,3 %), чуть более четверти – русские (26 %), на татар пришлось 3,6 %, на мордву – 1 %, на марийцев – 0,5 %. Следует отметить, что 1,9 % опрошенных на вопрос о своей национальности ответили, что она у них не одна, то есть были такие, кто считал себя одновременно русским и чувашом, чувашом и татарином, чувашом и украинцем. Лиц со сложной этнической идентичностью в выборке оказалось 1,9 %. Кроме того, 0,7 % составили представители других этнических групп (азербайджанцы, узбеки, белорусы и др.). Распределение респондентов по полу, возрасту, этническому составу, типу поселений соответствует данным государственной статистики.

Большинство опрошенных дало положительную оценку межэтническим и межконфессиональным отношениям, отрицательные высказывания являлись единичными. В сфере социальных проблем, которые волнуют население республики, межнациональные и межконфессиональные отношения находятся на последних местах.

Безусловно, это не означает, что в Чувашии нет проблем в данной сфере: около 5 % жителей республики испытывали неудобства или негативное к себе отношение в связи с собственной национальностью, около 1 % – в связи с определенной религиозной принадлежностью. Достаточно серьезной проблемой в республике остается сохранение настороженного отношения к мигрантам.

Полученные данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне общегражданской идентичности у жителей Чувашии. При этом важно отметить, что такие важные формы самоопределения, как региональная идентичность (житель Чувашии) и этническая (чуваш, русский, татарин и др.), не противостоят общегражданской, а сочетаются с ней. Принципиально важно понимание факта, что формирование и укрепление общегражданского единства – «российскости» – могут и должны проходить с сохранением в республике языкового и культурного многообразия.

Обследование подтвердило, что важнейшими элементами культуры и окружающего мира, которые оцениваются населением в качестве важных скреп этнокультурного единства, прежде всего являются родной язык и общая земля, а также национальные обычаи, привычки, обряды и историческая судьба, религия, народное и профессиональное искусство и др. Это те направления для управленческих решений, в результате которых могут и должны поддерживаться национальные традиции народов. Чуть более 40 % опрошенных говорили о том, что в республике существует опасность потери национальной самобытности, с уверенностью заявили об этом около 15 % респондентов. В сфере применения чувашского языка существуют проблемы, в том числе и в чувашских семьях. По данным настоящего опроса, на нем говорят чуть больше половины респондентов, а если язык не сохраняется в семье, то никакие административные меры помочь не смогут.

Около 56 % участников обследования заявили, что религия в той или иной степени важна в их жизни, при этом они остаются приверженцами традиционных устоев и достаточно настороженно относятся к различным течениям и сектам.

По мнению респондентов, путь к укреплению толерантности в обществе лежит прежде всего через такие каналы воздействия, как семья и школа: каждая четверка из десяти опрошенных говорила о важности критики в семье негативных проявлений к людям других национальностей и религий, необходимости работать в этом отношении в учебных заведениях. Важна информационно-пропагандистская работа, строгость закона за негативное отношение к людям других национальностей и религий, а также активность различных общественных организаций.

В следующем исследовании как субъект межэтнических и межконфессиональных отношений рассматривалась студенческая

и учащаяся молодежь Чувашии. Проблемы молодежи составляют одно из важнейших направлений внутренней политики большинства современных государств, в том числе и России, переживающей время глобальных трансформаций. В марте 2014 г. сотрудники ЧГИГН опросили более 700 студентов вузов, а также учащихся учреждений среднего и начального профессионального образования республики.

В ходе этих обследований рассматривались следующие проблемы: выявление основных форм идентичности молодежи (ценностные шкалы юношей и девушек в структуре частных и групповых форм самосознания, гражданские, культурные, этнические и социально-экономические мотивации и установки молодых людей); межэтнические отношения (оценка уровня толерантности и нетерпимости, степени групповой конфликтности, склонности к радикализму; выявление сфер потенциальной межгрупповой напряженности); религиозные отношения (значимость религии в жизни студентов и учащихся, конфессиональная самоидентификация, проблемы межконфессиональной напряженности); социальное самочувствие (оценка перспектив социальной и территориальной мобильности, проблем занятости, социальных ожиданий). Материалы обследования дают основание утверждать о достаточно высоком уровне общероссийской гражданской идентичности у учащейся и студенческой молодежи Чувашии. Такие важные формы идентичности, как этническая и региональная, в различной мере проявляющиеся у молодых людей разных национальностей, не являются «конкурентами» общегосударственной, а органично сочетаются с ней. В повседневной политике важно разъяснять, что формирование и укрепление общегражданского единства происходят с одновременным развитием языкового и культурного многообразия. У молодых людей достаточно высокий уровень готовности быть активными участниками развития страны, чувствовать ответственность за ее благополучие. В то же время следует в большей степени обращать внимание на активное развитие у них такого качества, как понимание своей общности с другими российскими гражданами.

Учащуюся молодежь Чувашии волнуют те же экономические, социальные и политические проблемы, что и все население не только республики, но и России. Среди наиболее острых – чрезмерное употребление молодежью алкоголя и наркотиков. Межэтнические и межконфессиональные отношения не являются для молодежи приоритетными, наоборот, находятся в конце списка волнующих их проблем.

В.Г. Харитонова.

24 октября 2014 г. в Чебоксарах состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Первая мировая война в истории народов Поволжья», организованная Государственным историческим архивом Чувашской Республики и Чувашским государственным институтом гуманитарных наук при поддержке Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела и Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. Конференция работала в Чувашском национальном музее, где в тот же день открылась выставка «Войны Российской империи начала XX века», посвященная Русско-японской и Первой мировой войнам. В работе конференции приняли участие ученые-гуманитарии, преподаватели вузов и средних учебных заведений, краеведы-любители, сотрудники государственных и муниципальных архивов Йошкар-Олы, Казани, Москвы, Нижнего Новгорода, Оренбурга, Московской области, Самары, Саранска, Сызрани, Твери, Тулы, Ульяновска, Чебоксар и др.

На пленарном и трех секционных заседаниях («Регионы России в годы Первой мировой войны», «Чувашский край в годы Первой мировой войны», «Участники и современники Первой мировой войны») был обсужден широкий круг вопросов, касающихся участия регионов страны в Первой мировой войне: об экономическом состоянии и общественно-политической жизни отдельных регионов и местностей, о деятельности благотворительных организаций, положении военнопленных и беженцев, о работе правоохранительных органов, о памятниках народного фольклора и обрядности, биографии участников войны, состав архивных, мемуарных источников и фотодокументов по истории войны и многие другие (более 30 докладов). В работе конференции приняли участие сотрудники ЧГИГН Г.А. Николаев, Ю.В. Гусаров, Е.В. Федотова, Е.В. Сергеева, С.В. Щербаков.

К научному форуму были приурочены презентация сборника документов «Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии», подготовленного Ф.Н. Коз-

ловым, и награждение победителей Чувашского республиканского конкурса научно-исследовательских и краеведческих работ «История в архивных документах». Дипломом лауреата был отмечен и один из составителей сборника документов по истории Отечественной войны 1812 г., ведущий научный сотрудник ЧГИГН Ю.В. Гусаров.

По итогам конференции приняты предложения и рекомендации, направленные на активизацию исследований истории Первой мировой войны и популяризации их результатов.

Конференция завершилась просмотром музыкальной драмы Ф.П. Павлова «Ялта (В деревне)» в Чувашском академическом драматическом театре им К.В. Иванова.

Ю.В. Гусаров.

23–24 октября 2014 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Народное искусство: актуальность, этнокультурное взаимодействие, формы бытия, проблемы развития», организованная Чувашским государственным институтом гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики совместно с Республиканским дворцом культуры и народного творчества Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. Конференция была посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося художника по вышивке, народного художника Чувашии, члена Союза художников СССР Е.И. Ефремовой.

Целью форума являлось изучение, сохранение и популяризация многообразных традиций фольклорной культуры чувашей, стимулирование деятельности и развитие сети фольклорных ансамблей, обобщение и пропаганда практического опыта по комплексному освоению фольклорных традиций в районах и городах как Чувашии, так и регионов с комплексным проживанием чувашей. Предыдущая подробная конференция проводилась в Чувашии в 2007 г. За истекшие годы перед фольклористикой и фольклорным исполнительством встали новые задачи.

В конференции приняли участие музыковеды, искусствоведы, филологи, руководители фольклорных коллективов, работники культуры, преподаватели специальных учебных заведений из городов Чебоксары, Москва, Казань, Саратов, Новосибирск.

В открытии конференции в зале заседаний ЧГИГН приняли участие представители Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики (замминистра Т.В. Казакова) и Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (замминистра С.В. Кудряшов).

В докладе «Актуальность народного искусства в XXI веке» М.Г. Кондратьев (Чебоксары) поставил вопрос о необходимости методологического обеспечения сохранения, поддержки и разви-

тия традиционной народной культуры. Творчеству Е.И. Ефремовой и современной жизни чувашской вышивки посвятила свое выступление И.П. Меньшикова (Чебоксары). С докладом «Народный костюм на современной сцене» выступил А.А. Трофимов (Чебоксары). В.М. Щуров (Москва) на материалах музыкально-этнографической экспедиции Московской консерватории летом 2011 г. продемонстрировал характерно-чувашские и самобытно-русские проявления в музыкальном фольклоре сельских жителей в окрестностях Алатыря.

В выступлениях С.Г. Лаврентьевой (Чебоксары), Л.В. Петуховой (Чебоксары) были затронуты актуальные вопросы современного фольклорного исполнительства. Г.М. Макаров (Казань) и С.В. Федотов (Чебоксары) говорили о вопросах развития исполнительства на традиционных музыкальных инструментах. А.А. Осипов (Чебоксары) осветил музыкально-этнографические элементы чувашской свадьбы. Вопросы современного фольклоризма звучали в сообщениях Л.И. Бушуевой (Чебоксары) («Чувашская народная песня в творчестве современных композиторов») и А.В. Уляндиной (Чебоксары) («Чувашский песенный фольклор в эстрадном жанре»).

В докладах А.П. Кузнецовой (Казань), С.В. Тяхмусовой (Чебоксары), А.Р. Моряшовой (Саратов) освещались особенности отдельных жанров традиционного чувашского фольклора и их бытование в различных районах Чувашии и за ее пределами. Свои наблюдения над отдельными жанрами чувашской народной песни представили фольклористы-филологи О.Н. Терентьева (Чебоксары), Е.В. Федотова (Чебоксары), Т.И. Семенова (Чебоксары).

Второй день конференции был посвящен знакомству с практикой современных фольклорных исполнителей. Участники конференции стали слушателями мастер-классов руководителей коллективов. Их провели Л.И. Сарварова (Казань) («Песенные традиции Волго-Уральского региона в репертуаре фольклорного ансамбля Казанской государственной консерватории (академии) им. Н.Г. Жиганова»), А.А. Щетинина (Чебоксары) («Хороводные и игровые песни в репертуаре детского фольклорного ансамбля “Сывлăм” ДК «Акация» г. Чебоксары»), Н.П. Федотова (Шемурша) («Молодежный обряд «улах сăри» в репертуаре народного фольклорного ансамбля “Аххаяс” Шемуршинского района»).

В рамках конференции в залах Чувашского государственного художественного музея состоялось открытие выставки народного художника Чувашии, члена Союза художников СССР Е.И. Ефремовой. Экспозицию выставки представила искусствовед Л.В. Семечкина.

По итогам состоявшегося обсуждения принята следующая резолюция:

1. Чувашскому государственному институту гуманитарных наук совместно с Республиканским дворцом культуры и народного творчества:

– в 2015 г. выпустить сборник материалов конференции (составление и редактирование – ЧГИГН, финансирование издания – РДКНТ).

2. Республиканскому дворцу культуры и народного творчества в контакте с научными и образовательными учреждениями:

– обеспечить дальнейшее изучение, сохранение и преемственность традиций народной культуры;

– активизировать работу по приобщению молодежи к истокам народных традиций, отечественному духовному и культурному наследию;

– стимулировать развитие интереса детей и подростков к освоению ценностей, норм и технологий народной культуры, вовлечение их в этнокультурное творчество;

– развивать на базе детских школ искусств отделения традиционной народной культуры с образовательными программами вокального и инструментального исполнительства, различных видов ДПИ;

– открыть во всех музыкальных школах г. Чебоксары фольклорные отделения.

3. Чебоксарскому музыкальному училищу им. Ф.П. Павлова:

– ввести в учебную программу отделений «Сольное хоровое народное пение» обучение игре на чувашских музыкальных инструментах;

– изыскать финансовые средства для организации системной экспедиционной работы по записи образцов песенного и танцевального фольклора с целью последующей публикации материала.

4. Силами преподавателей отделения народного пения Чебоксарского музыкального училища им. Ф.П. Павлова совместно с Республиканским дворцом культуры и народного творчества:

– в 2015–2016 гг. подготовить и издать сборник календарных песен с названием «Юрлар-ха юррине»;

– в связи с тем, что подготовка руководителей фольклорных коллективов затрудняется почти полным отсутствием обобщений уже накопленного теоретического и практического опыта в освоении чувашской манеры пения, в 2016–2017 гг. издать учебно-методическое пособие под названием «Традиционная песенность чувашей и методика работы с народным голосом».

5. Чувашскому республиканскому училищу культуры ввести в учебную программу хореографического отделения изучение местных вариантов чувашских традиционных танцев.

6. Силами преподавателей отделения театрально-декорационного искусства Чебоксарского художественного училища с привлечением профессиональных искусствоведов в 2015—2017 гг. организовать написание учебно-методического пособия «Чувашский народный костюм на сцене: традиции и современная практика».

М.Г. Кондратьев.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....3

ИСТОРИЯ.....5

Григорьев Е.М. Гуннская проблема и вопрос о культурных параллелях сюнну, гуннов и предков чувашей: историографический аспект. Часть 2.....5

Басманцев Д.В. Воеводское судопроизводство на территории Чувашии в 1727–1781 годах.....28

Приложение 1.....49

Приложение 2.....50

ЭТНОЛОГИЯ.....55

Сергеева Е.В. К изучению проблем этноэкологии в Чувашии.....55

Приложение.....78

Сергеева Е.В. Культура питания народов Поволжья: опыт сравнительно-сопоставительной характеристики.....81

ЯЗЫКОЗНАНИЕ 111

Доброва Н.В. Сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельственными.....111

Губанов А.Р. Национальный корпус чувашского языка: создание лексического поисковика в системе Java.....130

Губанов А.Р. Морфологический стандарт для систем автоматической обработки текстов на чувашском языке и архитектура грамматического словаря.....146

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....162

Никифорова В.В. Федор Павлов как феномен чувашской культуры.... 162

Софронова И.В. Наследие народного поэта Н.И. Шелеби..... 178

Софронова И.В. Вопросы литературоведения в творчестве Моисея Фёдорова.....193

СОЦИОЛОГИЯ.....*202*

Алос-и-Фонт Э. Языки общения в семьях молодых чувашей (по результатам интервью с молодыми родителями).....*202*

Иванова Н.М. Проблемы девиантного поведения современной молодежи в Чувашской Республике..... *233*

Иванова Н.М. Молодежь Чувашской Республики в 1991–2004 годах (опыт и перспективы социологического изучения)..... *251*

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ.....*267*

Мордвинова А.И. Обзор художественных выставок 2002–2004 годов....*267*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....*288*

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научное издание

ЧĂВАШ ХАЛĂХ ИСТОРИЙЕ КУЛЬТУРИН ÇИВĔЧ ЫЙТĂВĔСЕМ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

3-мĕш кăларăм **Выпуск 3**

Составитель
Ильина *Надежда Геннадьевна*

Редактор ***Т.Н. Таймасова***
Художественный редактор ***А.А. Трофимов***
Корректор ***Г.И. Алимасова***
Оригинал-макет ***Н.И. Никифоровой***

Подписано в печать 29.10.2015. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Гарнитура типа TimesET. Усл.печ.л.19,02 а.л.
Тираж 100 экз. Заказ №16.

Отпечатано в РИО Чувашского государственного
института гуманитарных наук
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/I